МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

ISSN 2409-1030

Выпуск № 3 / 2020

Выходит 4 раза в год

Ставрополь
2020

Учредитель
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Северо-Кавказский федеральный университет»

Главный редактор
И. В. Крючков – доктор исторических наук, профессор

Заместитель главного редактора
Д. А. Смирнов – доктор юридических наук, профессор

Ответственный секретарь
К. Р. Амбарцумян – кандидат исторических наук

Редакционный совет

Исмаил Тогрул Рафик оглы – д-р ист. наук, д-р экон. наук, профессор (Турция); **Карасик В. И.** – д-р филол. наук, профессор; **Крюссман Т.** – д-р юрид. наук, профессор (Австрия); **Крючков И. В.** – д-р ист. наук, профессор; **Мамонов В. В.** – д-р юрид. наук, профессор; **Мелконян А. А.** – д-р ист. наук, академик НАН Республики Армения; **Мюллер В.** – д-р ист. наук, профессор; **Репина Л. П.** – д-р ист. наук, член-корреспондент РАН; **Саваи Ф.** – д-р ист. наук, профессор (Венгрия); **Смирнов Д. А.** – д-р юрид. наук, профессор; **Фролов Д. Д.** – д-р соц.-полит. наук, научный сотрудник Национального Архива Финляндии.

Редакционная коллегия

Апрыщенко В. Ю. – д-р ист. наук, профессор; **Аникин С. Б.** – д-р юрид. наук, профессор; **Анисимов А. П.** – д-р юрид. наук, профессор; **Бакаева О. Ю.** – д-р юрид. наук, профессор; **Беликов А. П.** – д-р ист. наук, доцент; **Бредихин С. Н.** – д-р филол. наук, профессор; **Булыгина Т. А.** – д-р ист. наук, профессор; **Гладышев А. В.** – д-р ист. наук, профессор; **Грушевская Т. М.** – д-р филол. наук, профессор; **Гусаренко С. В.** – д-р филол. наук, профессор; **Демченко Т. И.** – д-р юрид. наук, доцент; **Дроздова А. М.** – д-р юрид. наук, профессор; **Мирошниченко Н. В.** – д-р юрид. наук, профессор; **Клюковская И. Н.** – д-р юрид. наук, профессор; **Клычников Ю. Ю.** – д-р ист. наук, профессор; **Колесникова М. Е.** – д-р ист. наук, профессор; **Краснова И. А.** – д-р ист. наук, профессор; **Ласкова М. В.** – д-р филол. наук, профессор; **Маловичко С. И.** – д-р ист. наук, профессор; **Манаенко Г. Н.** – д-р филол. наук, профессор; **Мехди Хоссейни Тагиабад** – директор Института Кавказских исследований Тегеранского университета (Иран); **Мухачёв И. В.** – д-р юрид. наук, профессор; **Навасардова Э. С.** – д-р юрид. наук, профессор; **Позднышев А. Н.** – д-р юрид. наук, профессор; **Попов В. В.** – д-р юрид. наук, профессор; **Рыженков А. Я.** – д-р юрид. наук, профессор; **Серебрякова С. В.** – д-р филол. наук, профессор; **Сумской Д. А.** – д-р юрид. наук, профессор; **Ходус В. П.** – д-р филол. наук, профессор; **Цихорацкий Петр** – профессор Вроцлаского университета (Польша); **Цыбенко В. В.** – канд. ист. наук, доцент; **Чичман Ласло** – д-р полит. наук, профессор Будапештского университета «Корвинус» (Венгрия); **Шаронов С. А.** – д-р юрид наук, профессор; **Шварц Искра** – д-р филос. наук, профессор Венского университета (Австрия); **Шебзухова Т. А.** – д-р ист. наук, профессор; **Шевчук С. С.** – д-р юрид. наук, профессор; **Шибкова О. С.** – д-р филол. наук, профессор; **Щербакова Л. М.** – д-р юрид. наук, профессор; **Яценко Т. С.** – д-р юрид. наук, доцент.

Научный журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-59452 от 22 сентября 2014 г.

Индекс 94078 «Объединенный каталог. ПРЕССА РОССИИ. Газеты и журналы»

Входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Адрес редакции и издателя:
355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1
Телефон: (8652) 75-28-64
ISSN 2409-1030

© ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», 2020

HUMANITIES AND LAW STUDIES
Scientific bulletin

Founder
Federal State Autonomous Educational Institution for Higher Education
«North-Caucasus Federal University»

Editor-in-Chief
Kryuchkov I. V. – Doctor of History, Professor

Vice Editor-in-Chief
Smirnov D. A. – Doctor of Law, Professor

Executive editor
Ambartsumyan K. R. – PhD in History

Editorial Council

Ismail Togrul – Doctor of History, Doctor of Economics, Professor (Turkey); **Karasik V. I.** – Doctor of Philology, Professor; **Krüssmann T.** – Doctor of Law, Professor (Austria); **Kryuchkov I. V.** – Doctor of History, Professor; **Mamonov V. V.** – Doctor of Law, Professor; **Melkonyan A. A.** – Doctor of History, academician of National Academy of Sciences of Armenia; **Repina L. P.** – Doctor of History, corresponding member of the Russian Academy of Sciences; **Szávai F.** – Doctor of History, Professor of Kaposvár University (Hungary); **Smirnov D. A.** – Doctor of Law, Professor; **Frolov D. D.** – Doctor of Social and political Sciences, scientific officer of the National Archives of Finland.

Editorial Board

Apryschenko V. Yu. – Doctor of History, Professor; **Anikin S. B.** – Doctor of Law, Professor; **Anisimov A. P.** – Doctor of Law, Professor; **Bakaeva O. Yu.** – Doctor of Law, Professor; **Belikov A. P.** – Doctor of History, Associate Professor; **Bredikhin S. N.** – Doctor of Philology, Professor; **Bulygina T. A.** – Doctor of History, Professor; **Gladyshev A. V.** – Doctor of History, Professor; **Grushevskaya T. M.** – Doctor of Philology, Professor; **Gusarenko S. V.** – Doctor of Philology, Professor; **Demchenko T. I.** – Doctor of Law, Associate Professor; **Drozdova A. M.** – Doctor of Law, Professor; **Miroshnichenko N. V.** – Doctor of Law, Professor; **Klyukovskaya I. N.** – Doctor of Law, Professor; **Klychnikov Yu. Yu.** – Doctor of History, Professor; **Kolesnikova M. E.** – Doctor of History, Professor; **Krasnova I. A.** – Doctor of History, Professor; **Laskova M. V.** – Doctor of Philology, professor; **Malovichko S. I.** – Doctor of History, Professor; **Manaenko G. N.** - Doctor of Philology, Professor; **Mukhachev I. V.** – Doctor of Law, Professor; **Hosseini Mehdi** – Head of Caucasus Studies Institute, Tehran University, (Iran) Professor; **Navasardova E. S.** – Doctor of Law, Professor; **Pozdnyshev A. N.** – Doctor of Law, Professor; **Popov V. V.** – Doctor of Law, Professor; **Ryzhenkov A. Ya.** – Doctor of Law, Professor; **Serebriakova S. V.** – Doctor of Philology, Professor; **Hodus V. P.** – Doctor of Philology, Professor; **Sumskoy D.** – Doctor of Law, Professor; **Tsikhoratskii Petr** – Doctor of History, Professor (Poland); **Tsybenko V. V.** – PhD in History, Associate Professor; **Chichman Laslo** – Doctor of Political Sciences, Professor of Budapest University «Corvinus» (Hungary); **Sharonov S. A.** – Doctor of Law, Professor; **Iskra Schwartz** – Doctor of History, Professor (Austria); **Shebzukhova T. A.** – Doctor of History, Professor; **Shevchuk S. S.** – Doctor of Law, Professor; **Shibkova O. S.** – Doctor of Philology, Professor; **Shcherbakova L. M.** – Doctor of Law, Professor; **Yatsenko T. S.** – Doctor of Law, Associate Professor.

The scientific journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, And Mass Media (Roskomnadzor).
Certificate of mass medium registration PI № FS 77-59452 of September 22, 2014.

Postal code 94078 «Unified catalog. PRESS OF RUSSIA. Newspapers and magazines».

The journal is on the List of leading peer-reviewed scientific journals recommended for candidate and doctoral thesis publications.

Address of the editorial office and the publisher:
1, Pushkin Street, Stavropol 355017.
Telephone: +7 (8652) 75-28-64
ISSN 2409-1030

© FSAEI HE “North-Caucasus Federal University”, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Атапин Е. А. Партия «английские демократы» в новейшей истории британского евроскептицизма . . . 6
Бурков С. Б. Археологические памятники эпохи бронзы из округи села Бамут в архивах и научных изданиях. Вопросы историографии . . . 12
Величко Л. Н. Политика итальянского правительства в Закавказье в 1919–1920 гг. и её результаты . . . 22
Гранкин Ю. Ю. Социальное устройство и модели управления в системе горских обществ Северного Кавказа в первой половине XIX века . . . 28
Еремин В. С. Образ русской армии на страницах «The Edinburgh review» в 1802–1818 гг. . . . 36
Ляпин Д. А. Причины «Медного бунта» в Москве 25 июля 1662 г. . . . 51
Мининков Н. А., Мининкова Л. В. Мифы массового сознания как объект исторического исследования . . . 58
Моисеева Е. Н. Проект инженера Ф.-Э. Рудэра создания внутреннего моря в Алжире и Тунисе: как имперские амбиции оказались связанными с практиками освоения имперского пространства . . . 64
Нандор Б., Габор Э. Политика на обломках империи? Политика и социальная организация венгерского национального меньшинства в Великой Румынии . . . 70
Панарина Е. В. Организационные основы и формы работы профсоюзов Кубани и Ставрополья в годы Великой Отечественной войны . . . 89
Семиков М. О. Представления о доблести в среде городского рыцарства Италии конца XIV – начала XV века на примере меморий Якопо Савльвиати . . . 96
Туфанов Е. В. К вопросу функционирования системы партийно-государственного управления в период проведения коллективизации в Северокавказском крае . . . 102
Шафранова О. И., Трофимов М. С. Имперская модель образовательной интеграции для национальных окраин: северокавказская школа во второй половине XIX – начале XX в. . 109

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Анисимов А. П. Экологическое законодательство России, Казахстана и Беларуси: сравнительно-правовой аспект . . . 119
Волков А. А., Бышевский Ю. Ю. Современная криминологическая обстановка в Северо-Кавказском федеральном округе . . . 127
Захарин А. Н., Колесникова К. В. Интеграция правового регулирования рационального природопользования и охраны окружающей среды в законодательстве ЕАЭС: состояние и перспективы . . . 135
Каледин М. Е. Криминализация несовершеннолетнего как следствие многофакторной детерминации – симбиоза микро- и макро- сред . . . 143
Мохов А. Ю. Принцип обеспечения продовольственной безопасности страны в аграрном праве Российской Федерации . . . 152
Соколов А. Ю., Лакаев О. А. Правовое регулирование учёных званий в ФРГ . . . 159
Хижняк В. С. «Зеленая дипломатия» как средство реализации международно-правовой политики в экологической сфере в условиях глобализации . . . 164

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Зубкова Е. Н. Развитие семантики заимствованной номинации «феникс» в русском языке (на материале словарей и текстов) . . . 171
Пиванова Э. В. Вторичная репрезентация исходного текста как индивидуальная когнитивная матрица в переводе . . . 179
Серебрякова С. В., Банман П. П. Лингвоэкспертный анализ перевода мемуарно-автобиографического текста . . . 185
Шатских М. В. Специфика реализации авторских витальных метафор в романе Бориса Пастернака «Доктор Живаго» . . . 193

ЮБИЛЕИ

Колесникова М. Е., Крючков И. В. История как призвание…: к юбилею профессора С. И. Маловичко . . . 199

CONTENTS

HISTORY

Atapin E. The English democrats party in the contemporary history of British Euroscepticism 6
Burkov S. Archaeological monuments of the bronze age from the district of the Bamut village in archives and scientific publications. Questions of historiography 12
Velichko L. The policy of the Italian government in the Transcaucasus in 1919–1920 and its outcomes 22
Grankin Yu. Social structure and management models in the system of mountain societies of the north Caucasus in the first half of the 19th century 28
Eremin V. The image of the Russian army on the pages of the Edinburgh review in 1802–1818 36
Lyapin D. The reasons for the copper riot in Moscow July 25, 1662 51
Mininkov N., Mininkova L. Myths of mass consciousness as an object of historical research 58
Moiseeva E. Project of engineer F.-E. Roudaire on the creation of the inner sea in Algeria and Tunisia: how the imperial ambitions correlated to the practice of conquering imperial space 64
Bárdi N., Egry G. A policy on the ruins of an empire? Political activity and social organization of the Hungarian national minority in greater Romania 70
Panarina E. Organizational bases and forms of work of Kuban and Stavropol trade unions during the Great Patriotic war 89
Semikov M. Concepts of valor in the environment of the urban knighthood of Italy at the end of XIV – early XV century by the example of biography of Jacopo Salviati 96
Tufanov E. On the issue of the functioning of the system of party and state administration during the period of collectivization in the North-Caucasus region 102
Shafranova O., Trofimov M. Imperial model of educational integration for national suburbs: north Caucasian school in the second half of the XIX – early XX century 109

LEGAL SCIENCES

Anisimov A. Environmental legislation of Russia, Kazakhstan and Belarus: comparative legal aspect 119
Volkov A., Byshevsky Yu. Current criminological situation in the North-Caucasus federal district . . . 127
Zakharin A., Kolesnikova K. Integration of legal regulation of rational use of natural resources and environmental protection in the EAEU legislation: current state of things and prospects 135
Kaledin M. Criminalization of adolescents as a result of multi-factor determination – a symbiosis of micro and macro environments 143
Mokhov A. Principle of ensuring food security of the country in the agricultural law of the Russian federation 152
Sokolov A., Lakaev O. Legal regulation of academic titles in Germany 159
Khizhnyak V. “Green diplomacy” as a means of implementing international legal policy in the environmental sphere in the context of globalization 164

PHILOLOGICAL SCIENCES

Zubkova E. Semantics development of the borrowed nomination phoenix in the Russian language (based on dictionares and texts) 171
Pivanova E. Secondary representation of the source text as an individual cognitive translation matrix 179
Serebriakova S., Banman P. Linguo-expert analysis of memoir-autobiographic text translation . . . 185
Shatskih M. Specificity of implementation of author vital metaphors in doctor Zhivago by Boris Pasternak 193

ANNIVERSARIES

Kolesnikova M., Kryuchkov I. History as a vocation ...: to the anniversary of Professor S. I. Malovichko 199

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 94(410)

Е. А. Атапин

ПАРТИЯ «АНГЛИЙСКИЕ ДЕМОКРАТЫ» В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ БРИТАНСКОГО ЕВРОСКЕПТИЦИЗМА

Позицию Великобритании в отношении единой Европы в эпоху новейшего времени можно охарактеризовать с помощью одного емкого понятия – «евроскептицизм». Данный термин, безусловно, является многоаспектным, связанным со многими другими феноменами социально-политической жизни общества. Так, британский евроскептицизм тесно связан с английским национализмом. Партия «Английские демократы» является носителем националистических и евроскептических идей, представляя собой силу, порожденную логикой их развития и взаимовлияния.

Новизна статьи заключается в том, что изучению в ней подвергается внесистемная политическая сила, которая обычно не входит в поле зрения исследователей новейшей истории Великобритании, но представляет собой интересную идейную платформу со своеобразным сочетанием принципов английского национализма и британского евроскептицизма. К тому же, в статье используется новый подход к исследованию, основанный на выявлении соотношения понятий «британский евроскептицизм», «британский национализм» и «английский национализм» и характеристике идейных установок партии «Английские демократы» через призму указанных понятий.

В статье приводится краткий обзор основных предпосылок становления английского национализма во второй половине XX в., устанавливается его взаимосвязь с ходом развития британского евроскептицизма, дается характеристика партии «Английские демократы», выясняется ее роль в истории британского евроскептицизма. Особое внимание уделяется изучению положений манифеста партии «Английские демократы», касающихся ее националистических и евроскептических взглядов.

Ключевые слова: британский евроскептицизм, английский национализм, партия «Английские демократы», Великобритания, Европейское экономическое сообщество (ЕЭС), Европейский союз (ЕС).

Evgenii Atapin

THE ENGLISH DEMOCRATS PARTY IN THE CONTEMPORARY HISTORY OF BRITISH EUROSCEPTICISM

«Euroscepticism» is probably the best term to describe the attitude of the United Kingdom towards the European Union in the contemporary history. It is undoubtedly a multifaceted notion connected with many other phenomena of socio-political life. British euroscepticism is tightly related to English nationalism. The English Democrats party combines nationalistic and eurosceptic ideas. Its inception was due to the development and mutual influence of these ideas.

The novelty of the study is predetermined by a new subject of research. It is a non-systemic political force which is an appealing ideological platform with a peculiar combination of the principles of English nationalism and British euroscepticism usually not included in the research of recent British history. In addition, the article contains a new approach to the research which is based on identifying the relationship between the concepts of British euroscepticism, British nationalism and English nationalism and characterizing the ideological principles of the English Democrats party through the prism of these concepts.

The article provides a brief overview of basic prerequisites for the formation of English nationalism in the second half of the 20th century, detects its relationship with the course of development of British euroscepticism, gives a description of the English Democrats party, and clarifies its role in the history of British euroscepticism. Particular attention is paid to studying the provisions of the manifesto of the English Democrats party regarding its nationalistic and eurosceptic views.

Key words: British euroscepticism, English nationalism, The English Democrats party, the United Kingdom, the European Economic Community (the EEC), the European Union (the EU).

За последние несколько десятилетий и британский евроскептицизм, и английский национализм претерпели некоторые изменения, которые касаются как общих тенденций их развития, заключающихся, прежде всего, в их неуклонном усилении, так и особенностей взаимодействия

этих феноменов между собой, выраженных в преобразованиях логики их взаимоотношений, взаимовлияния и взаимообусловленности. Определенной вехой их развития можно считать появление такой политической силы, как партия «Английские демократы». Однако прежде чем давать оценку той роли, которую обозначенная организация сыграла в истории британского евроскептицизма и связанного с ним английского национализма, необходимо в общих чертах охарактеризовать то, каким образом происходило развитие и взаимодействие указанных феноменов во второй половине XX в.

После завершения Второй мировой войны Великобритания переживала тяжелый кризис идентичности. Фундаментом для построения новой британской идентичности явилось чувство обособленности, обусловленное географическим положением страны и обостренное исторической обидой на Германию и ее союзников по Второй мировой войне, а также завершением распада Британской империи [5, p. 337]. Вопрос о присоединении к европейским интеграционным процессам стал дополнительным стимулом для проявления британского национализма и в определенной степени создал предпосылки для формирования и развития английского национализма.

Как отмечает исследователь проблем национализма и евроскептицизма в новейшей истории Европы Б. Уэллингс, дискуссии о вступлении Великобритании в Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) в 60-е – 70-е гг. XX в. подготовили почву для оформления современного английского национализма в силу двух важных обстоятельств. Во-первых, был поднят вопрос о необходимости защиты парламентского суверенитета перед лицом наднациональных европейских институтов, важность непрерывного функционирования и верховенства которого для британцев не может быть до конца понятой и разделенной континентальными государствами Европы. Во-вторых, наблюдалось объединение парламентского и народного суверенитетов, которое отчетливо проявилось в организации и проведении референдума о членстве Соединенного Королевства в ЕЭС, состоявшегося в 1975 г. [15, p. 490].

Именно Англию принято считать колыбелью парламентской демократии, поскольку там семь столетий назад зародился современный парламент. Сегодняшняя парламентская демократия – важное детище английской истории, поэтому для англичан неприемлема идея отказа от сильного национального парламента [1, с. 130]. Парламент стал не просто центральным элементом английской политической культуры, но и символом национального суверенитета. Это привело к тому, что парламентский суверенитет начал во многом определять английскую национальную идентичность. Однако суверенитет парламента распространялся и за пределы самой Англии, что было обусловлено политическим развитием Соединенного Королевства, которое привело к смешению английской и британской идентичностей [15, p. 493]. В связи с этим во второй половине XX в. английский национализм был еще довольно тесно связан с защитой суверенитета Великобритании в целом.

Через год после присоединения Соединенного Королевства к ЕЭС правящая Лейбористская партия поставила вопрос о сохранении членства Великобритании в Сообществе. Голосованием в Кабинете министров было решено оставить страну в ЕЭС на новых условиях участия, предложенных лейбористами. В 1975 г. Лейбористское правительство провело референдум по этому вопросу, результаты которого оказались аналогичными итогам голосования Кабинета министров [3, с. 128]. Следовательно, Великобритания осталась в ЕЭС на обновленных условиях. Именно тот факт, что положительное правительственное решение было через год поддержано на референдуме, может служить наглядным доказательством слияния парламентского и народного суверенитетов [15, p. 489]. На этом этапе четкого разделения британского и английского национализмов пока еще не прослеживалось. Для прекращения отождествления интересов английского национализма с защитой британского суверенитета требовалось дальнейшее укрепление антиевропейских настроений, а также усиление националистических тенденций в других частях Великобритании.

Серьезным шагом в сторону углубления евроскептицизма и формирования английского национализма явилась попытка М. Тэтчер модернизировать Консервативную партию и Великобританию в целом. Внутренние противоречия привели к тому, что вновь возникла проблема сохранения британского суверенитета перед лицом процесса европейской интеграции. Поддерживая и отстаивая британский суверенитет, М. Тэтчер не только усугубила раскол в Консервативной партии, но и углубила национальные разногласия в Великобритании. Славное имперское прошлое страны было эталоном для М. Тэтчер, источником вдохновения для задуманных ею преобразований. За риторикой, призывавшей возродить былое величие Британии, скрывался английский национализм, обозначивший стремление к построению такой государственной системы, которая, как и в прошлом, отвечала бы в первую очередь интересам англичан.

Но если английский национализм к тому моменту все еще выражался преимущественно в отстаивании британского суверенитета, то в Шотландии, стремящейся в 1980-е гг. к автономии и восстановлению собственного парламента, национализм проявился как в антибританском, так и в антианглийском ключе. Конституционная комиссия, созданная в Шотландии в 1988 г., признала, что «Соединенное Королевство является политическим объединением, созданным под давлением Англии. Сегодня выбор способа самоуправления Англии – это дело самих англичан. Если их не будет устраивать наличие парламента в Шотландии при текущем политико-территориальном устрой-

стве Великобритании, то подходящим решением для них было бы изменение данного устройства государства на федеративное» [10, p. 210]. Так, позиция других британских наций, заключавшаяся в противодействии политической организации Соединенного Королевства по английскому образцу, начала вносить свой вклад в распознавание английского национализма, интересы которого господствовали в проведении официальной политики Консервативной партии.

В конце 1990-х гг. в Великобритании произошла деволюция, в результате которой Шотландия, Уэльс и Северная Ирландия получили значительные права автономии. Англия осталась единственным регионом Великобритании, не наделенным политическими органами самоуправления. Это обстоятельство стало серьезным фактором развития английского национализма уже в XXI столетии.

В целом к началу XXI в. идеологическое содержание английского национализма успело сформироваться на базе евроскептицизма, который приобрел достаточно широкие масштабы, позволявшие ему учитывать мнения тех, кто возмущался бюрократическим регулированием, открытыми границами и эрозией суверенитета Соединенного Королевства, трактуя сложившуюся ситуацию как национальный спад [15, p. 498]. Так, английский национализм на рубеже столетий сочетал в себе все более усиливающиеся евроскептические настроения с ностальгией по имперскому прошлому на фоне процессов деволюции в Великобритании, обошедших Англию стороной.

В условиях усиления дифференциации английского и британского национализмов и углубления евроскептических настроений в Соединенном Королевстве в начале нового столетия интересно проследить, по какому пути самоопределения пошла партия «Английские демократы», сочетающая в себе националистические и евроскептические черты, и, следовательно, определить ее место в новейшей истории британского евроскептицизма.

Партия «Английские демократы» была создана в 2002 г. в Лондоне. Многие ее основатели состояли членами политической группы «Кампания за английский парламент» [9]. В число первостепенных целей партии, согласно ее конституции, входит осуществление деятельности, способствующей созданию парламента и правительства Англии и обеспечивающей достаточную электоральную поддержку для их формирования [12, p. 1]. «Английских демократов» не устраивает текущее положение дел, при котором Уэльс, Шотландия и Северная Ирландия обладают собственными законодательными и исполнительными органами власти регионального уровня, а население Англии лишено данного демократического права [4]. Так, с момента своего возникновения партия «Английские демократы» позиционировала себя политическим выразителем английского национализма, что подтверждается словами ее основателя и лидера Р. Тилбрука: «Нам необходима партия, которая бы представляла Англию, и главная цель «Английских демократов» состоит именно в том, чтобы заботиться об интересах Англии» [7].

Однако национализм – не единственная идеологическая опора партии. «Английские демократы» сформулировали свою позицию в отношении Европейского союза (ЕС) и разработали собственную концепцию относительно взаимоотношений Великобритании в целом и Англии в частности с данным интеграционным объединением, которая была изложена в партийном манифесте. Скептическое отношение «Английских демократов» к углублению политической интеграции в ЕС проявляется в том, что ««Английские демократы» одобряют европейское сотрудничество в сфере торговли, но не принимают европейское политическое объединение, которое подрывает независимость, суверенитет и демократические институты европейских государств» [13, p. 15]. Критика ЕС как единого политического образования также прослеживается в следующих положениях манифеста партии: «ЕС не в состоянии успешно функционировать как единое экономическое и социальное пространство. Входящие в него государства обладают различными экономическими и культурными условиями и особенностями. Каждое государство нуждается в таком управлении, которое бы соответствовало не только материальным потребностям, но и демократическим, культурным и другим традициям населяющих его народов. Унифицированный подход ко всем странам ЕС – это путь к катастрофе. ЕС превратился в оторванную от граждан и устаревшую бюрократическую организацию, непригодную для современной эпохи, когда народы Европы нуждаются в демократических национальных государствах, способных защитить их интересы и уникальную культуру от вторжения транснациональных корпораций, международных институтов и глобальной экономики. ЕС скорее создает проблемы, а не способствует их решению» [13, p. 15].

Еще до британского референдума 2016 г. по вопросу членства в Евросоюзе в манифесте «Английских демократов» было провозглашено следующее: ««Английские демократы» будут добиваться разрешения на проведение референдума, который бы решил судьбу дальнейших отношений Англии с ЕС. Этот референдум должен включать возможность выхода из ЕС и вступления в Европейскую ассоциацию свободной торговли, государства-члены которой имеют соглашение о свободной торговле с ЕС»… «Если на референдуме Англия проголосует за выход из ЕС, то он должен будет состояться немедленно <...> Если англичане проголосуют за выход, то все платежи в ЕС должны быть сразу же прекращены, а Англия должна восстановить полноту государственного суверенитета на своей территории. Все это предполагает возвращение переданных институтам Евросоюза властных полномочий и восстановление государственного контроля над нашими территориальными водами <...> В случае

выхода Англии из ЕС мы будем надеяться, что другие британские нации последуют ее примеру, чтобы сохранить сплоченное британское государство и избежать нежелательного разделения. В случае если один или несколько других регионов Великобритании предпочтут остаться в ЕС, Англия будет вынуждена покинуть интеграционное объединение в одностороннем порядке» [13, pp. 15-16]. Председатель партии Р. Тилбрук так прокомментировал проблему членства в ЕС: «Мы стремимся защитить наш народ и национальную культуру от Евросоюза, поэтому мы выступаем за проведение референдума по вопросу выхода из ЕС. Наша позиция заключается в том, что Великобритания должна выйти из Евросоюза» [2]. Учитывая все вышеизложенное, партию «Английские демократы» можно охарактеризовать как евроскептическую.

По классификации, предложенной британскими политологами П. Таггартом и А. Щербяком, евроскептицизм подразделяется на жесткую и мягкую формы. Жесткий евросекптицизм предполагает наличие принципиальной оппозиции ЕС и европейской интеграции. Он наблюдается в тех политических партиях и движениях, которые считают, что их страны должны выйти из интеграционного объединения, или политика которых в отношении ЕС заключается в противодействии проекту европейской интеграции. Мягкий евроскептицизм не предполагает принципиальных возражений против европейской интеграции или членства в ЕС. Он может выражаться в озабоченности по поводу одной или нескольких областей политики Евросоюза или в провозглашении несоответствия траектории развития ЕС текущим национальным интересам государства [11, p. 4]. В соответствии с данной классификацией партия «Английские демократы» является классическим образцом жесткого евроскептицизма, выступая как против развития европейского интеграционного проекта в его современном виде, так и против участия в нем Великобритании.

После победного для британских евроскептиков референдума 2016 г. о выходе из ЕС партия «Английские демократы» сосредоточилась в основном на проблеме расширения политических прав и свобод англичан. Согласно партийному видению, необходимым условием сохранения территориальной целостности Великобритании является создание собственного национального парламента в Англии. Деволюция, начавшаяся в Соединенном Королевстве более двадцати лет назад, должна быть завершена. Англии необходимо найти свое место в качестве суверенного национального образования. Все больше людей определяют себя как англичане и гордятся своей английской идентичностью. Вновь поднимаются вопросы о независимости Шотландии. «Английские демократы» признают право шотландцев на выбор собственной судьбы, если в нем отразится подлинная воля народа Шотландии. Таким же правом, по их мнению, должен пользоваться и английский народ, если он хочет получить собственный парламент или обрести независимость [14].

Вместе с тем партия «Английские демократы» продолжила придерживаться ясно обозначенной ранее евроскептической линии. Эта позиция отчетливо проявилась после предоставления Брюсселем Лондону очередной отсрочки по Брекситу. 29 марта 2019 г. было назначено датой Брексита, однако он не состоялся, поскольку премьер-министр Великобритании Т. Мэй попросила у Евросоюза отсрочку как минимум до 12 апреля. Лидер партии «Английские демократы» Р. Тилбрук счел действия премьер-министра не имеющими юридической силы, а выход Соединенного Королевства из ЕС свершившимся. 3 апреля 2019 г. он подал иск в Высокий суд Англии и Уэльса, в котором утверждалось, что Т. Мэй не имела полномочий переносить дату Брексита, несмотря на то, что ее решение было поддержано обеими палатами британского парламента и официальным Брюсселем [6]. Так, даже в условиях новых реалий взаимоотношений Великобритании и Евросоюза партия «Английские демократы» сохранила свою приверженность евроскептическим взглядам.

Важное заявление было сделано председателем партии «Английские демократы» Р. Тилбруком после получения уведомления об отказе рассматривать его иск в июне 2019 г.: «Наша борьба за осуществление Брексита продолжается, причем она является частью гораздо более масштабной политической, правовой и моральной кампании за спасение и сохранение уникального, самобытного и поистине великолепного наследия Англии и английского народа» [8]. Отсюда следует, что партия «Английские демократы» рассматривает евроскептицизм как важный атрибут существования английского национализма. Для нее расцвет Англии невозможен в составе ЕС, поэтому евроскептическая позиция является важнейшей идейной установкой, необходимой ступенью на пути к конечной цели – политическому, экономическому и культурному могуществу Англии.

В целом партия «Английские демократы» представляет собой английскую националистическую евроскептическую политическую силу. При этом национализм «Английских демократов» не является антибританским, так как допускает сосуществование всех британских наций в рамках единого Соединенного Королевства при условии равного наделения правами автономии всех его регионов. Иными словами, в лице «Английских демократов» английский национализм выступает за равенство англичан среди других британских наций, предполагающее равную с остальными регионами Соединенного Королевства степень автономии и обладание региональными политическими институтами законодательной и исполнительной власти.

В плане евроскептической риторики партия «Английские демократы» выступает скорее в роли британской, а не чисто английской силы, которая сопротивляется вмешательству наднациональных органов Евросоюза в политическую, экономическую и культурную жизнь всего Соединенного Королевства и защищает суверенитет

Великобритании перед лицом европейской интеграции. Во многом такой подход обусловлен историческим развитием английского национализма, который на протяжении второй половины XX в. развивался в русле британского евроскептицизма, ратовавшего за защиту парламентского суверенитета и не разделявшего понятия «Англия» и «Великобритания».

Таким образом, партия «Английские демократы» занимает особое место в новейшей интеллектуальной истории развития британского евроскептицизма. Она является закономерным порождением английского национализма, развивавшегося в конце XX в. под воздействием двух основных факторов: внешнего и внутреннего. Внешним фактором послужил современный британский евроскептицизм, обусловленный вступлением Соединенного Королевства в ЕЭС и дальнейшими взаимоотношениями государства с европейским интеграционным объединением и предполагающий отстаивание парламентского суверенитета, который исторически являлся неоспоримой ценностью английской политической культуры. Внутренним фактором стала борьба Уэльса, Шотландии и Северной Ирландии за права автономии, завершившаяся в конце 1990-х гг. деволюцией, в результате которой все британские регионы, кроме Англии, были наделены правом формирования собственных парламентов и правительств.

Евроскептическая риторика партии «Английские демократы» отражает логику становления современного английского национализма, развивавшегося во второй половине XX в. под значительным интеллектуальным воздействием британского евроскептицизма. Не избавившись в своих евроскептических взглядах от влияния британской идентичности, под которой скрывалось развитие английского национализма со времени вступления Соединенного Королевства в ЕЭС, партия «Английские демократы», тем не менее, сделала шаг вперед в самоопределении относительно политических сил из других регионов Великобритании, активно демонстрируя свою английскую идентичность. Следовательно, четко прослеживается двойственная природа самоидентификации партии «Английские демократы», которая во внешнем измерении, характеризующемся отношениями с ЕС, выступает с позиции британцев, а во внутреннем измерении, касающемся проблемы наделения регионов Великобритании равными правами автономии, с позиции англичан.

Источники и литература

1. Благовещенский Р. И. Британский евроскептицизм: определение и основные факторы // Актуальные проблемы Европы. 2019. № 1. С. 121-145.

2. Какие задачи ставит перед собой партия «Английские Демократы»? // Новостной портал «Newsland». 24 ноября 2011. URL: https://newsland.com/user/4297720799/content/kakie-zadachi-stavit-pered-soboi-partiia-angliiskie-demokraty/4261635 (Дата обращения: 07.06.2020).

3. Лазарева Е. В., Берстенева А. А. Великобритания в ЕС: вступление, отступление, Брексит // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 435. С. 127-134.

4. About the English Democrats // The English Democrats. URL: https://www.englishdemocrats.party/about (Accessed: 03.06.2020).

5. Böttger K. Euroscepticism and the Return to Nationalism in the Wake of Accession as Part of the Europeanization Process in Central and Eastern Europe // L'Europe en Formation. 2012. № 364. P. 323-342.

6. Chaplain C. English Democrats launch legal battle to prove Brexit happened and UK 'already left the EU' // Inews. 3 April 2019. URL: https://inews.co.uk/news/brexit/english-democrats-brexit-already-happened-uk-has-left-eu-march-29-legal-battle-276355 (Accessed: 03.06.2020).

7. English Democrats demand 'revolt' at elections launch // BBC News. 30 April 2014. URL: https://www.bbc.com/news/uk-politics-27218757 (Accessed: 06.06.2020).

8. English Democrats fight back // Independence Daily. 6 July 2019. URL: https://independencedaily.co.uk/english-democrats-fight-back/ (Accessed: 08.06.2020).

9. FAQ about the English Democrats // The English Democrats. URL: https://www.englishdemocrats.party/f-a-q (Accessed: 03.06.2020).

10. Stewart D. The Path to Devolution and Change: A Political History of Scotland under Margaret Thatcher. London, New York: I.B. Tauris Publishers, 2009. 305 p.

11. Taggart P. The Party Politics of Euroscepticism in EU Member and Candidate States: Working Paper. Sussex: Sussex European Institute, 2002. 33 p.

12. The English Democrats Constitution // The English Democrats. 2015. 4 p. URL: https://d3n8a8pro7vhmx.cloudfront.net/englishdemocrats/pages/324/attachments/original/1561114988/Constitution_2015.pdf?1561114988 (Accessed: 03.06.2020).

13. The English Democrats Manifesto // The English Democrats. September 2019 Edition. 24 p. URL: https://d3n8a8pro7vhmx.cloudfront.net/englishdemocrats/pages/30/attachments/original/1569322456/EDP_Manifesto_Sept_2019.pdf?1569322456 (Accessed: 03.06.2020).

14. Vickers B. After BREXIT Independence for England? // The English Voice. 2020. № 23. P. 1.

15. Wellings B. Losing the Peace: Euroscepticism and the Foundations of Contemporary English Nationalism // Nations and Nationalism. 2010. Vol. 16, № 3. P. 488-505.

References

1. Blagoveshchenskii R. I. Britanskii evroskeptitsizm: opredelenie i osnovnye faktory *(British euroscepticism: the definition and main factors)* // Aktual'nye problemy Evropy. 2019. No. 1. P. 121-145. (In Russian).

2. Kakie zadachi stavit pered soboi partiya «Angliiskie Demokraty»? *(What goals does the English Democrats party set?)* // Novostnoi portal «Newsland». 24 noyabrya 2011. URL: https://newsland.com/user/4297720799/content/kakie-zadachi-stavit-pered-soboi-partiia-angliiskie-demokraty/4261635 (Accessed: 07.06.2020). (In Russian).

3. Lazareva E. V., Bersteneva A. A. Velikobritaniya v ES: vstuplenie, otstuplenie, Breksit *(Great Britain in the EU: entry, retreat, Brexit)* // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. No. 435. P. 127 – 134. (In Russian).

4. About the English Democrats // The English Democrats. URL: https://www.englishdemocrats.party/about (Accessed: 03.06.2020).

5. Böttger K. Euroscepticism and the Return to Nationalism in the Wake of Accession as Part of the Europeanization Process in Central and Eastern Europe // L'Europe en Formation. 2012. No. 364. P. 323-342.

6. Chaplain C. English Democrats launch legal battle to prove Brexit happened and UK 'already left the EU' // Inews. 3 April 2019. URL: https://inews.co.uk/news/brexit/english-democrats-brexit-already-happened-uk-has-left-eu-march-29-legal-battle-276355 (Accessed: 03.06.2020).

7. English Democrats demand 'revolt' at elections launch // BBC News. 30 April 2014. URL: https://www.bbc.com/news/uk-politics-27218757 (Accessed: 06.06.2020).

8. English Democrats fight back // Independence Daily. 6 July 2019. URL: https://independencedaily.co.uk/english-democrats-fight-back/ (Accessed: 08.06.2020).

9. FAQ about the English Democrats // The English Democrats. URL: https://www.englishdemocrats.party/f-a-q (Accessed: 03.06.2020).

10. Stewart D. The Path to Devolution and Change: A Political History of Scotland under Margaret Thatcher. London, New York: I.B. Tauris Publishers, 2009. 305 p.

11. Taggart P. The Party Politics of Euroscepticism in EU Member and Candidate States: Working Paper. Sussex: Sussex European Institute, 2002. 33 p.

12. The English Democrats Constitution // The English Democrats. 2015. 4 p. URL: https://d3n8a8pro7vhmx.cloudfront.net/englishdemocrats/pages/324/attachments/original/1561114988/Constitution_2015.pdf?1561114988 (Accessed: 03.06.2020).

13. The English Democrats Manifesto // The English Democrats. September 2019 Edition. 24 p. URL: https://d3n8a8pro7vhmx.cloudfront.net/englishdemocrats/pages/30/attachments/original/1569322456/EDP_Manifesto_Sept_2019.pdf?1569322456 (Accessed: 03.06.2020).

14. Vickers B. After BREXIT Independence for England? // The English Voice. 2020. No. 23. P. 1.

15. Wellings B. Losing the Peace: Euroscepticism and the Foundations of Contemporary English Nationalism // Nations and Nationalism. 2010. Vol. 16, No. 3. P. 488-505.

Сведения об авторе

Атапин Евгений Александрович – аспирант кафедры истории зарубежных стран и востоковедения Воронежского государственного университета (Воронеж) / atapinvrn@mail.ru

Information about the author

Atapin Evgenii – post-graduate student, Chair of History of Foreigh Countries and Oriental Studies (Voronezh) / atapinvrn@mail.ru

УДК 903.2. (093).903.4.5 (470.661)

С. Б. Бурков

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ ИЗ ОКРУГИ С. БАМУТ В АРХИВАХ И НАУЧНЫХ ИЗДАНИЯХ. ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ

Территория с. Бамут является одной из наиболее изученных в археологическом отношении зон Чечни. Однако трагические события 1995–2000 гг. привели к практически полному исчезновению этого населенного пункта, равно как и значительной части коллекций археологических источников, выявленных в различные годы в ходе широкомасштабных полевых изысканий. Сведения о них имеются в научных архивах и публикациях, часто – мало доступных из-за регионального характера этих изданий. Обзорные экскурсы в изучение археологических памятников Чечни зачастую излишне лаконичны. В основном они представлены кратким обзором основных этапов изучения памятников. Источниковедческая составляющая в них представлена, в основном, обращением к общей характеристике вкладов в их исследование отдельных ученых. Однако, потенциал многих изученных памятников – и прежде всего эпох развитой и поздней бронзы как важных вех в понимании этапности развития изучаемой нами территории – до сих пор не востребован в полной мере. Важными источниками для нашего исследования являются рукописные экспедиционные полевые дневники и дипломные проекты, защищенные в начале 90-х гг. XX в. Информация из них до сих пор лишь частично попадала в научные публикации. В этой связи назрела необходимость в целостной оценке научных результатов, полученных для этой территории, применительно к эпохам энеолита и бронзы, с использованием всего набора данных, установленных нами в ходе произведенных изысканий. Настоящая работа является первым комплексным исследованием на эту тему, что ставит вопросы новой локальной истории данного региона на принципиально иную качественную основу. В результате делается вывод о необходимости подобных исследований, связанных с территориями, являющимися базовыми для изучения древней истории края. В её основе – опубликованные, а также не изданные до сих пор результаты полевых исследований, архивные источники, хранящиеся в фондах Института Археологии РАН, в личных архивах ряда исследователей, и те немногие материалы, которые сохранились в отделе древней истории и археологии Национального музея Чеченской Республики.

Ключевые слова: археологические памятники, историография, эпоха бронзы, с. Бамут.

Sergei Burkov

ARCHAEOLOGICAL MONUMENTS OF THE BRONZE AGE FROM THE DISTRICT OF THE BAMUT VILLAGE IN ARCHIVES AND SCIENTIFIC PUBLICATIONS. QUESTIONS OF HISTORIOGRAPHY

The territory of the village of Bamut is one of the best-studied areas of Chechnya in terms of archaeology. However, the tragic events of 1995–2000 led to almost complete disappearance of this village, as well as a significant part of collections of archaeological objects identified in various years in the course of the large-scale field surveys. Information about these objects has been preserved in the scientific archives and publications, often with limited accessibility due to the regional nature of these publications. The surveying studies of the archaeological sites of Chechnya are often too concise. They are mainly presented by brief overview of the core stages of studying of the monuments. The source component is mainly represented with the reference to the general characteristics of the contributions of individual scientists to their research. However, the potential of many of the studied monuments – and first of all of those belonging to the developed and late Bronze ages and being important milestones in understanding of the stages of development of the territory we study – is still not in full demand. Among the important sources for our research are the manuscript expeditionary field diaries and the diploma projects of the early 90s of the XX century. So far, information of these documents is only partially presented in the scientific publications. In this regard, there is a need for a holistic assessment of the scientific results obtained for this territory with reference to the Eneolithic and Bronze ages, and application of the entire data, which we have established in the course of our research. This work is the first comprehensive study on this topic, which poses questions of the new local history of this region on a fundamentally different qualitative basis. The conclusion is that there is a need for such research related to the territories that are the basic for the study of the ancient history of the region. It is based on the published and unpublished results of field research, archival sources stored in the funds of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, in the personal archives of a number of researchers, and few materials that have been preserved in the Department of Ancient History and Archaeology of the National Museum of the Chechen Republic.

Key words: archaeological monuments, historiography, Bronze Age, the Bamut village.

Археологические памятники в округе с. Бамут[1] разнообразны и представительны. Территориально курганы и поселения, найденные и изученные (Северо-Кавказской археологической экспедицией) СКАЭ под руководством Е. И. Крупнова и Предгорно-плоскостной археологической экспедицией (ППАЭ) под руководством В. Б. Виноградова (1986 и 1989 гг.), находятся не только в самом селе или в его ближайшей округе. Так, например, Бамутский могильник эпохи бронзы, начинаясь в границах с. Н. Аршты, протянулся на расстояние до 10 км по направлению к с. Ачхой-Мартан [51, с. 90].

Исследованные археологической лабораторией НИСа ЧИГУ им. Л. Н. Толстого[2] памятники (могильник «Бамутский поворот» – 1986 г., могильник «Бамутские сады» – 1989 г.), территориально расположены за установленными в настоящее время муниципальными границами с. Бамут. Однако земли, на которых они размещаются, в 50–90 гг. XX в. административно относились к данному населенному пункту, поэтому они будут учитываться нами в данном обзоре. В своем изложении мы придерживаемся хронологического принципа, когда вначале представлены курганные материалы СКАЭ, а затем – ППАЭ, начиная от эпохи позднего энеолита и до финальной стадии ПБВ. Материалы поселений объединены нами в отдельный блок.

Сведения о работах на памятниках археологии эпохи бронзы, изученные в окрестностях с. Бамут и хут. Н. Аршти, присутствуют в ряде работ обобщающего характера. Заметная их часть посвящена итогам этих исследований [31, с. 17,18; 32, с. 8-13; 36, с. 13-6, 18, 19; 39, с. 8-11; 41, с. 9-19, 101-131; 45, с. 9028; 49, с. 43, 44, 284-308, 349-365; 40, с. 10, 43, 50-78; 37, с. 28-40; 1, с. 26-55; 2, с. 110-118; 3, с. 27, 28; 4, с. 34-38]. Основные результаты полевых исследований в окрестностях с. Бамут погребений эпохи ранней бронзы нашли свое детальное отражение в ходе подготовки Р. М. Мунчаевым его докторской диссертации, которая была им успешно защищена в 1971 г. [47]. В совместной работе С. Л. Дударева и Б. М. Хашагультова, основанной на дипломном проекте последнего, среди памятников эпохи бронзы не учтены комплексы «горизонта с триподами», происходящие из грунтового могильника с кромлехообразными выкладками, раскопанные Р. М. Мунчаевым в 1966 г., хотя в списке литературы сноска на его публикацию 1986 г. присутствует. Нет и погребений из раскопок археологической лаборатории 1986 и 1989 гг., в т.ч. изученных в округе с. Бамут. Кратко учтены лишь работы СКАЭ [25, с.123]. Сведения о них присутствуют в ряде авторских работ, в основном – в тезисах докладов [6, с. 68; 10, с. 23, 24; 12, с. 13; 23, с. 138; 8, с. 5, 6; 9,с. 8, 9; 16, с. 100; 18, с. 16-18]. Материалы эпохи бронзы кургана №1 группы I могильника «Бамутские сады» опубликованы [13]. Упоминание об авторских работах на землях совхоза «Бамутский» в 1989 г. имеется в статье В. Е. Нарожного и Е. И. Нарожного, посвященной подведению некоторых итогов работы хоздоговорной археологической лаборатории НИСа, а в дальнейшем – и подразделения межвузовской кафедры «Истории народов Северного Кавказа» ЧИГУ [53, с. 33, 34]. В работе 1991 г. В. Б. Виноградова исследования данного могильника не учтены [24, с. 20, 21]. Некоторые материалы были опубликованы студентами, принимавшими участие в раскопках. Так, часть керамики майкопско-новосвободненской КИО из могильника «Бамутские сады» была представлена М. П. Подгорным [54]. Ряд материалов из авторских раскопок, в т.ч. и из курганов в окрестностях с. Бамут, были использованы в монографиях С. Н. Кореневского. Впервые они были отмечены в его книге, посвященной памятникам майкопско-новосвободненской культурно-исторической общности (МНО) с территории Среднего Терека [27, с. 68-97, рис. 26, 1-6, 8-15, с. 134, рис. 26, 1-17, с.147, рис. 39, 5, 6, с. 148, рис. 40, 1-4, с. 151, рис. 43, 7, 8, 12, 14, 15, с. 154, рис. 46, 4-6, с. 153, рис. 45, 9-11,14; с. 157, рис. 49; с. 158, рис. 1, 2]. В 2004 г. материалы раскопок ППАЭ 1988–1990 гг., относящиеся к МНО, в том числе и из Бамутских курганов, были использованы С. Н. Кореневским при написании им монографии, посвящённой древнейшим земледельцам и скотоводам Предкавказья [28, с. 189, рис. 59, 9, с. 191, рис. 61, 25, 8, с. 192, рис. 62, 10-11, с. 197, рис. 68, 3, 7, 8, 12-14, с. 200, рис. 72, 3, с. 219, рис. 96, 13, 15]. В каталоге предметов из металла Предкавказья IV тыс. до н.э., изданном им в 2011 г., учтены практически все металлические предметы из бронзы и драгоценных металлов, найденные в погребениях в окрестностях с. Бамут, за исключением тесла-шила из погребения № 27 кургана № 1 группы III могильника «Бамутские сады» [29, с. 49, табл. 2, 3, с. 51, табл. 2, 4, с. 97, табл. 6, 2, с. 98, табл. 6, 2, с. 69, табл. № 3, 1, с. 201, рис. 17, 4, 6, с. 203, рис. 19, 11, с. 204, рис. 20, 4, с. 205, рис. 21, 3, с. 208, рис. 23, с. 223, рис. 34, 3, с. 226, рис. 36, 5, с. 227, рис. 37, 14, с. 237, рис. 42. 12, с. 265, рис. 61, 10, с. 278, рис. 74, 1, с. 288, рис. 81, 1, с. 291, рис. 83, 3, с. 305, рис. 90, 1, 3]. К сожалению, в данном издании вновь была допущена неточность относительно комплекса из кургана №5 группы I, 1989 г. У С. Н. Корненевского это – могильник «Бамутский поворот», курган №5, погребение №35, но на самом деле это – могильник «Бамутские сады», группа I, курган №5, погребение №35 [29, с. 233, рис. 34, 3].

Теперь обратимся непосредственно к самим материалам, исследованным в округе с. Бамут силами СКАЭ и ППАЭ. Информация о комплексах представлена в хронологической последовательности их обнаружения.

Бамутский курганный могильник – это обширное курганное поле, растянувшееся по левобере-

[1] Следует отметить, что соседний населенный пункт – с. Новые Аршты (Аршти) – бывший хутор «Собачий» или «Веселый», ещё в середине 60-х гг. XX в. практически слился с Бамутом – см.: [50, с.27].

[2] Авторские работы 1989 г., как и раскопки С. Н. Савенко 1986 г., производились в рамках деятельности ППАЭ под общим руководством д.и.н., профессора В. Б. Виноградова.

жью р. Фортанга от с. Бамут до с. Ачхой-Мартан до самых предгорий. Наибольшая концентрация наблюдается к северу от Бамута – у хутора Н. Аршти и в его окрестностях. Сейчас это территория с. Бамут. Курганы тянутся широкой полосой с северо-востока на юго-запад. Четко выделяется лишь ряд курганов, расположенных по краю террасы р. Фортанга, вправо от дороги из с. Бамут в с. Ачхой-Мартан. На северном краю имеется группа из 3 курганов, которые были раскопаны в 1958 г. Все выявленные СКАЭ курганные группы получили условное название «Бамутский курганный могильник». Он был открыт разведочным отрядом СКАЭ (Р. М. Мунчаев) в 1958 г. Всего в окрестностях Бамута раскопано более 70 курганов. Большинство же насыпей находились либо в окрестностях, либо в самом хуторе. Группа из 3 небольших курганов есть на правом берегу р. Фортанга, в лесу, напротив с. Бамут. В 1958 г. в границах хутора Н. Аршти (бывший хутор «Веселый»), в 2 км к северу от с. Бамут был выявлен курганный могильник, получивший наименование «2-й Бамутский могильник». На нем с 1958 по 1965 гг. было раскопано более 50 курганов, содержавших около 250 погребений, относящихся к различным археологическим культурам, в основном – к эпохе бронзы различных ее этапов. В группу I входило от 3 до 4 курганов, располагавшихся на краю террасы левого берега р. Фортанга у хутора Н. Аршти, влево от дороги Ачхой-Мартан-Бамут (изучены в 1958 г.); еще один курган – на северо-восточной окраине Н. Аршти, он раскопан в 1961 г., в нем содержалось 2 погребения, группа 2 – в самом хуторе, к югу, и в основном – к северу от него, в один ряд (более 20 насыпей) – курганная группа II. В ней было исследовано 12 курганов (в 1959 и 1961 гг.): курган №9 – в 1959 г. – 17 погребений, курган №6 – в 1961 г. Кроме того, были изучены: группа I – курган №1 – 3 погребения, курган №3 – 5, курган №7 – 2; группа II: курган №1 – 21, курган №2 – 2 погребения, курган №3 – 18, курган № 4 – 7,курган № 5 – 7, курган № 6 – 9, курган № 8 – 5,курган № 9 – 4, курган №1 – 16, курган №14 – 1 погребение [21, с. 67; 41, с. 132-146; 42, с. 59, рис. 17, 1-4; 43, с. 187-198; 49, с. 292, 294, 296-297, 299, 301; 51; 52].

Наиболее ранним является основное погребение в кургане №6, раскопанное в 1959 г.[1] [41, с. 138, рис. 49, 1, 2, с. 139-140, табл. XXI, II, с. 143]. В этой работе Р. М. Мунчаев датировал его эпохой позднего неолита по аналогии с погребением №92 Нальчинского могильника-кургана, являющегося одним из наиболее ранних, однако в дальнейшем отнес его к энеолитическим древностям [49, с. 147]. Эти изменения были связаны с уточнением датировки погребений Нальчинского некрополя.

Основную часть раннебронзовых погребений составляют погребения майкопско-новосвободненской культурно-исторической общности (КИО). Эти комплексы неоднократно издавались, вначале – в отдельных статьях [5, с. 15, рис. 2, 2, с.16, рис. 3, 1-5; 42, с. 59, рис. 17, 1-4; 43, с. 189,183, рис. 3, 3-6, с. 193, рис. 9, с. 194, рис. 10, с. 196, рис. 12, 1, 2; 46, с. 133-136, 144, 147, с. 151, рис. 1, 4-8; 48, с. 73, 74, рис. 1; 51, с. 91, с. 92, рис. 26, 4, 5, с. 93, рис. 27, 9, 15, с. 95, рис. 28, 1, 2; 52, с. 74, 75, рис. 31, 1-5, с. 76, рис. 32, 1, 2], а затем – и в монографическом формате [41, с. 127-142, с. 55, рис. 11, с. 128, рис. 54, 1-4, с. 137, рис. 48, с. 138, рис. 49, 1, 2, с. 139-140, табл. III, 7, табл. XII 1-4, табл. XXI, II, табл. XII, 2 и 3, табл. XX, 1, 2, табл. XXI, I-V, табл. XXIII; 49, с. 286-330, 336, с. 226, рис. 42, 1, 2, с. 248, рис. 52, 7, с. 250, рис. 53, 8, с. 254, рис. 56, 4, 5, с. 276, рис. 62, 4,с. 289, рис. 65, 1-9, с. 290, рис. 66, 1-7, с. 293, рис. 67, 1-6, с. 294, рис. 68, с. 297, рис. 69, 1-5, с. 298, рис. 7, 1, 2, с. 299, фото №№ 1 и 2, с. 302, рис. 71, 1-13, с. 306, рис. 73, 1-4]. Их характеристика как наиболее поздних из серии т.н. «долинского» майкопа, выделенного С. Н. Кореневским, на наш взгляд, вполне правомерна. Финальная стадия этой культурно-хронологической группы для среднего течения р. Сунжи и её окрестностей приходится на последние века III тыс. до н.э. (по некалиброванным данным)[2], когда в зоне предгорных равнин формируются древности т.н. «горизонта с триподами». Комплексы этого культурно-хронологического периода представлены парным погребением №1 кургана №2 1958 г., погребением №1 кургана №10 (раскопки 1961 г.), погребениями №4 и №5 кургана №10 (раскопки 1965 г.) курганного могильника «Бамутские курганы», а также одиночным грунтовым погребением, зачищенным в 1966 г. одной из кромлехообразных выкладок на правом берегу р. Фортанга к востоку от с. Бамут и к югу от с. Ачхой-Мартан в местности, которая называется «минаретное поле» или «место, где убили Зоро». Они были проанализированы и опубликованы автором раскопок Р. М. Мунчаевым [41, с. 127-129, 137, 138, рис. 45, 48; 50].

Среди захоронений следующего хронологического периода есть и погребения катакомбной культуры. Они были найдены в 2 из 4 курганных групп, входящих в общий Бамутский курганный могильник эпохи бронзы. В 1962–1963 гг. здесь было раскопано 10 курганов. Эти погребения были отнесены к захоронениям предкавказского варианта катакомбной культуры. Кроме того, в Бамутских курганах было найдено более 3 черепов с лобно-затылочной деформацией. В одном из курганов была расчищена катакомба, что доказывает присутствие в районе села этой культуры [51, с. 92, рис. 26, 9, с. 93, рис. 27, 12-14, с. 99; 38, с. 45, рис. 17, 4; 44; 45; 46; 49, с. 25, 26, 286, 287].

Ещё одной большой группой погребений являются захоронения, которые были соотнесены раскопщиком с т.н. «северокавказской археологической культурой (культурно-исторической общ-

[1] Нумерация курганов, раскопанных СКАЭ, в каждом из полевых сезонов была отдельная, в связи с чем в нашей статье мы придерживаемся именного этого принципа, что соответствует сведениям, указанным в опубликованных в те годы материалах.

[2] Датировки С. Н. Кореневского долинского (терского) майкопа в границах XXXIV–XXX вв. до н.э. основаны на радиоуглеродых анализах – см.: [29, с. 26].

ностью – КИО) II тыс. до н.э., к которой относится большинство из 250 изученных погребений [43, с. 190, рис. 7, 1-10, с. 193, рис. 9; 49, с. 286; 51, с. 94, 96, 97, с. 92, рис. 26, 6, с. 94, рис. 27, 3-5, с. 94, рис. 27, 6-8].

Комплексов финальной стадии эпохи бронзы среди материалов, добытых СКАЭ, немного. Это погребение №11 кургана №2 Бамутского могильника и разрушенное захоронение в кургане №4 (раскопки Р. М. Мунчаева 1964 г.). Первое из них содержало инвентарь раннекобанского типа, во втором встречен фрагмент нижней части сосуда с намечающимся поддоном. Этот комплекс датирован временем от второй половины II тыс. до н.э. до начала I тыс. до н.э. [20, с. 17, 18, рис. 4, 7; 30, с. 66; 46, с. 141].

Помимо погребальных памятников, в округе с. Бамут был зафиксирован и ряд поселений. Так, в монографии 1975 г., посвященной древностям Кавказа неолита, энеолита и раннего бронзового века, Р. М. Мунчаевым было отмечено, что в насыпи раскопанных им в 1964 г. курганов на правом берегу р. Фортанга напротив с. Бамут было найдено значительное количество фрагментов керамики, относящейся к эпохе ранней бронзы (без уточнения). Это дало основание исследователю полагать, что в данном месте располагается поселение [49, с. 336]. Сведений о закладке в этой зоне разведочного раскопа в нашем распоряжении нет.

В 1966 г. Р. М. Мунчаев начал работы на Бамутском поселении эпохи поздней бронзы – раннежелезного века, расположенном на левом берегу р. Фортанга, у СВ окраины хут. Веселый (Новый Аршти); его размеры – 50х100 м. Первоначальная площадь раскопа составила 132 кв. м. В 1967 г. работы были продолжены, вскрыта площадь 368 кв. м. В связи с тем, что поселение было устроено на краю речной террасы, его восточная часть была разрушена рекой. В общей сложности было раскопано 500 кв. м., т.е. вся сохранившаяся часть памятника. В южной части мощность культурного слоя составила 0,3 м, в северной – 0,7 м. Основная часть находок датируется X–VIII вв. до н.э., однако ряд предметов («площик» с шипом) был отнесен к началу раннежелезного века. Датировка каменных форм для отливки орудий труда, вооружения и некоторых украшений при их публикации не была им уточнена [33; 34]. Это впоследствии было сделано В. И. Козенковой, которая датировала памятник временем от рубежа II/I тыс. до н.э., но не позднее, чем середина VIII в. до н.э. [26, с. 42]. Материалы, полученные в результате раскопок Бамутского поселения эпохи поздней бронзы, легли в основу диссертационного исследования А. Р. Магомедова, защищенного на кафедре археологии МГУ в 1973 г. [35].

После завершения работ в Чечне СКАЭ под руководством Е. И. Крупнова (1946–1975 гг.), исследования в окрестностях с. Бамут силами ППАЭ, руководимой В. Б. Виноградовым, были возобновлены лишь в 1986 г. и продолжены нами в 1989 г. Ниже приводятся их основные результаты.

В 1986 г. археологическая лаборатория НИСа ЧИГУ исследует курганы в Ачхой – Мартановском районе, в том числе – «Бамутский поворот», группы I–III. В большинстве из них встречены погребения эпохи бронзы: группа I курган № 1 – 42, из них 31 – эпохи бронзы, в кургане № 3 из 6 – 2, в кургане № 4 – из 11 – 1, группа II курган № 1 – из 16 – 5 [22]. В последующем предварительные сведения о них вошли в одну из авторских работ [15].

Курганные насыпи могильника Бамутские сады» группы I раскапывались нами в 1989 г. в рамках работ по реконструкции II очереди Ассиновской мелиоративной оросительной системы (АМООС). Всего в ней 17 насыпей: 15 курганов – к западу от дороги, 2 – к востоку от нее. В полевом сезоне 1989 г. раскопкам подверглись 10 курганов, находившихся в западной части могильного поля. В них были встречены погребения эпохи бронзы: курган №1, группы I – 4 погребения, курган №3 – 1, №4 – 2, №5 – 1, №6 – 1, №7 – 3, №8 – 2, №9 – 4 и 1 комплекс, №10 – 5 и 1 комплекс, №11 – 4 и 1 комплекс; группа II курган №5 – 39 погребений и 1 комплекс; курган №1 группы III – 27 погребений эпохи бронзы различных её этапов [7]. В дальнейшем эти материалы были использованы при подготовке ряда публикаций, посвященных памятникам эпохи бронзы, изученным в зоне среднего течения р. Сунжи. Среди них – погребения конца III тыс. до н.э. (по некалиброванным данным), раскопанные в сезоне 1989 г. и происходящие из кургана №5 группы II и кургана №1 группы III. Сведения о них вначале были опубликованы лишь в виде тезисов докладов на конференциях ЧИГУ в 1989–1991 гг. [8], а также представлены графически в ряде монографий С.Н. Кореневского, указанных выше. Погребения, имеющие характерную т.н. «приталенную» форму могильных ям с керамикой, имеющей аналогии в посткуро-араксских и катакомбных древностях, были кратко охарактеризованы нами в 2006 г. [14]. Пока полностью опубликованы лишь материалы из кургана №1, в котором было найдено 4 погребения. Захоронения №1-3, вероятно, относятся к финалу СБВ – началу ПБВ, сосуд из погребения №4 документирует собой позднемайкопские формы в сочетании с закавказскими орнаментальными традициями. Возможно, что данная форма является производной от более ранних сосудов, имевших отношение к т.н. «долинскому варианту» его финального этапа. Эти погребальные традиции в условиях предгорий среднего течения р. Ассы доживали до начального этапа развитой бронзы [19, с. 142]. Стратиграфическая ситуация для данного кургана ранее была кратко представлена нами в 1991 г. [11]. Полная публикация всех материалов состоялась в 2004 г. [13].

В том же году здесь же был обнаружен ряд погребений, которые могут быть отнесены к катакомбной культурно-исторической общности (КИО). Предварительные данные о комплексах были представлены автором на Всесоюзном семинаре в г. Запорожье в 1990 г. [9].

В 1989 г. в той же курганной группе могильника «Бамутские сады» были обнаружены и погребе-

ния эпохи поздней бронзы. К ним можно отнести основные погребения с керамикой, типичной для памятников горно-предгорной зоны Чечни и Дагестана, а также предметами, характерными для т.н. «протокобанского» (В.И.Козенкова) периода XIV–XII вв. до н.э. и т.н. «архонского горизонта» [30]. Это курганы №3, 5-11, в которых найдено от 1 до 4 погребений [7]. Информация о них в научных изданиях пока отсутствует и в настоящее время готовится к предварительному изданию.

Подводя итоги нашего исследования, прежде всего, следует обратить внимание на важность представленных в нем памятников не только для изучения древней истории Чечни, но всего северокавказского региона в целом. Похожие, но далеко не идентичные бытовые и погребальные памятники присутствуют в археологических материалах с территории Дагестана, Ингушетии, РСО-Алания, Ставропольского края. Это свидетельствует в пользу необходимости комплексного изучения археологических культур, не «замыкаясь» в административно-территориальных границах отдельных субъектов. Подобная тенденция имеет место. Вместе с тем, изучение древностей в окрестностях определенных локальных территорий позволяет воссоздавать их обобщённый культурологический образ как важную составную часть новой реальности в рамках проекта новой локальной истории. Второй вывод касается необходимости полноценной публикации изученных памятников. Пока большая их часть остается неизданной и находится лишь в виде отчетных материалов. Особенно важно это для погребений катакомбной и северокавказской археологических культур, а также т.н. «горизонта с триподами» и до сих пор редких материалов позднебронзового сегмента древностей. Изученные нами захоронения майкопско-новосвободненской КИО пока известны специалистам, в основном, по изданию ряда находок погребального инвентаря, тогда как погребальные комплексы до сих пор редко присутствуют на страницах научных изданий. В то же время, значительный пласт этих древностей, добытых усилиями СКАЭ (Р. М. Мунчаев), был опубликован, начиная с конца 70-х гг. XX в. Это создает известный дисбаланс в их изучении. В-третьих, следует учитывать различные методические приемы по формированию отчетной документации, которыми пользовались исследователи в те годы, а также новые требования, ставшие обязательными в последующем и примененные нами для подготовки отчетов спустя 30 лет. При проведении сравнительного анализа различного вида источников удалось выявить и исправить ряд досадных недочетов и ошибок, допущенных в ходе представления древностей эпохи бронзы, исследованных в окрестностях с. Бамут. Сопоставление источниковой базы различных уровней требует от исследователя применения особых методик, особенно при описании стратиграфических ситуаций в курганах. Особенно важно это учитывать при работе с рукописными материалами, в том числе с полевыми дневниками. Установлено, что в ряде случаев информация, представленная в научных публикациях, заметно более подробна, чем сами полевые отчеты СКАЭ ИА АН СССР. Часто это свойственно графическим материалам и описаниям ряда керамических форм. И лишь сопоставление таких источников, как ежедневные черновые полевые заметки руководителей полевых отрядов, экспедиционные дневники, тексты отчетов и научных публикаций позволяет дополнить, в ряде случаев исправить, а иногда и опубликовать новые, более полные сведения об изученных ранее памятниках. В отличие от большинства памятников, ранее раскопанных экспедицией Института археологии, погребальные насыпи, исследованные экспедицией Чечено-Ингушского госуниверситета в 1986 и 1989 гг., отличаются значительно большей структурной сложностью, связанной с совершением погребально-поминальных ритуальных церемониалов. Они более насыщенны археологическим материалом, что позволяет более детально воссоздать культурно-хронологические реалии тех далеких времен. Отчеты ППАЭ заметно более информативны, в них присутствуют элементы статистико-комбинаторных исследований керамики и украшений. Эти, а также другие важные элементы материальной и духовной культуры древних народов являются основной для воссоздания подлинно научной картины прошедшего, фрагменты которых зафиксированы в исторических источниках, представленных нами в настоящей статье.

Источники и литература

1. Багаев М. Х. Чечня в бронзовом веке (конец IV – конец II тыс. до н.э.) // История Чечни с древнейших времён до конца XIX в. Том 1. Грозный: ООО «Книжное издательство», 2006. С. 26–55.

2. Багаев М. Х. Русская и советская историография древней и средневековой материальной и духовной культуры чеченцев // Культура Чечни: история и современные проблемы. М.: Наука, 2006. С.110–118.

3. Багаев М. Х. Вехи становления археологической науки в Чечне // История науки и техники. 2008. №3. С. 27–28.

4. Багаев М. Х. Археологические памятники древней Чечни в трудах Р. М. Мунчаева // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XXI. В честь 80-летия Р. М. Мунчаева. 2008. №21. С. 29–37.

5. Бобринский А. А., Мунчаев Р. М. Из древнейшей истории гончарного круга на Северном Кавказе // Краткие сообщения института археологии (выпуск 108). М.: Наука, 1966. С.14–22.

6. Бурков С. Б. Курганы с.Ачхой-Мартан как памятники истории и культуры эпохи бронзы // Археология и краеведение – ВУЗу и школе. Тезисы докладов семинара. Грозный: ЧИГУ, 1989. С. 68–70.

7. Бурков С. Б. Отчет о раскопках курганов в зоне II-й очереди Ассиновской мелиоративной системы (АМООС) на орошаемых землях совхоза «Бамутский» Ачхой-Мартановского района ЧИАССР в 1989 году. Грозный,1990 // Научно-отраслевой архив Института Археологии РАН. Ф. 1. Р-1. №14105–1409.

8. Бурков С. Б. Новые погребения конца ранней бронзы из раскопок археологической лаборатории ЧИГУ им. Л. Н. Толстого // Актуальные проблемы истории дореволюционной Чечено-Ингушетии. Региональная научная конференция. Тезисы докладов и сообщений. Грозный: ЧИГУ, 1990. С. 4–6.

9. Бурков С. Б. Новые катакомбные комплексы из Чечено-Ингушетии // Тезисы докладов всесоюзного семинара «Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности». Запорожье: Коммунар, 1990. С. 8–10.

10. Бурков С. Б. Новостроечные работы в зоне реконструкции 2-й очереди Ассинской оросительной системы (АМООС) в 1986–1990 гг. // Толстовские чтения. Тезисы докладов конференции по итогам научно-исследовательской работы за 1990 год. Грозный: ЧИГУ. 1991. С. 23–25.

11. Бурков С. Б., Григорьева Е. А. К определению стратиграфических позиций ряда посткуро-араксских керамических форм и погребений с курильницами из Ассинских курганов сезона 1990 г. // Тезисы докладов и сообщений третьей зональной Северокавказской олимпиады по археологии и краеведению. Грозный: ЧИГУ, 1991. С. 44–45.

12. Бурков С. Б. Некоторые итоги археологического сотрудничества с Агропромом и мелиораторами республики // Археология на новостройках Северного Кавказа (1986–1990 гг.). Тезисы докладов региональной научно-практической конференции. Грозный: ЧИГУ, 1991. С. 12–14.

13. Бурков С. Б. Курган №1 могильника «Бамутские сады» (работы 1989 г.) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Выпуск 4. Армавир: АГПИ, 2004. С. 46–55.

14. Бурков С. Б. Культурно-хронологическое положение т.н. «восьмеркообразных ям» с территории Северо-восточного Кавказа // Материалы по изучению историко-культурного наследия. Крупновские чтения 1971–2006 гг. М.: Ставрополь. «Памятники исторической мысли», 2008. С. 896–897.

15. Бурков С. Б. Подкурганные погребения эпохи бронзы из Ачхой-Мартановского района ЧИАССР (предварительный анализ) // Вестник Академии наук Чеченской Республики. Гуманитарные науки. 2008. Том.2. №2. С. 64–71.

16. Бурков С. Б. Из истории изучения объектов культурного наследия Ингушетии (эпоха камня, энеолит и бронзовый век) // Вестник археологического центра, выпуск III. Назрань: «Пилигрим», 2009. С. 97–109.

17. Бурков С.Б. Отражение историко-культурных процессов эпохи ранней –развитой бронзы в работах Кавказоведческой школы В. Б. Виноградова // Кавказоведческая школа В. Б. Виноградова: 50 лет в пути: сборник научно-исследовательских очерков и био-библиографических материалов. Армавир. Ставрополь: Дизайн-студия – Б, 2013. С. 49–69.

18. Бурков С. Б. Из истории изучения памятников эпохи ранней – развитой бронзы предгорно-плоскостной археологической экспедицией (ППАЭ) в 1976–1991 гг. // Из истории культуры народов Северного Кавказа: сборник научных статей (выпуск 6). Ставрополь: «Графа», 2014. С. 13–30.

19. Бурков С. Б., Ростунов В. Л. Погребения эпохи бронзы из кургана №1 у с. Ачхой-Мартан // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Выпуск. 3. Армавир. АГПУ, 2004. С.137–150.

20. Виноградов В. Б., Козенкова В. И., Крупнов Е. И., Кузнецов В. А., Марковин В. И., Мунчаев Р. М., Сарианиди В. И. Полный научный отчет Северо-Кавказской археологической экспедиции 1964 года // Научно-отраслевой архив Института Археологии РАН. Ф.1. Р-1. №2915.

21. Виноградов В. Б., Козенкова В. И., Крупнов Е. И., Марковин В. И., Мунчаев Р. М. Северо-Кавказская экспедиция // Археологические открытия 1967 г. М.: Наука, 1968. С. 65–69.

22. Виноградов В. Б., Савенко С. Н. Отчет о раскопках курганов на орошаемых землях совхоза «Новосельский» Ачхой-Мартановского района в 1986 г. Грозный, 1987 // Научно-отраслевой архив Института Археологии РАН. Ф.1. Р-1. №11727 – «а».

23. Виноградов В. Б., Бурков С. Б., Дударев С. Л., Савенко С. Н., Нарожный Е. И., Хашегульгов Б. М. Первые результаты хоздоговорных работ археологической лаборатории университета // Толстовские чтения. Тезисы докладов конференции по итогам научно-исследовательской работы за 1988 г. Грозный: ЧИГУ, 1989. С.135–139.

24. Виноградов В. Б. Пять лет полевых трудов хоздоговорной археологической лаборатории ЧИГУ им.Л.Н.Толстого // Археология на новостройках Северного Кавказа (1986–1990 гг.). Тезисы докладов региональной научно-практической конференции. Грозный: ЧИГУ, 1991. С.19–22.

25. Дударев С. Л., Хашегульгов Б. М. Археологическая карта Чечено-Ингушетии эпохи энеолита и бронзы // Природа и хозяйство Чечено – Ингушской республики. Сборник статей. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1991. С.124–134.

26. Козенкова В. И. Датировка кобанской культуры в трудах А. А. Иессена (в свете последних археологических данных) // Краткие сообщения института археологии (выпуск 192). М.: Наука. 1987. С. 40–47.

27. Кореневский С. Н. Древнейшее осёдлое население на среднем Тереке. М.: Знание,1993. 167 с.

28. Кореневский С. Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. Майкопско-новосвободненская общность. Проблемы внутренней типологии. М.: Наука, 2004. 243 с.

29. Кореневский С. Н. Древнейший металл Предкавказья. Типология. Историко-культурный контекст. М.: Таус, 2011. 336 с.

30. Кореневский С. Н., Мимоход Р. А. Курганы позднего периода бронзового века у станицы Архонская в Северной Осетии. М.: ИА РАН, 2011. 120 с.

31. Крупнов Е. И. О чём говорят памятники материальной культуры Чечено-Ингушской АССР (К истории народов Чечено-Ингушетии). Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1961. 54 с.

32.Крупнов Е. И. Десять лет деятельности Северо – Кавказской археологической экспедиции в Чечено – Ингушской АССР // Археолого-этнографический сборник. Том III. Известия ЧИНИИИЯЛ, том.7. Выпуск 1. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1969. С.8–13.

33. Магомедов А. Р. Бамутское поселение – новый памятник кобанской культуры // Советская археология. 1972. №2. С. 110–126.

34. Магомедов А. Р. Новые данные по металлообработке у древнего населения Чечено-Ингушетии // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.: Наука, 1973. С. 135–141.

35. Магомедов А. Р. Культура Северо-Восточного Кавказа в эпоху поздней бронзы (на материалах раскопок Бамутского поселения): автореф. дис. … канд. ист. наук. М.: МГУ, 1973. 22 с.
36. Марковин В. И. О памятниках эпохи бронзы Чечено-Ингушетии и Дагестана // Известия ЧИНИИ. Выпуск IX. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство. 1964. С. 10–20.
37. Марковин В. И. К истории археологического изучения Чечни (из итогов работ Северокавказской экспедиции в 1957–1968 гг.). // Культура Чечни: история и современные проблемы. М.: Наука, 2002. С. 28–40.
38. Марковин В. И., Мунчаев Р. М. Археология Чечено-Ингушетии в свете новейших исследований // Краткие сообщения института археологии (выпуск 1000). М.: Наука, 1965. С. 40–49.
39. Марковин В. И., Мужухоев М. Б. Некоторые итоги изучения древностей Чечено-Ингушетии // Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, ЧИНИИСФ, 1979. С. 5–23.
40. Марковин В. И., Мунчаев Р. М. Северный Кавказ. Очерки древней и средневековой истории и культуры. Тула: Гриф и КО, 2003. 340 с.
41. Мунчаев Р. М. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. Материалы и исследования по археологии СССР. Выпуск 100. М.: АН СССР, 1961. 162 с.
42. Мунчаев Р. М. Новые данные по археологии Чечено-Ингушетии (Из результатов работ Северокавказской экспедиции 1958 года // Краткие сообщения института археологии (Выпуск 84). М.: Наука, 1961. С. 56–62.
43. Мунчаев Р. М. Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии (Из результатов работ Северо-Кавказской экспедиции) // Советская археология.1962. №3. С.176–198.
44. Мунчаев Р. М. Катакомбная культура и Северо-Восточный Кавказ // Новое в советской археологии. Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 130. М.: Наука, 1965. С. 92–96.
45. Мунчаев Р. М. Из истории раннебронзового века в Чечено-Ингушетии // Археолого-этнографический сборник. Том I. Грозный: ЧИНИИИЯЛ, 1966. С. 9–28.
46. Мунчаев Р. М. Раскопки Бамутских курганов в 1965 году // Археолого-этнографический сборник. Том II. Грозный: ЧИНИИИЯЛ, 1968. С.131–151.
47. Мунчаев Р. М. Кавказ в эпоху энеолита и ранней бронзы (V–III тыс. до н.э.): автореф. дис. … доктора ист. наук. Тбилиси: Тбилисский госуниверситет, 1971. 61 с.
48. Мунчаев Р. М. Бронзовые псалии майкопской культуры и проблема возникновения коневодства на Кавказе // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.: Наука, 1973. С. 71–77.
49. Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века (неолит, энеолит, ранняя бронза). М.: Наука,1975. 415 с.
50. Мунчаев Р. М. Погребальные комплексы с сосудами на ножках из Бамутских курганов эпохи бронзы // Новое в археологии Северного Кавказа М.: Наука. 1986. С. 27–39.
51. Мунчаев Р. М., Сарианиди В. И. Бамутские курганы эпохи бронзы // Краткие сообщения института археологии (выпуск 98). М.: Наука. 1964. С. 90–99.
52. Мунчаев Р. М., Сарианиди В. И. Исследование Бамутского курганного могильника в 1963 г. // Краткие сообщения института археологии (выпуск 106). М.: Наука, 1966. С. 74–80.
53. Нарожный В. Е., Нарожный Е. И. Из истории археологического изучения Чечено-Ингушетии (1986–1991 гг.) // Культурная жизнь Юга России. №3 (41). 2011. С. 30–35.
54. Подгорный М. П. Майкопская керамика из могильника «Бамутские сады» // Университетская экспозиция результатов новостроечных и охранных археологических работ 1989-1990 годов (Аннотации сообщений. Январь 1991 г.). Грозный: ЧИГУ, 1991. С. 3–4.

References

1. Bagaev M. H. CHechnya v bronzovom veke (konec IV – konec II tys. do n.e.) *(Chechnya in the bronze age (late IV - late II thousand BC)* // Istoriya CHechni s drevnejshih vremyon do konca XIX v. Vol. 1. Groznyj: Knizhnoe izdatelstvo, 2006. P. 26–55. (In Russian).
2. Bagaev M. H. Russkaya i sovetskaya istoriografiya drevnej i srednevekovoj material'noj i duhovnoj kul'tury chechencev *(Russian and Soviet historiography of the ancient and medieval material and spiritual culture of Chechens)* // Kul'tura CHechni: istoriya i sovremennye problemy. Moscow: Nauka, 2006. P..110–118. (In Russian).
3. Bagaev M. H. Vekhi stanovleniya arheologicheskoj nauki v CHechne *(Milestones of formation of archaeological science in Chechnya)* // Istoriya nauki i tekhniki.2008. No. 3. P. 27–28. (In Russian).
4. Bagaev M. H. Arheologicheskie pamyatniki drevnej Chechni v trudah R. M. Munchaeva *(Archaeological monuments of ancient Chechnya in the works of R. M. Munchaev)* // Problemy istorii, filologii, kul'tury. Issue. XXI. V chest' 80 – letiya R. M. Munchaeva. 2008. No. 21. P. 29–37. (In Russian).
5. Bobrinskij A. A., Munchaev R. M. Iz drevnejshej istorii goncharnogo kruga na Severnom Kavkaze *(From the ancient history of the potter's wheel in the North Caucasus)* // Kratkie soobshcheniya instituta arheologii (vypusk 108 Moscow: Nauka, 1966. P.14–22. (In Russian).
6. Burkov S. B. Kurgany s. Achkhoj-Martan kak pamyatniki istorii i kul'tury epohi bronzy *(Mounds of Achkhoy-Martan village as monuments of history and culture of the bronze age)* // Arheologiya i kraevedenie – VUZu i shkole. Tezisy dokladov seminara. Groznyj: CHISGU publ, 1989. P. 68–70. (In Russian).
7. Burkov S. B. Otchet o raskopkah kurganov v zone II-j ocheredi Assinovskoj meliorativnoj sistemy (AMOOS) na oroshaemyh zemlyah sovhoza «Bamutskij» Achkhoj-Martanovskogo rajona CHIASSR v 1989 godu. Groznyj,1990 *(Report on the excavation of mounds in the zone of the second stage of the Assinovsky melioration system (AMOS) at the irrigated lands of the state farm «Bamutsky» in the Achkhoy-Martanovsky district of ChIASSR in 1989. Grozny,1990)* // Nauchno-otraslevoj arhiv Instituta Arheologii RAN. F.1. R-1. No.14105–1409. (In Russian).
8. Burkov S. B. Novye pogrebeniya konca rannej bronzy iz raskopok arheologicheskoj laboratorii CHISU named after L. N. Tolstogo *(New burials of the late early bronze age from the excavations of the archaeological laboratory CHSU named*

after L. Tolstoy) // Aktual'nye problemy istorii dorevolyucionnoj Checheno-Ingushetii. Regional'naya nauchnaya konferenciya. Tezisy dokladov i soobshchenij. Groznyj: CHISU publ., 1990. P.4–6. (In Russian).

9.Burkov S. B. Novye katakombnye kompleksy iz Checheno-Ingushetii // Tezisy dokladov vsesoyuznogo seminara «Problemy izucheniya katakombnoj kul'turno-istoricheskoj obshchnosti» *(New catacomb complexes from Chechen-Ingushetia // Abstracts of the all-union seminar «Problems of studying the catacomb cultural and historical community»).* Zaporozh'e: Kommunar, 1990. P. 8–10. (In Russian).

10. Burkov S. B. Novostroechnye raboty v zone rekonstrukcii 2-j ocheredi Assinskoj orositel'noj sistemy (AMOOS) v 1986–1990 gg. *(New construction works in the zone of reconstruction of the 2nd stage of the Assinovskaya irrigation system (AMOS) in 1986–1990)* // Tolstovskie chteniya. Tezisy dokladov konferencii po itogam nauchno-issledovatel'skoj raboty za 1990 god. Groznyj: CHISU publ, 1991. P. 23–25. (In Russian).

11. Burkov S. B., Grigor'eva E. A. K opredeleniyu stratigraficheskih pozicij ryada postku- ro-arakskih keramicheskih form i pogrebenij s kuril'nicami iz Assinskih kurganov sezona 1990 g. *(On determination of the stratigraphic positions of a number of postkuro-arakski ceramic forms and burials with incense burners from Assinovski mounds in the 1990 field season)* // Tezisy dokladov i soobshchenij tret'ej zonal'noj Severokavkazskoj olimpiady po arheologii i kraevedeniyu. Groznyj: CHISU publ, 1991. P. 44–45. (In Russian).

12. Burkov S. B. Nekotorye itogi arheologicheskogo sotrudnichestva s Agropromom i melioratorami respubliki *(Several results of archaeological cooperation with the agricultural industry and meliorators of republic)* // Arheologiya na novostrojkah Severnogo Kavkaza (1986–1990 gg.). Tezisy dokladov regional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii. Groznyj: CHISU publ, 1991. P.12–14. (In Russian).

13. Burkov S. B. Kurgan №1 mogil'nika «Bamutskie sady» (raboty 1989 g.) *(Mound No.1 of the burial ground «Bamut Gardens» (works of 1989)* // Materialy i issledovaniya po arheologii Severnogo Kavkaza. Issue 4. Armavir: ASPI publ., 2004. P. 46–55. (In Russian).

14. Burkov S. B. Kul'turno-hronologicheskoe polozhenie t.n. «vos'merkoobraznyh yam» s territorii Severo-vostochnogo Kavkaza *(Cultural and chronological position of the so-called «eight-shaped pits» from the territory of the North-Eastern Caucasus)* // Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya. Krupnovskie chteniya 1971–2006 gg. Moscow, Stavropol': Pamyatniki istoricheskoj mysli, 2008. P. 896–897. (In Russian).

15. Burkov S. B. Podkurgannye pogrebeniya epohi bronzy iz Achkhoj-Martanovskogo rajona CHIASSR (predvaritel'nyj analiz) *(Under-mound burials of the bronze age from the Achkhoy-Martan district of ChIASSR (preliminary analysis)* // Vestnik Akademii nauk Chechenskoj Respubliki. Gumanitarnye nauki. 2008. Vol.2. No. 2. P. 64–71. (In Russian).

16. Burkov S. B. Iz istorii izucheniya ob»ektov kul'turnogo naslediya Ingushetii (epoha kamnya, eneolit i bronzovyj vek) *(On the history of studying the cultural heritage of Ingushetiya (the epoch of the stone, late stone and bronze ages)* // Vestnik arheologicheskogo centra. 2009. Issue III. P. 97–109. (In Russian).

17. Burkov S. B. Otrazhenie istoriko-kul'turnyh processov epohi rannej – razvitoj bronzy v rabotah Kavkazovedcheskoj shkoly V.B. Vinogradova (*Reflection of historical and cultural processes of the early bronze age in the works of the Caucasus research school of V. B. Vinogradov)* // Kavkazovedcheskaya shkola V. B. Vinogradova: 50 let v puti: sbornik nauchno-issledovatel'skih ocherkov i bio-bibliograficheskih materialov. Armavir. Stavropol: Dizajn-studiya – B. 2013. P. 49–69. (In Russian).

18.Burkov S. B. Iz istorii izucheniya pamyatnikov epohi rannej – razvitoj bronzy predgorno-ploskostnoj arheologicheskoj ekspediciej (PPAE) v 1976–1991 gg. *(From the history of studying monuments of the early – developed bronze age by the Foothill – Plain archaeological expedition (PPAE) in 1976–1991)* // Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza: sbornik nauchnyh statej. Issue 6. Stavropol': Grafa, 2014. P. 13–30. (In Russian).

19. Burkov S. B., Rostunov V. L. Pogrebeniya epohi bronzy iz kurgana №1 u s. Achkhoj-Martan *(Bronze age burials from mound No. 1 near Achkhoy-Martan village)* // Materialy i issledovaniya po arheologii Severnogo Kavkaza, vypusk. 3. Armavir: ASPU publ, 2004. P. 137–150. (In Russian).

20. Vinogradov V. B., Kozenkova V. I., Krupnov E. I., Kuznecov V. A., Markovin V. I., Munchaev R. M., Sarianidi V. I. Polnyj nauchnyj otchet Severo-Kavkazskoj arheologicheskoj ekspedicii 1964 goda *(Full scientific report of the North Caucasian archaeological expedition of 1964)* // Nauchno-otraslevoj arhiv Instituta Arheologii RAN. F.1. R-1. No. 2915. (In Russian).

21. Vinogradov V. B., Kozenkova V. I., Krupnov E. I., Markovin V. I., Munchaev R. M. Severo-Kavkazskaya ekspediciya *(North Caucasus expedition)* // Arheologicheskie otkrytiya 1967 g. Moscow: Nauka, 1968. P. 65–69. (In Russian).

22. Vinogradov V. B., Savenko S. N. Otchet o raskopkah kurganov na oroshaemyh zemlyah sovhoza «Novosel'skij» Achkhoj-Martanovskogo rajona v 1986 g. Groznyj, 1987 *(Report on excavations of mounds at the irrigated lands of the Novoselsky state farm in Achkhoy-Martan district in 1986. Grozny, 1987)* // Nauchno-otraslevoj arhiv Instituta Arheologii RAN. F.1. R-1. No.11727 – «a». (In Russian).

23. Vinogradov V. B., Burkov S. B., Dudarev S. L., Savenko S. N., Narozhnyj E. I., Hashegul'gov B. M. Pervye rezul'taty hozdogovornyh rabot arheologicheskoj laboratorii universiteta *(First results of contractual works of the University archaeological laboratory)* // Tolstovskie chteniya. Tezisy dokladov konferencii po itogam nauchno-issledovatel'skoj raboty za 1988 g. Groznyj: CHISU publ,1989. P. 135–139. (In Russian).

24. Vinogradov V. B. Pyat' let polevyh trudov hozdogovornoj arheologicheskoj laboratorii CHIGU im.L.N. Tolstogo *(Five years of field work of the contracted archaeological laboratory of ChISU named after L. Tolstoy)* // Arheologiya na novostrojkah Severnogo Kavkaza (1986–1990 gg.). Tezisy dokladov regional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii. Groznyj: CHISU publ, 1991. P. 19–22. (In Russian).

25. Dudarev S. L., Hashegul'gov B. M. Arheologicheskaya karta Checheno-Ingushetii epohi eneolita i bronzy *(The Archaeological map of the Chechen-Ingush Republic of the Eneolithic and Bronze age)* // Priroda i hozyajstvo Checheno-Ingushskoj respubliki. Sbornik statej. Groznyj: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1991. P. 124–134. (In Russian).

26. Kozenkova V. I. Datirovka kobanskoj kul'tury v trudah A. A. Iessena (v svete poslednih arheologicheskih dannyh) *(Dating of the Koban culture in the works of A. A. Jessen (in the light of the latest archaeological data)* // Kratkie soobshcheniya instituta arheologii (vypusk 192). Moscow: Nauka, 1987. P.40–47. (In Russian).

27. Korenevskij S. N. Drevnejshee osyodloe naselenie na srednem Tereke *(The oldest settled population at the middle Terek)*. Moscow: Znanie,1993. 167 p. (In Russian).

28. Korenevskij S. N. Drevnejshie zemledel'cy i skotovody Predkavkaz'ya. Majkopsko-novosvobodnenskaya obshchnost'. Problemy vnutrennej tipologii *(Ancient farmers and cattle breeders of the Ciscaucasia. The Maikop-Novosvobodnaya community. Problems of internal typology)*. Moscow: Nauka, 2004. 243 p. (In Russian).

29. Korenevskij S. N. Drevnejshij metall Predkavkaz'ya. Tipologiya. Istoriko-kul'turnyj kontekst *(The oldest metal of the Ciscaucasia. Typology. Historical and Cultural context)*. Moscow: Taus, 2011. 336 p. (In Russian).

30. Korenevskij S. N., Mimohod R. A. Kurgany pozdnego perioda bronzovogo veka u stanicy Arhonskaya v Severnoj Osetii *(Mounds of the late bronze age period near the village of Arhonskaya in North Ossetia)*. Moscow: IA of RAS publ, 2011. 120 p. (In Russian).

31. Krupnov E. I. O chyom govoryat pamyatniki material'noj kul'tury Checheno-Ingushskoj ASSR (K istorii narodov CHecheno-Ingushetii) *(What the monuments of material culture of the Chechen – Ingush ASSR tell about (On the history of the peoples of Chechen-Ingushetia)*. Groznyj: CHecheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1961. 54 p. (In Russian).

32. Krupnov E. I. Desyat' let deyatel'nosti Severo-Kavkazskoj arheologicheskoj ekspedicii v Checheno-Ingushskoj ASSR *(Ten years of activity of the North Caucasian archaeological expedition in the Chechen-Ingush ASSR)* // Arheologo-etnograficheskij sbornik. Vol. III. Izvestiya CHINIIIYAL. Vol.7. Issue 1. Groznyj: CHecheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1969. P. 8–13. (In Russian).

33. Magomedov A. R. Bamutskoe poselenie – novyj pamyatnik kobanskoj kul'tury *(Bamutskoe settlement – a new monument of the Koban culture)* // Sovetskaya arheologiya. 1972. No. 2. P. 110–126. (In Russian).

34. Magomedov A. R. Novye dannye po metalloobrabotke u drevnego naseleniya Checheno-Ingushetii *(New data on metalworking of the ancient population of Chechen-Ingushetia)* // Kavkaz i Vostochnaya Evropa v drevnosti. Moscow: Nauka, 1973. P. 135–141. (In Russian).

35. Magomedov A. R. Kul'tura Severo-Vostochnogo Kavkaza v epohu pozdnej bronzy (na materialah raskopok Bamutskogo poseleniya) *(Culture of the North-Eastern Caucasus in the late bronze age (based on the materials of the excavations of the Bamut Settlement):* abstract of thesis. Moscow: MSU publ.,1973. 22 p. (In Russian).

36. Markovin V. I. O pamyatnikah epohi bronzy Checheno-Ingushetii i Dagestana *(On monuments of the bronze age of Chechen-Ingushetia and Dagestan)* // Izvestiya CHINII. Issue IX. Groznyj: CHecheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1964. P.10–20. (In Russian).

37. Markovin V. I. K istorii arheologicheskogo izucheniya Chechni (iz itogov rabot Severokavkazskoj ekspedicii v 1957–1968 gg.) *(On the history of the archaeological study of Chechnya (from the results of the North Caucasian expedition in 1957–1968)* // Kul'tura Chechni: istoriya i sovremennye problemy. Moscow: Nauka, 2002. P. 28–40. (In Russian).

38. Markovin V. I., Munchaev R. M. Arheologiya Checheno-Ingushetii v svete novejshih issledovanij *(Archeology of Chechen-Ingushetia in the light of the latest research)* // Kratkie soobshcheniya instituta arheologii (vypusk 1000). Moscow, 1965. P. 40–49. (In Russian).

39. Markovin V. I., Muzhuhoev M. B. Nekotorye itogi izucheniya drevnostej Checheno-Ingushetii *(Some results of studying the antiquities of Chechen-Ingushetia)* // Arheologicheskie pamyatniki Checheno-Ingushetii. Groznyj, CHINIISF, 1979. 159 p. (In Russian).

40. Markovin V. I., Munchaev R. M. Severnyj Kavkaz. Ocherki drevnej i srednevekovoj istorii i kul'tury *(North Caucasus. Essays on ancient and medieval history and culture)*. Tula: Grif and KO, 2003.340 p. (In Russian).

41. Munchaev R. M. Drevnejshaya kul'tura Severo-Vostochnogo Kavkaza. Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR (Ancient culture of the North-Eastern Caucasus. Materials and research on the archeology of the USSR). Issue 100. Moscow: SA USSR publ.,1961. 162 p. (In Russian).

42. Munchaev R. M. Novye dannye po arheologii Checheno-Ingushetii (Iz rezul'tatov rabot Severokavkazskoj ekspedicii 1958 goda *(New data on the archeology of Chechen-Ingushetia (From the results of the North Caucasian expedition of 1958)* // Kratkie soobshcheniya instituta arheologii. Issue 84. Moscow: Nauka, 1961. P. 56–62. (In Russian).

43. Munchaev R. M. Pamyatniki majkopskoj kul'tury v Checheno-Ingushetii (Iz rezul'tatov rabot Severo-Kavkazskoj ekspedicii) *(Monuments of the Maikop culture in Chechen-Ingushetia (From the results of the North Caucasus expedition)* // Sovetskaya arheologiya.1962. No. 3. P. 176–198. (In Russian).

44. Munchaev R. M. Katakombnaya kul'tura i Severo-Vostochnyj Kavkaz *(Catacomb culture and the North-Eastern Caucasus)* // Novoe v sovetskoj arheologii. Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR. Issue 130. Moscow: Nauka. 1965. P. 92–96. (In Russian).

45. Munchaev R. M. Iz istorii rannebronzovogo veka v Checheno-Ingushetii *(From the history of the early bronze age in Chechen-Ingushetia)* // Arheologo-etnograficheskij sbornik. Vol. I. Groznyj: CHINIIIYAL, 1966. P.9–28. (In Russian).

46. Munchaev R. M. Raskopki Bamutskih kurganov v 1965 godu *(Excavations of the Bamut Mounds in 1965 // Archaeological and ethnographic collection)* // Arheologo-etnograficheskij sbornik. Vol. II. Groznyj: CHINIIIYAL, 1968. P.131–141. (In Russian).

47. Munchaev R. M. Kavkaz v epohu eneolita i rannej bronzy (V–III tys. do n.e.) *(Caucasus in the Eneolithic and early bronze age (V–III thousand BC)*: abstract of thesis. Tbilisi: Tbilissy State University, 1971. 61 p. (In Russian).

48. Munchaev R. M. Bronzovye psalii majkopskoj kul'tury i problema vozniknoveniya konevodstva na Kavkaze *(Bronze cheek pieces of the Maikop culture and the problem of horse breeding in the Caucasus)* // Kavkaz i Vostochnaya Evropa v drevnosti. Moscow: Nauka, 1973. P. 71–77. (In Russian).

49. Munchaev R. M. Kavkaz na zare bronzovogo veka (neolit, eneolit, rannyaya bronza) (*Caucasus at the dawn of the bronze age (Neolithic, Eneolithic, Early bronze)*. Moscow: Nauka, 1975. 415 p. (In Russian).

50. Munchaev R. M. Pogrebal'nye kompleksy s sosudami na nozhkah iz Bamutskih kurganov epohi bronzy *(Funerary complexes with vessels on legs from the Bamut burial mounds of the bronze age)* // Novoe v arheologii Severnogo Kavkaza. Moscow: Nauka publ,1986. P. 27–39. (In Russian).

51. Munchaev R. M., Sarianidi V. I. Bamutskie kurgany epohi bronzy // Kratkie soobshcheniya instituta arheologii *(Bamut*

mounds of the bronze age // Brief reports of the Institute of archeology). Issue 98. Moscow: Nauka publ,1964. P.90 – 99. (In Russian).

52. Munchaev R. M., Sarianidi V. I. Issledovanie Bamutskogo kurgannogo mogil'nika v 1963 g. // Kratkie soobshcheniya instituta arheologii *(Research of the Bamut burial mound in 1963)*. Issue 106. Moscow: Nauka publ,1966. P. 74–80. (In Russian).

53. Narozhnyj V. E., Narozhnyj E. I. Iz istorii arheologicheskogo izucheniya Checheno-Ingushetii (1986–1991 gg.) *(From the history of the archaeological study of Chechen-Ingushetia (1986–1991)* // Kul'turnaya zhizn' YUga Rossii. No. 3 (41). 2011. P. 30–35. (In Russian).

54. Podgornyj M. P. Majkopskaya keramika iz mogil'nika "Bamutskie sady" *(Maikop ceramics from the burial ground «Bamut Gardens»)* // Universitetskaya ekspoziciya rezul'tatov novostroechnyh i ohrannyh arheologicheskih rabot 1989–1990 godov (Annotacii soobshchenij. YAnvar' 1991 g.). Groznyj: CHISU publ, 1991. P. 3–4. (In Russian).

Сведения об авторе

Бурков Сергей Борисович – старший научный сотрудник отдела археологии Института истории и археологии РСО-А (Владикавказ) / sergeyburkov59@yandex.ru

Information about the author

Burkov Sergey – Senior Research, Department of Archeology, Institute of History and Archeology of the Republic of North Ossetia-Alania" (Vladikavkaz) / sergeyburkov59@yandex.ru

УДК 94(47).084.3

Л. Н. Величко

ПОЛИТИКА ИТАЛЬЯНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ЗАКАВКАЗЬЕ В 1919–1920 гг. И ЕЁ РЕЗУЛЬТАТЫ[1]

В статье рассматривается политика двух кабинетов итальянского правительства В. Орландо и Ф. Нитти относительно военного и экономического присутствия в Закавказье первые послевоенные годы. Неудачи английской оккупации Кавказа, нацеленной на геополитическое и экономическое присутствие Англии в регионе примыкающим к её Ближнему Востоку и Индии, подтолкнули правительство Ллойд Джорджа искать возможные «пути отступления», одним из которых стала замена английских войск итальянским. Несмотря на то, что представители итальянских коммерческих ассоциаций были крайне заинтересованы в проникновении в нефтеносный регион Азербайджана, а также богатую марганцевыми рудами, углём и древесной Грузию, официальный Рим не мог решиться на активное военное проникновение в виду большевистской угрозы и анализируя неудачи англичан, Орландо, а затем Нитти предпочли до решения вопроса о политическом статусе Грузии, Азербайджана и Армении ограничиться отправкой экономических миссий. Именно миссии представляли интересы Рима на Кавказе. Их задачами являлось выявление целесообразности, в том числе и итальянского военного присутствия, а также определение устойчивости местных политических режимов.

Исследование проведено на основе данных, представленных миссией полковника М. Габбы, а также дипломатического ведомства Азербайджанской республики. В нем даны оценки деятельности как правительства Витторио Орландо, так и деятельности кабинета Франческо Нитти. Основное внимание уделено анализу интересов двух конкурирующих финансовых групп: Итальянского коммерческого банка и Сберегательного банка Ансальдо, которые оказывали существенное давление на официальный Рим, стремясь получить государственные заказы и обеспечить себя ресурсами в условиях реконверсии. Исходя из представленных в статье позиций итальянского правительства и коммерческих групп, автор пришла к выводу, что политика кабинета Ф. Нитти оказалась достаточно дальновидной, о чем свидетельствует успешное итало-советское сотрудничество после установление дипломатических отношений между Италией и СССР, в состав которого было включено Закавказье.

Ключевые слова: Азербайджан, Грузия, В. Орландо, Ф. Нитти, Э. Конти, миссия полковника Габбы, советизация Закавказья, Итальянский коммерческий банк, Сберегательный банк Ансальдо.

Ludmila Velichko

THE POLICY OF THE ITALIAN GOVERNMENT IN THE TRANSCAUCASUS IN 1919–1920 AND ITS OUTCOMES

The article examines the policy of two offices of the Italian government led by V. Orlando and F. Nitti regarding the military and economic presence in the Transcaucasia in the first post-war years. The failure of the British occupation of the Caucasus, aimed at the geopolitical and economic presence of England in the region adjacent to its Middle East and India, prompted the Lloyd George government to look for possible “ways of retreat”, one of which was the replacement of British troops with Italian ones. Despite the fact that representatives of Italian commercial associations were extremely interested in penetrating into the oil-bearing region of Azerbaijan, as well as Georgia, rich in manganese ores, coal and wood, official Rome could not decide on active military penetration in view of the Bolshevik threat and analyzing the failures of the British, Orlando, and then Nitti preferred to confine themselves to sending economic missions until the issue of the political status of Georgia, Azerbaijan and Armenia was resolved. It was the missions that represented the interests of Rome in the Caucasus. Their tasks were to identify the appropriateness, including the Italian military presence, as well as to determine the stability of local political regimes.

The study was based on data provided by the mission of Colonel M. Gabba, as well as the diplomatic department of the Republic of Azerbaijan. It evaluates the activities of both the Vittorio Orlando government and the cabinet of Francesco Nitti. The main attention is paid to the analysis of the interests of two competing financial groups: the Italian Commercial Bank and the Savings Bank of Ansaldo, which exerted significant pressure on official Rome, seeking to obtain government orders and provide themselves with resources in the context of reconversion. Based on the positions of the Italian government and commercial groups presented in the article, the author came to the conclusion that the policy of F. Nitti’s cabinet turned out to be quite far-sighted, as evidenced by the successful Italian-Soviet

[1] Исследование выполнено при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований «Большой Кавказ в контексте внешней политики России (1917–1922 гг.)» (№ 18-09-00444).

cooperation after the establishment of diplomatic relations between Italy and the USSR, which included Transcaucasia.

Key words: Azerbaijan, Georgia, V. Orlando, F. Nitti, E. Conti, Colonel Gabba's mission, Sovietization of Transcaucasia, Italian Commercial Bank, Ansaldo Savings Bank.

Конец Первой мировой войны открыл для Италии новые возможности и горизонты. Война «избавила» её от трёх геополитических конкурентов – Германии, Австро-Венгрии и Османской империи, создав условия для вхождения в число великих держав, претендующих на новый передел мира. Послевоенную политику Италии во многом определяли не политические партии, а экономические консорциумы, ставшие за годы войны неотъемлемой частью политической жизни. Среди таких экономических объединений большую роль играли Banca di Risparmio-Ansaldo и Comit (Итальянский коммерческий банк), обеспечивающие во время войны государственные заказы и являющиеся конкурентами в борьбе за такие отрасли как сталелитейное производство, судостроение, машинно-моторная и химическая промышленность. Начавшаяся диверсификация итальянской экономики проходила на фоне высокой концентрации производства, дисбаланса в соотношении населения и ресурсов. Так, количество населения Италии в период 1911–1921 гг. возросло с 34 700 000 жителей до почти 38 000 000, что было связано, в том числе с ужесточением миграционной политики Соединенными Штатами, приведшей к снижению миграционного потока. Итальянская эмиграция, составлявшая в 1900–1910 г. около 43%, в следующем десятилетии снизилась до 18%. Эта ситуация ухудшила рынок труда, платежный баланс и доступность иностранной валюты. Демографическая нагрузка на севере и в центре страны увеличивалась на 52 000 человек в год, что привело к избытку рабочей силы в этих регионах, где неуклонно росла безработица, особенно в аграрном секторе. Еще одним важным фактором, способствовавшим послевоенному кризису, стала реконверсия. Во время войны, особенно в металлургическом и механическом секторах, наблюдался значительный рост прибыли, поскольку они были сосредоточены исключительно на военных поставках, поддержанных государственным финансированием. Однако после войны необходимость в масштабных объёмах такого специфического производстве отпала, население нуждалось в «гражданском» производстве [5]. В этих условиях Banca di Risparmio-Ansaldo, пользуясь положением ключевого государственного кредитора, «начал весной 1919 года «битву за экономическое благополучие Италии», выбрав Парижскую мирную конференцию в качестве основной сцены». Прежде всего, его владельцев и акционеров интересовали рынки сырья и сбыта, открывшиеся после поражения Австро-Венгрии и Османской империи. [4, p. 53]. На заседаниях Парижской конференции глава правительства Италии Витторио Эмануэле Орландо пытался продвигать геополитическую линию своего государства, заключающуюся в обеспечении контроля над обещанными Италии в 1915 г. в Лондоне территориями, в том числе бывшими османскими владениями, в частности территорией Адалии (Анталии) и о. Додеканеза, как ключевых территорий в Восточном Средиземноморье, находящихся в непосредственной близости от ближневосточных рынков сырья и сбыта товаров.

Однако в конце 1918 г. итальянское правительство оказалось в затруднительном положении, связанном с противоречиями, возникшими между Италией, с одной стороны, Францией и Великобританией, с другой стороны, относительно раздела «наследства» распавшихся Османской и Австро-Венгерской империй. На Балканах итальянская дипломатия была обвинена в проведении антифранцузской политики, направленной на подтверждение гегемонии Италии в регионе и поддержку территориальных претензий венгров, болгар и румын, что было чревато разжиганием очередного балканского конфликта. Кроме того, Париж считал Рим опасным конкурентом в Эфиопии. Представители британского правительства Дэвид Ллойд Джордж, Артур Джеймс Бальфур видели итальянскую территориальную экспансию в восточной части Адриатического моря, Анатолии и Африки вредной и опасной для их собственных интересов на Ближнем Востоке, полагая, что международная ситуация с окончанием войны изменились настолько, что в Лондонский договор 1915 года устарел. Из списка возможных подмандатных Италии территорий были исключены Смирна, Анталия и северная Анатолия. Британским правительством было заявлено, что союзником необходимо разделить бремя ответственности за территории, ими освобождённые, а британские избиратели и налогоплательщики не должны оплачивать расходы по содержанию армии на территориях, где Британия не намерена задерживаться, в частности Кавказе, Армении и Сирии.

Правительство Италии, лишённое возможности закрепить за собой Смирну, одного из ключевых средиземноморских портов, начало длительные дипломатические переговоры, направленные на обеспечение итальянских интересов в регионе Ближнего Востока. Итальянцы, стремясь закрепить за собой хотя бы Конию (Конью), предложили свои войска для оккупации Закавказья, рассматривая эту меру как некую вынужденную уступку Великобритании. 8 февраля 1919 г., во время частной беседы с итальянскими представителями, Ллойд Джордж представил карту, на которой было обозначены шесть зон, передаваемых под контроль великих держав: первая, включающая Константинополь и прилегающие районы; вторая Измир и прилегающая территория; третья Ираклея, Брусса (Бурса), Анталья и Кония; четвертая Армения от Трабзона до Алек-

сандретты; пятая Сирия; шестая Месопотамия и Палестина. В то время как пятую и шестую зоны должны были поручить Франции и Великобритании соответственно, Армению и Константинополь можно было отнести к США, а Измир – к Греции, то Италии была предложена третья зона.

Италия пыталась продолжить колониальную политику, начатую в довоенный период, стремилась равномерно распределить свое влияние прежде всего в средиземноморских зонах, и оккупация Кавказа не входила в планы ее правительства, но получить Конью, которая могла бы стать связующим звеном между Средиземным и Черным морями, для Италии оказалось возможным только вместе с согласием на смену британских войск в Закавказье [12, p. 32–34].

16 марта 1919 г. Орландо телеграфировал в Рим: «Вчера Ллойд Джордж предложил мне мандат над Грузинской республикой. Это страна, которая является одним из самых богатых в мире источников полезных ископаемых, от нефти до древесного угля, марганца, железа и т. д. Конечно, для Италии было бы колоссальным счастьем, если бы она могла её получить. Уверен, что мы столкнемся с очень серьезными политическими трудностями, но также уверен, что ставки будут очень высокими» [12, p.85].

Задаваясь вопросом, почему британский премьер сделал подобное предложение, итальянский историк Марта Петричиоли полагала, что здесь скрывается три причины. Во-первых, сложное экономическое положение Италии, которая оказалась на грани глубокого экономического кризиса, что выразилось в приостановке выдачи ей кредитов. Во-вторых, Англия и Франция хотели контролировать Адриатическое море и Кавказ рассматривался ими в качестве «компенсации» Италии за отказ от активных действий в Адриатике. В-третьих, покидая Закавказье, англичане надеялись, что итальянские войска будут противостоять большевикам и окажут поддержку войскам генерала Деникина, приняв их обязательства на себя [12, p. 36].

Активным сторонником получения Италией мандата на Закавказье выступал премьер-министр Италии Витторио Эмануэле Орландо. Представляя Грузию, как часть Закавказья, королю Виктору Эммануилу III, он назвал её «истинной землёй обетованной», имея ввиду экономические выгоды, которые последуют за получением мандата над ней. Король парировал ему, заявляя., что если бы это было так, то англичане не стали уходить из Закавказья, подозревая Британию в введении закулисной дипломатической игры [12, p. 86]. Именно под влиянием этих двух сил находилось правительство Орландо, в том числе и в вопросе о направлении военного контингента на Кавказ, открывающего для Италии прибыльные рынки важных полезных ископаемых, а также усилила бы позицию Италии на переговорах о заключительном «ближневосточном договоре».

Чтобы принять взвешенное решение в этом вопросе, 27 апреля 1919 г. в Грузию была отправлена специальная миссия во главе с генералом Мелкиаде Габба в статусе дипломатического агента Италии в Закавказье, а 15 мая 1919 г. Габба заявил о начале работы в Тифлисе и Баку. На миссию было возложено несколько задач:

– следовало определить обстановку в регионе, чтобы обеспечить военную поддержку двум республикам, способствуя установлению внутренней стабильности в них;

– немедленно начать, как посредством действий государства, так и путем поощрения частных инициатив, разработку минеральных ресурсов, учитывая не только нефть, но уголь, марганец и медь, а также возможность лесозаготовок и отправки сырья по железной дороге и морю;

– способствовать активной коммерческой деятельности в промышленности и сельском хозяйстве с целью продвижения итальянских товаров, а также миграции населения, учитывая недалёкое расстояние от Италии [8, p. 329–372].

В донесении от 17 мая 1919 г. глава морского отдела миссии в Закавказье капитан Аслан Гранафей передал свой разговор с председателем Совета министров Азербайджана Насибом бек Усуббековым, которого он называет «Ministro Presidente». В нём он определяет цели итальянского правительства в отношении Азербайджана: «Италия хочет познакомиться с этой страной с надеждой и верой в то, что сможет наладить дружеские и коммерческие отношения, которые могут принести только взаимную выгоду и благополучие. Кроме того, Миссия отвечает за изучение возможности замены английских войск итальянскими войсками» [10, p. 79]. Он дипломатично уклонялся от прямых вопросов относительно военной поддержки в борьбе с большевиками и войсками Деникина, заявляя, что Италия готова защитить Азербайджан от угроз извне» [10, p. 80]. Итальянцы хотели дистанцироваться от политических противоречий в регионе, вызванных появлением Азербайджана, Грузии и Армении, заявивших в 1918 г. о своей независимости и имеющих твёрдое намерение отстаивать её как на дипломатическом уровне, так и с оружием в руках. Другой силой, представленной на Кавказе, являлась армия генерала А.И. Деникина, видевшая своей целью восстановление «единой и неделимой России», в которой Кавказ являлся её неотъемлемой частью. Единственной объединяющей их идеей была борьба с большевизмом.

В донесении А. Гранафея видна тревога руководства Азербайджана, относительно полномочий Италии, которые так и не озвучены итальянским представителем, подчёркивающим, что его компетенции ограничены задачей миссии. Он не мог определённо ответить на вопрос о готовности правительства Италии ввести войска, их численности и целях, но замечает: «ясно, что войска здесь станут серьезным бременем для Италии». И министр с готовностью отвечает ему: «Мы прекрасно понимаем, что вы не можете сделать что-то для нас, только «за красивые глаза». Понятно, что все расходы возьмем на себя. Мы будем рады предоставить вам льготы, горные и нефтяные концессии. Если они четко указаны, мы немедленно

предоставим вам все необходимые привилегии и уступки… Пока вы не коснетесь национальной независимости или нашей свободы, все будет вам искренне отдано. Объявляю вам это прямо сейчас. Если вы обеспечите нам свободу и независимость, мы будем вашими верными и преданными друзьями, и все, что у нас есть, будет в вашем распоряжении» [10, p. 83–84]. Столь тёплый приём объясняется с одной стороны желанием получить в лице Италии союзника в делах признания независимости Азербайджана на Парижской конференции, с другой стороны, симпатии в отношении итальянцев были показателем недоверия к английским оккупационным властям, оказывающим поддержку генералу Деникину. Осознавая, что после ухода англичан, Азербайджан окажется либо под властью деникинских войск, либо под властью большевиков, глава правительства с готовностью обещает экономические льготы итальянцам, в надежде на их дипломатическую и военную поддержку, что будет подтверждено в декабре 1919 г. [3, с. 308–314].

Дальнейший диалог продолжается в русле обсуждений экономических возможностей Азербайджана и его потенциала для итальянской промышленности. Капитана интересуют отрасли производства и их доходность, состояние сельского хозяйства и логистика, рынки сбыта, экспортные и импортные пошлины, возможности миграции итальянских крестьян и рабочих. Резюмируя, он пишет, что экономические выгоды от присутствия в Азербайджане очевидны, особенно относительно топливных интересов, поэтому итальянскому правительству следует как можно скорее рассмотреть данные миссии и принять положительное решение [10, p. 85–86].

Приступив к выполнению своих обязанностей, члены миссии отправляли в Рим подробные донесения об экономическом положении в Закавказье. Горный инженер, эксперт комиссии Габбы Витторио Новарезе даёт детальную характеристику состояния добычи нефти, марганцевой руды и меди, отмечая, что если новое правительство независимой Грузии изменит существовавший до этого закон, по которому государство имеет преимущество в использовании недр, то это даст возможность частному капиталу открывать новые месторождения. Тем не менее, при всей выгодности добычи, есть существенные сложности с транспортировкой и плачевным состоянием дорог Грузии и Азербайджана [10, p. 110–113]. Об этих же сложностях пишет и эксперт лесной промышленности Ариберто Меренди, давая оценку добыче древесины, её качеству и площади лесов. Однако гораздо большее опасение у него вызывал профессионализм рабочих, которые, по его мнению, годились только для рубки и резки деревьев, «но для всех других работ, для которых требуется особый технический навык, таких как строительство и работа канатных дорог, подъем, установка, обустройство водных путей, работа лесопилки необходимо нанять итальянских специалистов» [10, p. 142]. Финансовый эксперт миссии Джузеппе Вита описал состояние банковской сферы, которая находилась под полным контролем англичан, обеспечивающих сохранность ценностей и средств филиала Российского государственного банка в Баку. Он дал понять, что после ухода англичан финансовая стабильность станет заботой итальянцев, которые должны будут не только обеспечить работу банков, но и бороться с инфляцией [10, p. 119–122]. Тем не менее, несмотря на все указанные трудности, эксперты отмечали несомненную экономическую целесообразность проникновения на Кавказ.

Тяжёлое экономическое положение в регионе осложняла неустойчивая политическая ситуация, масштабы которой итальянцы пытались оценить, как находясь на месте, так и на дипломатическом уровне. Адмирал Паоло Таон ди Ревель, представлявший Италию на Парижской мирной конференции, сообщал «сводную информацию», которую ему удалось собрать о Кавказе председателю Совета министров Орландо. Адмирал писал: «Я имел возможность поговорить на эту тему с несколькими британскими офицерами, которые показали мне с вежливой иронией, как они радуются уходу». Он отмечал, что англичане оставляют итальянцам разрываемую политическими противоречиями территорию, с голодающим, промышляющим грабежом населением и открытыми межэтническими конфликтами [10, p. 96]. Полковник Карло Мишель, находясь в миссии Габбы, подтверждал слова адмирала ди Ривеля: «Итальянская оккупация ожидается и желательна, но время уходит, и я думаю, что было бы удобно послать хотя бы одну бригаду немедленно для развертывания в Баку и Тифлисе, только чтобы обеспечить относительное спокойствие» [10, p. 118]. Военное ведомство Италии, руководствуясь данными миссии Габбы и соглашением с Великобританией, готово было направить ограниченный контингент войск в количестве 30 000 солдат и 1000 офицеров, которые должны быть отправлены на Кавказ 20 июня [10, p. 164].

Работа миссии шла на фоне острых политических дебатов в самой Италии о целесообразности военной оккупации Кавказа. 9 июня 1919 г. итальянский министр иностранных дел Сидней Соннино заверил российского посла М. Н. Гирса, что у Италии нет намерений длительной оккупации Кавказа, её интересуют коммерческие выгоды и предоставление концессий, а политические вопросы должны быть разрешены на конференции [10, p. 126]. Окончательную точку в вопросе о военной оккупации поставил новый министр иностранных дел Т. Титтони пришедшего к власти 23 июня 1919 г. кабинета Франческо Нитти. Причины невозможности военного присутствия на Кавказе объяснялись им просто: государственные расходы по проведению военной оккупации обойдутся государству в 1 миллиард лир, чего Италия позволить себе не может [11, с. 89]. 31 июля 1919 г. полковник Габба известил министра иностранных дел Азербайджанской Республики М. Ю. Джафарова о том, что итальянские войска не прибудут на смену английским, но Италия готова к развитию коммерческих, финансовых и про-

мышленных отношений между обеими странами [1, с. 256]. Таким образом, вопрос о военном присутствии Италии на Кавказе был закрыт.

С приходом к власти кабинета Франческо Нитти получила распространение программа «новой индустриальной демократии», основу которой составляла идея вывода государства из экономического кризиса эффективным правительством, сформированным из людей, способных осуществить промышленный прорыв. Такими людьми в его правительстве стали члены крупных финансовых и промышленных корпораций, в частности Альберто Пирелли, глава концерна по производству автомобильных шин, Артуро Боччардо, производитель оптики и электромеханических приборов для судов. Министром промышленности был назначен вице-президент FIAT и глава Лиги промышленников Турина Данте Феррари, а министром вооружения и боеприпасов глава крупнейшей электроэнергетической компании Società per Imprese Elettriche Conti Эттори Конти. Активным сторонником правительсва и единомышленником Ф.Нитти являлся и глава Banca di Risparmio-Ansaldo Анжело Польяни. Единственным их расхождением в вопросе об экономическом прорыве Италии был географический вектор экспансии итальянского капитала. Глава Совета министров Италии ориентировался на атлантический регион, полагая, что экономический союз с США, позволит Италии преодолеть трудные времена, в то время как А. Польяни, ориентировался на восток, на сырьевые возможности Румынии, Кавказа и южных районов России [4]. В августе 1919 г. Нитти возобновил проект экономического проникновения на Кавказ и как полагают М. Бенеджамо и П. Нардоне, во многом это было связано с интересами финансовой группы Comit (Banca Commerciale Italiana), вступившей в конкурентную борьбу с Banca di Risparmio-Ansaldo за рынки сырья и сбыта на Кавказе. В этой связи, используя полученную миссией полковника М. Габбы информацию, было «решено осуществить коммерческое проникновение в Закавказский регион, приняв следующие меры: разместить королевское консульское представительство в Тифлисе, Батуми и Баку, которые являются наиболее важными центрами в регионе. Назначить коммерческого представителя в Королевское консульство Тифлиса. Речь идет о выборе должностного лица, способного осуществлять практические действия для инициирования и развития интенсивных экономических отношений между Италией и Закавказским регионом, и которое не ограничивается, как это часто бывает, наблюдением, сбором статистических данных» [10, p. 161]. Как только решение правительства стало известно представителям консорциумов, они активно включился в создание финансовой основы для инвестирования в нефтяную промышленность Кавказа. Так, 19 июня 1919 г. в Париже, глава Banca di Risparmio-Ansaldo Анжело Поольяни и Абдул Чермоев, глава делегации Горской республики в Париже, договорились о передаче «всех прав и пакетов акций нафти, причитающихся Чермоеву, компаниям Tchelekeu Daghestan Company, Benzo-Nafte, Russe de Pétrole и Banque Privée de Petrograde, все за 19 миллионов, для использования в акциях создаваемого Кавказского банка». Об открытии им филиалов в Тифлисе, Баку и Батуми и Грозном было заявлено в октябре 1919 г. с капиталом в 40 000 000 лир. В этой связи, представители Banca di Risparmio-Ansaldo продолжали настаивать на военном присутствии Италии в регионе, которое гарантировало бы защиту от большевистской угрозы и определяло итальянское присутствие для Деникина. Этот вопрос активно дебатировался в итальянском правительстве, как и вопрос о признании суверенитета кавказских государств. [1, p. 283–284; 7, p. 139].

Активное экономическое проникновение на Кавказ находилось в тесной взаимосвязи с решением вопроса о независимости кавказских республик. Испытывая неуверенность в политическом будущем региона и не имея решение Парижской конференции относительно признания статуса Азербайджана и Грузии, правительство Италии не предпринимало активных действий в этом направлении. Глава Совета министров Ф. Нитти с осторожностью писал, что «союзники толкали Италию на авантюру, последствия которой трудно было предсказать… Грузия всегда была частью России и ни одна страна Антанты не считала это несправедливым» [11, p. 148]. Позицией итальянского правительства объясняется его «бездействие» относительно продвижения Деникина в Дагестан и потеря нефтяных компаний Чермоева, что стало причиной расторжения его договора с Banco Italo Caucasica di Sconto [9, p. 286].

Однако ситуация коренным образом изменилась, когда государства Антанты и Италия в том числе, спешно признали независимость кавказских республик перед наступлением большевиков в январе 1920 г. Неслучайно в феврале 1920 года сенатор Этторе Конти, глава группы Comit и президент исполнительного комитета межведомственного совета по преобразованию военной экономики, возглавил впечатляющую коммерческую миссию в кавказские республики, при поддержке полковника Габбы, ставшего с марта 1920 года главой Итальянского политического агентства в трех республиках. [1, с. 479]. 11 октября 1920 г. в Риме при участии Banca Italo Caucasica di Sconto было заключено важнейшее соглашение между правительством Грузии и компанией Ilva об эксклюзивной эксплуатации в течение 45 лет угольных месторождений в бассейне реки Галидсга (Ткварчели), которые, как утверждалось, содержат более 200 000 000 тонн угля, что делало Италию независимой от поставок других стран [7, p. 866]. Значимость этого соглашения была очевидна, поскольку 80% торгового дефицита довоенной итальянской экономики составляли уголь и нефть, а это соглашение позволило обеспечить 25% от импортируемого угля, а древесина, которой также было достаточно в Грузии, могла удовлетворить 2/3 потребностей Италии. [10, p. 81]. Далеко идущие планы итальянских коммерсантов прервала советизация Грузии и

Азербайджана, которая фактически завершилась летом 1921 г., и привела к банкротству основного инвестора Banca Italo Caucasica di Sconto.

Таким образом, цели итальянского присутствия на Кавказе значительным образом были определены не столько геополитическими задачами, сколько экономическими, основанными на коммерческом интересе крупных итальянских промышленных ассоциаций, нуждающихся в источниках сырья для своих предприятий. Итальянское правительство, особенно кабинет Ф. Нитти, оказалось под мощным давлением с одной стороны представителей крупных итальянских консорциумов, с другой стороны союзников, прежде всего Великобритании. И те, и другие настаивали на военном присутствии Италии в Закавказье, но итальянские миссии, направленные в Грузию и Азербайджан, получили указание избегать политических вопросов, особенно признания независимости Закавказья. Официальный Рим оставил право признания политического суверенитета за Парижской мирной конференцией и не предпринимал практических действий в экономической поддержке объявивших свою независимость кавказских государств, что, однако, не помешало итальянским предпринимателям начать самостоятельное активное проникновение в регион. Однако это не означало, что деятельность миссий Габбы и Конти не имело долгосрочных перспектив реализации. Гибкая политика итальянского правительства, сумевшего избежать военного вмешательства в регионе, создала условия для последующего сотрудничества с Советской Россией, плодотворно продолжившегося с дипломатическим признанием Советского Союза в 1924 г.

Источники и литература / References

1. Азербайджанская Демократическая Республика. Внешняя политика. (Документы и материалы). Баку: Азербайджан, 1998. 632 с.

Azerbajdzhanskaja Demokraticheskaja Respublika. Vneshnjaja politika. (Dokumenty i materialy) *(Azerbaijan Republic. Foreign policy. Documents and materials)*. Baku: Azerbajdzhan, 1998. 632 p. (In Russian).

2. Муханов В. М. О несостоявшейся итальянской интервенции в Закавказье в 1919 г. // Международная аналитика. 2016. No. 4. С.89.

Muhanov V. M. O nesostojavshejsja ital'janskoj intervencii v Zakavkaz'e v 1919 g. *(On the failed Italian intervention in Transcaucasia in 1919)* // Mezhdunarodnaja analitika. 2016. No. 4. P.89. (In Russian).

3. Нестеров А. Г. Мелькиаде Габба, итальянская миссия в Закавказье и независимый Азербайджан в 1919–1920 годах // Россия – Италия: Вып. 6: Итальянцы в России от древней Руси до наших дней. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 308–314.

Nesterov A. G. Mel'kiade Gabba, ital'janskaja missija v Zakavkaz'e i nezavisimyj Azerbajdzhan v 1919–1920 godah *(Melkiade Gabba, Italian Mission to Transcaucasia and Independent Azerbaijan in 1919–1920)* // Rossija – Italija: Vyp. 6: Ital'jancy v Rossii ot drevnej Rusi do nashih dnej. Moscow: IWH of RAS publ., 2015. P. 308–314. (In Russian).

4. Benegiamo M., Nardone P. Tecnocrazia e politica in Italia dalla crisi del 1907 al primo dopoguerra // Pecvnia. 2014. No. 19. URL: https://www.researchgate.net/publication/292945706 (Data processing: 12.06.2020).

5. Bottiglieri A. L'economia italiana durante la prima guerra mondiale URL: https://tesi.luiss.it/15466/1/175311.pdf (Accessed: 12.06.2020). .

6. Commerce reports. Washington, Government Printing Office 1920. Vol.4. P. 139. // URL: https://books.google.ru (Accessed: 12.06.2020).

7. Commerce reports. Washington, Government Printing Office 1921. 1376 p. Vol. 4 // URL: https://books.google.ru/books?id=JmVJAQAAMAAJ&pg=PA866&dq=Banca+italocaucasica+di+sconto+1921&hl=ru&sa=X&ved=2ahUKEwj4ksOgqazrA UWAxAIHZN9Ce8Q6AEwB3oECAkQAg#v=onepage&q=Banca%20italocaucasica%20di%20sconto%201921&f=false (Accessed: 12.06.2020).

8. De Matteo L. L'economia della Transcaucasia nelle relazioni della missione militare italiana Gabba (1919) // Nuova rivista storica. 1989. No. 73 (3–4). P. 329–372.

9. Falchero A. Industria e finanza in Italia tra guerra e dopoguerra (1914–1921). Fiesole: Istituto Universitario Europeo, 1988. P.1. 586 p. URL.:https://core.ac.uk/download/pdf/45673483.pdf (Accessed: 12.06.2020).

10. La Repubblica democratica dell'Azerbaigian: i documenti militari italiani (1919–1920) / Pommier Vincelli D., Carteny A. Roma: Nuova cultura, 2012. 214 p.

11. Nitti F. S Peaceless Europe. London: Cassell and company, limited. 1922. 292 c. URL:https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.209376/page/n309/mode/2up (Accessed: 12.06.2020).

12. Petricioli M. L'occupazione Italiana del Caucaso: «un ingrate servizio» da rendere a Londra, Giuffrè, Milano 1972. 93 p.

Сведения об авторе

Величко Людмила Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / ludku@yandex.ru

Information about the author

Velichko Lyudmila – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Foreign History, Political Science and Foreign Affairs Department, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / ludku@yandex.ru

УДК 94 (470+571) “18”

Ю. Гранкин

СОЦИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО И МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ ГОРСКИХ ОБЩЕСТВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В статье рассматриваются модели социально-политического устройства среди горцев Северного Кавказа и развитие феодальных отношений в горских обществах первой половины XIX века. Автором подчеркивается сложный и неоднозначный характер протекавших процессов, которые часто имели вид переходной стадии развития при одновременном сосуществовании новых и архаических устоев. Повсеместно можно было наблюдать как поступательное движение, так и возвратное движение на пути формирования новых общественно-политических структур. На примере местных обществ Кабарды, Балкарии и Чечни прослеживаются также особенности путей становления феодального уклада среди горцев. Автором подчеркивается, что многообразие локальных воплощений единой тенденции становления феодализма было следствием синтеза местной замедленно и изменчиво развивавшейся раннеклассовой структуры и внешних этнических, политических, экономических и идеологических факторов. Недостаточное развитие феодальных отношений способствовало сохранению в крае практики работорговли. Такой товар приносил ощутимую прибыль и способствовал накоплению богатств у той части населения, которая стремилась выделиться из среды соплеменников и претендовала стать элитой. Набеги с целью захвата пленников и их дальнейшей продажи приводили к междоусобицам, росту взаимной враждебности, войне всех против всех.

Автор много внимания уделяет исследованию положения дел в горской общине. Процесс имущественного расслоения в общинной среде неминуемо приводил к глубинным изменениям в практике землепользования, а вслед за этим и к социальным переменам. Также обращается внимание на становление и функционирование института княжеской власти в горской среде, особенно у кабардинцев и балкарцев, попутно выявляя его социальные и экономические истоки, а также роль внешнеполитического фактора, каким была Российская империя.

Касаясь чеченских обществ, автор сосредоточивает внимание на определяющей социально-политической и экономической роли тайпов, ставших непреодолимым препятствием для утверждения княжеской власти среди чеченцев. Социальная конструкция, сложившаяся в чеченских обществах, отличалась разнообразием и гибкостью. Каждая социальная группа имела свои права и обязанности, которые закреплялись в обычном праве. Чеченским тайповым общинам в упорной борьбе с феодализирующейся аристократией удавалось ограничить её претензии и в значительной мере сохранить свою свободу и общинное устройство в общественной жизни.

Ключевые слова: горские общества, Северный Кавказ, родовая община, феодальные отношения, князья, тайпы, факторы развития.

Yurii Grankin

SOCIAL STRUCTURE AND MANAGEMENT MODELS IN THE SYSTEM OF MOUNTAIN SOCIETIES OF THE NORTH CAUCASUS IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY

The article discusses the models of socio-political structure among the highlanders of the North Caucasus and the development of feudal relations in mountain societies of the first half of the XIX century. The author emphasizes the complex and ambiguous nature of the processes that often took the form of a transitional stage of development with the simultaneous coexistence of new and archaic foundations. Everywhere it was possible to observe both the forward movement and the return movement on the path to the formation of new socio-political structures. By the example of local societies of Kabarda, Balkaria and Chechnya, the features of the formation of the feudal structure among the highlanders are also traced. The author emphasizes that the diversity of local incarnations of the unified tendency of the formation of feudalism was the result of the synthesis of a local slow-moving and variably developing early class structure and external ethnic, political, economic and ideological factors. The insufficient development of feudal relations contributed to the preservation of the practice of the slave trade in the region. Such a product brought tangible profits and contributed to the accumulation of wealth in that part of the population, which sought to stand out from among its tribesmen and claimed to become an elite. Raids with the aim of capturing captives and their further sale led to civil strife, the growth of mutual hostility, the war of all against all. The author pays much attention to the study of the situation in the mountain community. With external egalitarianism, the process of property stratification in the community environment inevitably led to profound changes in land use practice, and after that to social changes. Attention is also drawn to the establishment and functioning of the institution of princely power in the mountainous environment, especially among Kabardians and Balkars, simultaneously revealing its social and economic sources, as well as the role of the foreign policy factor, which was the Russian Empire.

Studying the Chechen societies, the author focuses on the decisive socio-political and economic role of the typs, which have become an insurmountable obstacle to the assertion of princely power among Chechens. The social structure prevailing in Chechen societies was diverse and flexible. Each social group had its rights and obligations, which were enshrined in customary law. The Chechen Taip communities, in a stubborn struggle against the feudalized aristocracy, managed to limit its claims and largely preserve their freedom and community structure in public life.

Key words: mountain societies, the North Caucasus, clan community, feudal relations, princes, taipas, development factors.

В отечественной исторической науке до сих пор нет единого подхода в оценке уровня социально-политического развития горских обществ, на которые оказывали воздействие ландшафтно-зональное своеобразие, климат, влияние соседей и т.п. В общей картине нередко можно было наблюдать как поступательное движение, так и «откаты» на пути формирования, например, феодальной модели общественных отношений.

Ещё в советском кавказоведении отмечалось, что «скудость горской экономики, острая нехватка земли и перенаселённость территорий, где проживали преимущественно свободные общинники, влияние внешних и местных феодальных факторов периодически обостряли классовую борьбу, что определяло «переменно-восходящий» (ломаный) генезис местных феодальных отношений, придавая им завуалированный во многих случаях характер, а часто вызывая и временный регресс. Многообразие локальных воплощений единой тенденции становления феодализма было следствием синтеза местной замедленно и изменчиво развивавшейся раннеклассовой структуры и внешних этнических, политических, экономических и идеологических факторов» [4, с. 148].

Наличием незрелых феодальных отношений ряд авторов объясняет и сохранявшуюся в крае практику работорговли, которая была связана не столько с потребностями внутреннего рынка, сколько ориентировалась на запросы сопредельных государств, в основном Турции [17, с. 6]. До того времени, когда Российская империя смогла предпринять энергичные шаги по пресечению этой практики, на чужбину вывозили тысячи рабов, причём преимущественно репродуктивного возраста [9]. Такой товар приносил ощутимую прибыль и способствовал накоплению богатств у той части населения, которая либо стремилась выделиться из среды соплеменников, либо уже стала его элитой, знатью. Набеги с целью захвата пленников и их дальнейшей продажи приводили к междоусобицам, росту взаимной враждебности, войне всех против всех.

Община горцев представляла собой причудливое переплетение кровнородственных связей и территориально-соседской формы проживания. В ней уживались родовые кварталы и коллективное, наряду с индивидуальным, землевладение. Происходил естественный процесс перехода к соседской общине. Община владела пахотной землёй, пастбищами, лесами. Преобладали селения, в которых существовало подворное разделение земли, а число аулов, где ею владели совместно несколько родственных семей, было невелико [17, с. 7].

Процесс имущественного расслоение неминуемо приводил к глубинным изменениям в практике землепользования, а вслед за этим и к социальному преображению. Уместно привести наблюдение исследователя П. А. Гаврилова, который на примере Кабарды отмечал следующее: «При отсутствии в народе понятия о частной поземельной собственности, в смысле наших законов, и при существовавшей в Кабарде равноправности всех сословий относительно пользования землёю, князья и уздени и в особенности некоторые, более выдававшиеся из них, личности, мало-помалу присвоили себе право распоряжаться распределением земель в пользование народа и нередко, выбрав и захватив в свою пользу лучшие участки, остальную затем землю предоставляли аульному обществу распределять между своими членами, посредством выборных и пропорционально достатку и рабочим средствам каждого» [5, с. 15].

Естественно, что такое попрание традиций приводило к конфликтам внутри общества, противопоставляло элиту «чёрному народу». Отсюда и проявление стремления найти справедливость, например, у России, которая с XVIII в. начинает заявлять о себе как о главной силе в регионе и настойчиво внедряет свое влияние в среду местных обществ. В сложившихся обстоятельствах рядовые общинники становятся естественным союзником империи, в том числе и против той части горских владельцев, которая предпочтёт искать покровительство противников России. К русским форпостам потянулись те, кто искал защиту от усиливающегося угнетения, что вызвало бурное негодование местной феодальной верхушки [1, с. 232]. Но вряд ли будет справедливым приписывать империи поддержание искусственного раскола в горской среде. Российская политика была не причиной, а катализатором тех процессов имущественного и социального расслоения, которые сопутствовали феодализации общества (крайне болезненных и сопровождающихся внутриэтническими конфликтами). Этот процесс шёл у народов Северного Кавказа разными темпами – на равнине быстрее, в горных районах медленнее, – но общая тенденция просматривалась достаточно однозначно.

Бросается в глаза тот факт, что в качестве феодала мог выступать не отдельный владелец, а целое общество. Е. Н. Кушева обратила внимание на то, что у вайнахов прослеживалось «два параллельных процесса: с одной стороны, выделение сильных, богатых родов – тайпов или целых токхумов и упадок слабых, с другой – воз-

вышение родовой верхушки, старейшин тайпов и патронимий. Неравное положение сильных и слабых тайпов отражено в обычном праве, в неравной компенсации за убийство члена того ли иного тайпа» [12, с. 182].

Социальная конструкция, сложившаяся в горских обществах, отличалась разнообразием и гибкостью. Каждая социальная группа имела свои права и обязанности, которые закреплялись в обычном праве – адате. Наиболее далеко продвинувшиеся в процессе феодализации равнинные общества имели княжескую верхушку, которая сосредоточила в своих руках военную, административную и судебную власть. Формировалась и прослойка горского дворянства, которое также можно отнести к числу привилегированных групп населения. Большинство жителей относилось к свободным общинникам, но были и немногочисленные рабы, нередко пополнявшиеся за счёт иноплеменников, захваченных в набегах. Но существовала угроза потери свободы и у тех, кто в силу разных жизненных обстоятельств не мог рассчитывать на поддержку семьи. Потребность в рабском труде была невысока, и владельцы предпочитали продавать их за пределы Кавказа. В частности, устойчивый спрос на невольников существовал в Турции [11, с. 113].

Число князей (у кабардинцев они назывались пши, т.е. глава рода, старейший) было, на первый взгляд, невелико. Так в середине XVIII в. в Большой Кабарде их насчитывалось около 20, а в Малой около 12. Им подчинялись первостепенные дворяне-уздени – тлекотлеши и уздени второй степени – деженуго [6, с. 247]. Они, в свою очередь, привлекали на службу своих вассалов – уорков. В дальнейшем число привилегированных лиц возрастёт и достигнет к середине XIX столетия князей – 50 человек, первостепенных дворян 180 человек и т.д. [17, с. 9]. Естественно, что возрастала нагрузка и на те слои населения, которые вынуждены были содержать разросшуюся элиту.

Свой статус пши должен был подкреплять «символическим капиталом». Поэтому, «чтобы добиться славы (а слава в феодальной Черкесии была синонимом власти), князья должны были выделяться, прежде всего, своей храбростью и удачливостью на войне, а также своей щедростью. Только таким образом они могли привлечь к себе больше вассалов, являвшихся основой их военного и политического могущества» [15, с. 100].

Каждый из князей владел своим уделом и имел широкие полномочия. Он занимался военными вопросами, выполнял административно-политические функции. При нём находились казначей, дворецкий, писарь, сборщики податей, судебные исполнители, посыльные и люди, которые отвечали непосредственно за его безопасность, – телохранители. Князь прислушивался к мнению большого и малого советов, причём в малый совет входили его родственники, с которыми обсуждались все текущие дела. Главной силой княжеского войска являлись уорки, которые были ядром удельного войска и привлекались не только для защиты княжества, но и для нападений на соседей [6, с. 250]. М. М. Ковалевский сравнивал статус таких уорков с древнерусскими дружинниками, которых князь за службу одаривал землёй или ценными подарками [10, с. 243].

Жизнь кабардинского князя была защищена адатом, и его убийство способно было разорить самую состоятельную семью. Но, как правило, всё заканчивалось безжалостным истреблением виновника пролитой крови. Как говорили сами кабардинцы, «…кровь убитого пше способна наполнить собою всю глубину горного ущелья, в мрачную бездну которого со страхом будет падать взор могильного зерна» [10, с. 240].

Представители низших сословий не могли даже помыслить о возможности отмщения. Эта традиция возникла ещё в период господства патриархальных отношений и лишь укрепилась по мере усиления процесса феодализации общества [12, с. 187].

Не без влияния кабардинских соседей похожая сословная организация сформировалась и у их соседей балкарцев. Их называли горскими обществами, и они состояли из пяти родов: балкарцев, чегемцев, безенгиевцев, урусбиевцев, хуламцев. Долгое время они находились в вассальной зависимости от кабардинских князей, но с укреплением российского присутствия в крае получили независимость. В 1822 г. генерал А. П. Ермолов, который стремился ослабить антироссийски настроенную верхушку кабардинского общества, освободил их от власти могущественных равнинников. Процесс социальной трансформации балкарцев значительно ускорился. Если ранее эти общества управлялись родовыми старшинами, то теперь они становились князьями – таубиями, с весьма схожими с пши возможностями. Этот новый статус был закреплён лично императором Николаем I, который в 1852 г. принял депутацию от этого общества и институализировал их новое положение [19, с. 10].

Впрочем, это не означало, что наиболее старейшие аристократические фамилии Северного Кавказа, к числу которых относились кабардинские князья, признали таубиев своей ровней. Это видно по брачным союзам, которые практиковались между местной знатью, а также существующим обычаем аталычества. Отмечалось, что «высшее горское сословие имело и имеет только узденское, а не княжеское значение», и это «доказывается тем, во-первых, что этот класс может брать себе жён у кабардинских узденей, дигорскихбаделят и тагаурских алдар, но никак не у княжеских родов, и, во-вторых, таубии являются «аталыками» кабардинских княжеских детей, т.е. их воспитателями, а по коренному обычаю воспитывать и вскармливать детей высших сословий могли только семьи низших классов» [21, с. 166].

Таубии занимали ключевые места в народном суде – Тёре. Хотя туда могли приглашать и представителей от рядовых общинников, но делалось это лишь при необходимости разбора дел, связанных с решением вопросов, касающихся непосредственно этих непривилегированных сословий. Судебное разбирательство производилось

по адату, но по мере упрочения позиций ислама в Тёре стали заседать и кадии. Меняющаяся жизнь требовала внесения в обычное право новых правил. Это также происходило во время заседания народного суда [8, с. 23–24].

Важную роль в жизни балкарских обществ играло народное собрание – ныгыш. Здесь, по словам Е. Г. Муратовой, «осуществлялась трансмиссия военного и житейского опыта, столь важного для традиционного общества» [16, с. 118–119]. На нём обсуждались важнейшие вопросы, касающиеся жизни всего общества. Но по мере эволюционирования общества и усиления позиций знати возможности такого собрания уменьшались, а ключевые позиции в нём занимали представители формирующейся аристократии. В итоге «в его компетенции, главным образом оставались вопросы внутреннего распорядка и хозяйственной жизни общины» [16, с. 121].

При всей незавершённости процесса формирования феодальных отношений у местных народов определённые табуирования соблюдались весьма строго. Они должны были охранять статусные преимущества, которые повышали шансы на успешную конкурентную борьбу в весьма конфликтном мире, где скудость ресурсов делала фундамент существования элиты весьма зыбким и неустойчивым. Отсюда, как представляется, и стремление наиболее дальновидных представителей горской верхушки найти себе могущественного покровителя в лице имперской власти, готовой подкрепить их претензии на привилегированное положение как силой, так и материальным вспомоществованием.

К непривилегированным слоям относились лично зависимые от феодализирующейся верхушки категории населения, которые делились на три сословия. К первому относились те, кто по адату вообще не имел никаких прав, и владельцы распоряжались их судьбой по своему желанию. Они были бесправны, и даже в случае убийства хозяин получал за них компенсацию, как за вещь. Представители этих «безобрядных» сословий не могли заводить семью, их продавали и меняли по воле хозяина. Если говорить о кабардинских обществах, то в них к такому сословию относились унауты, а в горских обществах Балкарии казахи, если речь шла о мужчинах, и карабаши, если о женщинах.

Общее число таких бесправных людей к моменту их освобождения в 60-х гг. XIX столетия было невелико. На весь Северный Кавказ их насчитывалось 4339 души обоего пола, причём на Кабарду приходилось больше всего – 2395 человек [18, с. 40].

Ко второй группе относились «обрядные» холопы, и их статус уже был регламентирован адатом. Личная зависимость не мешала им создавать семью, они владели имуществом, на которое феодал не мог покушаться. Задачами таких холопов были уход за домашним хозяйством своего владельца, работа в поле, различные строительные повинности. За свой труд они могли получить подарки от владельца, кроме того, не возбранялись приработки на стороне, но не в ущерб интересам феодала.

По сведениям, собранным начальником Кавказского горского управления генерал-лейтенантом Д. С. Старосельским, «крепостные люди, хотя и живут, по большей части, при дворе своего владельца, но особыми домами, и не обязаны, как унауты и другие подобные лица, нести безотчётной службы в качестве домашней прислуги» [7, с. 206].

В случае желания вступить в брак, «обрядные» холопы, как и все их соплеменники, должны были выплатить калым. Предоставить его должен был их владелец. Но, если речь шла о девушке, брачный выкуп доставался её владельцу, и лишь небольшая часть могла передаваться новобрачной или её родителям.

При наличии права феодала на продажу такого человека (у кабардинцев логанаута, а у балкарцев чагара), он при этом должен был согласовать с невольником кандидатуру «покупщика». Более того, за ними сохранялось право сами искать нового владельца и лишь при отсутствии необходимой кандидатуры право выбора переходило к их повелителю.

«Обрядные» холопы могли получить волю в том случае, если владелец соглашался на их выкуп. Но учитывая, что цена за свободу доходила до 300 рублей, это было весьма редким явлением. Особенно ценились те, кто владел каким-либо мастерством. Их цена возрастала, да и получить согласие на выкуп в этом случае было затруднительно.

В чеченских обществах процесс феодализации проходил в остром противостоянии с пережитками родоплеменной архаики. Вполне уместно сослаться на вывод М. А. Мамакаева, отметившего, «что чеченским тайповым общинам в упорной борьбе с феодализирующейся аристократией в какой-то мере удавалось ограничить её жадные претензии и в значительной мере сохранить свою свободу и общинное устройство в общественной жизни. Но такое активное сопротивление отнюдь не сумело повернуть колесо истории вспять и привести общество к чему-то вроде «второго издания тайпового строя». Нет! Хотя феодализирующаяся знать и наталкивалась в Чечне на более упорное, чем у других народов, сопротивление крестьян. Историческое развитие чеченского общества неуклонно шло по линии расширения феодальной земельной собственности за счёт сокращения общинных земель» [14, с. 8]. Причём на равнине этот процесс происходил быстрее, чем в горной местности [14, с. 9].

Это, впрочем, не мешало чеченцам изгонять княжеские фамилии, которые пытались закрепиться в их среде. Поучительно выглядит судьба князей Турловых, которых они сами пригласили, чтобы обеспечить защиту в период освоения благодатной, но невероятно опасной равнины. Эта фамилия пользовалась авторитетом и «общим уважением в Чечне; влияние их много способствовало к учреждению некоторого порядка внутреннего, но вся власть опиралась лишь на

добровольном согласии и на уважении к ним народа; она не имела законного основания, упроченного силой. Чеченцы призвали Турловых в эпоху бедствий и слабости…» [13, с. 83].

Но по мере укрепления своего положения чеченцы в услугах Турловых перестали нуждаться. Закончилось всё тем, что «власть княжеская, которой они сами добровольно подчинились несколько десятилетий тому назад, показалась им тяжёлым ярмом… Нужда миновала, исчезла с ней вместе подчинённость и повиновение, оказываемые князьям, и Турловы, не находя более в Чечне ни уважения, ни послушания, к которому привыкли, покинули неблагодарных…» [13, с. 84].

Тайп, т.е. род объединял своих членов хозяйственными связями. Более крупным объединением являлся тухум. Это был военно-экономический союз, в который входили территориально близкие рода. Каждый тайп возглавляли старейшины, которые собирались на совет – «пхье», если нужно было обсудить вопросы, связанные с интересами всего коллектива. Принятое стариками решение считалось обязательным для исполнения всеми людьми. Но присутствовать на совете могли все мужчины, начиная с пятнадцати лет. Дозволялось даже высказать своё мнение по обсуждаемому вопросу. При этом речь должна была быть убедительной и логичной. Если оратор не мог излагать свою мысль, по существу, он терял авторитет в глазах окружающих, а потому решиться на обращение к соплеменникам мог далеко не каждый.

Тайп не был закрытой структурой. В него можно было войти и посторонним лицам. Во время этого обряда новый сородич должен был преподнести в качестве дара быка. О таких людях говорили, что они стали братьями, зарезав быка. После вступления в тайп человек получал право на пользование землёй, лесом, пастбищами, но при этом за ним сохранялась его частная собственность. Тайп должен был обеспечивать ему физическую защиту, что было немаловажно в условиях непрестанных конфликтов и столкновений, характерных для горских обществ.

Отказ от приёма в тайп, как правило, был связан с невозможностью снабдить человека землёй. Ещё одной причиной могли явиться проступки претендента на родство. Если за ним тянулся «кровавый след» и он имел недоброжелателей, жаждавших его смерти, это могло принести тайпу серьёзные проблемы, а потому предпочитали не связываться с таким человеком.

Число тайпов остаётся дискуссионной темой. Звучат самые разные цифры – от 5 до 120. Численность тайпа в среднем видимо определялась 2 тысячами человек. Их образование завершилось приблизительно к середине XIX столетия [22, с. 292–294].

Хозяйственные проблемы решались на общем сходе «кхел». На нём собирались представители от всех дворов и обсуждали условия пользования общинным лесом, выпас скота, сроки сельскохозяйственных работ, договаривались о совместном строительстве дорог и мостов и т.п. Также на «кхел» могли примирить кровников. В решении споров опирались на нормы адата, которые в дальнейшем стали вытесняться исламским правом.

Верховным органом управления являлся Совет страны или «Мехккхел». Обычно на него съезжались дважды в год и поднимали темы, касающиеся всех вайнахских племён. Так, «устанавливали порядок землевладения и землепользования, согласовывали нормы поведения и меры наказания, решали вопросы торговли, принимали меры обороны, решали проблемы войны и мира, производили сбор средств для общественных нужд, определяли различные обложения и повинности» [3, с. 61]. Но видеть в этом аналог государственной власти не следует. Даже принятые соглашения не являлись законом в классическом смысле этого явления. Они поддерживались преимущественно общественным мнением, которое хотя и имело сильное влияние на общество, но не гарантировало беспрекословного выполнения.

Однако, как отмечали русские чиновники, такая модель регламентации жизни местных сообществ оказывалась на порядок эффективнее, нежели правовая система империи, казавшаяся им чуждой, а то и оскорбительной. Не избежал отторжения и принцип устройства, предлагаемый и навязываемый с помощью силы имамом Шамилём. Здесь уместно привести обширную цитату из рассуждений Н. Семенова, который имел возможность неформально беседовать с чеченцами, наблюдать за их жизнью и принимал участие в управлении этим народом. Он подметил следующее: «В связи с чуткостью чеченцев к вопросам общественно-политического характера и с приобретённым ими навыком сообразовывать свои действия с данным положением этих вопросов находится весьма важное качество рассматриваемого народа, которое можно назвать общественной дисциплиной. В обыденной жизни <…> дети мало уважают и ещё меньше слушаются своих отцов, и сами отцы также не имеют никакого значения друг для друга. Ем не менее все вопросы, выходящие из круга частных интересов, затрагивающие жизнь целого аула, общества ил всего племени, разрешаются всегда на сходках старших (отцов) и решение сходок признаются обязательным для всех членов той или другой общественной группы, а если они приняты по вопросам, касающимся всего народа, то для всех истинных членов его» [20, с. 97].

И хотя за время реформаторства сторонников мюридизма такая модель серьёзно пошатнулась, а население, «подвергнутое соблазнам» утратило прежние нравственные ориентиры, но после наступления мира произошло восстановление былых механизмов регулирования. А потому, «в Чечне личности с сепаративными наклонностями – выродки из народа, подвергающиеся самому беспощадному остракизму, вообще же чеченцы все и всегда остаются в подчинении у народной воли, выражаемой решениями старших» [20, с. 97].

Выработанная система регламентации жизни оказалась устойчивой к внешним воздействиям.

Возможно, это объяснялось тем, что она достаточно эффективно решала возникающие задачи и соответствовала потребностям населения. Но оставаться неизменной она не могла, т.к. процесс дифференциации общества, вызванный в первую очередь внутренними факторами, вёл к разложению патриархальной тайповой организации. В то же время её возможности были по-прежнему весьма существенными.

Примечательно, что все попытки княжеских фамилий утвердиться среди чеченцев потерпели неудачу. Заинтересованные с их помощью удержаться на равнине чеченцы в дальнейшем избавлялись от приглашённых князей. По этому поводу И. Ф. Бларамберг констатировал: «У чеченцев нет более князей, потому что в различное время они их постепенно искоренили. Управляются они по старинке, в соответствии с обычаями и некоторыми религиозными предписаниями. Они все равноправны, предпочтение оказывают лишь тем, кто преуспел в набегах на соседей» [2, с. 231]. Столь же непросто приходилось и назначенным к местным сообществам наибам Шамиля. Для некоторых из них управление чеченцами завершилось смертью.

В качестве коллективного феодала мог выступить сильный род. Даже плата за жизнь человека, принадлежащего к могущественному тайпу, оценивалась выше по сравнению с его слабыми соседями. Последние либо шли под покровительство могущественного рода, либо объединялись с другими слабыми тайпами, чтобы повысить собственный потенциал.

Одновременно внутри тайпа шёл процесс выделения состоятельной верхушки. Но большинство чеченцев относилось к числу свободных узденей, а власть доставалась тому, кто был в состоянии продемонстрировать выдающиеся лидерские качества, среди которых не последнюю роль играла храбрость и щедрость.

Знали чеченцы и бесправные сословия. Речь идёт о рабах – лаях и ясирах. Пополнялись их ряды за счёт пленников и людей, попавших в кабалу. Лаи находились в зависимости как от отдельных владельцев, так и от общин. Они пасли скот, выполняли сельскохозяйственные работы. Этим людям каждый раз напоминали, что они являются неполноправными членами сообщества. Один раз в год сельские старейшины обходили дома лаев и вызывал их во двор. Там они громко спрашивали, не забыли ли они о своём статусе. И им следовало при всех заявлять, что они знают и не забывают о своём положении. Лаи не могли судиться с полноценными членами тайпа. Нередко взрослые поощряли действия детей, бросавших камни на крышу и в окна домов, где проживали лаи. Даже если семья таких людей богатела, это не меняло их приниженного статуса.

Сохранилось описание эпизода, когда «однажды девушка из зажиточной лайской семьи, посмотрев на старую обувь бедной девушки из семьи оьзда нах (т.е. благородных. – *Ю.Г.*), без всякой задней мысли спросила у неё: «Что за башмаки у тебя на ногах?» Та напомнила ей лайское происхождение, ответила: «Какими бы ни были мои башмаки, они не скрипят: лай-ли, лай-ли (рабыня рабыня)»[22, с. 303].

Стремясь поселить лаев для выполнения различных работ на наиболее пригодные для этого земли, оьзда нах, таким образом, сами предопределили их материальное благополучие. Сами они предпочитали селиться в важных в военном отношении местах, как правило, малодоступных и неудобных для ведения хозяйства. Когда вместе с распространением русской власти в Чечне наступят новые времен, лаи куда успешнее адаптируются к ним, чем их вчерашние хозяева.

Как отмечал М. А. Мамакаев, «сначала рабовладение в Чечне ограничивается военнопленными, но постепенно, принимая довольно широкий характер, распространяется на местное население. Почуяв пользу от раба, рабовладелец начинает усиленно охотиться за ним. Работорговле способствовала знаменитая Северная торговая дорога, которая связывала Чечню с Анапой, а через последнюю с Константинополем, где находился в то время крупнейший невольничий рынок. Вывозили рабов также в Кабарду и даже в Персию» [14, с. 57]. Когда Российская империя нанесёт удар по рынку сбыта «живого товара», процесс формирования сословия рабов замедлится, а их численность, вследствие ограниченной потребности в невольничьем труде в самих горских хозяйствах, сократится.

Таким образом можно констатировать, что самобытность социально-политического устройства горских обществ Северного Кавказа не была неизменной и претерпевала перемены, связанные как с внутренними процессами и факторами общественного развития, так и внешним воздействием, прежде всего России, прилагавшей усилия по закреплению Северного Кавказа в сфере имперского влияния.

Источники и литература

1. Бейтуганов С. Н. Кабарда и Ермолов: Очерки истории. Нальчик: Эльбрус, 1993. 304 с.

2. Бларамберг И. Кавказская рукопись. Ставрополь: Кн. изд-во, 1992. 240 с.

3. Великая Н. Н., Виноградов В. Б., Хасбулатова З. И., Чахкиев Д. Ю. Очерки этнографии чеченцев и ингушей. Грозный: Чечено-Ингушский государственный университет им. Л. Н. Толстого, 1990. 96 с.

4. Виноградов В. Б. Генезис феодализма на Центральном Кавказе // Сборник избранных статей Виталия Борисовича Виноградова. К 70-летию со дня рождения. Армавир: [б.и.], 2008. С.138–148.

5. Гаврилов П. А. Устройство поземельного быта горских племён Северного Кавказа // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Тип. Гл. упр. наместника Кавказского, 1869. Вып. II. Часть VII. С.1–78.

6. Гугов Р. Х. Кабарда и Балкария в XVIII веке и их взаимоотношения с Россией. Нальчик: Издательский центр «ЭльФа», 1999. 687 с.

7. Избранные документы Кавказского комитета. Политика России на Северном Кавказе в 1860–70-е годы (Публикация Н. Ю. Силаева) // Сборник русского исторического общества. М.: РИО, «Русская панорама», 2000. Т.2 (150). С.172–214.

8. Калмыков Ж. А. Интеграция Кабарды и Балкарии в общероссийскую систему управления (вторая половина XVIII – начало XX века). Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2007. 232 с.

9. Клычников Ю. Ю., Цыбульникова А. А. «Так буйную вольность законы теснят…»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки) / под ред. и с предисловием Б. В. Виноградова. Пятигорск: РИА КМВ, 2011. 256 с.

10. Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе. Т.I. М.: Тип. А. И. Мамонтова и Ко, 1890. 293 с.

11. Кудаев С. Г. Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX в.: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества. Нальчик: ГП КБР РПК, Издательский центр «Эль-Фа», 2007. 304 с.

12. Кушева Е. Н. О некоторых особенностях генезиса феодализма у народов Северного Кавказа // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М.: Наука, 1969. С.179–189.

13. Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. II. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2002. 318 с.

14. Мамакаев М. А. Чеченский тайп (род) в период его разложения. Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2009. 111 с.

15. Марзей А. С. Черкесское наездничество – «зекIуэ». Из истории военного быта черкесов в XVIII – первой половине XIX века. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2004. 302 с.

16. Муратова Е. Г. Социально-политическая история Балкарии XVII – начала XX в. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», Издательский центр «Эль-Фа», 2007. 420 с.

17. Невская Т. А., Кондрашева А. Северный Кавказ: традиционное общество и реформы (конец XVIII – начало XX вв.). Ставрополь: СКФУ, 2015. 368 с.

18. Освобождение зависимых сословий во всех горских округах Терской области // Сборник сведений о кавказских горцах. Ч.VIII. Тифлис, 1868. Вып. I. С.37–47.

19. Привилегированные сословия Кабардинского округа // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. III. Ч.I (4). Тифлис, 1870. С.1–12.

20. Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа (Рассказы, очерки, исследования, заметки о чеченцах, кумыках и ногайцах и образцы поэзии этих народов). СПб.:Тип. А. Хомского и К°, 1895. 488 с.

21. Тульчинский Н. П. Пять горских обществ Кабарды // Терский сборник. Владикавказ, 1903. Вып.5. С.152–216.

22. Чеченцы / отв. ред. Л. Т. Соловьёва, В. А. Тишков, З. И. Халатова. М.: Наука, 2012. 622 с.

References

1. Bejtuganov S. N. Kabardai Ermolov: Ocherkiistorii *(Kabarda and Ermolov: Essays on History)*. Nal'chik: El'brus, 1993.304 p. (In Russian).

2. Blaramberg I. Kavkazskayarukopis' *(Caucasian manuscript)*. Stavropol': Book publishing house, 1992. 240 p. (In Russian).

3. Velikaya N. N., Vinogradov V. B., Hasbulatova Z. I., CHahkiev D. Yu. Ocherki etnografii chechencev i ingushej *(Essays on ethnography of Chechens and Ingush)*. Groznyj: Chechen-Ingush state university, 1990. 96 p. (In Russian).

4. Vinogradov V. B. Genezis feodalizma na Central'nom Kavkaze *(The genesis of feudalism in the Central Caucasus)* // Sbornik izbrannyh statej Vitaliya Borisovicha Vinogradova. K 70-letiyu so dnyarozhdeniya. Armavir, 2008. P.138–148. (In Russian).

5. Gavrilov P. A. Ustrojstvo pozemel'nogo byta gorskih plemyon Severnogo Kavkaza *(The device of the land life of mountain tribes of the North Caucasus)* // Sborniksvedenij o kavkazskihgorcah. Tiflis, 1869. Issue. II. Part VII. P.1–78. (In Russian).

6. Gugov R. H. Kabarda I Balkariya v XVIII veke I ih vzaimootnosheniya s Rossiej *(Kabarda and Balkaria in the 18th century and their relationship with Russia)*. Nal'chik: El'-Fa, 1999. 687 p. (In Russian).

7. Izbrannye dokumenty Kavkazskogo komiteta. Politika Rossii na Severnom Kavkaze v 1860–70-e gody *(Selected documents of the Caucasus Committee. Russian politics in the North Caucasus in the 1860s and 70s)* // Sbornik russkogo istoricheskogo obshchestva. Vol.2 (150). Moscow: RIO, «Russkaya panorama», 2000. P. 172–214. (In Russian).

8. Kalmykov Zh. A. Integraciya Kabardyi Balkarii v obshcherossijskuyu sistemu upravleniya (vtoraya polovina XVIII – nachalo XIX veka) *(Integration of Kabarda and Balkaria into the all-Russian management system (second half of the 18th – early 20th centuries)*. Nal'chik: «El'-Fa», 2007. 232 p. (In Russian).

9. Klychnikov Yu. Yu., Cybul'nikova A. A. «Tak bujnuyuvol'nost' zakonytesnyat…»: bor'ba rossijskoj gosudarstvennosti s hishchnichestvom na Severnom Kavkaze (istoricheskie ocherki) *("So the laws are crowded with liberty ...": the struggle of Russian statehood with predation in the North Caucasus (historical essays)* / ed by B. V. Vinogradov. Pyatigorsk: RIA KMV, 2011. 256 p. (In Russian).

10. Kovalevskij M. M. Zakoniobychaj na Kavkaze *(Law and custom in the Caucasus)*. Vol.I. Moscow, 1890. 293 p. (In Russian).

11. Kudaev S. G. Adygi (cherkesy) Severo-ZapadnogoKavkaza v XIX v.: process transformacii I differenciacii adygskogo obshchestva *(Adygs (Circassians) of the North-West Caucasus in the 19th century: the processes of transformation and differentiation of the Adyghe society)*. Nal'chik: El'-Fa, 2007. 304 p. (In Russian).

12. Kusheva E. N. O nekotoryh osobennostyah genezisa feodalizma u narodov Severnogo Kavkaza *(On some features of the genesis of feudalism among the peoples of the North Caucasus)* // Problemy vozniknoveniya feodalizma u narodov SSSR. Moscow: Nauka, 1969. P.179–189. (In Russian).

13. Leontovich F. I. Adaty kavkazskih gorcev. Materialy po obychnomu pravu Severnogo I Vostochnogo Kavkaza *(Adates of the Caucasian Highlanders. Customary Law Materials of the North and East Caucasus)*. Issue. II. Nal'chik: El'-Fa, 2002. 318 p. (In Russian).

14. Mamakaev M. A. CHechenskijtajp (rod) v period ego razlozheniya *(Chechen Taip (genus) during its decomposition)*. Groznyj: GUP «Knizhnoeizdatel'stvo», 2009. 111 p. (In Russian).
15. Marzej A. S. CHerkesskoe naezdnichestvo – «zeklue». Iz istorii voennogo byta cherkesov v XVIII – pervoj polovine XIX veka *(Circassian equestrianism – «zeklue»)*. Nal'chik: El'-Fa, 2004. 302 p. (In Russian).
16. Muratova E. G. Social'no-politicheskaya istoriya Balkarii XVII – nachala XX v. *(Socio-political history of Balkaria XVII – early XX century)*. Nal'chik: El'-Fa, 2007. 420 p. (In Russian).
17. Nevskaya T. A., Kondrasheva A. Severnyj Kavkaz: tradicionnoe obshchestvo i reformy (konec XVIII – nachalo XX vv.) *(North Caucasus: traditional society and reforms (late XVIII – early XX centuries)*. Stavropol': NCFU publ., 2015. 368 p. (In Russian).
18. Osvobozhdenie zavisimyh soslovij vo vsekh gorskih okrugahTerskoj oblasti *(The release of dependent classes in all the mountain districts of the Terek region)* // Sborniksvedenij o kavkazskihgorcah. Issue. I. Part.VIII. Tiflis, 1868. P. 37–47. (In Russian).
19. Privilegirovannye sosloviya Kabardinskogo okruga *(Privileged estates of the Kabarda district)* // Sborniksvedenij o kavkazskihgorcah. Issue. III. Part.I (4). Tiflis, 1870. P.1–12.(in Russian).
20. Semenov N. Tuzemcy Severo-Vostochnogo Kavkaza (Rasskazy, ocherki, issledovaniya, zametki o chechencah, kumykah i nogajcah i obrazcy poezii etihb narodov) (Natives of the North-East Caucasus *(Stories, essays, studies, notes on Chechens, Kumyks and Nogais and examples of poetry of these peoples)*. St.Petersburg, 1895. 488 p. (In Russian).
21. Tul'chinskij N. P. Pyat' gorskih obshchestv Kabardy *(Five Mountain Societies of Kabarda)* // Terskijsbornik. Issue. 5. Vladikavkaz, 1903. P. 152–216. (In Russian).
22. Chechency *(Chechens)* / ed by L. T. Solov'yova, V. A. Tishkov, Z. I. Halatova. Moscow: Nauka, 2012. 622 s. (In Russian).

Сведения об авторе

Гранкин Юрий Юрьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории государства и права России и зарубежных стран, проректор по академической политике, контролю качества образования и информатизации Пятигорского государственного университета (Пятигорск) / grankinj@pglu.ru

Information about the author

Grankin Yurii – Doctor of History, Professor, Chair of History of State and Law of Russia and Foreign Countries, Vice-Rector for Academic Policy, Higher Education Quality Assurance and Informatization, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk) / grankinj@pglu.ru

УДК 94(47)/(410)|18|

В. С. Еремин

ОБРАЗ РУССКОЙ АРМИИ НА СТРАНИЦАХ «THE EDINBURGH REVIEW» в 1802–1818 гг.[1]

Статья посвящена образу армии Российской империи на страницах шотландского литературно-критического журнала «The Edinburgh Review». Обозревая травелоги, мемуары, исторические и военные сочинения, авторы эдинбургского ежеквартального издания уделяли внимание сообщениям, касающимся вооруженных сил России. В годы Наполеоновских войн и оккупации Франции оснащение, подготовка офицерских кадров, успехи на полях сражений армии союзника вызывали нескрываемый интерес. Отдельно британских публицистов волновала военная мощь империи, наличие скрытой угрозы вчерашнему союзнику по антифранцузской коалиции. Восприятие шотландскими критиками российских войск транслировалось британской, а также европейской читающей публике, дополняя как формирующиеся, так уже сложившиеся стереотипы и образы. Анализируя силу русского оружия начиная с петровских времен и заканчивая эпохой войн с Бонапартом, обозреватели ставили вопросы о потенциале союзника, особенностях государственного устройства, пределах и уровнях цивилизации, одним из показателей которой становится военная мощь. Образ российской армии не был статичным: на него влияли политические коллизии в годы Наполеоновских войн. Тильзитский мир 1807 г. и победа в Отечественной войне 1812 г., являлись рубежными событиями, менявшими восприятие России и ее войск британской общественностью. Рядовые пехотинцы, кавалеристы и артиллеристы до определённого момента могли представать в журнальных статьях как плохо обученные и малопригодные бойцы. Причины этого могли видеться не только в слабой подготовке рядовых и офицеров, но в полуцивилизованном характере самой страны. Защита Отечества от французского нашествия и победы в Европе в 1813–1814 гг. изменили этот образ. Теперь солдаты и командование являли собой образец подготовки. Их отношение к мирному населению оккупированной Франции вызывало только одобрение и похвалу. Все это по мнению обозревателей «The Edinburgh Review» свидетельствовало о выдающемся прогрессе, сделанном страной за короткий период времени.

Ключевые слова: история России, история Великобритании, британская периодика, The Edinburgh Review, образ России, образ русской армии.

Vladimir Eremin

THE IMAGE OF THE RUSSIAN ARMY ON THE PAGES OF THE EDINBURGH REVIEW IN 1802–1818

The presented article, dedicated to the sanctuary of the nyThe article is devoted to the image of the army of the Russian Empire on the pages of the Scottish literary and critical magazine The Edinburgh Review. The Contributors of the magazine paid attention to reports regarding the Russian armed forces while reviewing travelogues, memoirs, historical and military writings. The equipment, training of officer staff, successes on the battlefields of the ally's army was aroused undisguised interest by British readers of newspapers and magazines during the years of the Napoleonic Wars and the occupation of France. British publicists were worried about the military power of the empire, the presence of a latent threat to former ally in the Coalition. Perception of the Russian troops by the Scottish critics of The Edinburgh Review was broadcast to the British as well as to the European readers, complementing both emerging and already existing stereotypes and images. Analysing the power of Russian weapons from the time of Peter the Great to the period of the wars with Bonaparte, contributors raised questions about the potential of the ally, the specifics of the state structure, the limits and levels of civilization, which was one of the indicators of military power. The image of the Russian army was not static. It was influenced by political collisions during the years of the Napoleonic Wars. Treaties of Tilsit and the victory in the Patriotic War of 1812 were significant events that changed the perception of Russia and its troops by the British public opinion. Infantrymen, cavalrymen and artillerymen could appear in journal articles as poorly trained and unsuitable soldiers until a certain moment. The reasons for this was could be seen not only in the poor training of soldiers and officers, but also in the semi-civilized nature of the Russian Empire. This image changed after the French invasion of Russia and victories of the Sixth Coalition. Soldiers and officers become a model of training after these events. Their attitude towards the civilian population of occupied France evoked only approval and praise. According to contributors of The Edinburgh Review, all this testifies to the outstanding progress made by the country in a short period.

Key words: history of Russia, history of Great Britain, British magazines, The Edinburgh Review, Image of Russia, image of the Russian army.

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 20-18-00113).

Антропологический поворот в военной истории, обозначившийся в середине 1990-х гг., позволил значительно расширить тематическое поле исследований [7]. В фокус внимания историков попали самые различные сюжеты: от фронтовой повседневности до взаимовосприятия противоборствующих сторон и исторической памяти о войне [11; 6]. Но в целом этот сдвиг характеризуется повышенным исследовательским интересом к вопросам сознания, как военных, так и гражданских в условиях вооруженных конфликтов, нежели к описаниям собственно боевых действий.

Одним из первых направлений «очеловечивания» военной истории, оказавшихся весьма популярным среди специалистов, стала имагология. Представления о «враге», «союзнике», «оккупанте», «коллаборационисте» находятся в центре внимания нового поколения исследователей, ориентированных на культурную антропологию. Антропологизация военной истории коснулась в первую очередь мировых войн XX столетия. Но и в изучении конфликтов XIX в., в частности эпохи наполеоновских войн, уже сделаны определенные шаги: имеется своя историография, пазлы частных сюжетов пытаются сложить в общую картину [28; 23; 9; 12].

Рассуждения о путях формирования представлений о «Другом» неизбежно подводят нас к большой проблеме манипулирования общественным сознанием через средства массовой информации. О влиянии прессы на общественное мнение в годы войн с наполеоновской Францией писали как зарубежные, так и отечественные историки [52; 46; 60; 16; 10; 20; 17]. Есть своя традиция в изучении отражения эпохи Бонапарта в сознании британцев [50; 27; 44, p. 112–123; 42; 56; 71; 63; 41; 55; 35]. В этой связи иногда исследователи упоминают «The Edinburgh Review» [50, p. 56; 27, p. 424; 61, p. 188–193]. Следует отметить, что в отечественной историографии вопрос об образе России в британском общественном мнении еще не получил должного освещения. Определённые шаги в этом направлении сделаны в статье М. А. Смирновой [22].

Шотландский «The Edinburgh Review» представлял собой ежеквартальное литературно-критическое обозрение, которое было одним из влиятельных изданий в Британии начала XIX в. На его страницах обсуждались самые различные проблемы: от поэзии «лейкистов» до современных тенденций в математике. Не остались в стороне вопросы, связанные с войной, с армиями союзников и противников Британии [13]. Журнал, основанный в 1802 г., регулярно до самого окончания военной оккупации Франции в 1818 г. обращался к военным аспектам «актуального прошлого», транслируя в общественное сознание свое (как правило, провигское) видение задач настоящего. Сами обозреватели «The Edinburgh Review» так обосновывали свой интерес к войне: «Война, хотя и является величайшим проклятием и упреком человечеству, тем не менее, самая популярная и интересная из всех тем; и нет ничего, чтобы так приковывало внимание мирных обывателей и приводило бы их к такому глубокому восторгу, как история о битвах и осадах, о несчастных случаях и страданиях насыщенной событиями кампании» [24, p. 374–375]. Автор статьи, предположительно Джон Плэйфер [70, p. 453], добавил, что в военных сюжетах публику увлекает преданность солдата «общественному делу», его пренебрежение опасностями, а также «ход мысли» полководцев в связи с военными действиями [24, p. 374–375].

Периодичность издания (ежеквартальная), с одной стороны, не позволяла оперативно реагировать на события, а с другой давала время для осмысления и более глубокой рефлексии. Поэтому статьи, затрагивающие тему войны или мирной оккупации, могли выйти и через год после описываемых в них событий. Начавшиеся после окончания военных действий споры за лавры победителей [8] не дали угаснуть общественному интересу к эпохе наполеоновских войн, что найдет отражение и на страницах «The Edinburgh Review», но это будет уже немного другая история.

В настоящей же статье предпринимается попытка проследить эволюцию образа армии «союзника» (России) на страницах «The Edinburgh Review» в 1802–1818 гг., выяснить, как этот образ коррелируется с восприятием России в целом и с представлениями о роли Британии в борьбе с Наполеоном.

Конечно, сама эпоха детерминировала злободневность обращения публицистов к тематике войны. Растет популярность военных мемуаров. Карикатуристы, улавливая и одновременно формируя читательский интерес, развивают жанр военно-политической сатиры [29; 32; 49; 37; 31; 48; 1, с. 184–301]. Интерес этот был вовсе не праздный: ожидание шотландцами, как, впрочем, и всеми британцами, вторжения французов едва ли не вошло у них в привычку [57, p. 161–177, 214; 44, p. 132; 40, p. 62; 51, p. 147–183]. Уверенность в высадке десанта противника была настолько высока, что Ф. Джеффри, первый редактор обозрения, вступил в местное ополчение, где обзавелся огромной треуголкой и с неподдельным интересом изучал опыт военной тактики [39, p. 123; 45, p. 101].

Некоторые авторы «The Edinburgh Review» как, например, Ф. Хорнер и Г. П. Брум, строили политическую карьеру в Лондоне. Будучи сторонниками вигов, они поддерживали тесные отношения со значимыми политическими фигурами, делая при этом в своей корреспонденции разнообразные замечания о ходе войны. Так, Френсис Хорнер в письме от 25 сентября 1805 г., делясь своими соображениями с другим обозревателем журнала и видным государственным деятелем из числа вигов Джеймсом Макинтошом, высказывал опасения относительно надёжности Российской империи как союзника в столкновении с Наполеоном, полагая, что у нее недостаточно заинтересованности в упорном противостоянии [54, p. 335–336]. 12 июля 1809 г. Генри Брум пересказывал в письме графу Ч. Грею мнение генерала Бентама о семидесятитысячной армии России:

она плохо снабжена, ею не лучшим образом командуют, но в случае необходимости ей под силу увеличить свою численность [33, p. 308]. Три года спустя, 4 октября 1812 г. уже граф Грей сообщал шотландскому критику полученную информацию о безнадежном для французов ходе войны в России, а также о превосходных качествах русской армии [34, p. 60]. В этой связи стоит отметить, что именно перу Г. Брума принадлежит значительное количество обзоров, так или иначе связанных с русской армией.

Анализируя публикации в «The Edinburgh Review», необходимо отметить, что шотландские критики могли рассуждать о возможностях и пределах мощи русского оружия в обзорах на самую различную по своему характеру литературу. Размышлять о ходе военных действий, интересах Соединенного Королевства, потенциале недругов и союзников можно было критикуя травелоги, сочинения по международным отношениям, исторические труды, а также военную мемуаристку и книги, посвященные анализу состояния вооруженных сил и ресурсов России. Всего обзоров за период с 1802 по 1819 гг., в которых упоминается или подробно описывается русская армия, насчитывается 28. Принимая во внимание, что обозрение выходило четыре раза в год, а тематика обзоров хотя бы формально, но все же зависела от «информационного повода» (выхода в свет новых книг), можно сделать вывод об устойчивом интересе редакторов «The Edinburgh Review» к данной теме.

В своих критических статьях шотландские обозреватели нередко с недоверием относятся к представленным в той или иной книге фактам и размышлениям [64, p. 46, 59]. Например, если им казалось, что автор склонен приукрашивать картину и некорректно использовать сведения из-за своего длительного пребывания в описываемой стране [30, p. 232]. Поскольку никто из шотландских обозревателей в России не бывал и знал о русской армии лишь понаслышке, вопрос о «достоверности» тех или иных сведений оставался полностью на совести обозревателей. И речь здесь может идти вовсе не о том, «как было на самом деле», а о том, образе, что транслировали британским читателям авторы обзоров. При этом отзывы о русской армии порой чисто прагматичны: в первую очередь интересуют ее численность и боеспособность. Так, Г. Брум извиняется перед читателями, что пропускает в обозреваемой книге Р. Портера всяческие авторские эмоции относительно красоты русской униформы [65, p. 177].

Образ русской военной силы является составной частью корпуса представлений о Российской империи, с которым в свою очередь связан и образ ее императора, особенно если речь идет о международных отношениях [14; 15]. В публикациях, посвященных русской армии, как и в случае с описанием всей империи или же ее правителей, присутствуют рассуждения об уровне цивилизации России. Смена статуса участника антифранцузской коалиции на союзника Наполеона и, наоборот, могло оказывать влияние на оценки и общие выводы критиков.

В первую очередь шотландских обозревателей интересовал военный потенциал России. В данном контексте русская армия могла представляться на страницах эдинбургского издания как главное орудие внешней политики Петербургского императорского двора, наталкивая читателей на мысль о наличии некоей перманентной угрозы со стороны России, что перекликалось временами с французской пропагандой [18]. Рассуждения о силе российского оружия, так или иначе, наводили на мысль о возможном их применении против одной из держав Европы, в том числе Британии. И в польских делах, и в турецких Россия всегда опиралась, прежде всего, на свою военную мощь: с помощью войск русские монархи пыталась управлять внутренними делами западного соседа [62, p. 350] или решать спорные вопросы с Османской империей [66, p. 357], как, например, было во времена Екатерины Великой. Так в обзоре на трехтомное сочинения Л. Ф. Сегюра, опубликованном в январе 1803 г., описывая международные отношения предшествующего столетия, Г. П. Брум, делает некоторые замечания о возможной русской угрозе. Российская империя, настолько усилилась после раздела Польши, что вполне может представлять опасность для устоявшегося порядка в Европе. Впрочем, обозреватель полагает, что «естественные враги» России – Пруссия и Австрия – увеличили свой потенциал за счет раздела Речи Посполитой не меньше, и вместе смогут противостоять росту своего «соучастника» [62, p. 350]. Таким образом опасность со стороны Российской империи не кажется Г. Бруму актуальной для британцев. Об этом, конечно, можно задумываться, но положение России, несмотря на все ее недавние внешнеполитические успехи, далеко не однозначно. Генри Брум и в дальнейшем будет стараться развенчать точку зрения об эвентуальной опасности со стороны России.

В апреле 1804 г., в обзоре на анонимные «Зарисовки о внутренних силах, войсках и флотах Франции и России» Российская империя рассматривается как возможный союзник Франции. Хотя шотландский критик не идентифицировал автора, американский исследователь Дж. Х. Глисон полагал, что за ним скрывается британский генерал сэр Роберт Вильсон [50, p. 50, 304]. В последующие годы непрерывных конфликтов в Европе, судьба не раз связывала военачальника с Российской империей. В 1806–1807 гг., будучи отправленным в чине подполковника с военно-дипломатической миссией в распоряжение генерала Хатчинсона, он находился при штабе русской армии. Во время Отечественной войны 1812 г., уже в звании генерала, ему вверено представлять английские интересы, будучи комиссаром при российском штабе. В 1818 г. сэр Р. Вильсон занялся политической карьерой на родине, став членом Парламента. На русском языке был дважды издан его «Дневник путешествий», в которых

он делился опытом пребывания в русском лагере в годы войн с Наполеоном [2; 3; 4]. При этом, как отмечает А. А. Орлов, первые русские издания сочинений сэра Р. Вильсона увидели свет вскоре после начала Отечественной войны 1812 г. [21, с. 200].

Автор «Зарисовок» полагал, что над Европой нависли две доминирующие силы – Российская империя и Наполеоновская Франция. В случае их объединения, перед таким союзом никто не устоит. Если, как пишет обозреватель Г. Брум, он правильно понял автора, союз Пруссии и Австрии будет сигналом к их же уничтожению, со стороны возможного франко-русского альянса [64, p. 48]. Но возможное объединение уязвимо. Шаткость русско-французских отношений, объяснялась, в том числе, российскими интересами на территориях Порты, воспринимаемыми французами как угроза [64, p. 59]. Обозреватель, высказывал серьезные сомнения относительно авторских аргументов и его манеры судить о столь сложных процессах весьма смело. Хотя работа безусловно вызывает интересс у Г. Брума, он не устает спорить с автором там, где считает себя компетентным. К примеру, он уверен, что в случае возможного конфликта в Европе, Британия не останется в стороне, и весь вопрос – в военном потенциале России [64, p. 58–59]. Опасения относительно роли последней в европейской войне, шотландский критик находит малоубедительными, если не беспочвенными. Не оставляет Г. Брум без внимания и вопрос о возможности России оказать воздействие на состояние заморских владений Британской короны [64, p. 60]. Но у него вызывает скепсис картина русско-французского союза, угрожающего британским владениям в Индии. Видимо, он оценивает эту угрозу как угрозу «вчерашнего дня», потерявшую актуальность после смерти Павла I, и рекомендует читателям проявить в отношении подобных рассуждений лишь любопытство [64, p. 61].

Британский исследователь М.С. Андерсон отмечал, что в отличии от тори, видевших причину слабости Российского государства, в первую очередь в беспринципных и негодных правителях, которым в управление дан способный, а иногда даже выдающийся народ, виги полагали, что проблемы России заложены в ней самой и в ее населении [27, p. 410–411]. Но хотя «The Edinburgh Review» был журналом провигским, а многие его обозреватели, такие как Г. П. Брум принадлежали к числу их активных и ярых сторонников, до определённого времени это вовсе не означало наличие у авторов и редакторов обозрения общей, «согласованной» позиции по отношению к России.

В конце 1806 г. ситуация изменилась со смертью Дж.Ч. Фокса, признанного лидера вигов, который последовательно поддерживал идею о том, что Россия – естественный союзник Британии. После 1807 г. негативное отношение к Российской империи станет доминирующим в общественном мнении Соединенного Королевства [27, p. 410–411]. Это вполне понятно: Россия стала союзником Франции. Если общественность Британии была разочарована, то правительство (с 1807 по 1809 гг. парламент возглавили тори во главе с У. Кавендиш-Бентиком, герцогом Портлендом), с одной стороны осуждало Тильзитский мир, а с другой – демонстрировало стремление восстановить отношения с Россией, для чего активно использовало и печатное слово [21, с. 127, 128].

В 1807 г., в обзоре на работу Фридриха фон Генца «Фрагменты относительно баланса сил в Европе» [47], Г. Брум опять возвращается к вопросу о роли Российской империи в международной политике. На сей раз он обращает внимание читателей на то, что огромная Российская империя, несмотря на свои масштабы и численность населения, часто не могла предоставить достаточно многочисленную, а главное хорошо организованную армию. Причины неэффективности русских войск, несмотря на наличие неоспоримой храбрости солдат, заключаются в слабости офицерства, в том числе его низкой дисциплине, недостатках в тактике, а также в особенностях государственного устройства [47, p. 274]. Г. П. Брум отмечает: «Хотя десять тысяч русских могут одолеть такое же количество французов, пятьсот тысяч французов наверняка победят гораздо большее число русских; и, к сожалению, Франция не согласится сражаться небольшими отрядами. Состояние внутреннего управления страной; полное отсутствие способных и расчетливых людей на важных постах в правительстве; бедность империи; прежде всего недостаток здравого смысла у государственных деятелей, исключение талантливых людей из советов, а также влияние варварства дворян и интриг; все эти и другие плоды полуцивилизованного российского государства, которые Екатерина частично обезвредила оставив в покое, должны быть фатальными для влияния империи, под властью монарха с более скромными способностями, и превосходящего ту великую принцессу только в опрометчивости. Частичные успехи Суворова подтверждают, а не изменяют это утверждение. Ибо как долго будет побеждать армия, в которой только один человек может оказаться пригодным для командования?» [47, p. 274]. Этот характерный пассаж, ярко иллюстрирует общее место в представлениях о России и ее слабостях, свойственных части вигов под впечатлением от заключения Тильзитского мира. В оценках обозревателя обнаруживается присущее этому периоду негативное отношение к военным возможностям России, отраженное не только в журнальных и газетных статьях, но и в карикатурах [27, p. 411–412].

Шотландские критики и в дальнейшем довольно часто обращаются к вопросу оценки реальной военной силы России. В обзоре на книгу сэра Р. Вильсона «Краткие заметки о характере и составе русской армии…» [30] обозреватель Г. Брум рассуждает следующим образом: «Как получается, что с населением, которое сэр Роберт Вильсон насчитывает пятьдесят миллионов,

она (Россия – *прим. В Е.*) никогда не отправляла на поле боя какие-либо адекватные армии» [30, p. 247]. Виновато в этом и плохое военное искусство, и непорядок в «военной экономике» [30, p. 248]. Иногда сам сэр Р. Вильсон объясняет это «плохим управлением государством в целом», иногда – «находящимися в беспорядке финансами» [30, p. 248]. Объяснение недостатков армии «рассеянностью населения» Г. Брум считает несостоятельным, поскольку они могут быть легко преодолены заменой экономической политики и более качественным управлением. В данном случае следует иметь в виду, что в 1810 г. сэр Р. Вильсон выступал скорее, как защитник идеи неразрывного естественного союза России и Соединённого королевства, в пику распространённым в британском общественном мнении настроениям [27, p. 408; 21, с. 128–129].

Автор обзора делает неутешительный вывод: «Мы считаем, что все, что можно сказать по этому вопросу, сводится к общему варварству русских, их нужде в хорошо образованных государственных деятелях, их неполноценности по отношению к другим народам в обеспечении теми людьми, которые могут либо улучшить ресурсы или гарантировать эффективное использование того, что у нее уже есть» [30, p. 248]. Иначе говоря, в глазах шотландских критиков уровень цивилизованности России является мерилом эффективности ее армии.

Позднее, когда 6(18) июля 1812 г. между Россией и Великобританией был подписан мир, снова будет поднят вопрос о возможностях совместных действий. Так, в 1813 г. в обзоре на книгу М. Евстафьева о потенциале российской империи, обозреватель Р. Эйдер, припоминая события 1806 г., отмечал, что порой в нужный момент, несмотря на все договоренности, русской армии не дождаться [69, p. 235]. Следует отметить, что автором обозреваемой работы, по-видимому, является российский консул в Бостоне А. Г. Евстафьев. Известным он стал, в том числе, благодаря своим текстам, в которых оправдывалось поведение России в войнах с Наполеоном и формировался ее положительный образ для западной, прежде всего британской, аудитории [19; 21, с. 53, 72, 128; 5].

Но для понимания небольшого пассажа Р. Эйдера следует указать на изменения общего восприятия России в этот короткий период времени с 1812 по 1813 гг.

Победа русского оружия над Наполеоном самым серьёзным образом повлияла на изменения общественного настроения в Соединенном королевстве: среди политического истеблишмента, публицистов, в том числе идейных соперников эдинбургского ежеквартальника – проторийского «The Quarterly Review», простых жителей городов и деревень к России, а в особенности к императору Александру I, широко распространились горячие симпатии, граничащие с истерией и обожанием [27, p. 413–416]. При этом торийские издания, в общем, были более благосклонны к России в своих публикациях: они видели в победе России триумф традиции и сильной власти [27, p. 413–416]. Особенно контрастировало их восприятие русских военных успехов, созвучное настроениям широких масс, с мнениями своих политических оппонентов, отнюдь не приветствовавших такой исход событий. Часть вигов и радикалов разного толка полагали, что вместе с уничтожением Великой армии Наполеона, были перечёркнуты их надежды на радикальные изменения в самом Соединённом Королевстве [27, p. 417–420].

В 1813 г., с развитием боевых действий на континенте, общественные настроения трансформировались. Воодушевление от побед России сменилось более сдержанными оценками вклада русской армии в общую победу. Англо-русские разногласия на Венском конгрессе 1814–1815 гг. усугубили эти тенденции [27, p. 423].

После окончания череды войн в Европе, в 1817 г. размышления о военном потенциале России и возможной угрозе британским владениям в Индии все также занимают эдинбургских критиков. В частности, такие рассуждения обнаруживаются в обзоре Г. Брума на анонимную работу «Заметки о военной и политической мощи России» [25, p. 180–182]. Анонимность автора, впрочем, не помешала критику с легкостью опознать в нем уже упомянутого раннее Роберта Вильсона. Начало обзора представляет собой апологию военачальника, который обвинил правительство Англии в невежестве и неосторожности, а те в ответ предприняли меры, дабы «очернить» прославленного генерала-сорвиголову [25, p. 164–166]. «Заметки» впервые были опубликованы в 1817 г. Хотя некоторые сюжеты перекликаются с изданной в 1810 г. работой о русской армии, тон книги совершенно иной. Восхищение достижениями Российской империи и ее военной силой являют собой демонстрацию потенциальной русской угрозы для Европы. Неспроста автор подробно описывает ее территориальные владения и указывает на небывалый численный рост войск, их поведение на полях сражений [50, p. 50–56; 53, p. 85]. В исследовательской литературе отмечалось, что длинные обстоятельные обзоры в «The Quarterly Review» и «The Edinburgh Review», помимо газетных статей, критиковавших или защищавших Р. Вильсона, не просто транслировали этот новый устрашающий образ России, но помогли ему в определённый момент стать своего рода общим местом [50, p. 56]. При этом тон обзора «The Quarterly Review» по отношению к «Заметкам» критический: в нем прослеживается скепсис относительно наличия угрозы со стороны России. Заключение статьи выражает надежду на сохранение отношений с «древним» союзником, а если соперничество и будет, то позитивным, которое пойдет на пользу обеим сторонам [26, p. 177].

В свою очередь, Генри Брум, оговорившись, о степени возможных неточностей, представленных в книге данных, приводит из нее цитаты о росте империи и новых возможностях ее военной мощи, которые, по его мнению, заслуживают

внимания читателей. Территориальные приобретения, а также усиление влияния и авторитета России после целой череды конфликтов начала столетия с Турцией, Швецией, Персией, а также Наполеоновской Францией сделали «Стокгольм и Берлин открытыми для нее» [25, p. 182]. Но главное – наличие выхода к Каспию, позволяющего угрожать Персии, а также вывести войска в пределах 400 миль от Персидского залива, откуда до Бомбея меньше месяца пути. Г. Брум, вслед за сэром Р. Вильсоном, призывает своих читателей обратить внимание на активность русских в Новом свете. Их форт в Норфолкском проливе, под которым угадывается Ново-Архангельск, можно вооружить 100 пушками [25, p. 182]. В 1813 г. они перешли через реку Колумбия и обосновались всего в 30 милях от испанских владений. Русские там активно и успешно занимаются хозяйственной деятельностью, а путешествие от «северо-западного побережья Америки до Персидского залива может занять в среднем от трех до четырех месяцев» [25, p. 181]. Хотя Г. Брум с неприкрытым скепсисом относится к авторским сведениям, тем не менее, благодаря обширным цитатам создается впечатление, что военная сила России может угрожать не только из Старого, но и из Нового света. В данном случае важен акцент внимания на этой гипотетической угрозе.

Схожие черты обнаруживаются в оценках эффективности армии России, доказавшей на полях сражений, что она достойна нового статуса в Европе. Г. Брум, обозревая все ту же работу сэра Р. Вильсона, вновь призывает читателей с вниманием отнестись к словам автора. «Может ли Россия, которая в 1799 г. располагала армией всего из пятидесяти тысяч человек; в 1807 г. – не более восьмидесяти тысяч, чтобы защитить обе столицы; а в 1813 г. имея только триста тысяч на всей своей территории, после нескольких лет подготовки – может ли она, несмотря на разрушительное вторжение и войны с такими большими потерями и расходами, собрать и перевооружить армию, достаточную для защиты ее приобретений и улучшения ее преимуществ? Ответ таков – она может; и Европа и Азия должны признать истинность этого утверждения» [25, p. 181]. Подтверждением этих слов являются ход и итоги Отечественной войны 1812 г. По словам автора сочинения, Российская империя смогла выставить против Великой армии числом в 640 тыс. человек – 1 млн 200 тыс. [25, p. 181]. Вдобавок она способна собрать ополчение и «татарскую конницу» [25, p. 181]. Автор продолжает: «Дело в том, что Россия после размещения тридцати тысяч человек соответствующей силы с артиллерией и прочим в Финляндии, восемьдесят тысяч на границе с Галицией, шестьдесят тысяч в Молдавии, тридцать тысяч на границе с Арменией, и столько же в Персии, оставляющая в резерве сто тысяч человек для поддержания этих армий, может собрать еще сил, насчитывающих свыше двухсот тысяч пехоты, восьмидесяти тысяч кавалерии и одной тысячи двухсот пушек, которые лучше снабжены лошадьми для службы, чем любая артиллерия или кавалерия в мире; – армия, храбрей которой нет, с которой никто другой не может наравне маршировать, голодать или терпеть физические лишения и естественные недомогания» [25, p. 181–182]. Для таких выдающихся возможностей по сбору и оснащению армии Российская империя обладает соответствующими резервами. У нее не просто достаточно количества населения: ее подданные привычны к лишениям военного времени. Другая важная деталь заключается в том, что ни одна другая держава в Европе не сможет содержать такого качества армию, при таком пренебрежительном отношении к жизни своих бойцов [25, p. 182]. Учитывая новый статус, приобретенный после наполеоновских войн и Российской империей, ставшей лидером среди континентальных держав Европы, и лично императором Александром I, подобная трансформация образа представляется вполне логичной. Следует отметить, что, хотя критик симпатизирует Р. Вильсону, а также активно цитирует столь впечатляющие, и одновременно, угрожающие фрагменты, он все же не разделяет алармистские заявления об угрозе Британии со стороны России [25, p. 187]. В обзоре лишь постулируется потенциальная возможность, но ее реализация кажется маловероятной: едва ли Российская империя сможет приобрести такую мощь, какой обладала еще недавно Франция [25, p. 187].

При этом нельзя не заметить, что стереотипный (если даже не архетипический) образ некой «угрозы» со стороны России, представленный в «Заметках», отчасти перекликается с наполеоновской пропагандой [6, с. 29], которая в 1814 г. пыталась мобилизовать население Франции на борьбу. Но в обзоре это изображение наталкивается на критическую рефлексию, ставящую под сомнение наличие столь масштабной опасности.

Другой сюжет, являющийся частью образа военной силы России, представлен рассуждениями о фигурах правителей и полководцев. Ключевым элементом в образе русской армии становится фигура Петра I и Полтавского сражения, как события утвердившего силу русского оружия: эта сухопутная баталия становится символом решающей победы русских вообще [64, p. 59]. Позднее уже в 1818 г. Генри П. Брум отметит, что именно с Петра Алексеевича Россия находилась постоянно в состоянии войны с теми или иными государствами, и всегда выходила из конфликтов «преумножив свои владения» [25, p. 171].

В представлении шотландских обозревателей Российская империя – страна на границе европейской цивилизации, полуцивилизованное государство, что влияет на восприятие вооруженных сил, а также военачальников. Так «характер» А. В. Суворова проецируется на «характер» армии: талантливый полководец, обладавший выдающейся способностью «всегда побеждать врага» и превосходивший всех других генералов в управлении войсками, руководил своими солдатами скорее, как «Магомет, Тамерлан или Чинги-

схан, нежели как Цезарь» [36, p. 466]. Деспотической системе управления страной полностью соответствует «варварская» система управления армией.

Опрометчивая внешняя политика «безумца» Павла I свела на нет страх в Европе перед А. В. Суворовым и достижения Екатерины II, доказав к 1807 г. неспособность России, в том числе и силой оружия, удерживать баланс сил на европейском континенте [47, p. 272–273]. В свою очередь, падение авторитет русского императора после Тильзитского соглашения, отчасти позволяло Г. Бруму в том же 1807 г. говорить о невозможности и недопустимости вмешательства русского оружия в дела Османской империи и восстановлении греческой государственности [68, p. 270–271]. Хотя следует отметить, что обозреватели, вслед за некоторыми вигами в среде политического истеблишмента [43, p. 116–118], вообще негативно относились к сценариям военного освобождения покоренных народов.

Положительные изменения в образе российской военной силы после окончания боевых действий в Европе коснулись и фигуры монарха. Даже в 1817 г., когда, как уже отмечалось выше, оценки в отношении Российской империи, сменятся, шотландским критикам трудно не признать заслуги императора. В упомянутом обзоре на сочинения сэра Роберта Вильсона «Заметки о военной и политической мощи России», Г. Брум подводя своего рода итог всем недавним кампаниям на континенте, видит причины увеличение русской боевой мощи в деятельности императора Александра I, который усилил флот, всячески способствовал прогрессу армии и всей страны в целом [25, p. 171–172]. Он усвоил уроки из неудач 1805–1807 гг. и проделал большую работу, чтобы «устранить основные недостатки в военной системе» [25, p. 172]. В итоге, накануне вторжения Александр обладал многочисленной армией, хорошо вооруженной, дисциплинированной и организованной, которая претендовала на статус одной из мощнейших в Европе. Войны с Турцией, Швецией и Персией способствовали улучшениям, совершенствованию коммуникаций и пр. [25, p. 172–173].

Помимо рассуждений о военной мощи России и ее эвентуальной угрозе Европе, отдельное внимание на страницах эдинбургского обозрения уделено образу солдат и офицеров русской армии, действиям русских войск на полях сражений. В 1811 г. в обзоре Г. П. Брума на книгу сэра Роберта Вильсона «Краткие заметки о характере и устройстве русской армии» [30, p. 230–259] подчёркивается исключительная храбрость солдат, их выносливость, терпеливость и послушание – «одним словом едва ли могут существовать солдаты лучше» [30, p. 238]. Описание качеств рядовых бойцов произвело впечатление на обозревателя, подтолкнув его представить на суд аудитории цитаты из критикуемой работы. Из них становится ясно, что даже неподготовленный русский солдат (как и британский), презирает опасность и подставляет «свое тело с головы до ног» под вражеские пули и артиллерийские снаряды. Никакая бойня его не страшит. Если в происходящем на поле битвы виноват командир, отдавший самоубийственный приказ – солдаты не отступят, даже перед лицом неизбежной смерти. Главный враг отваги – отсутствие четкой структуры и несокрушимого порядка. Отступая из Яново, Л. Л. Беннигсен столкнулся с тем, что его армия, преследуемая силами Наполеона, начала роптать, все настойчивее требуя сражения. Вероятность беспорядка настолько возросла, что ему пришлось объявить солдатам, что он ищет подходящее место для баталии. Удовлетворенные ответом они прошли шестидневный изнуряющий марш, охваченные тревогой, чуть не растеряв порядок. Но прибыв в Прейсиш-Эйлау боевой строй был тут же восстановлен «как у англичан в Корунье». Их подбадривала память о боевой славе, уверенность в приближающейся победе [30, p. 239]. Отметим, что отношение Наполеона к русской армии, как сказано на страницах еженедельника, изменилось именно после битвы при Прейсиш-Эйлау: в ней он по достоинству оценил боевые качества солдат и потенциал самой армии [25, p. 172].

Для простых солдат характерно сильное чувство патриотизма, которое может принимать довольно необычные для этого явления формы. Шотландский критик отметил, что в сражении при Прейсиш-Эйлау ярко проявился военный талант Л. Л. Беннигсена. Однако, это не помогло предотвратить образование «корпуса мародеров», учинявших расправу над офицерами как неприятеля, так и собственными соотечественниками [30, p. 240]. Сюжет, посвящённый упомянутому «отряду» русских солдат, отставших от основных частей после битвы и потому вынужденных полагаться лишь на свои силы, приводится в подробностях. Встретив идущих под конвоем в Прагу пленных русских офицеров, они окружили весь отряд и предложили невольникам возглавить их. Только после отказа последних, посчитавших, что такое нарушение условий плена будет неприемлемым, «трибунал» мародеров вынес смертный приговор и французам, за жестокое обращение с русскими пленниками, и 14 офицерам, оказавшимися с солдатской точки зрения еще большими преступниками: изменниками и предателями [30, p. 240–241]. Преданность отчизне не осталась незамеченной. Среди приговоренных был полковник А.Д. Арсеньев, сумевший чудом выжить. Вернувшись в Петербург, он не стал выполнять распоряжение императора провести смотр войск, дабы найти нарушителей, посчитав, что такая верность своему долгу не должна наказываться [30, p. 241].

В ходе боев Отечественной войны 1812 г. храбрость солдат и офицеров, жертвующих собой, вызывает сильные эмоции у очевидцев, в том числе с французской стороны. В обзоре на книгу капитана-инженера Эжена Лабома, Дж. Плэйфер приводит его описание после сражения разбитого

русского редута, в котором «все солдаты предпочли погибнуть, чем отступить». В живых остался лишь генерал, который сожалел, что не погиб со своими бойцами [24, p. 382–383].

Подобное самопожертвование касается не только действий комбатантов на поле брани. Это вообще характерная черта русской тактики в этой войне: «После битвы под Москвой французская армия без сопротивления продолжила свой победоносный марш на Москву. 4-й корпус, марширующий слева от дороги на Звенигород, миновал несколько заброшенных деревень и великолепных замков, разграбленных казаками. Недавно созревшее зерно было либо вытоптано, либо съедено русской кавалерией, а стога сена, покрывавшие местность, были подожжены, распространяя вокруг непроницаемый дым» [24, p. 383]. В этих губительных для французской армии условиях, российское войско укреплялось за счет крестьян, вооруженных собственными помещиками [24, p. 388]. Усугублял ситуацию холод и голод, в момент, когда кавалерия и пехота следили за отступающим по Смоленской дороге захватчиком [24, p. 389].

Здесь следует остановится на изображении казаков, которые представляют особый род войск в русской армии. В обзоре на записки о путешествиях Р. Сэмпла по Германии, Генри Брум приводит цитату из книги, дабы проиллюстрировать особенность ведения боя этими необычными воинам. Отмечается, что они не отличаются храбростью на поле сражения, их главное умение – хитрость, способность изучать новую местность и использовать ее, дабы скрыться от врага. Во время атаки смельчаки из их числа вырываются вперед, и таким образом весь отряд напоминает форму клина [59, p. 446]. Казаков выдает особая жестокость. Во время кампании 1812 г. они запомнились Э. Лабому тем, что грабили пленников, бросали их обнаженными погибать от холода на снегу [24, p. 391].

Внимание шотландских критиков привлекают встречающиеся в обозреваемых книгах описания русской кавалерии. К примеру, драгун отличает высокое боевое мастерство, которое «является следствием тренировок и дисциплины» [30, p. 241]. Помимо наездников примечательны и скакуны. Лошади у них самые большие, выносливые и сильные в Европе, способны переносить любую непогоду и невзгоды военной жизни. При этом мягкость породы достигается наличием примеси английских коней. Гусарские скакуны не выделяются ничем особенным, кроме, разве что большей силой, чем венгерские кони при равных породистости и телосложении [30, p. 243].

Характеризуя отдельные рода войск, баталии и общий ход кампаний шотландские критики стараются вскрыть проблемы в армии «союзника». Это становится одним из важных, если не обязательных элементов обзоров на тему русской военной силы.

Несмотря на перечисленные достоинства, у рядовых солдат армии Российской империи есть свои недостатки. Они составляют легкую пехоту, неожиданно малочисленную, с учетом потенциала империи [30, p. 241]. Очевидно, что у нее есть проблемы с дисциплиной. Приводя цитаты из критикуемой работы Р. Вильсона, обозреватель делает характерное замечание: автор книги был вхож в штаб, а также наблюдал за манёврами «масс солдат, которых нас учили называть русской армией» [30, p. 231]. Комплектуются полки благодаря рекрутским наборам – величайшему горю для всей семьи, которое, впрочем, сменяется танцами и празднованием [30, p. 244–245].

По мнению Г. П. Брума, в общих чертах комплементарный портрет русских солдат имеет и другое уязвимое место: сэр Р. Вильсон полагает, что они «не ослаблены суевериями» [30, p. 243], хотя ниже пишет о «религиозном, возможно, суеверном, русском, который считает, что рай – это дворец с множеством ворот», а Суворов – настоящий «бог войны» [30, p. 244]. При этом шотландский критик дополняет представления о суевериях, распространённых среди рядовых следующими замечаниями: «Если бы авторитет самого сэра Р. Вильсона не расходился с этим (утверждением – *прим. В. Е.*) в других частях книги, мы могли бы легко опровергнуть его из других источников. «Умри за честь Девы Марии!» – призывает энергичная команда в катехизисе Суворова. Разве сэр Роберт никогда не слышал о вере каждого рядового солдата и офицера в способности нательного крестика (или «бога») на своей груди отводить от него пулю или штык? Разве он не знает, что они верят в мгновенный переход после гибели в бою в руки девяноста тысяч дев их церкви, служащих в раю?» [30, p. 244]. Последний пассаж вновь ставит вопрос о цивилизационном уровне, как русской армии, так и России в целом: цивилизованность, по мнению авторов эпохи Просвещения, обратно пропорциональна уровню распространения в обществе религиозных суеверий. Эта идея, как можно заметить, жива и в начале XIX в. В данном контексте примечательно, что Г. Брум вслед за сэром Р. Вильсоном видит в одной из целей Наполеона превратить Россию снова в не более чем «азиатскую державу» [25, p. 173].

Но на этом недостатки и уязвимости вооружённых сил Российской империи не заканчиваются. Говоря о войсках России в 1811 г. Г. Брум указывает, что солдатами командует «худшее в христианском мире офицерство», что дополняется несогласованностью в рядах высшего военного руководства [30, p. 238]. Армия, функционирующая по «заветам» Суворова уязвима, прежде всего, из-за проблем организационного свойства [30, p. 239].

Дворяне предпочитают служить в гвардии или кавалерии, более эффективных родах войск, что, по мнению автора обозреваемой работы, объясняет низкое качество офицерского состава в пехоте – им недостаёт образования, а одних лишь усердия и храбрости, свойственных для всей армии недостаточно, чтобы успешно продвигаться по службе [30, p. 245].

Артиллерия несмотря на многочисленность, эффективность и высокое качество самих орудий имеет недостатки: уровень подготовки офицеров не выдерживает никакой критики. Порой их назначают командовать по причинам, не связанным со службой, и «часто в день боевых действий» [30, p. 241].

Недостатком русских вооруженных сил является неприспособленность к отступлению. При этом солдаты приучены к изнуряющим маршам, спать под открытым небом, на снегу, носить лохмотья и самостоятельно добывать себе провизию [30, p. 252]. Часто именно смелость и рвение позволяет им выигрывать баталии [30, p. 253]. Но на поле битвы они плохо защищены укреплениями, могут вести хаотичный огонь по противнику [30, p. 254]. Всё это следствия отсутствия должной подготовки армии в целом.

Другая беда – негодное обеспечение армии снабжением, которое может даже угрожать голодом [30, p. 246], а также плохая полевая медицина [30, p. 247]. Госпитали и система здравоохранения находятся в плачевном состоянии. Некоторые офицеры признаются, что порой лучший врач для солдат, потерявших конечности – пушечное ядро, поскольку попечительство об инвалидах не является целенаправленной политикой царского правительства. К тому же финансы империи не позволяют заботиться должным образом о покалеченных бойцах [30, p. 247].

Парадоксальным образом оказывается, что одна из множества проблем русской армии – чрезвычайная загруженность бюрократической отчётностью. И если бы порядок в бумагах мог способствовать боеспособности армии, русская была бы лучшей в мире. Оговариваясь, что сэр Р. Вильсон мог преувеличить масштаб бумажной волокиты, Г. Брум в обзоре 1811 г. приводит его примеры, ярко иллюстрирующую проблему. Из них читатель журнала мог узнать, что офицерская служба больше напоминает работу клерка, а на «благородного создания». Даже казакам приходится сообщать информацию о себе в документах, подготовленных идеальным образом, будто бы им суждено храниться в столичных архивах [30, p. 246].

Представляется весьма любопытным, что, говоря несколько лет спустя о русских потерях в 1812 г., авторы обзоров приводят свидетельства гибели комбатантов от погодных условий: от мороза солдаты, защищавшие Отечество, страдали не меньше неприятеля [25, p. 177; 58, p. 323–324]. А если верить замечаниям барона Д.Ж. Ларрея, то русские и вовсе хуже французов переносят холод. Он считает, что южные народы Европы менее восприимчивы к низким температурам, чем северяне. Французские войска потеряли меньше человек от экстремальных погодных условий, чем их оппоненты. При этом они были одеты легче, в отличие от местных жителей, завёрнутых в теплые одежды. Правда, обозреватель оговорился, что сам Д.Ж. Ларрей – южанин [58, p. 323–324].

Как уже отмечалось выше, после поражения Наполеона в 1812 г. в целом наблюдаются позитивные изменения в восприятии Российской империи и ее вооружённых сил в британском общественном мнении. При этом имели место если не исключения, то по крайней мере критические комментарии. Так Генри Брум, обозревая соответствующие книги в своей привычной манере, рассказывал не только об успехах русских войск, но и пытался указать на существовавшие проблемы. Главная из них, как и прежде – это ошибки командования. Он много цитирует текст сэра Р. Вильсона, приводя примеры бездействия русских генералов. Исход всей войны мог решиться не раз: под Малоярославцем, у Тарутино и под Красным русская армия имела превосходство. Но командование опасалось сделать последний шаг и разбить Великую армию, даже когда у последней не хватало боеприпасов для затяжного сражения, а французские солдаты были измучены голодом и холодом [25, p. 175]. У Березино также в полной мере не было использовано преимущество русских: их численный перевес, рвение и смелость офицеров и солдат, а также плачевное состояние противника [25, p. 176]. При этом характер проблем в рядах российских вооруженных сил претерпел изменения. В войне 1812 г. и в заграничных походах, русские продемонстрировали, что могут учиться на своих ошибках [25, p. 176]. Для того, чтобы это проиллюстрировать публицист приводит цитаты из раннее обозреваемой работы сэр Р. Вильсона [30] о бедах кампании 1807 г. Тогда в военных просчетах русских виноваты были варварская невежественность офицеров, а также неподобающий уровень администрирования и медицинского обслуживания [25, p. 176].

Сражения, происходившие в 1812 г. в России вызывают аналогии с решающими баталиями в Европе. Битва у Бородино сравнивается с Ватерлоо: в этих сражениях все решалось личным мужеством солдат. Здесь отвага военачальников, стойкость рядовых бойцов, атаки и контратаки были единственной тактикой, в то время как перекрёстный огонь пушек – главной стратегией [25, p. 175]. Хотя дальнейшие битвы в кампаниях 1813 и 1814 гг. будут не менее тяжелыми, победа над врагом на своей земле воодушевила весь русский народ, а его рвение поощрялось императором [25, p. 178].

В боевых действиях 1813 г. российские вооруженные силы выглядят впечатляюще: в дисциплинарном отношении они ничуть не уступают другим европейским армиям, а их поведение на занятой территории, исходя из анонимных сообщений местных жителей, было наименее оскорбительным и наиболее подобающим. Г. Брум считает, что это обстоятельно является ничем иным как «выдающимся доказательством того, насколько они улучшили свои привычки в цивилизованной войне» [25, p. 178]. Хотя, говоря о причинах уязвимости русской армии, обозреватель обращает внимание на их структурный характер.

В конце длинной череды конфликтов, что выпали на начало XIX столетия, военная сила Российской империи достигла совершенно иного ка-

чества. Хотя русская армия и прибыла слишком поздно, чтобы принять непосредственное участие в боевых действиях в 1815 г., тем не менее, своим видом она впечатлила очевидцев: 120 000 чел. удивили офицеров других армий своей дисциплиной, «никогда ранее не наблюдавшейся в таком большом военном корпусе», где «каждый батальон казался отборным» [25, p. 179].

Не осталось без внимания участие русской армии в качестве оккупационных сил во Франции. Местные жители с опаской относились к появлению войск из России. Еще больше последние нервировали провинциальную администрацию, особо боявшихся их требований [67, p. 383]. Но, как отмечают шотландские критики, союзная армия, из которой выделялись русские, вела себя по отношению к мирному населению Франции благопристойно [67, p. 384].

Если обобщенный образ Российской империи в обзорах «The Edinburgh Review» представляется довольно статичным и инертным, то русская армия – наиболее динамичная его составляющая. Достоинства солдат и офицеров дополняются новыми чертами, а недостатки меняют свой масштаб и характер. Своеобразными рубежами восприятия становятся неудачи, предшествовавшие заключению Тильзитского мира в 1807 г., победы на полях сражений во время Отечественной войны 1812 г. и походы 1813–1814 гг., а также итоги переговоров в Вене в 1814–1815 гг. Относительные позитивные изменения словно бы подтверждают иной цивилизационный статус державы, но характер негативных сторон организации армии часто имеет структурный, глубинный характер – причины неудач в военных кампаниях кроются в плохом управлении, проблемах с финансами, недостаточной подготовке кадрового офицерства и рядовых солдат.

Отдельно отметим, обозревая компанию Наполеона в России, шотландские критики представляют на суд читательской аудитории не только британское, но также французское видение событий, отмечая тяжелые условия войны, как в обзорах на воспоминания капитана Эжена Лабома [24] или барона Д.Ж. Ларрея [58].

Принимая во внимание все выше сказанное, следует констатировать общую противоречивость, амбивалентность образа русской армии, представленного на страницах шотландского ежеквартальника. Храбрость и доблесть, сочетаются до определённого момента с непрофессионализмом и отсутствием дисциплины, великие победы с отсталой тактикой, обилием предрассудков и суеверий среди рядовых и офицеров. При этом улучшениям, пусть и относительным, в армии находится место, что продемонстрированно в победе над Наполеоном.

Учитывая охват обозреваемой литературы, влияние издания, а также общие тиражи журнала, достигшие в 1814 г. показателя в 13 тыс. экз. [38, p. 134–135], можно сделать вывод о распространённости подобных взглядов среди части британского общества начала XIX в.

В завершении отметим, что обозреватели «The Edinburgh Review» в своих рассуждениях о России и ее вооружённых силах вынуждены опираться на мнения авторов критикуемых книг, сопоставляя материал и делая выводы о его достоверности. Стереотипы и архетипы о России, ее жителях и войсках обнаруживающиеся на страницах рецензируемых работ, сталкиваются с мнениями авторов, которые часто не спешат слепо доверять сведениям из рецензируемых книг. Они отказываются идти на поводу алармистских заявлений, как в случае с обзором на «Заметки» сэра Р. Вильсона, а стремятся продемонстрировать свою точку зрения, создавая тем самым непосредственный отрефлексированный образ вооруженных сил Российской империи. При этом важно учитывать, что в случае с обзорами в эдинбургском ежеквартальнике читатель журнала имел дело не просто с авторским восприятием «Другого», но со своеобразным «эрзацобразом», прошедшим через горнило критической рефлексии над прочитанным трудами очевидцев событий.

Источники и литература

1. Анатомия смеха. Английская карикатура XVIII – первой трети XIX века / Авт.-сост. В. М. Успенский. М.: Арт Волхонка, 2016. 352 с.

2. Вильсон Р. Т. Дневник путешествий, службы и общественных событий, в бытность при ... о нашествии Наполеона на Россию и об отступлении его армии // Русский вестник. 1862. Т. 37. С. 129–195.

3. Вильсон Р. Т. Дневник путешествий, службы и общественных событий, в бытность при европейских армиях во время кампаний 1812–1813 года. Письма к разным лицам. СПб.: ИНАпресс, 1995. 307 с.

4. Вильсон Р. Т. Личный дневник 1812 года / Роберт Томас Вильсон; вступ. заметка С. Н. Искюля, пер. с англ. и примеч. С. Н. Искюля, Д. В. Соловьева // Звезда. 1995. № 7. С. 131–157.

5. Виницкий И. «Человек рассеянный». Alexis Eustaphieve (1799 – 1857) как национальный проект // Новое литературное обозрение. 2014. №6 (130). С. 94–111. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/130_nlo_6_2014/article/11209/ (Дата обращения: 28.05.2020)

6. Гладышев А. В. 1814 год: «Варвары Севера» имеют честь приветствовать французов. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 497 с.

7. Гладышев А. В. Антропологический поворот в военной истории // Диалог со временем. 2017. Т. 59. С. 136–150.

8. Гладышев А. В. Великие сражения в исторической памяти или, почему машут кулаками после драки // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А. В. Гладышева. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2019. Вып. 18. С. 167–182.

9. Гладышев А. В. Казаки во Франции в 1814 г.: образ и коллективная память // Уральский исторический вестник. 2014. № 4 (45). С. 5–25.

10. Гладышев А. В. «Казаки» и антирусская наполеоновская пропаганда в 1814 г. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2014. Т. 14. № 2. С. 70–76.
11. Гладышев А. В. Конструирование исторической памяти и школьные учебники (опыт Франции) // Европа. Международный альманах. Вып. IX. Тюмень, 2010. С. 46–52.
12. Гладышев А. В. Оккупация как предмет военно-исторической антропологии // Французский ежегодник. 2018: Межкультурные контакты в период иностранной оккупации. М.: ИВИ РАН, 2018. С. 10–21.
13. Еремин В. С. Образ армии Османской империи на страницах «The Edinburgh Review» в первой четверти XIX века // История и историческая память. Саратов, 2017. Вып. 15. С. 40–51.
14. Еремин В. С. Образ Российской империи на страницах «The Edinburgh Review» в период 1802-1812 гг. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2015. Т. 15. Вып. 2. С. 70–74.
15. Еремин В. С. Образ российских императоров на страницах шотландского ежеквартального книжного обозрения «The Edinburgh review» в первой четверти XIX в. // Гуманитарные и юридические исследования. 2018.. № 2. С. 43–51.
16. Мельникова Л. В. Антинаполеоновская пропаганда в России 1806–1814 гг.: формирование образа внешнего врага // Французский ежегодник 2013: «Русская кампания» Наполеона: события, образы, память. М.: ИВИ РАН., 2013. С. 162–178.
17. Митрофанов А. А., Промыслов Н. В., Прусская Е. А. Россия во французской прессе периода Революции и Наполеоновских войн (1789–1814). М.: РОССПЭН, 2019. 239 с.
18. Митрофанов А. А., Промыслов Н. В., Прусская Е. А. «Русская угроза» во французской прессе конца XVIII – начала XIX в. // Французский ежегодник 2015: К 255-летию Французской революции. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 344–391.
19. Пономарёв В. Н. Полвека за океаном: российский дипломат и литератор Алексей Евстафьев // Американский ежегодник. 1990. М.: ИВИ РАН, 1991. С. 191–205.
20. Промыслов Н. В. Французское общественное мнение о России накануне и во время войны 1812 года. М.: РОССПЭН, 2016. 254 с.
21. Орлов А. А. Союз Петербурга и Лондона. М.: Прогресс–Традиция, 2005. 368 с.
22. Смирнова М. А. Русская армия в оценке британских мемуаристов – участников голландской экспедиции 1799 г. // Труды международной конференции к 285-летию со дня рождения А. В. Суворова, к 110-летию Суворовского музея. Санкт-Петербургский государственный университет; Государственный мемориальный музей А. В. Суворова. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2015. С. 104–113.
23. Чудинов А. В. С кем воевал русский мужик в 1812 году? Образ врага в массовом сознании // Французский ежегодник. 2012. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 336–365.
24. A Circumstantial Narrative of the Campaign in Russia, embellished with Plans of the Battles of the Moskwa, and Malo-Jaroslavitz, containing a faithful description of the affecting and interesting scenes of which the author was an eyewitness. By Eugene Labaume, Captain of the Royal Geographical Engineers, Ex officer of the Ordnance of Prince Eugene, &c. &c. pp.412. London, 1814. // The Edinburgh Review. Vol. XXIV. Edinburgh: Archibald Constable and Co., L.: Longman, Hurst, Rees, Orme and Brown, 1815. P. 374–396.
25. A Sketch of the Military and Political Power of Russia, in the Year 1817. 8vo. pp. 223. London, Ridgeway, 1817. // The Edinburgh Review. Vol. XXIX. Edinburgh: Archibald Constable and Co., L.: Longman, Hurst, Rees, Orme and Brown, 1818. P. 164–190.
26. A Sketch of the Military and Political Power of Russia, in the year 1817- Fourth Edition. pp.208. London. 1818. // The Quarterly Review. Vol. XIX. L.: John Murray, 1818, P. 131–177.
27. Anderson M.S. British Public Opinion and the Russian Campaign of 1812 // The Slavonic and East European Review Vol. 34. 1956. No. 83. P. 408–425.
28. Annales historiques de la Révolution française. 2012. № 369. URL: https://journals.openedition.org/ahrf/12577 (Дата обращения: 20.05.2020)
29. Ashton J. English Caricature and Satire on Napoleon I. L.: Chatto & Windus, 1888. 454 p.
30. Brief Remarks on the Character and Composition of the Russian Army, and a Sketch of the Campaigns in Poland, in the Years 1806 and 1807. By Sir Robert Wilson, Aidde-camp to the King, Knight of the Military Order of Maria Theresa, &c. &c. &c. 4to. pp. 306. London, Egerton. 1810. // The Edinburgh Review. Vol XVIII. Edinburgh: Archibald Constable and Co., 1811. P. 230–259.
31. Benoit J. L'Anti-Napoleon caricatures et satires du Consulat à l'Empire: Musée national des châteaux de Malmaison et de Bois-Préau, 30 mai–30 semptembre, exhibition catalogue. P.: Réunion des Musées Nationaux, 1996. 125 p.
32. Broadley A. M. Napoleon in caricature 1795–1821. In two vols. Vol. I. L.: John Lane, The Bodley Head, 1911. 391 p.
33. Brougham H. The Life and Times of Henry Lord Brougham, written by himself: in 3 vols. Vol. I. N.-Y.: Harper and brothers, Publishers, 1871. 380 p.
34. Brougham H. The Life and Times of Henry Lord Brougham, written by himself: in 3 vols. Vol. II. Edinburgh, L.: William Blackwood and Sons, 1871. 516 p.
35. Burrows S. Britain and the Black Legend: The Genesis of the Anti-Napoleonic Myth // Resisting Napoleon: The British Response to the Threat of Invasion, 1797–1815 / Ed. by M. Philp. N.-Y.: Routledge, 2016. P. 141–157.
36. Caractere des Armies Europeennes dans la Guerre actuelle, avec une paralelle de la Politique de la puissance et des moyens des Remains et des Francois. Londres, T. Egerton, 1802; Military Character of the different European Armies, &c. Translated from the French. «Second Edition. Egerton, 1804. // The Edinburgh Review. Vol. V. Edinburgh: Archibald Constable and Co., L.: Longman, Hurst, Rees & Orme, 1805. P. 451–468.
37. Clerc C. La caricature contre Napoléon. P.: Promodis, 1985. 319 p.
38. Clive J. Scotch Reviewers: The Edinburgh Review, 1802–1815. L.: Faber & Faber, 1957. 224 p.
39. Cockburn H. Life of Lord Jeffrey. With a Selection from His Correspondence: in 2 vols. Vol. I. Philadelphia: Lippincott, Grambo & Co., 1852. 343 p.

40. Cookson J. E. The Napoleonic Wars, Military Scotland and Tory Highlandism in the Early Nineteenth Century // The Scottish Historical Review. Vol. 78. 1999. No. 205, Part 1. P. 60–75.
41. Cookson J. E. The Friends of Peace: Anti-War Liberalism in England 1793-1815. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 340 p.
42. Cronin R. Wordsworth's Poems of 1807 and the War against Napoleon // The Review of English Studies. Vol. 48. 1997. No.189. P. 33–50.
43. Davies G. The Whigs and the Peninsular War, 1808 – 1814 // Transactions of the Royal Historical Society. Vol. 2. 1919. P. 113–131.
44. Emsley C. British Society and the French Wars 1793 – 1815. L.: The Macmillan Press Ltd, 1979. 224 p.
45. Flynn P. Francis Jeffrey. L.: Associated University Press, 1978. 258 p.
46. Forrest A. Conscripts and Deserters: The Army and French Society During the Revolution and Empire. N.-Y.: Oxford University Press, 1989. 304 p.
47. Fragments upon the Balance of Power in Europe. Translated from the German of the Chevalier Fred. Gentz. Peltier, London, 1806, p. 385. 8vo. // The Edinburgh Review. Vol IX. Edinburgh: Archibald Constable and Co., L.: Longman, Hurst, Rees &Orme, 1807. P. 253–278.
48. Gabriëls J. Cutting the cake: the Congress of Vienna in British, French and German political caricature // European Review of History: Revue européenne d'histoire. Vol. 24. 2017. No. 1. P. 131–157.
49. George M.D. English political caricature; a study of opinion and propaganda. In two vols. Vol II. Oxford: Clarendon Press, 1959. 275 p.
50. Gleason J.H. The Genesis of Russophobia in Great Britain; a study of the interaction of policy and opinion. Cambridge: Harvard University Press, 1950. 314 p.
51. Harris B. The Scottish people and the French Revolution. L.: Pickering & Chatto, 2008. 340 p.
52. Holtman R. Napoleonic Propaganda. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1950. 272 p.
53. Hopkirk P. The Great Game: on Secret Service in High Asia. L.: John Murray, 2006. 592 p.
54. Horner L. Memoirs and Correspondence of Francis Horner. In two vols. Vol. I. Boston: Little, Brown and Company; L.: John Murray, 1853. 575 p.
55. Jensen O.C. Napoleon and British Song, 1797–1822. N.-Y.: Palgrave Macmillan, 2015. 261 p.
56. Macleod E. V. A War of Ideas: British Attitudes to the Wars Against Revolutionary France 1792 – 1802. Aldershot: Ashgate Publishing Limited, 1998. 256 p.
57. Meikle H. W. Scotland and the French revolution. Glasgow: James Maclehose and sons, 1912. 317 p.
58. Memoires de Chirurgerie Militaire, et Campagnes: Du Baron D. J. Larrey, Premier Chirurgien-en-Chef de l'Hopital de la Garde Royale. Paris. Tomes 1, 2, 3. 1812. p. 1394 – Tome 4. 1817. pp. 500. // The Edinburgh Review. Vol. XXXI. Edinburgh: Archibald Constable and Co., L.: Longman, Hurst, Rees, Orme and Brown, 1819. P. 309–324.
59. Observations made on a Tour from Hamburg, through Berlin, Gorlitz and Breslaw to Silberberg, and thence to Gottenburg. By Robert Semple, Author of Two Journeys in Spain, a Sketch of the Caracas, &c. 8vo. pp.285. London, Baldwin, 1814. // The Edinburgh Review. Vol. XXII. Edinburgh: Archibald Constable and Co., L.: Longman, Hurst, Rees &Orme, 1814. P. 434–447.
60. Petiteau N. Napoléon, de la mythologie à l'histoire. P.: Seuil, 1999. 444 p.
61. Plassart A. The Scottish Enlightenment and the French Revolution. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 266 p.
62. Politique it tous les Cabinets de l'Europe, pendant les rengnes de Louis XV. et de Louis XVI. &c. MSS. trouves dans le Cabinet de Louis XVI. Seconde Edition. Considerablement augmentee. Par L. P. Segur l'Aine, Exambassadeur. 3 torn. 8vo. pp. 1238. a Paris. Chez Buisson. An 9. (1801.) // The Edinburgh Review. Vol. I. Edinburgh: Archibald Constable and Co., L.: Longman and O. Rees,1804. P. 345–381.
63. Semmel S. Napoleon and the British. New Haven: Yale University Press, 2004. 354 p.
64. Sketches on the intrinsic Strength, Military and Naval Force of France and Russia; with Remarks on their present Connexion, Political Influence, and future Projects. In two Parts. Part I. London, 1803. pp. 216. // The Edinburgh Review. Vol IV. Edinburgh: Archibald Constable and Co., L.: T.N. Longman and O. Rees, 1810. P. 43–62.
65. Travelling Sketches in Russia and Sweden during the Years 1805, 1806, 1807, 1808. By Robert Ker Porter. 2 vol. 4to. pp.611. Phillips. London. // The Edinburgh Review. Vol. XIV. Edinburgh: Archibald Constable and Co., 1809. P. 170–187.
66. Travels in various Countries of Europe, Asia, and Africa. By Edward Daniel Clarke, LL. D. Part the First— Russia, Tartary, and Turkey. 4to. pp. 7S8. London, Cadell Si Davies. Cambridge, University Press. 1810. // The Edinburgh Review. Vol XVI. Edinburgh: Archibald Constable and Co., 1810. P. 334–368.
67. Travels through France and Germany, in the Years 1815, 1816, and 1817; comprising a View of the Moral, Political, and Social State of those Countries; interspersed with numerous Historical and Political Anecdotes, derived from Authentic Sources. By J. Jorgenson, Esq. 8vo. pp. 432. Cadell & Davies. London, 1817. // The Edinburgh Review. Vol. XXVIII. Edinburgh: Archibald Constable and Co., L.: Longman, Hurst, Rees, Orme and Brown, 1817. P. 371–390.
68. The Present State of Turkey; or a Description of the Political, Civil, and Religious Constitution, Government and Laws, of the Ottoman Empire; the Finances; Military and Naval Establishments; the State of Learning; and of the Liberal and Mechanical Arts, the Manners, and Domestic Economy of the Turks, and other Subjects of the Grand Signer, etc. etc. etc.; together with the Geographical, Political, and Civil State of the Principalities of Moldavia and Wallachia; from Observations made during a Residence of Fifteen Tears in Constantinople and the Turkish Provinces. By Thomas Thornton. Esq. 4to. pp. 468. London. Mawman. 1807. // The Edinburgh Review. Vol. X. Edinburgh: Archibald Constable and Co., L.: John Murray, 1807. P. 249–271.
69. The Resources of Russia, in the Event of a War with France, and an Examination of the prevailing Opinion relative to the Political and Military Conduct of the Court of Si Petersburgh; with a short Description of the Cozaks. By M. Eustaphieve, Russian Consul at Boston. Third Edition. America, printed. London, Reprinted by John Stockdale, Piccadilly. 1813. // The Edinburgh Review. Vol. XXI. Edinburgh: Archibald Constable and Co., L.: White, Cochrane & Co.,1813. P. 219–252.

70. The Wellesley Index to Victorian Periodicals, 1824–1900 / Ed. by W. H. Houghton. Vol. I. Toronto: University of Toronto Press, 1966. 1194 p.
71. Watson J. R. Romanticism and War A Study of British Romantic Period Writers and the Napoleonic Wars. N.-Y.: Palgrave Macmillan, 2003. 254 p.

References

1. Anatomiya smekha. Anglijskaya karikatura XVIII – pervoj treti XIX veka *(Laughter anatomy. English caricature of the XVIII – first third of the XIX century)* / compiler V. M. Uspenskij. Moscow: Art Volhonka, 2016. 352 p. (In Russian).
2. Vil'son R.T. Dnevnik puteshestvij, sluzhby i obshchestvennyh sobytij, v bytnost' pri ... o nashestvii Napoleona na Rossiyu i ob otstuplenii ego armii *(Private diary of travels, personal services, and public events, during... the Invasion of Russia by Napoleon Bonaparte and the Retreat of the French Army)*. // Russkij vestnik. Vol. 37. 1862. P. 129–195. (In Russian).
3. Vil'son R.T. Dnevnik puteshestvij, sluzhby i obshchestvennyh sobytij, v bytnost' pri evropejskih armiyah vo vremya kampanij 1812–1813 goda. Pis'ma k raznym licam *(Private diary of travels, personal services, and public events, during Mission and Employment with the European Armies in the Campaigns of 1812–1813. Letters to different persons)*. St.Petersburg: INApress, 1995. 307 p. (In Russian).
4. Vil'son R. T. Lichnyj dnevnik 1812 goda *(Private diary of 1812)* / Robert Tomas Vil'son; introduction S.N. Iskyulya, translated by S.N. Iskyulya, D.V. Solov'eva // Zvezda. 1995. No. 7. P. 131–157. (In Russian).
5. Vinickij I. «Chelovek rasseyannyj». Alexis Eustaphieve (1799–1857) kak nacional'nyj proekt *("An absent-mindedman". Alexis Eustaphieve (1799–1857) as a national project)* // Novoe literaturnoe obozrenie. 2014. No. 6 (130). P. 94–111. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/130_nlo_6_2014/article/11209/ (Accessed: 28.05.2020) (In Russian).
6. Gladyshev A. V. 1814 god: «Varvary Severa» imeyut chest' privetstvovat' francuzov *(1814: The Barbarians of the North have the honor of welcoming the French)*. Moscow: Politicheskaya enciklopediya, 2019. 497 p. (In Russian).
7. Gladyshev A. V. Antropologicheskij povorot v voennoj istorii *(The anthropological turn in military history)* // Dialog so vremenem. 2017. Vol. 59. P. 136–150. (In Russian).
8. Gladyshev A. V. Velikie srazheniya v istoricheskoj pamyati ili Pochemu mashut kulakami posle draki *(The great battles in historical memory or why waving the fists after fighting)* // Istoriya i istoricheskaya pamyat': mezhvuz. sb. nauch. tr. / pod red. A.V. Gladysheva. Saratov: SSU publ., 2019. Issue. 18. P. 167–182. (In Russian).
9. Gladyshev A. V. Kazaki vo Francii v 1814 g.: obraz i kollektivnaya pamyat' *(Cossacks in France in 1814: Image and Collective Memory)* // Ural'skij istoricheskij vestnik. 2014. No. 4 (45). P. 5–25. (In Russian).
10. Gladyshev A. V. «Kazaki» i antirusskaya napoleonovskaya propaganda v 1814 g. *("Cossacks" and Anti-russian napoleonic propaganda in 1814)* // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2014. Vol. 14. No. 2. P. 70–76. (In Russian).
11. Gladyshev A. V. Konstruirovanie istoricheskoj pamyati i shkol'nye uchebniki (opyt Francii) *(School textbooks and construction of historical memory (French experience))* // Evropa. Mezhdunarodnyj al'manah. Issue. IX. Tyumen', 2010. P. 46–52. (In Russian).
12. Gladyshev A. V. Okkupaciya kak predmet voenno-istoricheskoj antropologii *(The Occupation as a Subject of Military Anthropological Studies)* // Francuzskij ezhegodnik. 2018: Mezhkul'turnye kontakty v period inostrannoj okkupacii. Moscow: WHI of RAS publ., 2018. P. 10–21. (In Russian).
13. Eremin V. S. Obraz armii Osmanskoj imperii na stranicah «The Edinburgh Review» v pervoj chetverti XIX veka *(The Image of the Ottoman Army on the pages of The Edinburgh Review in the first quarter of the 19th century)* // Istoriya i istoricheskaya pamyat'. Saratov, 2017. Issue. 15. P. 40–51. (In Russian).
14. Eremin V.S. Obraz Rossijskoj imperii na stranicah «The Edinburgh Review» v period 1802–1812 gg. *(The Image of the Russian Empire in the Columns of The Edinburgh Review» during 1802–1812)* // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2015. Vol. 15. Issue. No. 2. P. 70–74. (In Russian).
15. Eremin V. S. Obraz rossijskih imperatorov na stranicah shotlandskogo ezhekvartal'nogo knizhnogo obozreniya «The Edinburgh review» v pervoj chetverti XIX v. *(The Image of Russian Emperors on the pages of Scottish quarterly book review The Edinburgh Review in the first quarter of the XIX century)* // Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. 2018. Issue. 2. P. 43–51. (In Russian).
16. Mel'nikova L. V. Antinapoleonovskaya propaganda v Rossii 1806–1814 gg.: formirovanie obraza vneshnego vraga *(The anti-Napoleonic propaganda in Russia 1806–1814 and the formation of the image of external enemy)* // Francuzskij ezhegodnik 2013: «Russkaya kampaniya» Napoleona: sobytiya, obrazy, pamyat'. Moscow: WHI of RAS publ., 2013. P. 162–178. (In Russian).
17. Mitrofanov A. A., Promyslov N. V., Prusskaya E. A. Rossiya vo francuzskoj presse perioda Revolyucii i Napoleonovskih vojn (1789–1814) *(Russia in the French press during the Revolution and Napoleonic Wars (1789–1814))*. Moscow: ROSSPEN, 2019. 239 p. (In Russian).
18. Mitrofanov A. A., Promyslov N. V., Prusskaya E. A. «Russkaya ugroza» vo francuzskoj presse konca XVIII – nachala XIX v. *("Russian Threat" in the French Press at the end of the XVIIIth – beginning of the XIXth centuries)* // Francuzskij ezhegodnik 2015: K 255-letiyu Francuzskoj revolyucii. Moscow: WHI of RAS publ., 2015. P. 344–391. (In Russian).
19. Ponomaryov V. N. Polveka za okeanom: rossijskij diplomat i literator Aleksej Evstaf'ev *(Half a century across the ocean: Russian diplomat and writer Alexei Evstafiev)* // Amerikanskij ezhegodnik. 1990. Moscow: WHI of RAS publ., 1991. P. 191–205.
20. Promyslov N. V. Francuzskoe obshchestvennoe mnenie o Rossii nakanune i vo vremya vojny 1812 goda *(French public opinion about Russia on the eve and during the war of 1812)*. Moscow: ROSSPEN, 2016. 254 p. (In Russian).
21. Orlov A. A. Soyuz Peterburga i Londona *(The union of Petersburg and London)*. Moscow: Progress–Tradiciya, 2005. 368 p. (In Russian).

22. Smirnova M. A. Russkaya armiya v ocenke britanskih memuaristov – uchastnikov Gollandskoj ekspedicii 1799 g. *(Russian army in the assessment of the British memoirists-participants of the Holland expedition of 1799)* // Trudy mezhdunarodnoj konferencii k 285-letiyu so dnya rozhdeniya A.V. Suvorova, k 110-letiyu Suvorovskogo muzeya. Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet; Gosudarstvennyj memorial'nyj muzej A. V. Suvorova. St.Petersburg: SPbSU publ., 2015. P. 104–113. (In Russian).

23. Chudinov A. V. S kem voeval russkij muzhik v 1812 godu? Obraz vraga v massovom soznanii *(Against whom did a Russian peasant struggle in 1812? The Image of the Enemy in Mass Consciousness)* // Francuzskij ezhegodnik. 2012. Moscow: WHI of RAS publ., 2012. P. 336–365. (In Russian).

24. A Circumstantial Narrative of the Campaign in Russia, embellished with Plans of the Battles of the Moskwa, and Malo-Jaroslavitz, containing a faithful description of the affecting and interesting scenes of which the author was an eyewitness. By Eugene Labaume, Captain of the Royal Geographical Engineers, Ex officer of the Ordnance of Prince Eugene, &c. &c. pp.412. London, 1814. // The Edinburgh Review. Vol. XXIV. Edinburgh: Archibald Constable and Co., L.: Longman, Hurst, Rees, Orme and Brown, 1815. P. 374–396.

25. A Sketch of the Military and Political Power of Russia, in the Year 1817. 8vo. pp. 223. London, Ridgeway, 1817. // The Edinburgh Review. Vol. XXIX. Edinburgh: Archibald Constable and Co., L.: Longman, Hurst, Rees, Orme and Brown, 1818. P. 164–190.

26. A Sketch of the Military and Political Power of Russia, in the year 1817- Fourth Edition. pp.208. London. 1818. // The Quarterly Review. Vol. XIX. L.: John Murray, 1818, P. 131–177.

27. Anderson M.S. British Public Opinion and the Russian Campaign of 1812 // The Slavonic and East European Review Vol. 34. 1956. No. 83. P. 408–425.

28. Annales historiques de la Révolution française. 2012. No. 369. URL: https://journals.openedition.org/ahrf/12577 (Accessed: 20.05.2020)

29. Ashton J. English Caricature and Satire on Napoleon I. L.: Chatto & Windus, 1888. 454 p.

30. Brief Remarks on the Character and Composition of the Russian Army, and a Sketch of the Campaigns in Poland, in the Years 1806 and 1807. By Sir Robert Wilson, Aidde-camp to the King, Knight of the Military Order of Maria Theresa, &c. &c. &c. 4to. pp. 306. London, Egerton. 1810. // The Edinburgh Review. Vol XVIII. Edinburgh: Archibald Constable and Co., 1811. P. 230–259.

31. Benoit J. L'Anti-Napoleon caricatures et satires du Consulat à l'Empire: Musée national des châteaux de Malmaison et de Bois-Préau, 30 mai – 30 semptembre, exhibition catalogue. P.: Réunion des Musées Nationaux, 1996. 125 p.

32. Broadley A.M. Napoleon in caricature 1795–1821. In two vols. Vol. I. L.: John Lane, The Bodley Head, 1911. 391 p.

33. Brougham H. The Life and Times of Henry Lord Brougham, written by himself: in 3 vols. Vol. I. N.-Y.: Harper and brothers, Publishers, 1871. 380 p.

34. Brougham H. The Life and Times of Henry Lord Brougham, written by himself: in 3 vols. Vol. II. Edinburgh, L.: William Blackwood and Sons, 1871. 516 p.

35. Burrows S. Britain and the Black Legend: The Genesis of the Anti-Napoleonic Myth // Resisting Napoleon: The British Response to the Threat of Invasion, 1797–1815 / Ed. by M. Philp. N.-Y.: Routledge, 2016. P. 141–157.

36. Caractere des Armies Europeennes dans la Guerre actuelle, avec une paralelle de la Politique de la puissance et des moyens des Remains et des Francois. Londres, T. Egerton, 1802; Military Character of the different European Armies, &c. Translated from the French. «Second Edition. Egerton, 1804. // The Edinburgh Review. Vol. V. Edinburgh: Archibald Constable and Co., L.: Longman, Hurst, Rees & Orme, 1805. P. 451–468.

37. Clerc C. La caricature contre Napoléon. P.: Promodis, 1985. 319 p.

38. Clive J. Scotch Reviewers: The Edinburgh Review, 1802–1815. L.: Faber & Faber, 1957. 224 p.

39. Cockburn H. Life of Lord Jeffrey. With a Selection from His Correspondence: in 2 vols. Vol. I. Philadelphia: Lippincott, Grambo & Co., 1852. 343 p.

40. Cookson J. E. The Napoleonic Wars, Military Scotland and Tory Highlandism in the Early Nineteenth Century // The Scottish Historical Review. Vol. 78. 1999. No. 205, Part 1. P. 60–75.

41. Cookson J. E. The Friends of Peace: Anti-War Liberalism in England 1793-1815. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 340 p.

42. Cronin R. Wordsworth's Poems of 1807 and the War against Napoleon // The Review of English Studies. Vol. 48. 1997. No.189. P. 33–50.

43. Davies G. The Whigs and the Peninsular War, 1808-1814 // Transactions of the Royal Historical Society. Vol. 2. 1919. P. 113–131.

44. Emsley C. British Society and the French Wars 1793-1815. L.: The Macmillan Press Ltd, 1979. 224 p.

45. Flynn P. Francis Jeffrey. L.: Associated University Press, 1978. 258 p.

46. Forrest A. Conscripts and Deserters: The Army and French Society During the Revolution and Empire. N.-Y.: Oxford University Press, 1989. 304 p.

47. Fragments upon the Balance of Power in Europe. Translated from the German of the Chevalier Fred. Gentz. Peltier, London, 1806, pp. 385. 8vo. // The Edinburgh Review. Vol IX. Edinburgh: Archibald Constable and Co., L.: Longman, Hurst, Rees &Orme, 1807. P. 253–278.

48. Gabriëls J. Cutting the cake: the Congress of Vienna in British, French and German political caricature // European Review of History: Revue européenne d'histoire. Vol. 24. 2017. No.1. P. 131–157.

49. George M. D. English political caricature; a study of opinion and propaganda. In two vols. Vol II. Oxford: Clarendon Press, 1959. 275 p.

50. Gleason J. H. The Genesis of Russophobia in Great Britain; a study of the interaction of policy and opinion. Cambridge: Harvard University Press, 1950. 314 p.

51. Harris B. The Scottish people and the French Revolution. L.: Pickering & Chatto, 2008. 340 p.

52. Holtman R. Napoleonic Propaganda. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1950. 272 p.
53. Hopkirk P. The Great Game: on Secret Service in High Asia. L.: John Murray, 2006. 592 p.
54. Horner L. Memoirs and Correspondence of Francis Horner. In two vols. Vol. I. Boston: Little, Brown and Company; L.: John Murray, 1853. 575 p.
55. Jensen O. C. Napoleon and British Song, 1797–1822. N.-Y.: Palgrave Macmillan, 2015. 261 p.
56. Macleod E. V. A War of Ideas: British Attitudes to the Wars Against Revolutionary France 1792–1802. Aldershot: Ashgate Publishing Limited, 1998. 256 p.
57. Meikle H. W. Scotland and the French revolution. Glasgow: James Maclehose and sons, 1912. 317 p.
58. Memoires de Chirurgerie Militaire, et Campagnes: Du Baron D. J. Larrey, Premier Chirurgien-en-Chef de l'Hopital de la Garde Royale, &c. &c. &c. 8vo. Paris. Tomes 1, 2, 3. 1812. pp. 1394. Tome 4. 1817. pp. 500. // The Edinburgh Review. Vol. XXXI. Edinburgh: Archibald Constable and Co., L.: Longman, Hurst, Rees, Orme and Brown, 1819. P. 309–324.
59. Observations made on a Tour from Hamburg, through Berlin, Gorlitz and Breslaw to Silberberg, and thence to Gottenburg. By Robert Semple, Author of Two Journeys in Spain, a Sketch of the Caracas, &c. 8vo. pp.285. London, Baldwin, 1814. // The Edinburgh Review. Vol. XXII. Edinburgh: Archibald Constable and Co., L.: Longman, Hurst, Rees &Orme, 1814. P. 434–447.
60. Petiteau N. Napoléon, de la mythologie à l'histoire, P.: Seuil, 2004. 444 p.
61. Plassart A. The Scottish Enlightenment and the French Revolution. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 266 p.
62. Politique it tous les Cabinets de l'Europe, pendant les rengnes de Louis XV. et de Louis XVI. &c. MSS. trouves dans le Cabinet de Louis XVI. Seconde Edition. Considerablement augmentee. Par L. P. Segur l'Aine, Exambassadeur. 3 torn. 8vo. pp. 1238. a Paris. Chez Buisson. An 9. (1801.) // The Edinburgh Review. Vol. I. Edinburgh: Archibald Constable and Co., L.: Longman and O. Rees,1804. P. 345–381.
63. Semmel S. Napoleon and the British. New Haven: Yale University Press, 2004. 354 p.
64. Sketches on the intrinsic Strength, Military and Naval Force of France and Russia; with Remarks on their present Connexion, Political Influence, and future Projects. In two Parts. Part I. London, 1803. pp. 216. // The Edinburgh Review. Vol IV. Edinburgh: Archibald Constable and Co., L.: T.N. Longman and O. Rees, 1810. P. 43–62.
65. Travelling Sketches in Russia and Sweden during the Years 1805, 1806, 1807, 1808. By Robert Ker Porter. 2 vol. 4to. pp.611. Phillips. London. // The Edinburgh Review. Vol. XIV. Edinburgh: Archibald Constable and Co., 1809. P. 170–187.
66. Travels in various Countries of Europe, Asia, and Africa. By Edward Daniel Clarke, LL. D. Part the First – Russia, Tartary, and Turkey. 4to. pp. 7S8. London, Cadell Si Davies. Cambridge, University Press. 1810. // The Edinburgh Review. Vol XVI. Edinburgh: Archibald Constable and Co., 1810. P. 334–368.
67. Travels through France and Germany, in the Years 1815, 1816, and 1817; comprising a View of the Moral, Political, and Social State of those Countries; interspersed with numerous Historical and Political Anecdotes, derived from Authentic Sources. By J. Jorgenson, Esq. 8vo. pp. 432. Cadell & Davies. London, 1817. // The Edinburgh Review. Vol. XXVIII. Edinburgh: Archibald Constable and Co., L.: Longman, Hurst, Rees, Orme and Brown, 1817. P. 371–390.
68. The Present State of Turkey; or a Description of the Political, Civil, and Religious Constitution, Government and Laws, of the Ottoman Empire; the Finances; Military and Naval Establishments; the State of Learning; and of the Liberal and Mechanical Arts, the Manners, and Domestic Economy of the Turks, and other Subjects of the Grand Signer, etc. etc. etc.; together with the Geographical, Political, and Civil State of the Principalities of Moldavia and Wallachia; from Observations made during a Residence of Fifteen Tears in Constantinople and the Turkish Provinces. By Thomas Thornton. Esq. 4to. pp. 468. London. Mawman. 1807. // The Edinburgh Review. Vol. X. Edinburgh: Archibald Constable and Co., L.: John Murray, 1807. P. 249–271.
69. The Resources of Russia, in the Event of a War with France, and an Examination of the prevailing Opinion relative to the Political and Military Conduct of the Court of Si Petersburgh; with a short Description of the Cozaks. By M. Eustaphieve, Russian Consul at Boston. Third Edition. America, printed. London, Reprinted by John Stockdale, Piccadilly. 1813. // The Edinburgh Review. Vol. XXI. Edinburgh: Archibald Constable and Co., L.: White, Cochrane & Co.,1813. P. 219–252.
70. The Wellesley Index to Victorian Periodicals, 1824-1900 / Ed. by W.H. Houghton. Vol. I. Toronto: University of Toronto Press, 1966. 1194 p.
71. Watson J.R. Romanticism and War A Study of British Romantic Period Writers and the Napoleonic Wars. N.-Y.: Palgrave Macmillan, 2003. 254 p.

Сведения об авторе

Еремин Владимир Станиславович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник научно-образовательного центра «Региональное историко-культурное наследие и кросс-культурные связи» Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского (Саратов) / ereminvst@gmail.com

Information about the author

Eremin Vladimir – Senior Researcher, Education and Research Center "Regional Historical and Cultural Heritage and Cross-cultural Relations", Institute of History and International Relations, Saratov State University named after N. G. Chernishevskii (Saratov) / ereminvst@gmail.com

УДК 94(470) «16/18»

Д. А. Ляпин

ПРИЧИНЫ «МЕДНОГО БУНТА» В МОСКВЕ 25 ИЮЛЯ 1662 г.

В центре внимания статьи – события так называемого «Медного бунта» 1662 г. Автор рассматривает его причины и отвергает само понятие «Медный бунт» как необъективное. Описывая случившиеся события, он приходит к выводу о том, что бунтовщики требовали наказать предателей из окружения царя Алексея Михайловича. Они не просили отмены хождения медных денег. В статье показаны истоки сложившихся неверных представлений о волнениях 1662 г. как «Медном бунте», которые появились в начале XX в., а позже закрепились в советской исторической науке. В современной историографии термин «Медный бунт» продолжает употребляться. Кроме того, под этим термином понимают восстание, что также, по мнению автора, не соответствует действительности. В итоге в статье сделаны выводы, что бунт 1662 г. являлся стихийным социальным протестом и имел следующие причины: спонтанное желание собравшейся толпы избавиться от «изменников» в окружении царя и представления рядового населения о праве вмешиваться в дела государственного управления.

Ключевые слова: «Медный бунт», самодержавие, социально-политическая борьба, финансовые реформы, восстание.

Denis Lyapin

THE REASONS FOR THE COPPER RIOT IN MOSCOW JULY 25, 1662

The author focuses on the events of the Copper Riot of 1662. The author shows the reasons for this event, rejecting the concept of the Copper Riot as not objective. Describing the events, he concludes that the main reason for what happened was the requirement to punish the traitors from the king's entourage. In their demands, the rebels did not demand the abolition of copper money. The author analyzes the origins of the Copper Riot myth and shows that it appeared at the beginning of the 20th century. This myth was then entrenched in Soviet science. Historians mistakenly considered it a term of the 17th century. Unfortunately, in modern historiography this term continues to be used. He greatly distorts real events. In addition, this term refers to a major uprising, which is also not true, since the uprising is directed against the highest authority. The rioters did not oppose Tsar Alexei Mikhailovich. They demanded to punish the traitors in power, whom they considered guilty of secret ties with Poland. As a result, the author concludes that the rebellion had the following reasons: a spontaneous desire of the gathered crowd to get rid of the "traitors" surrounded by the tsar and representations of the ordinary population that they have the right to interfere in the affairs of public administration.

Key words: Copper riot, autocracy, socio-political struggle, financial reforms, uprising.

25 июля 1662 г. в Москве произошло одно из крупнейших в XVII в. народных выступлений. По своим масштабам оно может сравниться с бунтом 1–3 июня 1648 г., хотя продолжалось всего полдня. В современной историографии за случившимися событиями закрепилось название «Медный бунт». В данной статье мы ставим своей целью, исходя из изучения причин волнений, показать необъективность этого термина и выяснить его происхождение.

События в Москве 25 июля 1662 г., которые находятся в центре нашего внимания, развивались следующим образом. Утром на Сретенке собрались «мирские люди», чтобы обсудить распределение налога – «пятой деньги». Кто-то из пришедших сюда сообщил, что на улицах развешаны анонимные обращения к «миру», и люди отправились посмотреть на эти послания. Действительно, на Лубянке к площадному столбу воском была приклеена бумага с утверждением того, что Илья Данилович Милославский, окольничий Федор Михайлович Ртищев, Иван Михайлович Милославский и «гость» (купец) Василий Шорин – изменники [8, с. 39–41]. Все эти люди входили в круг ближайшего окружения царя, а И. Д. Милославский, фактический глава правительства, являлся тестем Алексея Михайловича. Вскоре на Лубянскую площадь пришли служащие Земского приказа, которые сорвали бумагу, чтобы отнести ее в Кремль. Однако собравшаяся здесь уже довольно большая толпа этого сделать не дала: всем было известно, что царь находится в своей резиденции в селе Коломенском, и, следовательно, письмо получат те самые «бояре-предатели», против которых оно направлено. Отняв бумагу и еще раз громко ее прочитав, люди двинулись к царю, чтобы показать ее ему лично [29, с. 253].

В чем же состояла измена можно узнать из материалов последующего следственного дела. Указанные в послании к «миру» лица обвинялись

в том, что перешли на сторону поляков (с 1654 г. Россия вела войну с Речью Посполитой). Они делали фальшивые деньги специально, с целью навредить экономике страны, а также вступили в тайную переписку с врагом. Один из участников бунта на допросе утверждал, что видел, как толпа бежала по улице, выкрикивая, что «сыскали изменников» и теперь надо «рубить литву» [8, с. 66]. Уверенность толпы в том в том, что царский трон окружают предатели, была связана с тем, что весной 1662 г. царский тесть и глава правительства И. Д. Милославский оказался замешан в покровительстве фальшивомонетчикам [18]. Однако царь хотя и долго гневался, но простил его, несмотря на причиненные казне и простым людям немалые убытки [29, с. 251].

Когда мятежники пришли в Коломенское, Алексей Михайлович был на обедне в местном храме. Он дал приказание охране пропустить народ и сам вышел навстречу. Увидев своего царя, люди почтительно обратились к нему с просьбой: «Изволь, великий государь, вычесть письмо перед миром, а изменников привести перед себя». Однако царь отказался читать бумагу, потребовав, чтобы люди немедленно расходились, но обещал, что разберется в этом деле, как только вернется в столицу. Люди стали настойчиво просить, чтобы государь дал им слово обязательно наказать виновных по заслугам. Они обступили Алексея Михайловича и даже держали за одежду, пока он не ударил по рукам с одним из наиболее активных просителей в знак согласия во всем разобраться и покарать «изменников» [29, с. 253]. Только тогда люди отправились обратно.

Тем временем в Москве собралась новая группа людей, уверенных в том, что пришла пора наказать «изменников»: не дожидаясь возвращения делегации из Коломенского они отправились грабить дом Василия Шорина. Сам Василий Шорин укрылся в Кремле, но на улице был пойман его молодой сын, которого под пытками заставили признаться, что его отец – предатель и бежал в Польшу с письмами от остальных бояр. Тогда несчастного посадили на телегу и как свидетеля решили отвезти к царю.

В это время, узнав о волнениях, Алексей Михайлович отправил в Москву князя А. И. Хованского, человека, заносчивого и не отличавшегося тактичностью, имевшего характерное прозвище – Тараруй. Трудно понять, чем был обусловлен этот выбор, вероятно, заслугами А. И. Хованского на фронте Русско-польской войны, что было немаловажно, так как бунтовщики полагали изменников перешедшими на сторону поляков. Однако герой войны мало чем помог в успокоении народа. Бунтовщики заявили, что не считают его изменником, так как знают, что он воевал с польским королем, но находящихся у власти предателей надо казнить. Услышав такие речи А. И. Хованский поехал обратно к царю. Толпа численностью в 7 тыс. человек немедленно двинулась за ним следом. При этом активных бунтовщиков здесь было не более сотни человек, а остальные пошли просто, чтобы посмотреть, как станут разворачиваться события. На телеге везли и сына купца В. Шорина. По дороге они встретили первую делегацию и убедили ее членов вернуться с ними назад к царю.

В Коломенском Алексей Михайлович вновь вышел к толпе и заявил, что сам разберется с «изменниками», если те окажутся действительно таковыми: «Я государь, мое дело сыскать и наказание учинить, кому доведется по сыску, а вы ступайте по домам; дела так не оставлю, в том жена и дети мои поруками» [29, с. 254]. Подобный ответ явно не удовлетворил бунтовщиков, требующих немедленной расправы над «предателями». «Если добром тех бояр не отдашь, то мы станем брать их у тебя сами, по своему обычаю!» – кричали одни; «Не дай нам погибнуть напрасно» – говорили царю другие. Люди явно не желали расходиться до того момента, пока не узнают о том, что «изменники» арестованы. Видя, что толпа не уходит, Алексей Михайлович приказал охране разогнать ее силой, произнеся, по сведениям одного иностранца, фразу: «Избавьте меня от этих собак!» [21, с. 172].

Никто из собравшихся не был готов к такому повороту событий, и люди, увидев наступающих на них стрельцов, кинулись бежать. В итоге, множество человек было убито, другие в панике бросились в реку и утонули [29, с. 254]. Потом было арестовано и обвинено в бунте («гиле») около 2 тыс. человек: им отрезали ноги и руки, били кнутом, а затем ссылали в разные города [8, с. 34–244]. Такой жестокой расправы власть не применяла в качестве меры наказания с эпохи Смутного времени.

Каковы же были причины «Медного бунта»? Очевидно, что мятежники не просили у царя отмены медных денег, речь о них вообще не шла. Обстоятельное следственное дело 1662 г. не упоминает об этом. Толпа требовала наказать «изменников», которые якобы предали интересы России в угоду врагам-полякам. Следовательно, нет никаких оснований называть случившиеся протестные выступления «Медным бунтом». Медные деньги, конечно, внесли свой вклад в общее бедственное положение в стране, но также, как и недород хлеба, поражения на войне и «моровое поветрие», они были лишь фоном для протеста, но не его причиной [2, с. 257–258].

Простые люди, как бы тяжело им не было, готовы были терпеть нужду и повышение налогов, но их возмутило, что в то время, когда идет война и экономика находится в упадке, влиятельные царедворцы умножают свое богатство, и даже сам глава правительства зарабатывает огромные средства на махинациях с медными деньгами. Отсюда был сделан вывод об измене интересам России И. Д. Милославского и близких к нему людей, что и стало важнейшей причиной бунта. Только об этой причине сообщает и современник событий Г. К. Котошихин, по данным которого бояр обвинили в том, что они «ссылаются листами с польским королем, хотят Московское государство погубить и поддать полскому королю» [17, с. 125].

Если бы медные деньги и финансовые реформы в целом были действительно причиной недовольства, то оно дало бы о себе знать и за пределами Москвы, но ни о каких выступлениях против медных денег мы не знаем [1, с. 256]. Показательно, что трагические события не стали поводом для отмены хождения медной монеты, а значит и власть не считала, что в этом причина случившегося бунта. Количество медных денег начали сокращать только через год, когда правительство в этом действительно нуждалось, и лишь в 1664 г. решили полностью вывести их из употребления (т.е. через два года после бунта) [29, с. 254–255; 16, с. 447; 14, с. 212; 6, с. 124–127].

Остается открытым вопрос о том, кто же повесил пресловутые обвинительные письма к «миру» в ночь на 25 июля 1662 г., спровоцировавшие начало бунта. Интересно в этом отношении мнение Г. К. Котошихина, который считал, что, когда весной 1662 г. вскрылись масштабные махинации с деньгами и следствие показало вину И. Д. Милославского и его людей в Кремле, были схвачены и наказаны только их незнатные помощники (дьяки, подьячие, головы и целовальники): им отрубали руки и ноги и ссылали в ссылку. Тогда родственники пострадавших решили отомстить тем, кто на самом деле заслуживает казни – И. Д. Милославскому и другим близким к царю лицам. Они-то и расклеили в ночь на 25 июля листы с обвинениями в измене, чтобы спровоцировать толпу на бунт [17, с. 124–127].

Однако Г.К. Котошихин, скорее всего, передает одну из версий, видимо основанную на ходивших тогда по Москве слухах. Мы знаем, что следственная комиссия проявила большую активность и проделала громадную работу, чтобы отыскать тех, кто расклеил листы об изменниках, но найти хоть кого-то причастного к этому не удалось. Значит, искать провокаторов нужно было не среди рядового населения Москвы, а в самом Кремле. Видимо в его стенах кто-то очень желал избавиться от И. Д. Милославского, Ф. М. Ртищева, И. М. Милославского и В. Шорина. В то же время, Ф.М. Ртищев, хотя и был инициатором введения медных денег, никакого отношения к их порче не имел и явно не мог покровительствовать фальшивомонетчикам, а, следовательно, мстить ему не имело никакого смысла.

Итак, участники волнений 25 июля 1662 г. не ставили своей целью добиться отмены медных денег, и вообще эти деньги имеют к случившемуся лишь косвенное отношение. Они требовали от царя наказать бояр-изменников, которые «ссылаются листами с польским королем». Очевидно, что причиной случившегося было спонтанное желание «мира» избавиться от предателей в царском окружении. Но, как и почему этот бунт в историографии стал именоваться «медным»?

В первом обстоятельном описании событий, которое принадлежит С. М. Соловьеву, им дается вполне объективная оценка, и никакого термина «Медный бунт» здесь мы не встречаем [30, с. 252–254]. Причинами бунта названы денежные махинации правительства и обвинения в измене. Н. И. Костомаров считал, что мятеж вспыхнул из-за введения «пятой деньги», которую нужно было платить только серебряной монетой при том, что жалование выплачивалось медной [31, с. 445]. В 1890 г. был издан труд А. Н. Зерцалова, посвященный мятежам в Москве в 1648 и 1662 гг. [10, с. 237–270]. Он описал события, повторив версию С.М. Соловьева, и опубликовал некоторые документальные свидетельства о ходе событий. В своем курсе лекций по русской истории В. О. Ключевский положился на мнение Г. К. Котошихина о причинах бунта, связав их с действиями «соучастников воровства», «которые решили тряхнуть боярством, как было в 1648 г.» [14, с. 210]. Итак, как видим, наиболее авторитетные ученые XIX в. не называли события 25 июля 1662 г. «Медным бунтом» и не считали, что его причины были связаны с народным недовольством медными деньгами.

По всей вероятности, понятие «Медный бунт» впервые было употреблено популяризатором науки В. А. Никольским. Под влиянием антиправительственных настроений он написал работу с показательным названием «Морозовщина» [24]. Этим названием автор хотел показать, что страной в те годы правил не царь Алексей, а его коварное окружение. Это издание, вышедшее большим тиражом, содержало примитивные образы коварных и алчных бояр, простодушного царя, доведенных до крайней нищеты мятежников. Все происходящее в стране автор изобразил как ужасное время власти бояр, разграблявших страну за спиной набожного царя. В. А. Никольский проявил большую фантазию и дал названия трем крупным народным выступлениям того времени: «Соляной бунт» в Москве (1648), «Хлебные бунты» в Пскове и Новгороде (1650) и «Медный бунт» в Коломенском (1662) [19, с. 193–199]. Такие наименования легко запоминались и создавали у читателя яркую картину событий. В.А. Никольский без всяких оснований писал, что народ требовал отмены медных денег – очередной махинации правящих кругов, наживавшихся за спиной царя, поэтому и наименование «Медный бунт», должно быть, казалось ему очень удачным.

Однако до 1917 г. даже в популярных работах термина «Медный бунт» мы не встречаем. Брошюра В. А. Никольского о трех бунтах оказала свое неожиданное влияние на историографию уже в годы советской власти, когда закрепилось новое представление о «Соляном» и «Медном» бунтах («Хлебный» оказался забыт), как о важных проявлениях классовой борьбы. В 1930-е годы советские ученые спорили о масштабах «восстания» 1662 г. и о социальном происхождении его участников. Крупнейшим исследователем произошедших в Москве волнений стал К. В. Базилевич, автор книги о денежной реформе Алексея Михайловича (1936) [2]. Ученый, правда, употребил понятие «Медный бунт» во введении, с прибавлением «так называемый» [См. также: 3; 4]. К. В. Базилевич считал, что причины бунта

были в тяжелом экономическом положении страны, виной чему стали неудачные реформы, голод и затянувшаяся война.

Понятие «Медный бунт» стало активно употребляться в научной литературе в 1960-е годы. Его довольно часто использовал в своих лекциях академик М. Н. Тихомиров, а затем стали употреблять его последователи [30, с. 418]. В 1960-е годы некоторые советские ученые даже считали, что «Медным бунтом» называли «восстание» 1662 г. сами современники [8, с. 3]. М. Н. Тихомиров, чья точка зрения на события XVII в. была господствующей, полагал, что причины мятежа в Москве следует искать в классовой борьбе низов посада с феодальным государством, гнет которого значительно усилился после поражения «городских восстаний» середины XVII в. [30, с. 429].

В 1964 г. вышла монография ученика М. Н. Тихомирова, В. И. Буганова «Московское восстание 1662 г.» [6]. Автор указал во введении, что его работа призвана расширить и дополнить труд К. В. Базилевича, который, по его мнению, посвящен только лишь предыстории «Медного бунта» [6, с. 4]. На деле же В. И. Буганов написал работу совершенно отличную от труда своего предшественника, а главное – он фактически закрепил понятие «Медный бунт» в официальной науке [6, с. 135]. В заключении к книге историк прямо написал об ошибочности выводов К. В. Базилевича и занижении им подлинных размеров народного гнева против власти. Он считал, что «Медный бунт» – массовое восстание угнетенного народа – стал прологом к крестьянской войне С. Разина и видел в этом его особое значение. Отметим также, что в том же 1964 г. вышел в свет сборник документов о событиях 1662 г., подготовленный В. И. Бугановым, где вновь эти события именовались «Медным бунтом» [8, с. 3].

Итак, мы увидели, что название «Медный бунт» – не более, чем удачная выдумка популяризатора начала XX в., которое вошло в употребление в 1960-е годы. Однако советские ученые не считали причиной бунта народное недовольство хождением медных денег. Это представление вошло в российскую науку само собой, вероятно, по аналогии с самим названием: причиной «Медного бунта» должны быть реформы, связанные с медными монетами [7, с. 324; 26, с. 14]. Это мнение нашло яркое отражение и в учебной литературе. Так, например, в школьном учебнике под редакцией А.В. Торкунова прямо говорится, что причиной бунта было требование народа отменить медные деньги, и царь якобы пообещал это сделать, а сам срочно вызвал войска, чтобы жестоко расправиться с восставшими [11, с. 52; 27, с. 260].

Школьный учебник прекрасно отразил общие представления о «Медном бунте». «Причиной бунта была чеканка медной монеты по курсу серебряной и введение в оборот медных денег», – убежден один из современных авторов [20, с. 128]. В другой работе читаем: «Запрет расплачиваться медным эквивалентом серебряной монеты при сделках с иностранцами резко обесценил медные деньги, что привело в 1662 году к «медному бунту», после которого снова перешли на серебряный рубль» [27, с. 82; 12, с. 47]. Исследователь истории денег, А. П. Никитин, в обобщающей статье на эту тему пишет: «Когда в России в 1662 г. вспыхнул Медный бунт, поводом для него послужило неприятие населением введения медных монет» [23, с. 26]. В статье В. А. Карлеба со ссылкой на Акты Земских соборов говорится, что финансовый кризис, вызванный медными деньгами, стал причиной «Медного бунта в 1662 г., причем «по историческим свидетельствам, *около 7 тыс. человек* было казнено и более 15 тыс. человек (выделано нами – *Д. Л.*) были подвергнуты другим наказаниям» [13, с. 115].

А. В. Ефимов, исследуя вопрос о денежных реформах середины XVII в. убежден, что именно медные деньги стали причиной бунта, хотя правительство и пыталось его предотвратить. Впрочем, исследователь отмечает, что «московские бунтовщики 1662 г., помимо всего прочего, требовали крови Ильи Милославского, Федора Ртищева, Богдана Хитрово и других царских приближенных. Их «измена» состояла в том, что они подавали царю плохие советы и тем самым вредили его интересам и интересам народа» [9, с. 154]. Фраза «помимо всего прочего» заставляет читателя думать, что причиной случившегося были, конечно, медные деньги. В обобщающей статье Л. А. Муравьевой о социально-экономическом развитии России в XVII в. события 1662 г. показаны как крупное восстание, вызванное требованием отмены медных денег, которые спровоцировали дороговизну товаров, голод и спекуляцию продуктами [22, с. 56].

«Медный бунт» был в центре внимания авторов двух обстоятельных биографий Алексея Михайловича – И. Л. Андреева (2003) и В. Н. Козлякова (2018). Оба автора употребляют этот термин, в качестве дани сложившейся историографической традиции. Начиная описывать события «восстания» за 10 лет до их начала, И. Л. Андреев избегает называть прямо причины случившегося, описывая экономический кризис из-за затянувшейся Русско-польской войны и рост числа фальшивомонетчиков [2, с. 519]. В. Н. Козляков изображает события более конкретно и его описание бунта на сегодняшний день можно считать наиболее удачным. Ученый вовсе не считает причиной случившегося требование отмены медных денег, а верно указывает, что все началось с обвинений правящей верхушки в измене [15, с. 290–299]. Однако исследование причин «Медного бунта» остается за пределами книги.

В свою очередь мы считаем очень важным разобраться в причинах произошедшего в Москве 25 июля 1662 г., поскольку только это поможет нам освободиться от устаревших убеждений и поставить перед наукой по-настоящему важные и актуальные вопросы, связанные со спецификой развития российской государственности в XVII в. в контексте взаимодействия власти и общества. Бунтующая толпа, отправившаяся к царю, требу-

ет внимательного изучения, не столько как пример восстания против господствующего класса или мятеж голодающего народа, а как образец проявления традиционных представлений низов русского общества о мироустройстве, о власти вообще и фигуре монарха в частности [См.: 5, с. 142–143]. Следует обратить внимание на то, что «мир» считал себя в праве пойти к царю и без всяких юридически законных оснований потребовать казни предателей из числа его окружения – рассмотрение подобной формы поведения в контексте традиционной народной культуры представляется нам весьма перспективным.

Таким образом, чтобы понять подлинные причины событий 25 июля 1662 г., нужно, прежде всего, отказаться от самого понятия «Медный бунт», которое априори подразумевает, что основанием для народного возмущения послужили проблемы с медными деньгами. Также следует оставить в прошлом советскую трактовку данных событий как восстания. Восстание всегда направлено против высшей власти в стране, т.е. бунтовщики должны были требовать свержения Алексея Михайловича при сохранении монархии как формы правления. Случившийся «гиль» (так его называли современники) был по своей сути спонтанным протестным выступлением народа против группы «изменников» в высших эшелонах власти – именно об этом свидетельствуют рассмотренные нами причины случившегося.

Источники и литература

1. Андреев И. Л. Алексей Михайлович. М.: Молодая гвардия, 2003. 638 с.
2. Базилевич К. В. Восстание в Москве в 1662 г. // Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. / под ред. А. А. Новосельского, Н. В. Устюгова. М.: АН СССР, 1954. С. 256–264
3. Базилевич К. В. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 году. М.; Л.: АН СССР, 1936. 116 с.
4. Базилевич К. В. История СССР от середины XV до конца XVII века. Курс лекций, прочитанных в Высшей Партийной Школе при ЦК ВКП(б). М.: Изд-во Высшей Партийной школы при ЦК ВКП(б), 1945. 251 с.
5. Беляев И. Д. Земский строй на Руси. СПб.: Наука, 2004. 367 с.
6. Буганов В. И. Московское восстание 1662 г. М.: Наука, 1964. 136 с.
7. Волков В. «Медный бунт» // Россия. Иллюстрированная энциклопедия. Редактор-составитель Ю. А. Никифоров. М.: Олма, 2007. С. 324–325.
8. Восстание 1662 г. в Москве. Сборник документов / сост. В. И. Буганов. М.: Наука, 1964. 306 с.
9. Ефимов А. В. Пять причин «великой дороговли»: денежные реформы 1654–1663 гг. и экономические воззрения русского купечества // Новое прошлое. 2019. №3. С. 146–161.
10. Зерцалов А. Н. О мятежах в г. Москве и с. Коломенском в 1648, 1662 и 1771 гг. // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1890. № 3. С. 237–270.
11. История России. Учебник для общеобразовательных организаций. В двух частях. Часть 1. Под редакцией академика РАН А. В. Торкунова. М.: Просвещение, 2017. 177 с.
12. Карамова О. В., Семенкова Т. Г. Институциональные и гендерные факторы укрепления государственности России в XVII веке на ранней стадии (1612–1689) двухсотлетнего цикла (1612–1618) // Актуальные вопросы современной науки. 2011. № 18. С. 58–83.
13. Карлеба В. А. Зарубежные и российские историко-правовые свидетельства о генезисе «легализации» (отмывания) криминальных доходов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 11. С. 113–118.
14. Ключевский В. О. Собр. Соч. в 9 т. Т. III. М.: Мысль, 1988. 415 с.
15. Козляков В. Н. Царь Алексей Тишайший. Летопись власти. М.: Молодая гвардия, 2018. 650 с.
16. Костомаров Н.М. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М.: Эксмо, 2009. 1022 с.
17. Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. Подготовка публикации Г.А. Леонтьевой. М.: РОССПЭН, 2000. 272 с.
18. Кренке Н., Колызин А. Фальшивомонетчики? На царском дворе! // Знание – силы. 1997. № 3. С. 24–27.
19. Ляпин Д. А. Царский меч: социально-политическая борьба в России в середине XVII в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. 335 с.
20. Марытненко Б. К. От Ивана Грозного до Петра Великого: хронология насилия (краткий обзор) // Вестник краснодарского университета МВД России. 2017. № 4 (38). С. 125–128.
21. Мейерберг А. Путешествие в Московию // Утверждение династии / сост. А. Либерман; послесл. С. Шокарев. М.: Рита Принт, 1997. С. 43–184.
22. Муравьева Л. А. Социально-экономическое развитие России в середине XVII века // Дайджест-финансы. 2007. №8 (152). С. 39–47.
23. Никитин А. П. Значение денег в процессах глобализации и фрагментации // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2013. №4 (12). С. 26–30.
24. Никольский В. А. Морозовщина. Народные движения в России. Семнадцатый век. СПб.: Типолитография Герольд, 1908. 68 с.
25. Покровский Н. Н. Сибирские материалы XVII–XVIII вв. по «Слову и делу государеву» как источник по истории общественного сознания // Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма. Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1988. С.24–61.
26. Савинова Е. Н. Алексей Михайлович. Тишайший царь с железной хваткой. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА. 2014. С. 14.
27. Сайфутдинова Г. Б. О некоторых аспектах денежных реформ в России // Вестник Казанского государственного энергетического университета. 2015. № 2 (26). С. 81–87.

28. Сахаров А. Н., Загладин Н. В. История России с древнейших времен до конца XIX века. Учебник для 10 класса общеобразовательных учреждений. 2-е издание. М.: Русское слово, 2014. 447 с.
29. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. VI. Т. 11–12. М.: АСТ, 2001. 831 с.
30. Тихомиров М. Н. Классовая борьба в России XVII в. М.: Наука, 1969. 445 с.

References

1. Andreev I. L. Aleksey Mikhaylovich *(Alexey Mikhailovich)*. Moscow: Molodaya gvardiya, 2003. 638 p. (In Russian).
2. Bazilevich K. V. Vosstanie v Moskve v 1662 g. *(The uprising in Moscow in 1662)* // Ocherki istorii SSSR. Period feodalizma. XVII v. Pod red. A. A. Novosel'skogo, N. V. Ustyugova. Moscow: SA of USSR publ., 1954. P. 256–264. (In Russian).
3. Bazilevich K. V. Denezhnaya reforma Alekseya Mikhaylovicha i vosstanie v Moskve v 1662 godu *(Monetary reform of Alexei Mikhailovich and the uprising in Moscow in 1662.)*. Moscow: Leningrad: SA of USSR publ., 1936. 116 p. (In Russian).
4. Bazilevich K. V. Istoriya SSSR ot serediny XV do kontsa XVII veka. Kurs lektsiy, prochitannykh v Vysshey Partiynoy Shkole pri TsK VKP(b) *(History of the USSR from the middle of the 15th to the end of the 17th century. A course of lectures given at the Higher Party School under the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks)*. Moscow: Publishing house of the Higher Party School under the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks),1945. 251 p. (In Russian).
5. Belyaev I. D. Zemskiy stroy na Rusi *(Zemsky system in Russia)*. Sankt-Petersburg: Nauka, 2004. 367 p. (In Russian).
6. Buganov V. I. Moskovskoe vosstanie 1662 g. *(Moscow uprising of 1662)* Moscow: Nauka, 1964. 136 p. (In Russian).
7. Volkov V. «Mednyy bunt» *(Copper riot)* // Rossiya. Illyustrirovannaya entsiklopediya. Redaktor-sostavitel' Yu.A. Nikiforov. Moscow: Olma, 2007. P. 324–325. (In Russian).
8. Vosstanie 1662 g. v Moskve. Sbornik dokumentov *(The uprising of 1662 in Moscow. Collection of documents)*. Sostavitel' V. I. Buganov. Moscow: Nauka, 1964. 306 p. (In Russian).
9. Efimov A. V. Pyat' prichin «velikoy dorogovli»: denezhnye reformy 1654–1663 gg. i ekonomicheskie vozzreniya russkogo kupechestva *(Five reasons for the "great price": the monetary reforms of 1654-1663. and economic views of the Russian merchants)* // Novoe proshloe. 2019. No. 3. P.146–161. (In Russian).
10. Zertsalov A. N. O myatezhakh v g. Moskve i s. Kolomenskom v 1648, 1662 i 1771 gg. *(On the riots in Moscow and village Kolomenskoye in 1648, 1662 and 1771)* // ChOIDR. 1890. No 3. P. 237–270. (In Russian).
11. Istoriya Rossii. Uchebnik dlya obshcheobrazovatel'nykh organizatsiy. V dvukh chastyakh *(History of Russia. Textbook for educational organizations. In two parts)*. Part 1. / ed by A.V. Torkunov. Moscow: Prosveshchenie Publ., 2017. 177 p. (In Russian).
12. Karamova O. V., Semenkova T. G. Institutsional'nye i gendernye faktory ukrepleniya gosudarstvennosti Rossii v XVII veke na ranney stadii (1612–1689) dvukhsotletnego tsikla (1612–1618) *(Institutional and gender factors of strengthening the statehood of Russia in the 17th century at an early stage (1612–1689) of a two hundred year cycle (1612–1618)*) // Aktual'nye voprosy sovremennoy nauki. 2011. No. 18. P. 58–83. (In Russian).
13. Karleba V. A. Zarubezhnye i rossiyskie istoriko-pravovye svidetel'stva o genezise «legalizatsii» (otmyvaniya) kriminal'nykh dokhodov *(Foreign and Russian historical and legal evidence of the genesis of "legalization" (laundering) of criminal proceeds)* // Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2018. No. 11. P.13–118. (In Russian).
14. Klyuchevskiy V. O. Sobr. Soch. v 9 t. *(Coll. Op. in 9 volumes)*. Vol. III. Moscow: Mysl', 1988. 415 p. (In Russian).
15. Kozlyakov V. N. Tsar' Aleksey Tishayshiy. Letopis' vlasti *(Tsar Alexei the Quietest. Chronicle of power)*. Moscow: Molodaya gvardiya, 2018. 650 p.
16. Kostomarov N. M. Russkaya istoriya v zhizneopisaniyakh ee glavneyshikh deyateley *(Russian history in the biographies of its main figures)*. Moscow: Eksmo, 2009. 1022 p. (In Russian).
17. Kotoshikhin G. K. O Rossii v tsarstvovanie Alekseya Mikhaylovicha *(On Russia during the reign of Alexei Mikhailovich)*. Podgotovka publikatsii G. A. Leont'evoy. Moscow: ROSSPEN, 2000. 272 p. (In Russian).
18.Krenke N., Kolyzin A. Fal'shivomonetchiki? Na tsarskom dvore! *(Counterfeiters? In the royal court!)* // Znanie – sily. 1997. No. 3. P. 24–27. (In Russian).
19. Lyapin D. A. Tsarskiy mech: sotsial'no-politicheskaya bor'ba v Rossii v seredine XVII v. *(The Tsar's sword: socio-political struggle in Russia in the middle of the 17th century)*. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2018. 335 p. (In Russian).
20. Marytnenko B. K. Ot Ivana Groznogo do Petra Velikogo: khronologiya nasiliya (kratkiy obzor) *(From Ivan the Terrible to Peter the Great: Chronology of Violence (A Brief Review))* // Vestnik krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2017. No. 4 (38). P.125–128. (In Russian).
21. Meyerberg A. Puteshestvie v Moskoviyu *(Travel to Muscoviya)* // Utverzhdenie dinastii / sost. A. Liberman; poslesl. S. Shokarev. Moscow: Rita Print, 1997. P.43–184. (In Russian).
22. Murav'eva L. A. Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Rossii v seredine XVII veka *(Socio-economic development of Russia in the middle of the 17th century)* // Daydzhest-finansy. 2007. No. 8 (152). P.39–47. (In Russian).
23. Nikitin A. P. Znachenie deneg v protsessakh globalizatsii i fragmentatsii *(The value of money in the processes of globalization and fragmentation)* // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie. 2013. No. 4 (12). P.26–30. (In Russian).
24. Nikol'skiy V. A. Morozovshchina. Narodnye dvizheniya v Rossii. Semnadtsatyy vek. *(Morozovshchina. People's movements in Russia. 17th c.)* Sankt-Petersburg: Tipolitografiya Gerol'd, 1908. 68 p. (In Russian).
25. Pokrovskiy N. N. Sibirskie materialy XVII–XVIII vv. po «Slovu i delu gosudarevu» kak istochnik po istorii obshchestvennogo soznaniya *(Siberian materials of the XVII–XVIII centuries on the "TheWord and Deed of the Tsar" as a source on the history of public consciousness)* // Istochniki po istorii obshchestvennoy mysli i kul'tury epokhi pozdnego feodalizma. Novosibirsk, 1988.
26. Savinova E. N. Aleksey Mikhaylovich. Tishayshiy tsar' s zheleznoy khvatkoy. Moscow: AST-PRESS KNIGA. 2014. P.14. (In Russian).
27. Sayfutdinova G. B. O nekotorykh aspektakh denezhnykh reform v Rossii *(On some aspects of monetary reforms in Russia)* // Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo energeticheskogo universiteta. 2015. No. 2 (26). P.81–87. (In Russian).

28. Sakharov A. N., Zagladin N. V. Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen do kontsa XIX veka. Uchebnik dlya 10 klassa obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy. *(History of Russia from ancient times to the end of the 19th century. Textbook for the 10th grade of educational institutions)* 2-e izdanie. Moscow: Russkoe slovo, 2014. 447 p. (In Russian).
29. Solov'ev S. M. Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen *(History of Russia since ancient times)*. Kn. VI. T. 11–12. Moscow: AST, 2001. 831 p. (In Russian).
30. Tikhomirov M. N. Klassovaya bor'ba v Rossii XVII v. *(Class struggle in Russia in the 17th century)* Moscow: Nauka, 1969. 445 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Ляпин Денис Александрович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и историко-культурного наследия института истории и культуры Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина (Елец) / Denis-l@ mail.ru

Information about the author

Lyapin Denis – Doctor of Historical Sciences, Head, Chair of History and Historical and Cultural Heritage, History and Culture Institute, Yelets State Ivan Bunin University (Yelets) / Denis-l@ mail.ru

УДК 930.1

Н. А. Мининков, Л. В. Мининкова

МИФЫ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ КАК ОБЪЕКТ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Мифы массового исторического сознания за последнее время становятся одним из важнейших объектов научного исторического исследования. Такой интерес определяется тем, что историческое мышление в самой значительной мере основывается на мифах о прошлом, причем относится это по существу ко всем историческим периодам, от «темных» средних веков до эпох весьма «просвещенных». Следовательно, понимание того, что представляет собой миф и какова структура мифологического мышления, в значительной мере определяет возможность достижения такой исследовательской цели, как понимание характера и особенностей исторического сознания разных сообществ и разных культур. Миф как культурно-исторический и психологический феномен и как научно-теоретический концепт исторической науки, и современной философии понимается не всегда одинаково. Он имеет ряд признаков: является выражение этой реальности в ее фантастическом виде, понятие о единстве прошлого, настоящего и будущего, проявление в мифах консервативных черт исследования, связь с разными формами религиозного сознания. Мифологическое мышление имеет свою логику. Поэтому в исследованиях историков исторические мифы массового сознания могут воспроизводиться, транслироваться и получать дополнительное подкрепление со ссылками на авторитет науки. В культуре нового и новейшего времени источником исторического мифа может стать даже не массовое сознание, но труд историка. Есть множество примеров, когда в условиях кризиса исторической науки может иметь место своего рода пришествие в историческое исследование непрофессионала, увлеченного прошлым, но не знающего особенностей современного исторического исследования и находящего для подтверждения своей точки зрения аргументы, которые кажутся ему убедительными.

Ключевые слова: объект исторического исследования, исторический миф, историческое сознание, мифы в трудах историков, миф и утопия, консерватизм исторического сознания, исторический миф и религия.

Nikolai Mininkov, Ludmila Mininkova

MYTHS OF MASS CONSCIOUSNESS AS AN OBJECT OF HISTORICAL RESEARCH

The myths of mass historical consciousness have recently become one of the most important objects of scientific historical research. Such interest is determined by the fact that historical thinking is largely based on myths about the past, and this applies essentially to all historical periods, from the “dark” Middle Ages to the very “enlightened” epochs. Therefore, an understanding of what constitutes a myth and what the structure of mythological thinking is largely determines the possibility of achieving such a research goal as understanding the nature and characteristics of the historical consciousness of different communities and cultures. The myth as a cultural-historical and psychological phenomenon and as a scientific-theoretical concept of historical science and modern philosophy it is not always understood in the same way. It has a number of signs: it is an expression of this reality in its fantastic form, the concept of the unity of the past, present and future, the manifestation of conservative features of research in myths, and the connection with various forms of religious consciousness.

Mythological thinking has its own logic. Therefore, in the studies of historians, historical myths of mass consciousness can be reproduced, broadcast and receive additional reinforcement with references to the authority of science. In the culture of modern and new times, the source of historical myth may not even be mass consciousness, but the work of a historian.

Key words: object of historical research, historical myth, historical consciousness, myths in the works of historians, myth and utopia, conservatism of historical consciousness, historical myth and religion.

Самый общий взгляд на современную отечественную историографическую ситуацию наглядно свидетельствует об интересе, который проявляется к проблематике исторической мифологии, прочно утвердившейся в массовом и индивидуальном историческом сознании. Такой интерес не случаен. В самом деле, историческое мышление в самой значительной мере основывается на мифах о прошлом, причем относится это по существу ко всем историческим периодам, от «темных» средних веков до эпох весьма «просвещенных». Следовательно, понимание того, что представляет собой миф и какова структура мифологического мышления, в значительной мере определяет возможность достижения такой исследовательской цели, как понимание характера и особенностей исторического сознания разных сообществ и разных культур. Поэтому миф

превращается в распространенный объект современного исторического исследования. Миф в данном случае играет в то же время еще одну роль - источника для познания другого объекта, более широкого по степени обобщения и включающего в себя исторический миф как его составную часть. Таким более широким объектом является историческое сознание. По отношению к нему миф представляет собой такой «объект», который, по словам А. С. Лаппо-Данилевского, «служит для познания другого объекта», и поэтому его «можно назвать источником» [5, с. 30].

При самой широкой распространенности мифологического восприятия истории и ее мифологического истолкования, при весьма широком использовании понятия мифа в современном историческом исследовании миф как культурно-исторический и психологический феномен и как научно-теоретический концепт исторической науки и современной философии понимается не всегда одинаково. Согласно утверждению исследователя теории мифа и конкретных мифологем древности Мирчо Элиаде, миф и мифологическое отношение к прошлому и настоящему сопровождало историю человечества во все времена, от глубокой древности до современной западной цивилизации. Он указывал, что по своей сущности «миф излагает сакральную историю, повествует о событии, происшедшем в достопамятные времена «начала всех начал»» [17, с. 11]. По его словам, миф «говорит только о происшедшем реально». Это реальное «себя в полной мере проявило». Миф, как он подчеркивал, имеет своих героев, которыми являются люди прошлого. Но не каждому человеку прошлого выпадает возможность превратиться в мифологический персонаж. «Персонажи мифа – существа сверхъестественные. Они общеизвестны, так они действуют в легендарные времена «начала всех начал»». Миф при этом «обнаруживает сакральность (или просто сверхъестественность) их деяния» [17, с. 12]. М. Элиаде рассматривал мифы в архаических и традиционных обществах. Однако он в то же время видел, насколько устойчивым феноменом культуры является миф, насколько прочно утвердилось в сознании человека и общества мифологическое мышление. Он указывал, что «у современного человека остаются хотя бы в какой-то мере рудименты «мифологического поведения»», которое заключается в том, что и в современной культуре человек имеет «желание выйти за пределы собственного, исторического и личного времени и погрузиться во время «чужое», экстатическое или воображаемое» [17, с.180]. Замечание весьма показательное. Если, таким образом, в архаических и традиционных обществах мифологический характер мышления вполне соответствовал психологической норме того времени, то в обществе новейшего времени мифотворчество и восприятие мифологем выходило определенным образом за рамки психической нормы и вызывалось состоянием экстаза.

Современник М. Элиаде Ролан Барт понимал миф как «коммуникативную систему, некоторое сообщение», и подчеркивал, что это одновременно «форма, способ обозначения» [1, с. 265], в которую заключено определенное содержание. Как форма, миф становится объектом изучения «обширной науки о знаках … семиологии» [1, с. 267], развивавшейся, как он подчеркивал, со времени Ф. де Соссюра. По словам Р. Барта, изучение мифов относится не только к задачам семиологии, но и к ведению «идеологии как исторической науки» [1, с. 269], понимая в данном случае идеологию как историю идей. Р. Барт подчеркивал, что «основополагающая черта мифологического понятия – его адресность», миф «должен тронуть такую-то, а не иную категорию читателей» [1, с. 277], среду, в которой он возник, и которая его приняла и обеспечила возможность бытования его в этой среде. Известно, что в несколько более позднее время Пьер Нора говорил о противоречиях между историей и памятью [9, с. 20]. Согласно Р. Барту, такое противоречие несомненно. Но оно осуществляется таким образом, что миф, который являлся и является хорошо выраженной формой существования исторической памяти, вообще означает «превращение истории в природу» [1, с. 289] в сознании носителей и последователей исторического мифа. Происходит это, как указывал Р. Барт, постольку, поскольку миф «отменяет сложность человеческих поступков, дарит им эссенциальную простоту, устраняет всякую диалектику, всякие попытки пойти дальше непосредственной видимости». В мире мифа, писал он, «нет противоречий, потому что нет глубины», и «этот мир простирается в своей очевидности, создавая чувство блаженной ясности» [1, с. 306]. Тем самым по существу в мифе устраняется человеческое начало в истории, которое определяет ее сложность и противоречивость, ее диалектику. По-своему Р.Барт выразил несоответствие мифа и мифологического мышления интересам исторического развития человечества. Он сделал это, выделяя задачу «всех мифов – сделать мир неподвижным». Воспринимая мифы, подчиняя им свое мышление, «человек всякий раз отбрасывается ими к своему неизменному прототипу, который начинает жить вместо него, душит его изнутри подобно огромному паразиту и ставит его деятельности узкие пределы» [1, с. 319]. Выражаясь языком культуры постмодернизма, можно сказать, что миф становился интертекстом мышления и поведения позднейшего человека.

В связи с мифами Р. Барт выделял появление в культуре такой личности, как «мифолог» [1, с. 320], более известной в отечественной культуре в качестве мифотворца. Выделение представляется достаточно спорным. В истории исторической науки есть множество примеров, когда труд историка содержал исторические мифы, которые получали свое распространение в обществе. Однако при этом историк не ощущал себя в качестве мифотворца. По-видимому, между мифотворцем и фальсификатором истории необходимо видеть отличия. В фальсификации истории имеет место целенаправленное начало, стремление представить историю в выгодном для фальсификатора и стоящей за ним части общества свете. Мифотво-

рец же творит мифы, но делает этого без подобной цели, поскольку он уверен, что его взгляд на историю лишен мифологического начала. Но, с другой стороны, грань между фальсификатором и мифотворцем зыбкая. Всякий фальсификатор в то же время мифотворец, но и мифотворец при определенных условиях может превратиться в фальсификатора. Кроме того, бывают мифы, которые формируются стихийно, в массовом сознании, без усилий конкретного мифотворца. Еще одно спорное место в рассуждениях Р. Барта в том, что, по его мнению, мифы «деполитизируют вещи по мере нужды» [1, с. 307]. В реальности наблюдается нечто обратное, мифы несут в себе какую-то политическую нагрузку.

Российский исследователь В. Д. Шинкаренко самым тесным образом связывал миф и живую речь. Он подчеркивал антитезу между мифом и текстом, понимая под последним текст письменный. Он выделил четыре стадии формирования мифа. На первой стадии человек выделяет «в окружающем его мире различные элементы», которым «ставится в соответствие знак-образ и знак-имя», которые, в свою очередь, являются «имитацией того, что он обозначает». На второй происходит «расширение смысловой структуры знака и превращение его в знак-символ», имеющий «много смыслов». На третьей общие характеристики разных знаков превращаются «в абстрактный знак-символ». На четвертой «миф превращается в письменный текст», ввиду интереса, который он вызывает. Но тем самым «происходит разрушение мифа». Разница между мифом в устной форме и письменной записью этой устной формы он видел в том, что устный миф находится в форме «живого состояния», но в записи превращается в «мертвый текст» [16, с. 102]. Выделение В. Д. Шинкаренко стадий в развитии мифа представляет самый значительный интерес. В них заметно, как постепенно от восприятия живой реальности в сознании последователей и сторонников этого мифа происходит переход образа этой реальности в некий ее символ. Верно отмечено, что запись ведет к изменению свойства мифа, который содержался до этой записи в устной форме. Он фиксируется и становится доступным для изучения, но в то же время теряет возможность жить живой жизнью, то есть изменяться в последующих рассказах. Но, вместе с тем, как представляется, миф способен жить не только в устной, но и в письменной форме. Более того, миф может не только существовать в письменной форме, но даже порождаться появлением какого-то письменного текста. Или, о всяком случае, получать для себя дополнительную опору благодаря этому письменному тексту. Данный текст может сыграть подобную роль в том случае, когда общество подготовлено к его восприятию, принимает содержащиеся в нем положения мифологического характера и готово распространять их. Оно готово также по-своему истолковывать их. Поэтому миф, содержащийся в письменной форме, получает свое распространение уже в форме устной.

Известно критическое отношение к отождествлению мифа с пониманием его как определенной фантазии. На это указывал М.Элиаде, поясняя, что «в обычном значении слова» миф понимают «как «сказку», «вымысел», «фантазию»». Он полемизировал с таким пониманием и писал, что все-таки в основе мифа» лежит «как раз наоборот, «подлинное реальное событие»» [17, с. 7]. С этим нельзя не согласиться. Но, в то же время, несомненно, что реалии истории, которые в самом деле находятся в основе мифа, нисколько не исключают фантазии в его внутреннем наполнении. Едва ли случайно, что в целом ряде трудов историков последних нескольких десятилетий проблема построена на противопоставлении исторической реальности и мифа [8, с. 23–32; 11; 14]. Миф, таким образом, историки понимают, как феномен культуры, противоположный по своему смыслу реальности.

Таким образом, с точки зрения историков, исследования которых посвящены конкретным проявлениям мифологизации исторического сознания, важнейшей чертой мифа является выражение в нем этой реальности в ее фантастическом виде. Другим признаком мифа является сочетание в нем двух начал – логического и рационального, с одной стороны, и чувственного, и эмоционального, с другой. Степень развития рациональной стороны мифологического мышления довольно высоко оценивал советский историк М.И. Стеблин-Каменский. По его словам, «миф может выполнять объяснительные функции, то есть быть даже своего рода «наукой», но, конечно же, «примитивной» [12, с. 17]. При этом мифологическое мышление имеет свою логику. К. Леви-Стросс подчеркивал: «Логика мифологического мышления кажется нам столь же взыскательной, как и логика, на которой основывалось позитивное мышление, и в сущности мало от нее отличается» [6, с. 164]. В этом одна из важных причин того, что в исследованиях историков исторические мифы массового сознания могут воспроизводиться, транслироваться и получать дополнительное подкрепление со ссылками на авторитет науки. В культуре нового и новейшего времени источником исторического мифа может стать даже не массовое сознание, но труд историка. Есть множество примеров, когда в условиях кризиса исторической науки может иметь место своего рода пришествие в историческое исследование непрофессионала, увлеченного прошлым, но не знающего особенностей современного исторического исследования и находящего для подтверждения своей точки зрения аргументы, которые кажутся ему убедительными. Одним из них является труд новочеркасского чиновника Е. П. Савельева о происхождении казачества, когда он на основании сходным образом звучащих лексем, в том числе этнонимов, делал вывод о корнях казачества в античную эпоху [10]. Это совершенно очевидный исторический миф ради обоснования особых прав казачества на Донскую землю. Но мифы могут порождаться трудами историков несравненно более про-

фессионального уровня. Так, советский историк Н. Л. Янчевский проработал большой фактический материал, относящийся к истории донского казачества допетровского периода. Но в духе теории торгового капитализма двадцатых годов он, основываясь на фактах уплаты московским правительством царского жалованья донским казакам, делал вывод о войске Донском этого времени как о наемном войске, поставленном торговым капиталом Московского государства для охраны одного из важных торговых путей, который проходил по Дону. Но сам он при этом в качестве мифа представлял вывод предшествовавшей историографии о ««вольной» казацкой колонизации», указывал, что это «легенда», поскольку она «прикрывала хищнические интересы господствующих классов, колониальную политику Московского государства, грабеж и уничтожение экономически отсталых народностей» [18, с. 77]. Конечно же, все это имело место в ранний период истории казачества. Но сведение всей сложности предпосылок его появления к интересам московского торгового капитала представляло собой не просто упрощение реальной ситуации, но и исторический миф, вполне соответствующий времени распространения теории торгового капитализма. Особенность этого мифа в том, что он шел не от массового исторического сознания, но от историографии и книжной культуры, и на массовое историческое сознание повлиять не успел. Теория торгового капитализма была подвергнута критике и стала эпизодом в истории исторической науки.

Еще одной характерной чертой мифа и мифологического мышления является содержащееся в нем понятие о единстве прошлого, настоящего и будущего. Обращенный в прошлое миф порождает такое же мифологическое представление о настоящем и о будущем, только мифологизированное восприятие будущего является утопией. Между мифом и утопией имеется тесная связь. Наглядным примером такой мифологической в своей основе связи между прошлым, настоящим и будущим является известное утверждение Н. М. Карамзина: «Россия основывалась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спасалась мудрым самодержавием» [4, с. 284]. Мысль состояла в необходимости самодержавной власти как гаранта сохранения России. Между тем, в этом утверждении мифом выступает утверждение, согласно которому Россия была создана самодержавием. Этот миф носил вполне монархический характер. Рюрика Н.М. Карамзин упоминал как «первого Самодержца Российского» [3, с. 74], при котором стало складываться государственное единство и сильная монархия. В самом деле, однако, возникновение самодержавия имело место не в Киевской Руси, а в Руси Московской, и пришлось оно на время Ивана III. То же самое относится к государственному единству в эпоху Киевской Руси, а тем более Рюрика. В этом отношении значительно ближе к реальному положению Руси конца IX – первой трети XII вв. вывод советской историографии о раннефеодальной монархии, в которой великокняжеская власть не была сильной, а государство было рыхлым и очень непрочным. Как указывал еще Б. Д. Греков, Киевская Русь – «государство лоскутное в подлинном смысле этого слова, сходное с огромным государством Карла Великого» [2, с. 475]. Поэтому самодержавие как основатель государства на Руси – исторический миф. Что же касается утопии, то она состояла в надежде на то, что и в будущем существование России может также удерживаться в своем историческом существовании «мудрым самодержавием». В конечном счете, ход исторических событий опроверг эти надежды, и самодержавие было свергнуто, надо надеяться, навсегда.

Отсюда происходит еще один признак исторического мифа и мифологического мышления, заключающийся в том, что исторические мифы, как правило, основываются на консервативных чертах мышления. Такие черты складываются в условиях длительного существования определенного сообщества. Между образом жизни этого сообщества, системой его ценностей и его ментальностью как коллективными бессознательными установками существует самая тесная связь. В свою очередь, такая ментальность создает спрос на соответствующие ей исторические версии, где в качестве основополагающего элемента выступает «славное прошлое», «завещанные героическими предками традиции». Историческое сознание такого сообщества, как донское казачье, с воинским образом жизни, с воинским укладом, традициями и системой ценностей и с ментальностью служилых людей востребовало и сформировало версию начала своей истории, в которой слились воедино идеи героического боевого прошлого предков и царской службы с вознаграждением за нее. Заключалась она в том, что в войске Донском сложилось и жила в сознании казаков версия, согласно которой «славный Тихий Дон» «с белой Маночью» был «пожалован» «блаженныя памяти царем Иваном Васильевичем» их славным предкам «за казанскую службу». Версия представляет собой типичный исторический миф, казачество возникло на Дону вовсе не по царскому пожалованию. Но она прочно утвердилась в сознании казачества постольку, поскольку очень удачно сочетала в себе наиболее важные стороны, обосновывавшие особое положение его как сословия в пределах Российской империи и на самом Дону. В ней нашли свое место представление о героических предках и героических истоках казачьей истории, о царской службе. И, в том числе, о вознаграждении за нее по средневековому принципу пожалования земли за службу, который лежал в основе отношений сюзеренитета-вассалитета. Такой исторический миф служил для казаков основанием для борьбы с притязаниями российских властей, которые шли вразрез с их интересами. Так, когда в 1792–1794 гг. правительство потребовало выделить три тысячи казачьих семей для заселения формировавшейся Кавказской линии по Кубани, вопреки войсковой традиции, когда подобные переселения производились добровольно и по жребию [13, с. 63], казаки отка-

зывались от такого ущемления их интересов с нарушением традиции. Они при этом ссылались на свое право жить на Дону, в связи пожалованием Дона их предкам за участие во взятии Казани со стороны Ивана Грозного, причем на Дону в этой связи утвердился своеобразный культ этого царя. В условиях же обострения земельного вопроса на Дону в начале прошлого века этот миф также служил историческим обоснованием особых прав казачества на землю в пределах Области войска Донского, на ограничение прав иной, неказачьей части населения области, особенно «иногороднего» крестьянства.

Еще одним характерным признаком мифа является связь межу приверженностью историческим мифам и разными формами религиозного сознания. На этот счет М. Элиаде указывал, что миф и «предполагает наличие истинно «религиозного» опыта» [17, с. 24], что он не может быть отделен от религиозного сознания. В самом деле, миф имеет в своей основе определенные исторические реалии, какие-то события, существовавшие в действительности, и реальных исторических героев. Но в мифе этим событиям и личностям придается сакральное начало, когда события предстают в героическом ореоле, или, напротив, в ореоле страшных злодеяний, а герои наделяются сверхчеловеческими качествами. При этом в рамках одного исторического сознания могут сосуществовать противоположные по своей направленности мифы, между которыми идет борьба за влияние на сознание людей. Типичным примером такого сосуществования является отношение российского общества нового времени к Петру Великому. С одной стороны, тяжесть реформ и насильственные изменения культурной традиции способствовали возникновению теории «Петр – царь-антихрист», которая была принята в самых разных слоях общества. Е. Ф. Шмурло справедливо отмечал по этому поводу: «эти занимательные мысли лелеет или открыто высказывает сын боярский, крестьянин, нищий, хлебенный старец монастырский, раскольник, посадский человек, драгунский капитан и отставной прапорщик; кликуша, старица-черница, дьячек и священник, каждый на свой лад, и все на одну тему: «какой это царь! Весь мир переел, немцы обошли его! Давно бы разделаться с ним надо»!». В данном случае образ Петра I не только негативный, но и сакральный, если признается, что он может противопоставить себя Христу, стать его антиподом. Но позитивный образ Петра I и глубоко положительный по отношению к нему «сценарий» его власти формировался еще в начале его царствования, после Азовских походов, когда царя представляли, в соответствии с культурной традицией нового времени, в античных образах героя Александра Македонского, бога войны Марса и Геркулеса. Апологетика Петра I также получила самое широкое распространение. Смысл ее с исключительной силой выразил памятник Э. Фальконе, в котором царь предстает в ореоле спасителя России, удержавшего ее от падения в пропасть, которое ей будто бы угрожало. Как справедливо отмечала О. Б. Леонтьева, уже в XVIII в. сложились образы «царя-героя», «царя-учителя», «царя-плотника». И, конечно же, «царя-реформатора – «земного бога», создавшего новую Россию мановением своей державной воли» [7, с. 234]. К этому может быть добавлен образ «царя-революционера». Образ, который был создан А. И. Герценом, противником самодержавия и сторонником общинного социализма, был, тем не менее, апологетический по отношению к царю, поскольку в этом образе монарх предстает также личностью, способной на сверхчеловеческие усилия по освобождению России от обветшалой старины. Судьба этих мифов, относящихся к Петру I, была не одинаковой. Миф о «царе-антихристе» остался в XIX в. достоянием узкой и своеобразной культурной группы России, которую составляли старообрядцы. Что касается апологетики Петра I, то она сохранялась, но уже подвергалась критике и отчетливо воспринималась как исторический миф.

Таким образом, исторический миф является полноценным объектом научного исторического исследования. В любом случае это объект, относящейся к истории культуры общества. Относится он вместе с тем к истории исторической науки. Если это миф массового исторического сознания, то он относится с точки зрения влияния его на историческую науку и ее концепции. Тем более, если такой миф порожден внутри самой исторической науки. Миф как объект научного исследования дает возможность более полно, глубоко и конкретно понять характер и особенности массового исторического сознания, соотношение между массовым историческим сознанием и научным подходом к изучению прошлого, а также место исторической науки в контексте мифологизированной истории.

Источники и литература

1. Барт Р. Мифология / пер. с фр. С.Зенкина. М.: Академический проект, 2010. 351 с.
2. Греков Б. Д. Киевская Русь. М.: Учпедгиз, 1949. 512 с.
3. Карамзин Н. М. История государство Российского. Кн.1. М.: Книга, 1988. 703 с.
4. Карамзин Н. М. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. 488 с.
5. Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. В 2-х т. Т.2. М.: РОССПЭН, 2010. 632 с.
6. Леви-Стросс К. Структура мифов // Вопросы философии. 1970. №7. С.152–164.
7. Леонтьева О. Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв. Самара: Книга, 2011. 448 с.
8. Новосельцев А. П. «Мир истории» или миф истории? // Вопросы истории. 1993. №1. С.23–32.
9. Нора П. Проблематика мест памяти / пер. с фр. Д. Р. Халаева // Франция-память. СПб: СПбГУ, 1999. С.17–50.
10. Савельев Е. П. Древняя история казачества. В 5 т. Новочеркасск: Типография «Донской печатник», 1915.

11. Соловьев В. М. Анатомия русского бунта. Степан Разин: мифы и реальность. М.: ТИМР, 1994. 252 с.
12. Стеблин-Каменский М. И. Миф. Л.: Наука, 1976. 104 с.
13. Тимощенков И. В. Очерк переселения казаков с Дона на Терек, Кубань и Сунжу // Сборник Областного войска Донского статистического комитета. Новочеркасск, 1901. Вып.1. С. 62–77.
14. Троицкий Н. А. Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М.: Центрполиграф, 2003. 367 с.
15. Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии / пер. с англ. С. В. Житомирской. Т.1. От Петра Великого до смерти Николая I. Материалы и исследования. М.: ОГИ, 2002. 605 с.
16. Шинкаренко В. Д. Смысловая структура социокультурного пространства: Миф и сказка. М.: КомКнига, 2002. 208 с.
17. Элиаде М. Аспекты мифа / пер. с фр. В.П.Большаков. М.: Академический проект; Парадигма, 2005. 256 с.
18. Янчевский Н. Л. Колониальная политика на Дону торгового капитала Московского государства в XVI–XVII вв. Ростов-на-Дону: Северный Кавказ, 1930. 196 с.

References

1. Bart R. Mifologiya *(Mythology)* / translated by S. Zenkin. Moscow: Akademicheskii proekt, 2010. 351 p. (In Russian).
2. Grekov B. D. Kievskaya Rus' *(Kievan Rus)*. Moscow: Uchpedgiz, 1949. 512 p. (In Russian).
3. Karamzin N. M. Istoriya gosudarstvo Rossiiskogo *(History of the Russian state)*. Book. 1. Moscow: Kniga, 1988. 703 p. (In Russian).
4. Karamzin N. M. Izbrannye Trudy *(Selected Works)*. Moscow: ROSSPEN, 2010. 488 p. (In Russian).
5. Lappo-Danilevskii A.S. Metodologiya istorii (History methodology). In 2 Vols. Vol. 2. Moscow: ROSSPEN, 2010. 632 p. (In Russian).
6. Levi-Stross K. Struktura mifov *(Structure of myths)* // Voprosy filosofii. 1970. No. 7. P. 152–164. (In Russian).
7. Leont'eva O. B. Istoricheskaya pamyat' i obrazy proshlogo v rossiiskoi kul'ture XIX – nachala XX vv. *(Historical memory and images of the past in Russian culture of the 19th – early 20th centuries.)*. Samara: Kniga, 2011. 448 p. (In Russian).
8. Novosel'tsev A. P. «Mir istorii» ili mif istorii? *(«World of history» or myth of history?)* // Voprosy istorii. 1993. No. 1. P. 23–32. (In Russian).
9. Nora P. Problematika mest pamyati *(The problem of places of memory)* / translated by D. R. Khalaev // Frantsiya-pamyat'. St. Petersburg: SPbSU publ., 1999. P.17–50. (In Russian).
10. Savel'ev E. P. Drevnyaya istoriya kazachestva *(Ancient history of the Cossacks)*. In 5 Vols. Novocherkassk: Printing office «Donskoi pechatnik», 1915. (In Russian).
11. Solov'ev V. M. Anatomiya russkogo bunta. Stepan Razin: mify i real'nost' *(Anatomy of a Russian revolt. Stepan Razin: myths and reality)*. Moscow: TIMR, 1994. 252 p. (In Russian).
12. Steblin-Kamenskii M.I. Mif *(Myth)*. Leningrad: Nauka, 1976. 104 p. (In Russian).
13. Timoshchenkov I. V. Ocherk pereseleniya kazakov s Dona na Terek, Kuban' i Sunzhu *(Essay of the resettlement of the Cossacks from the Don to the Terek, Kuban and Sunzha)* // Sbornik Oblastnogo voiska Donskogo statisticheskogo komiteta. Novocherkassk, 1901. Issue. 1. P. 62–77. (In Russian).
14. Troitskii N. A. Fel'dmarshal Kutuzov: mify i fakty *(Field Marshal Kutuzov: myths and facts)*. Moscow: Tsentrpoligraf, 2003. 367 p. (In Russian).
15. Uortman R. S. Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoi monarkhii *(Power scenarios. Myths and ceremonies of the Russian monarchy)* / translated by S. V. Zhitomirskoi. Vol.1. Ot Petra Velikogo do smerti Nikolaya I. Materialy i issledovaniya. Moscow: OGI, 2002. 605 p. (In Russian).
16. Shinkarenko V. D. Smyslovaya struktura sotsiokul'turnogo prostranstva: Mif i skazka *(The semantic structure of the socio-cultural space: Myth and fairy tale)*. Moscow: KomKniga, 2002. 208 p. (In Russian).
17. Eliade M. Aspekty mifa *(Aspects of myth)* / translated by V.P. Bol'shakov. Moscow: Akademicheskii proekt; Paradigma, 2005. 256 p. (In Russian).
18. Yanchevskii N. L. Kolonial'naya politika na Donu torgovogo kapitala Moskovskogo gosudarstva v XVI–XVII vv. *(Colonial policy on the Don of the trading capital of the Moscow state in the XVI–XVII centuries)*. Rostov-on-Don: Severnyi Kavkaz, 1930. 196 p. (In Russian).

Сведения об авторах

Мининков Николай Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры специальных исторических дисциплин и документоведения института истории и международных отношений Южного федерального университета (Ростов-на-Дону) / mininkov@aaanet.ru

Мининкова Людмила Владимировна – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории средних веков и нового времени института истории и международных отношений Южного федерального университета (Ростов-на-Дону) / mininkov@aaanet.ru

Information about the authors

Mininkov Nikolai – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chair of Special Historical Disciplines and Records Management, Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don) / mininkov@aaanet.ru

Mininkova Ludmila – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chair of of Russian history of the Middle Ages and Modern Times, Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don) / mininkov@aaanet.ru

УДК 94(44+65): 325.36

Е. Н. Моисеева

ПРОЕКТ ИНЖЕНЕРА Ф.-Э. РУДЭРА СОЗДАНИЯ ВНУТРЕННЕГО МОРЯ В АЛЖИРЕ И ТУНИСЕ: КАК ИМПЕРСКИЕ АМБИЦИИ ОКАЗАЛИСЬ СВЯЗАННЫМИ С ПРАКТИКАМИ ОСВОЕНИЯ ИМПЕРСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Статья посвящена изучению французского имперского дискурса последней трети XIX в. в его взаимосвязи с имперским пространством. Подчеркивается особая роль имперского дискурса в репрезентации и организации пространства Северной Африки. В качестве источников в данной работе, прежде всего, были использованы: статья французского инженера, географа, топографа Ф.-Э. Рудэра «Внутреннее море в Алжире», опубликованная в 1874 г., а также его доклады перед членами правительственных комиссий. Эти источники впервые вводятся в научный оборот в российской историографии. Тексты Ф.-Э. Рудэра будут рассматриваться как составная часть имперского дискурса, который неотделим от имперского пространства. Будет изучена взаимосвязь идей Ф.-Э. Рудэра с популярными в среде французских пропагандистов колонизации идеями цивилизаторской миссии Франции, экономической целесообразностью колонизации, политической необходимостью колонизации. Тексты Ф.-Э. Рудэра помогут разобраться в том, как имперские амбиции оказались связанными с научными практиками, а дискурс империализма – с пространством империи. Особое внимание уделяется репрезентации шоттов (соленых пересыхающих озер), на месте которых планировалось внутреннее море. Шотты представлялись читателям «враждебным» пространством, смягчить и цивилизировать их, по мнению автора проекта, можно было через их полную трансформацию. Ф.-Э. Рудэр считал, что внутреннее море на месте шоттов улучшит климат, будет способствовать открытию новых торговых путей, укрепит престиж Франции и предотвратит угрозу восстаний воинственных племен. Проект создания внутреннего моря должен был повлечь за собой трансформацию природной пространственной среды и исторических ландшафтов, с последующим присвоения этого пространства европейцами, однако он так и не был реализован. Тем не менее, идеи Ф.-Э. Рудэра иллюстрирует как инженеры, ученые использовали и конструировали дискурс империализма, способствовали формированию колониальной идеологии, а «враждебное» пространство империи помогало им оправдывать идею европейского доминирования.

Ключевые слова: имперское пространство, имперский дискурс, проект внутреннего моря, шотты, Ф.-Э. Рудэр, французские колонии, Алжир, Тунис.

Ekaterina Moiseeva

PROJECT OF ENGINEER F.-E. ROUDAIRE ON THE CREATION OF THE INNER SEA IN ALGERIA AND TUNISIA: HOW THE IMPERIAL AMBITIONS CORRELATED TO THE PRACTICE OF CONQUERING IMPERIAL SPACE

The article is devoted to the study of the French imperial discourse of the last third of the XIX century in correlation with the imperial space. The special role of the imperial discourse in the representation and organization of North African space is emphasized. We used the following sources: first, the article “The Inland Sea in Algeria” by the French engineer, geographer, and topographer F.-E. Roudaire, published in 1874, as well as his reports to government commissions. These sources are first introduced into the scientific circulation in Russian historiography. The texts of F.-E. Roudaire will be regarded as an integral part of the imperial discourse, which is inseparable from the imperial space. The interrelation of F.-E. Roudaire ‘s ideas with the ideas of the French civilization mission, the economic feasibility of colonization, and the political necessity of colonization popular among French propagandists will be studied. The texts of F.-E. Roudaire help understand how imperial ambitions were connected with the scientific practices, and the discourse of imperialism with the space of the empire. Special attention is paid to the representation of the Chott Basin (salty drying lakes), where the inland sea was planned. The Chotts were presented to readers as a “hostile” space. According to the author of the project, it was necessary to soften and civilize the Chotts. It was possible to do this through their complete transformation. F.-E. Roudaire believed that the inland sea in place of the Chots would improve the climate, open up new trade routes, enhance the prestige of France and prevent the threat of militant tribal rebellions. The Inland Sea project would have entailed a transformation of the natural spatial environment and historical landscapes, with the consequent appropriation of this space by Europeans, but it has never been implemented. Nevertheless, F.-E. Roudaire’s ideas illustrate how engineers, scientists used and constructed the discourse of imperialism, contributed to the formation of colonial ideology, and the “hostile” space of the empire helped them justify the idea of European domination.

Key words: imperial space, imperial discourse, project of the inner sea, Chott Basin, F.-E. Roudaire, French Colonies, Algeria, Tunisia.

В последней трети XIX в. во Франции усилиями политиков, экономистов, ученых и журналистов была сформулирована колониальная идеология, покоившаяся на трех китах: экономическая выгода от колоний, политическая целесообразность колониальных завоеваний и цивилизаторская миссия Франции. Идея цивилизаторской миссии Франции в мире была основана на расовой теории и уверенности в том, что высшие расы должны нести факел цивилизации низшим расам. Но цивилизационному воздействию подвергались не только завоеванные народы. Пространство империи также должно было покориться колонизаторам. Имперское завоевание Африки и Азии сопровождалось интеграцией завоеванных территорий, их освоением и присвоением. Железные дороги, мосты, каналы, порты и прочие коммуникационные сооружения должны были сделать пространство империи непрерывным и доступным для метрополии. Самым ярким примером европейского инженерного гения, безусловно, был проект постройки Суэцкого канала французского инженера Ф. Лессепса.

Но были не менее амбициозные проекты, которые так и остались на бумаге. Среди них проект постройки железной дороги через пустыню Сахару инженера А. Дюпоншеля [11], а также проект создания в Алжире и Тунисе внутреннего моря. В 1874 г. в журнале «Revue des Deux Mondes» французский офицер и топограф Франсуа-Эли Рудэр (1836–1885) опубликовал статью «Внутреннее море в Алжире» [19], идею которой Жюль Верн (1828–1905) возьмет позднее для своего романа «Вторжение моря».

Первые исследования, посвященные изучению идей Рудэра появились еще при его жизни. В 1879 г. Генри Хотар – профессор истории географии филологического факультета Безансона опубликовал хвалебную работу, в которой написал, что благодаря внутреннему морю «пески превратятся в плодородную землю и покроются лесами, лугами и урожаями» [5, p. 3]. Французский историк П. Гаффарель в работе «Наша колониальная экспансия в Африке с 1870 г. по наши дни», опубликованной в 1918 г. сожалел о том, что при обсуждении проекта верх взяли противники создания внутреннего моря. «Общественное мнение не было взволновано гигантским проектом, будь он выполнен, это изменило бы экономические условия в нашей колонии. Речь идет о создании в районе тунисских шоттов внутреннего моря, которое продолжалось бы до Алжира» [13, p. 43].

Жизненному пути офицера и географа Франсуа-Эли Рудэра посвящена монография «Полковник Рудэр и его проект сахарского моря» [9]. В монографии «История Сахарского моря. Утопия и политика» [17] рассказывается об утопии создания внутреннего моря в Алжире и Тунисе от первого проекта Рудэра в 1874 г. до его последних воплощений в 50–80-х гг. XX в. В том числе, авторы исследуют причины отказа от проекта в последней трети XIX в. О поддержке Ф. Лесспесом проекта Рудэра написана статья «Фернан Лессепс и проект внутреннего африканского моря» [6]. В 2003 г. была опубликована фундаментальная работа алжирского историка Ж.-Л. Марсо «Сахарское море. Мираж колонизации. Алжир и Тунис (1869 - 1887)» [18]. Автор детально исследует как сам проект, так и причины, по которым он так и не был реализован. С политической точки зрения реализация этого проекта стала бы еще одним рычагом французского влияния в Тунисе. Но так как бей Туниса в 1881 г. подписал договор о протекторате, этот рычаг стал не нужен, считает Ж.-Л. Марсо.

В декабре 2018 г. в Гере – родном городе Рудэра открылась выставка «От Гере до Сахары: по следам Эли Рудэра» [10]. Организаторы выставки считают, что Рудэр – это незаслуженно забытая фигура в национальной истории Франции XIX в. В отечественной историографии исследования, посвященные изучению проекта Рудэра отсутствуют.

В данной статье не стоит задача описания технических характеристик проекта и геологической возможности или невозможности создания внутреннего моря в Алжире и Тунисе. Идеи Рудэра будет рассматриваться как составная часть формировавшегося имперского дискурса (под имперским дискурсом понимается язык самоописания империи, тексты, и стоящие за ними имперские ситуации), неотделимого от имперского пространства. Принимая во внимание тот факт, что научные практики и имперские амбиции в Северной Африке шли рука об руку, следует обратить внимание на то, как географы, инженеры отстаивали необходимость освоения и присвоения пространства империи. Что они думали о «чужом» пространстве, как они видели те или иные географические ареалы, как конструировали пространство империи и какими смыслами его наделяли? Эти вопросы уже были поставлены мною в статье, посвященной изучению проекта строительства трассахарской железной дороги инженера А. Дюпоншеля [1]. А. Дюпоншель конструировал образ «новой» Сахары, образ пространства, легкого для освоения, безопасного для путешествия, которое из непреодолимого барьера должно было превратиться в гостеприимную территорию.

Настоящая статья посвящена североафриканским шоттам (сухие или занятые в период дождей солеными озерами впадины, углубления), точнее их образу в проекте французского инженера Рудэра. Как Рудэр описывал пространство алжирских и тунисских шоттов, которые должны были стать морем? Какие аргументы Рудэра в пользу создания моря на месте шоттов коррелировали с популярными в среде французских пропагандистов колонизации идеями цивилизаторской миссии Франции, экономической целесообразностью колонизации, политической необходимостью колонизации?

Пески Сахары и соленые высыхающие озера Туниса и Алжира не были просто сценой, на которой разыгрывались колониальные события. В статье «Колонизировать пространство: тер-

ритории, идентичности, пространственность» Э. Блэйс пишет, что в империи «пространство было связано с управлением» [4, p. 147] и ставит вопрос о взаимосвязи имперского пространства и имперского дискурса. Пространство империи должно стать объектом исследования при анализе колониальной ситуации, так как во многом оно определяло взгляды имперских идеологов.

Франсуа-Эли Рудэр в 1873 г. побывал в Алжире с исследовательскими целями, и, вернувшись на родину, написал статью «Внутреннее море в Алжире», в которой высказал основные идеи по поводу создания внутреннего моря. Статья Рудэра начиналась с описания природы провинции Константины в Алжире, ландшафта, растительности. Текст перемежался описанием племен, населявших Алжир. Затем автор перешел к предмету его интереса – шоттам [19, p. 325]. «Шотт Мельгир в 70 км южнее Бискры занимает площадь примерно 150 квадратных лье, его ложе соседствует с шоттом Селлем. От шотта Селлем до бухты Габес, расположенной в 80 лье на восток мы находим серию углублений, среди которых шотты Эль-Гарса и Эль-Джерид. Берег последнего находится лишь в 18 км от Средиземного моря» [19, p. 325]. Близость к Средиземному морю означала близость к Франции. По мнению Г. Мюррей-Миллера «Средиземноморье всегда занимало важное место в воображении французов» [3, p. 145]. Автор привел цитату французского политического деятеля времен Третьей республики Ж. Фавра: «Франция и Алжир – это территории, «разделяемые только французским озером…» [3, p.155]. Описывая пространство шоттов, Рудэр стремился ментально «приблизить» их к метрополии. Четко обозначая в тексте границы территории и их расстояние до Средиземного моря, которое воспринималось французами как «французское озеро», он конструировал пространство Северной Африки, делал его понятным для читателей, очерчивал рамки пейзажа, который предстояло трансформировать.

Чтобы сформировать положительный и благоприятный для колонизации образ Северной Африки одной близости региона было недостаточно. Пространство империи не должно было пугать, отталкивать. Так, например, Дюпоншель старался доказать своим читателям, что Сахара не «абсолютная пустыня», а обычный геологический объект [12, p. 24]. «Присвоение» пространства империи осуществлялось путем избавления его от «маркера» опасности, загадочности, непредсказуемости. В описании Рудэра шотты – это, безусловно, враждебное для европейца пространство. «Когда устремляешься вглубь шоттов, испытываешь тяжелую, удушающую жару… В некоторых местах можно провалиться до щиколоток. Было бы неосторожно путешествовать без гида. Встречаются широкие дыры, в которые можно полностью погрузиться» [19, p. 326]. Рудэр привел рассказ туземца о том, что однажды в одну из таких дыр попали один за другим 1000 верблюдов, которые шли караваном и отклонились от узкой дороги. ««Это странное место – эти себки», - говорит туземец на своем восточном языке: ночью звезд нет – они прячутся за горой; ветер дует со всех сторон одновременно так, что можно оглохнуть…» [19, p. 326]. Возможность освоения враждебного пространства шоттов с последующим присвоением лежала, по мнению автора проекта, в его полной трансформации – в превращении шоттов в море. Таким образом, необходимо было заменить непривычные французам соленые пересыхающие озера на знакомые морские пейзажи.

«Когда мы видим мрачный и тоскливый шотт Мельгир и мечтаем о глубоких изменениях, которые могут прийти вслед за морем: смягчение климата, упорядочивание осадков, повышение естественного плодородия земли, мы не можем не быть взволнованными величием этого предприятия» [19, p. 327], – писал Рудэр. Также как должны были смягчаться нравы туземцев под цивилизационным воздействием Франции, должна была смягчиться и природа. Стоит отметить то, что, по мнению Рудэра, некоторые туземцы даже мечтали о море. Он привел слова главы одного из туземных племен: «Я часто созерцаю шотты, иногда я думаю, что однажды они станут морем и по нему пойдут корабли» [19, p. 327]. Когда инженер объяснил, как это может произойти, стоит прорыть канал между заливом Габес и шоттами, туземец очень удивился и после минуты молчания воскликнул: «Бог этого хочет! Это будет великим делом» [19, p. 327].

Выступая перед правительственной комиссией на сеансе 15 мая 1882 г., Рудэр вновь подчеркнул враждебность пространства шоттов для колонизаторов, тем самым настаивая на их трансформации. Внутренне море, по мнению Рудэра, было необходимо с военно-политической точки зрения. «Сегодня арабы переходят шотты, где хотят. Они знают там опасные места, мы же не осмелимся туда сунуться, мы не сможем их преследовать. Будет море – они не смогут пройти, а мы сможем его пересечь. С военной точки зрения, это важная задача, создать подобный рубеж» [8, p. 207]. «Арабы перекрывают дороги, также они перекроют и железную дорогу, ни простая дорога, ни железная дорога не создадут границу» [8, p. 207], – продолжал Рудэр. Таким образом, он рассматривал шотты как территорию, хорошо известную туземцам, но плохо преодолимую для европейцев, в то время, как внутреннее море должно было стать непреодолимым барьером для арабов в случае восстания и легко преодолимым для французских солдат. Ф. Лессепс поддержал этот аргумент: «Случись восстание, и мы будем обязаны послать войска из Франции, морем это сделать надежнее…» [8, p. 207]. Для министра иностранных дел Фрейсине, как для политика, важнейшим аргументом в пользу строительства внутреннего моря являлась именно политическая целесообразность. Он писал в раппорте от 27 апреля 1882 г. Президенту республики, что внутреннее море и канал создадут «барьер против

варварства» [8, p. 9], препятствие на пути кочевых воинственных племен Сахары и Триполитании.

Прокопав перешеек, Рудер надеялся, что вода из Средиземного моря устремится внутрь страны и образует узкий, но длинный залив, «выгоды которого будут огромны для процветания Алжира и Туниса» [19, p. 327]. Рудэр писал о том, что в римское время регион, на который направлено его внимание процветал, и сожалел, что «сейчас нет ни одного крупного города в этой местности, а только несколько оазисов [19, p. 346]. «Таким образом, уход морских вод, кажется, глубоко изменил климат этих цветущих некогда регионов, где пески пустыни, переносимые южными ветрами через сухое ложе шоттов, приносят опустошение. К сожалению, это медленное, но непрерывное вторжение в пески юга является общепризнанным фактом» [19, p. 346]. Пропагандисты экспансии, обращаясь к своим читателям, зачастую обращались к их исторической памяти. Например, журналист Г. Шарм, пропагандируя колонизацию, напоминал французам о воинственных галлах, которые «прошли всю Европу» [7, p. 51]. Следует отметить, что деятельность Франции в Северной Африке представлялась французам как завершение дела цивилизации, некогда начатого римлянами. Символы римского прошлого и места памяти в Северной Африке помогали французским идеологам колонизации конструировать имперский дискурс и пропагандировать идею о том, что французы являются настоящими последователями римлян в Африке [2]. Указав на то, что в античное время на месте шоттов было море, Рудэр подводил читателей к мысли о необходимости восстановить его.

Какие преимущества для Туниса и Алжира даст внутреннее море? Этот вопрос задавал читателям Рудэр и пытался ответить на него. Он мыслил широко и считал, что внутреннее море преобразует пространство не только шоттов, но и ближайшего региона. По его мнению, благоприятное воздействие внутреннего моря будет распространяться до южной границы Алжира. «Разве это не будет полным обновлением всего юга провинции Константины и Туниса?» [19, p. 347]. По мнению Рудэра, «Тунис так же заинтересован в создании нового моря, как и Алжир. Окруженный морем с трех сторон, с севера, востока и запада, он станет огромным полуостровом и навсегда защитится от вторжения песков с юга» [19, p. 349]. «Благоприятные изменения, которые произойдут в его климате, вскоре вернут ему то богатство и плодородие, которыми восхищались современники Скилакса и Масиниссы. Отныне тунисское правительство будет держать ключи от всех дверей на юг, и осуществление его власти будет более гарантировано» [19, p. 349].

Описывая преимущество внутреннего моря для навигации и торговли, Рудэр формулировал экономический аргумент в пользу своего проекта, это коррелировало с экономическим аргументом в пользу колониальной политики, который наиболее полно был сформулирован П. Леруа-Болье в работе «Колонизация у современных народов», первое издание которой вышло в 1874 г [16]. Суть этого аргумента состояла в том, что колонии создавались метрополией и должны быть выгодны метрополии. Рудэр писал: «Поскольку залив Габес полностью лишен портов, очевидно, что новое море окажет большую услугу судоходству, предоставив судам определенное убежище от северо-восточных и юго-восточных ветров, которые очень сильны в этих регионах» [19, p. 344]. Порты и новые транспортные возможности, по мнению Рудэра, привлекут караваны из центральной Африки. «Остается надеяться, что тогда караваны, привлеченные ресурсами, которые предлагают им различные продукты нашей промышленности и нашей торговли, вскоре выйдут на этот новый рынок» [19, p. 349]. Таким образом, внутреннее море должно было способствовать вывозу в колонии продукции промышленных товаров.

Кроме того, море, по мнению Рудэра, свяжет между собой города, находящиеся с юга от шоттов и с севера от шоттов, облегчив доступ к ним. «Город Туггурт, (находящийся южнее шотта Эль-Мегайр) станет нам также близок как Бискра (город к северу от шотта)» [19, p. 349]. Разделенные естественными преградами завоеванные территории в представлении колониальных идеологов должны были слиться в единое пространство империи, чем это пространство доступнее, тем оно легче управлялось.

Следует обратить особое внимание, что Рудэра волновали вопросы не только технической возможности реализации проекта и его экономической пользы для Франции, но и болезненный для Франции после проигрыша во франко-прусской войне вопрос престижа. Сторонники колонизации считали, что величие Франции напрямую связано с ее колониальной политикой. Рудэр был одним из тех, кто считал, что будущее Франции лежит на Африканском континенте. Лидер французских республиканцев Л. Гамбетта в 1872 г. уверял, что вернуть Франции «то место, которое принадлежит ей в мире... можно экспансиями, распространением влияния за пределы Франции...» [14, p. 78]. В 1874 г. Рудэр писал: «Эта гигантская работа имела бы огромный резонанс даже в центре Африки и принесла бы там в значительной степени влияние и престиж Франции» [19, p. 349].

Рудэр поддерживал переселенческую колонизацию в регион будущего моря, невозможную из-за неблагоприятных климатических условий. Будущие изменения климата, которые неминуемо последовали бы в результате появления моря, он воспринимал положительно. По мысли Рудэра, климат станет мягче, ветров меньше, а дождливых дней больше. Это сделало бы климат более привычным для европейцев и стимулировало бы европейскую колонизацию. «Если бы море встретило колонизацию», то есть предшествовало заселению и «принесло более умеренный климат, средства связи и транспорта, абсолютную безопасность, будем ли мы колебаться?» [19, p. 347]. Колонисты будут, если будет вода, считал Рудэр.

Аргументы Рудэра были созвучны взглядам колониального идеолога П. Леруа-Больё, который полагал, что перед тем как приглашать людей эмигрировать в любую колонию, государство должно «привести страну в состояние, удобное для заселения и выгодной обработки» [16, p. 538]. Нельзя ставить людей «лицом к лицу с дикой природой». «Необходимо предварительно смягчить эту природу» [16, p. 539].

Что именно произойдет с климатом после появления внутреннего моря? Рудэр писал: «Летом преобладающими ветрами с восточной части Средиземного моря являются северо-западные ветры. Алжирское море, соответственно, уменьшило бы площадь Сахары и ослабило бы силу северо-западных ветров. В другие сезоны года преобладающими ветрами являются юго-западные ветры; пройдя по дну внутреннего моря, они будут насыщаться водяным паром, часть которого будет растворена дождем на подступах Ореса; другая часть увеличит количество воды, ежегодно выпадающей на Сицилию и на юг Италии, но без существенного изменения климата этих регионов» [19, p. 345]. Пространство Сахары наделялось европейцами маркером «опасности». Море смогло бы остановить наступление Сахары. «В этой неумолимой борьбе человек потерпит поражение, если он не противопоставит непреодолимую преграду пескам, вернув море в его старое русло» [19, p. 346].

Автор писал, что внутреннее море увеличит количество дождей, а это благоприятно скажется на сельском хозяйстве. Рудэр так описывал регион от небольшого городка Шебба (Мавритания) до тунисской границы: «абсолютно стерильное пространство с редкими оазисами, но которое станет плодородно, если будет орошаться» [19, p. 347]. Для колониального дискурса было характерно восприятие завоеванного пространства как «пустынного», «безжизненного», «девственного», «стерильного». Задача колонизаторов – наполнить его жизнью. «Разве нельзя надеяться, что с помощью дождей, которые стали более частыми и регулярными, можно было бы легко полностью изменить облик этого обширного региона, который превратился бы в огромный оазис, охватывающий территорию 600 000 га?» [19, p. 348]. А пока строится канал несколько оазисов будут разрушено, но Рудэр не считал это серьезным.

В заключении статьи Рудэр писал: «Таким образом, мы вступаем на путь исполнения и можем надеяться, что наше поколение увидит завершение этой великой работы, результатом которой будет одно из самых важных завоеваний, которые, благодаря своему разуму и энергии, человек когда-либо мог совершить над природой» [19, p. 350]. Однако, впереди еще были исследования, составление детального проекта, обсуждения, раппорты, работа комиссий. Рудэр неоднократно выступал перед членами комиссий и отвечал критикам проекта. Он настаивал на следующих основных результатах создания внутреннего моря: «улучшение климата Алжира и Туниса; открытие нового торгового пути в регионы, расположенные к югу от гор Орес и Атлас и для караванов из Центральной Африки; улучшение санитарно-гигиенических условий региона; полная безопасность для Алжира; потому что наши войска могут беспрепятственно достигнуть территорий к югу от Бискры, что предотвратит восстания» [20, p. 90].

Проект в окончательном виде оформился в 1883 г. [15] но так и не был реализован. Доводы противников оказались сильнее. Они прозвучали в ходе работы парламентско-правительственной комиссии, возглавляемой министром иностранных дел Фрейсине [8]. Тем не менее, идеи Рудэра иллюстрирует как инженеры, ученые использовали и конструировали дискурс империализма, способствовали формированию колониальной идеологии, а «враждебное» пространство империи помогало им оправдывать идею европейского доминирования. «Присвоение» пространства империи колонизаторами было возможно через его частичную либо полную трансформацию с целью последующей коммерческой эксплуатации и управления. В случае с шоттами предполагалась полная трансформация и их превращение в море. Как писал сторонник Рудэра Г. Хотар «Море должно войти в Сахару. Какой триумф над природой!» [5, p. 4].

Источники и литература / References

1. Моисеева Е. Н. Проект Транссахарской железной дороги французского инженера А. Дюпоншеля: к вопросу о взаимосвязи имперского пространства и имперского дискурса // Новое прошлое. The new past. 2019. №3. С. 162–177.

Moiseeva E. N. Proekt Transsaharskoj zheleznoj dorogi francuzskogo inzhenera A. Dyuponshelya: k voprosu o vzaimosvyazi imperskogo prostranstva i imperskogo diskursa *(The project of the Trans-Saharan railway by the French engineer A. Duponschel: on the question of the relationship between imperial space and imperial discourse)* // Novoe proshloe. The new past. 2019. No. 3. P. 162–177. (In Russian)

2. Моисеева Е. Н. Память об античном прошлом во французском колониальном дискурсе последней трети XIX в.: «места памяти» в контексте колониальной пропаганды // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. №4. С. 87–92.

Moiseeva E. N. Pamyat' ob antichnom proshlom vo francuzskom kolonial'nom diskurse poslednej treti XIX v.: «mesta pamyati» v kontekste kolonial'noj propagandy *(Memory of the Antique Past in French Colonial Discourse in the last third of the 19th century: "Places of memory" in the context of colonial propaganda)* // Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. 2017. No.4. P.87–92. (In Russian)

3. Мюррей-Миллер Г. Транссредиземноморская Франция. Перевод с англ. Ю. В. Ткаченко // Французский ежегодник 2017: Франция и Средиземноморье в Новое и Новейшее время. М.: Ин-т всеобщ. истории РАН, 2017. С. 141–161.

Murray-Miller G. Trassredizemnomorskaya Franciya *(France and Algeria: trans-mediterranean society) (Trans-Mediterranean France)* // Franczuzskij ezhegodnik 2017: Franciya i Sredizemnomor`e v Novoe i Novejshee vremya. Moscow: IWH of RAS publ., 2017. P.141–161. (In Russian)

4. Blais H. Coloniser l'espace : territoires, identités, spatialité. // Genèses. 2009. № 74. p.145–159.
5. Chotard H. La mer intérieure du Sahara. Paris: Clermont-Ferran. 1879. 18 p.
6. Charles-Roux F., Goby J. Ferdinand de Lesseps et le projet de mer intérieure africaine // Revue des Deux Mondes. 1957. Aout. P. 385 – 404.
7. Charme G. Politique coloniale // Revue de Deux Mondes. 1883. T. 60. 1 nov. P. 49–90.
8. Commission supérieure pour l'examen du projet de mer intérieure dans le sud de l'Algérie et de la Tunisie. Commission supérieure pour l'examen du projet de mer intérieure dans le sud de l'Algérie et de la Tunisie / Ministère des affaires étrangères; présenté par M. le commandant Roudaire. Paris. 1882. 548 p.
9. Dubost G. Le colonel Roudaire et son projet de mer saharienne, éd. Société des sciences naturelles et archéologiques de la Creuse, Guéret, 1998. 192 p.
10. De Guéret au Sahara, sur les traces d'Elie Roudaire URL: https://www.agglo-grandgueret.fr/actualites/exposition-de-gueret-au-sahara-sur-les-traces-delie-roudaire (Accessed:10.09.2020)
11. Duponchel A. Le chemin de fer transsaharien, jonction coloniale entre l'Algérie et le Soudan: études préliminaires du projet et rapport de mission avec cartes generals et géologiues. Montpellier: Typographie et lithographiede Boehm & fils, 1878. 374 p.
12. Duponchel A. Le chemin de fer de l'Afrique centrale. Paris: Imprimerie typographique de A. Pougin, 1877. 44 p.
13. Gaffarel P. Notre expansion coloniale en Afrique de 1870 à nos jours. Paris: Hachette, 1918. 292 p.
14. Girardet R. L' idee coloniale en France de 1871 a 1962. Paris: La Table Ronde, 1972. 337 p.
15. La mer intérieure africaine: (avec cartes) / par le commandant Roudaire. Lettre-préface de M. Ferdinand de Lesseps Paris : Impr. de la Société anonyme de publications périodiques, 1883. 108 p.
16. Leroy-Beaulieu P. De la colonisation chez les peuples modernes. Paris: Guillaumin, 1908. T. I. 695 p.
17. Letolle R., Bendjoudi H. Histoires d'une mer au Sahara. Utopies et politiques, Paris, Montréal, L'Harmattan, 1997. 221 p.
18. Marçot J.-L. Une mer au Sahara. Mirage de la colonisation. Algérie et Tunisie (1869-1887). Paris: La Différence, 2003. 526 p.
19. Roudaire F.-E. Une mer interieure en Algerie // Revue des deux mondes. 1874. P. 324 – 350.
20. Roudaire Rapport à M. le ministre de l'Instruction publique sur la dernière expédition des chotts : complément des études relatives au projet de mer intérieure / par le commandant.de Roudaire. Paris: Challamel Ainé, 1881. 187 p.

Сведения об авторе

Моисеева Екатерина Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, политологии и социологии Саратовской Государственной Юридической Академии (Саратов) / moiseevaen@rambler.ru

Information about the author

Moiseeva Ekaterina – PhD in History, Associate Professor, Chair of History, Political Science and Sociology, Saratov State Law Academy (Saratov) / moiseevaen@rambler.ru

УДК 94(439)

Нандор Барди, Габор Эгри

ПОЛИТИКА НА ОБЛОМКАХ ИМПЕРИИ? ПОЛИТИКА И СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВЕНГЕРСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНЬШИНСТВА В ВЕЛИКОЙ РУМЫНИИ[1]

Согласно Трианонскому мирному договору 4 июня 1920 г. территория на 102 тыс. квадратных километров перешла от Венгрии в состав Румынии. На этой территории проживало более чем 1,5 миллиона венгров. С 1918 по 1922 гг. были осуществлены передача всех институтов румынам, изоляция венгерского чиновничьего класса и аграрная реформа, ослабившая позиции венгерских землевладельцев. С 1922 по 1926 гг. применялась стратегия создания гомогенного национального государства. Первая половина 1930-х годов была этапом экономического кризиса и позиции венгров пошатнулись еще сильнее. С 1938 по 1940 гг. для защиты от реваншистких стремлений, реализация которых на международной арене становилась все реальнее, продолжали применяться дискриминативные меры против венгров в области трудового права, использования языка и экономики.

Ключевые слова: Трансильвания после Трианонского мирного договора 4 июня 1920 г., Национальная политика, Румыния в межвоенный период, венгерское национальное меньшинство в «Великой Румынии», национальное «соперничество» на терене Трансильвании в 20-м веке.

Nándor Bárdi, Gábor Egry

A POLICY ON THE RUINS OF AN EMPIRE? POLITICAL ACTIVITY AND SOCIAL ORGANIZATION OF THE HUNGARIAN NATIONAL MINORITY IN GREATER ROMANIA

According to Trianon Peace Treaty in 1920, the entire territory of historical Transylvania that belonged to Hungary became a part of Greater Romania. This area was inhabited by a big amount of Hungarian people, the Hungarian national minority in Romania numbered approximately 1,5 million people. The issue is aimed to present the process of isolation of Hungarians in state life and local governments in Transylvania within the framework of Romanian efforts for creating a homogenic state. The first half of the 1930s was a period of economic crisis and the position of the Hungarians was shaken even more. From 1938 to 1940, in order to protect against revanchist aspirations, the implementation of which in the international arena became more and more real, discriminatory measures against Hungarians continued in the field of labor law, the use of language and economy.

Key words: Transylvania after Trianon Treaty in 1920, National Policy, Romania between the two world wars, Hungarian National Minority in Greater Romania, National Rivalry in Transylvania in the 20th Century.

Исход Первой мировой войны привел к изменениям в государственном устройстве многих стран Центральной и Восточной Европы, которые актуальны по сей день. Это повлияло не только на международные отношения – от последствий войны не укрылись и отдельно взятые общества. Естественно речь во многом шла о явлениях общего порядка, которые были вызваны, в первую очередь, тяготами войны. Мобилизация общества в интересах большой войны, а затем разоружение и демобилизация расшатали складывавшиеся десятилетиями стабильные структуры, нарушив устойчивые системы отношений [63].

Однако истинный масштаб перемен затмило падение империй Центральной и Восточной Европы. Тяготы войны принципиально изменили отношения государства и общества: с одной стороны, государство стремилось расширить круг своих задач, в частности, в вопросах экономического регулирования, с другой – частично из-за связанных с этим трудностей, а порой и недееспособности – определенные задачи, например: охрану здоровья, борьбу с эпидемиями и уход за сиротами, общество вынуждено было забрать у государства и взять на себя, а порой систематически, длительное время заниматься вопроса-

[1] Перевод данной статьи с венгерского на русский язык был профинансирован Архивным институтом Венгрии в Москве в 2015 г. Аннотация, ключевые слова, сведения об авторе на русском языке, а также перечень географических наименований были составлены Аттилой Шереш в 2020 г. Научная редакция русского перевода статьи: А. Шереш.

ми, которые ранее рассматривались на частном уровне, например, благотворительностью. В ряде случаев, например, в России, восстановление экономического, медицинского и социального обеспечения, которые пришли в полный упадок в первые месяцы войны, стало возможно лишь благодаря общественной самоорганизации. Где-то это происходило лишь частично, например, в австрийских коронных землях Габсбургов, где благотворительные организации, нередко созданные по национальному принципу, взяли на себя – при частичном государственном финансировании – уход за сиротами и инвалидами, однако тенденция прослеживается четко [61; 73, sz. 79–105].

Крах Австро-венгерской монархии в конце войны был также в какой-то мере связан с изменением роли государства и общества. Достаточно вспомнить, что идея национальных государств получила легитимность благодаря росту социальной активности на национальной почве, когда условия жизни постоянно ухудшались. С другой стороны, нельзя не отметить, что – в отличие от других регионов Центральной и Восточной Европы – в центральных областях монархии (Австрии, чешских провинциях, в Западной Галиции) подъем общественной активности минимизировал всплеск насилия и обеспечил относительный порядок при распаде страны. Венгерское королевство долго держалось в габсбургской империи особняком, и роль государства и общества здесь практически не менялись. Отчасти это было связано с тем, что между национальными движениями и центром долгое время не было разделения социальных и благотворительных обязательств, что было характерно для другой половины монархии. Свою роль сыграл тот факт, что административное управление Венгрии было изначально унитарным. К тому же, до середины 1917 г. премьер-министром Венгрии являлся Иштван Тиса, крепко державший в руках и собственную Национальную партию труда.

В конце октября и начале ноября 1918 г., однако, выяснилось, насколько сильны были иллюзии – развал империи после поражения в войне застал всех совершенно врасплох, вызвав сильнейший шок. И хотя политический переход от дуалистической монархии к независимой Венгерской народной республике прошел относительно организованно и казался юридически легитимным, за пределами Будапешта нарастал хаос. Начиная с конца ноября произошли сначала сербская, затем румынская и, наконец, чешская (а также словацкая) интервенция за пределы установленной демаркационной линии, а на территориях, остававшихся под венгерской юрисдикцией: в деревнях и даже районных центрах – государственная власть попросту пала. Начались разорение питейных заведений, изгнание нотариусов, бандитские грабежи, а кое-где – спонтанная раздача земли [25]. Из старых оппозиционеров и депутатов рабочих и крестьянских партий были сформированы Национальные советы, считавшиеся органами революционной власти, которые в определённом смысле дублировали государственную власть. Пока власть таким образом менялась, возникли национальные советы, сформированные уже по этническому принципу, а затем в страну вторглись войска соседних держав, причем как те, так и другие – со своими планами на послевоенный раздел территории и предоставление регионам нашумевшей автономии.

В последующие месяцы неразбериха усилилась. Венгерскую народную республику не удалось внутренне консолидировать, и в марте 1919 г. коммунистическая партия, удачно сыграв на общественном недовольстве, внешнеполитических поражениях и неизбежных территориальных потерях, совместно с левым крылом социал-демократов провозгласила Венгерскую советскую республику. После ее падения в августе 1919 г. начался настоящий кошмар: белый террор, румынская оккупация центральных областей страны, грабежи и убийства.

Северные, восточные и южные территории, переданные соседним государствам по условиям Трианонского мира, оказались под иностранной юрисдикцией уже в ноябре 1918 – апреле 1919 гг., и несмотря на то, что до подписания мирного договора оставался целый год, везде началось установление новой власти. Как ни удивительно, венгерскую политическую элиту различных регионов: Будапешта, Трансильвании, Верхней Венгрии (отошедшие территории к Чехословакии), и Делвидека (Бачки, Западного Баншага и Южной Барани – в составе югославского государства: Воеводина) – смена власти застала совершенно врасплох.

Венгерская политика в Трансильвании до 1918 г.

В конце 1918 г. венгерская политика в Трансильвании зеркально отражала политическую систему дуалистической монархии. С организационной точки зрения это означало, что ведущие политические партии функционировали по клубному принципу. У них был довольно слабый партийный аппарат, активизировавшийся лишь в период выборов – по сути, партию составляли депутаты парламента и муниципалитетов.

Так действовала и находившаяся у власти Национальная партия труда, а также различные, выступавшие за независимость оппозиционные партии (Партия 48-го года) и партии, способствовавшие появлению в 1867 г. дуализма и поддержавшие его [см. 21]. Характер партии определяла личность лидеров (в период Первой мировой войны наиболее важными из них были граф Иштван Тиса – Национальная партия труда, граф Михай Карои – Объединенная партия независимости и 1848 г., граф Дюла Андрашши младший – Венгерская партия конституции, граф Альберт Аппони – Партия независимости и Партия 1848 г. Кошшута младшего), а самые яркие политики были в определенной степени независимы от собственных партий. Не менее важно и то, что яркие политические фигуры также обеспечивали своей партии

основные ресурсы. Основными ресурсами на местном и государственном уровне партию обеспечивали связанные с такими политиками институты, их знакомства, а также общественный и – не в последнюю очередь – финансовый капитал. Иными словами, политика была вотчиной элиты и состоятельного среднего класса, что подтверждалось избирательным правом, где действовали ограничения по уровню дохода и образования.

Главным яблоком раздора между партиями долгое время был так называемый вопрос о всеобщем праве, а также отношение к Австро-венгерскому соглашению 1867 г. Сторонники соглашения считали, что дуалистическая система необходима и дает Венгрии ряд преимуществ, гарантируя существенную независимость в пределах монархии, оставляя за империей право решать вопросы внешней, военной и таможенно-финансовой политики, а также управлять единым центральным банком. Так называемые партии 1848 г. – храня верность требованиям революции 1848 г. и утвержденным королем законам – настаивали на самостоятельной финансовой, военной и внешней политике и личной унии. На рубеже XX в. данная партийная система начало постепенно меняться: возникли партии, программы которых выражали мировоззренческую или социальную позицию: христианско-социальная, антилиберальная Католическая народная партия, мелкие сельские хозяева и социал-демократы. Несмотря на ограниченную представленность этих партий в парламенте (у социал-демократов, например, вообще не было депутатов), они выносили на повестку дня общественные проблемы, приобретавшие все большую актуальность, а в борьбе за расширение избирательного права нашли поддержку в лице классических партий [60, с. 68–85]. Однако главенство партий, делившихся на два лагеря по вопросу об всеобщем праве и 1848, и 1867 гг., казалось нерушимым.

В такой партийной системе политическим элитам других, невенгерских, этносов отводилось скромное место. Если они не присоединялись к ратовавшим за всеобщее право венгерским партиям – примеров чему было немало [31] – то могли рассчитывать лишь на то, что в парламент пройдет несколько их депутатов, которые будут публично негодовать по поводу возмутительных с их точки зрения действий властей и за кулисами представлять интересы избирателей [67; 68].

Поводов для негодования было предостаточно, поскольку в венгерской политике постепенно усиливалась линия по привлечению государства к формированию венгерской нации на основе понятия этноса, и прослеживался отход от идеи сообщества граждан, распространенной в первые годы дуализма. Если понятие так называемой «политической нации», сформулированное при заключении австро-венгерского соглашения, распространялось на всех жителей Венгрии без учета языка и вероисповедания и предусматривало для них равные права, а также возможность широкого использования национальных языков, то законодательные акты начала XX в. все чаще предписывали использование только венгерского языка и требовали от нацменьшинств отождествлять себя с ключевыми элементами венгерской национальной идеи, в том числе рассматривать венгерскую историю как свою собственную. Несмотря на наличие постановлений о многоязычии в административном управлении, они то и дело нарушались. Государство намеревалось расширять влияние, внедряя венгерский язык в сферу народного образования и рассматривая его как эффективное средство ассимиляции. В то же время, до Первой мировой войны Венгрия никогда не перегибала палку в стремлении сформировать нацию. Так, на уровне общественных организаций и экономической активности систематическая дискриминация отсутствовала. И это притом, что многие – в том числе влиятельные политики – считали защиту имущества венгерских помещиков средней руки, а также колонизацию, то есть расселение венгерских крестьян в районах проживания нацменьшинств, национальным интересом. Для этого годились все средства, даже тайные операции [14; 15; 23; 36].

Изменения в этой сфере произошли с началом Первой войны, в частности после нападения на Австро-Венгрию Румынии в 1916 г. После него правительство, а также политики Трансильвании – влияние которых усилилось после отставки премьер-министра Тисы летом 1917 г. – инициировали новую, неприкрыто дискриминационную политику. Это предполагало государственный контроль в экономике, в частности, при сделках с землей, ускоряло национализацию и «венгеризацию» церковных школ с преподаванием на румынском языке, предусматривало «венгеризацию» хозяйственной жизни: введение обязательного делопроизводства на венгерском языке, присутствия венгров в руководстве компаний, централизации административного управления и обязательного обмена населением [20; 24].

Значительная часть этих планов родилась не в Будапеште, а в Трансильвании. После 1910 г. более-менее четко сформировалась региональная политическая группа, лоббировавшая интересы трансильванских венгров, которая незадолго до войны оформилась в Трансильванский союз и в таком виде продолжила защищать региональные интересы. Вопреки тому, что за созданием союза стояла оппозиция Иштвану Тисе, его программа заключалась в преодолении политической разобщенности и создании единой национальной общности трансильванских венгров. В качестве основного аргумента приводился тот факт, что в Будапеште и в правительстве плохо знакомы с особенностями и проблемами региона, а ввиду централизованности не имеют возможности их урегулировать, к тому же государство и раньше мало способствовало организации общества. По этой причине в задачи Трансильванского союза входила консолидация важнейших общественных и экономических организаций (церквей, Ассоциации народного образования трансильван-

ских венгров, экономических палат) для создания программы совместной модернизации. Их целью была индустриализация Трансильвании, поскольку там были обнаружены газовые месторождения, а также развитие деревни при поддержке крупных землевладельцев, церкви и интеллигенции. Кроме того, они требовали повышения уровня образования, доступа к национальной культуре и модернизации средств сельхозпроизводства. Это дополняла программа, направленная на расширение избирательного права и создание более эффективного государственно-административного управления без национальной окраски [10].

Следует упомянуть, что, хотя первая редакция программы предполагала организацию национального венгерского общества, процессом модернизации предполагалось охватить всех жителей Трансильвании. Больше всего программа ратовала за «венгеризацию» образования – образовательная политика, совмещавшая модернизацию просвещения с «венгеризацией», не подвергалась ни тени сомнения – кроме того, требования партий национальных меньшинств игнорировались. В 1917 г., оказавшись в правительстве, союз перешел к жесткому насаждению венгерского языка, а ее ведущие представители – в том числе Иштван Бетлен – занял и в политике будапештского правительства по отношению к венгерскому меньшинству ключевые позиции, а также возглавили движение общественного и политического самоопределения трансильванских венгров. [9; 10; 23; 24.]

С учетом вышесказанного, конец 1918 г. принес глобальные изменения. Война, разруха, демобилизация армии, произвол революционных отрядов и череда насилия не оставили сомнений в том, что массы стали очевидной политической силой, что подтверждалось и равноправным участием социал-демократов в коалиции, стоявшей за национальными советами. Национальные советы в различных регионах Венгрии – в начале этнически смешанные – вскоре реорганизовались по национальному признаку, откуда до требования национальной независимости был один шаг. Румынские политические лидеры Венгрии считали это свершившимся фактом уже в середине ноября.

Смена власти в Трансильвании

Правительство Карои, приступившее к работе 31 октября 1918 г., в национальном вопросе избрало принцип самоопределения Вильсона, надеясь укрепить территориальную целостность Венгрии, при этом национальным меньшинствам предполагалось дать автономию. В первой половине ноября в связи с будапештскими событиями и возвращением с фронта солдат в Восточной Венгрии начались волнения среди шахтеров, рабочих крупных городов и крестьянства, сильно пострадавшего от местной администрации во время войны. Волнения в этой части страны имели национальную окраску лишь местами. За помощью в их подавлении правительство обратилось к местным властям, а также венгерским и румынским национальным советам, которые стали возникать в конце октября. Поскольку сельская администрация по большей части разбежалась, влияние городских властей ослабло, а 4-тысячного венгерского войска в Трансильвании было недостаточно, в поддержании порядка правительство могло рассчитывать лишь на национальную оборону, сформированную национальными советами. Однако национальные советы Восточной Венгрии и Трансильвании преследовали разные цели. Если национальные советы венгров и секеев, в первую очередь, поддерживали создание республики и лишь затем - целостность Венгрии, то у румын аналогичными структурами с самого начала двигала национальная идея [64].

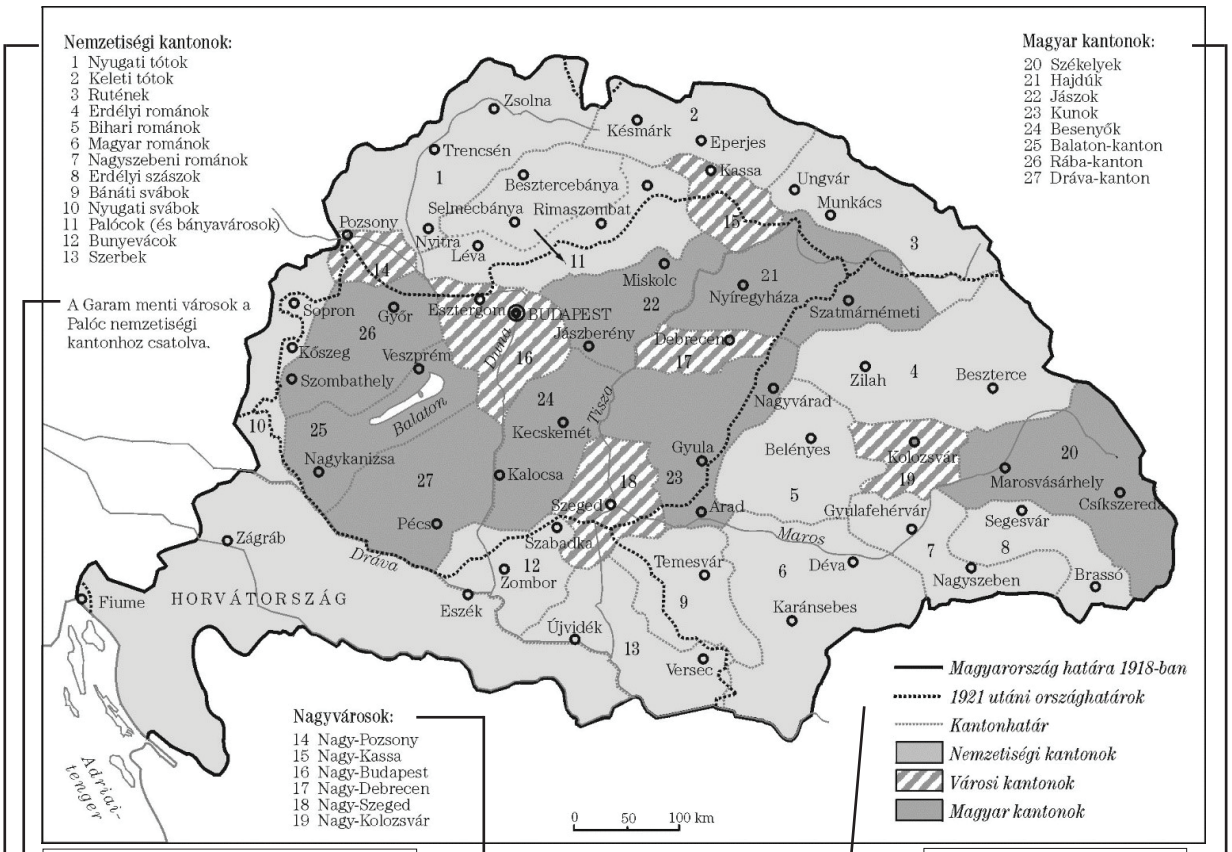
9 ноября Румынский национальный совет (РНС) отправил будапештскому правительству из Арада ультиматум с требованием передать ему власть в 26 комитатах Восточной Венгрии, где проживали румыны. При этом совет ссылался на принцип самоопределения и поддержания общественного спокойствия. В этот же день в Будапеште был создан Секейский национальный совет, который возглавил Шандор Гаал, а в Коложваре такой совет был сформирован 13 ноября под предводительством Йожефа Шандора. В столице руководство советом вскоре взяли на себя Бенедек Янчо, Денеш Шебешш и Габор Угрон.

В «состязании» венгерских и румынских планов важную роль играли военные события. 13 ноября 1918 г. в Белграде было подписано военное соглашение, согласно которому венгерское правительство было обязано освободить территории к востоку от линии, образованной верхним течением реки Надь-Самош и Марошвашархеем, а также территории южнее реки Марош до самого Сегеда. В то же время соглашение разрешало сохранить на переданных территориях венгерское административное присутствие. Румынские войска вошли в ущелья Восточных Карпат уже в день подписания договора и к декабрю достигли демаркационной линии. С венгерской стороны не было серьезного сопротивления, поскольку местная администрация рассматривала румынские войска как временную оккупационную силу Антанты, обеспечивающую порядок на период мирных переговоров. Командующий румынских частей, вступивших 6 декабря в Секейудвархей, напрямую заявил, что его войска находятся в городе не с целью аннексии, а как силы Антанты.

Одновременно с этим венгерское правительство обратилось к румынским национальным лидерам. На переговорах в Араде 13–14 ноября министр по делам национальностей Оскар Яси говорил об организации в Трансильвании – на период мирных переговоров – административных кантонов и предложил территориям с преимущественно румынским населением автономию. Представители РНС отказались от данного предложения, сославшись на его сложность. В действительности же обе стороны хотели подготовиться к мирным переговорам: венгерская сторона хотела доказать способность решить на-

циональный вопрос, а румынская не была в этом заинтересована. О. Яси даже предложил передать РНС управление территориями с преимущественно румынским населением и направить депутатов РНС в венгерский парламент, а проживающим в национальных кантонах меньшинствам: немцам, румынам и венграм – гарантировать защиту на основании либерального закона о национальностях за 1868 г. Румынская сторона отказалась и от этого предложения и объявила о намерении окончательно отделиться от Венгрии [38; 64].

Карта 1



Национальные кантоны:
1. Западные словаки
2. Восточные словаки
3. Русины
4. Трансильванские румыны
5. Бихарские румыны
6. Венгерские румыны
7. Надьсебенские румыны
8. Трансильванские немцы
9. Баншагские немцы
10. Западные немцы
11. Палоцы (и шахтерские города)
12. Буневацы
13. Сербы

Крупные города:
14. Большая Пожонь
15. Большая Кашша
16. Большой Будапешт
17. Большой Дебрецен
18. Большой Сегед
19. Большой Коложвар

Венгерские кантоны:
20. Секеи
21. Гайдуки
22. Ясы
23. Куманы
24. Печенеги
25. Кантон Балатона
26. Кантон Рабы
27. Кантон Дравы

Города вдоль берега реки Гарам, присоединены к кантону палоцев

Граница Венгрии в 1918 г.
Границы стран после 1921 г.
Границы кантонов
Национальные кантоны
Городские кантоны
Венгерские кантоны

Через две недели, 1 декабря, в Дюлафехерваре состоялось Великое Национальное Собрание, на котором 1228 делегатов от трансильванских румын приняли декларацию о вхождении областей с румынским населением в Румынское королевство. В ходе предварительных переговоров ряд депутатов Румынской национальной партии и социал-демократы в качестве условия присоединения выдвинули демократизацию Румынии, а до присоединения – частичную автономию Трансильвании. Однако в итоговый проект декларации вошли только общие демократические и социальные требования (всеобщее избирательное право, свобода прессы и собраний, аграрная реформа, расширение прав рабочих и национальных меньшинств). Румынский король Фердинанд I утвердил лишь I. пункт декларации, который касался присоединения [37]. По сей день венгерское меньшинство неустанно напоминает, что пункт III.1. декларации так и не был одобрен:

I. 18 ноября (1 декабря) 1918 г. все румынские представители Трансильвании, Баншага и Венгрии, обладающие правом голоса, приняли на Национальном собрании в Дюлафехеваре декларацию о присоединения румын и населяемых ими территорий к Румынии. Национальное собрание особо подчеркивает право румынского народа на весь Баншаг по границе рек Марош, Тиса и Дунай.

II. До созыва конституционного собрания в рамках общего избирательного права Национальное собрание провозглашает временную автономию для жителей данных территорий.

III. В связи с этим в качестве условия для формирования нового румынского государства Национальное собрание определяет следующие принципы:

1. Полная свобода для других, проживающих на данной территории народов. Каждому народу предоставляется право на образование и управление на родном языке, организацию административной власти из числа избираемых представителей данного народа. Каждый народ имеет право на представительство в законодательных органах и органах государственного управления пропорционально численности. Декларация была зачитана перед стотысячным собранием, после чего депутаты выбрали Большой национальный совет из 200 человек, который назначил Руководящий Консилиум трансильванских румын из 15 членов. Руководящий Консилиум (Consiliul Dirigent), который возглавил Юлиу Маниу, взял на себя полномочия временного правительства Трансильвании, приступил к работе 7 декабря в Надьсебене. (Руководящий Консилиум румын Трансильвании функционировал до 10 апреля 1920 г.)

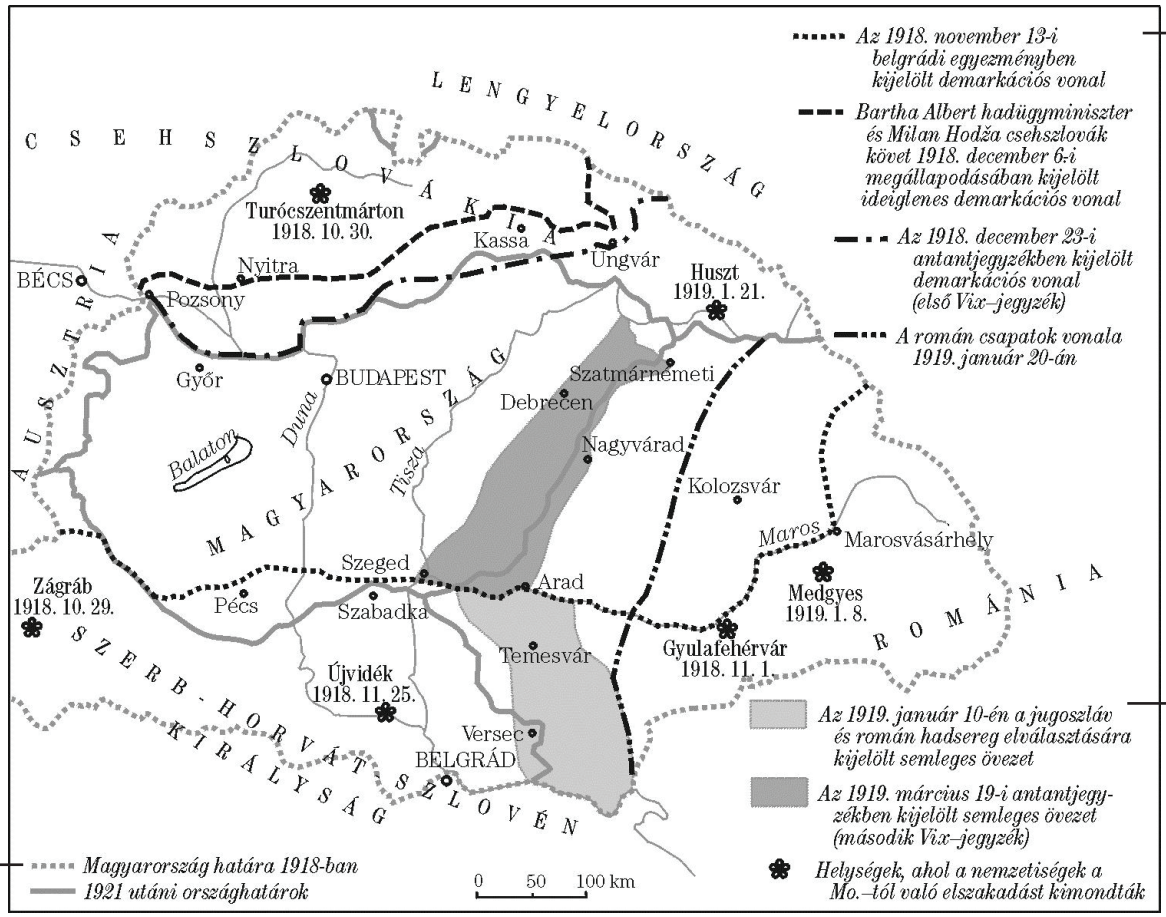
Вскоре после собрания в Дюлафехерваре румынские войска перешли установленную Белградским соглашением демаркационную линию в нескольких местах, а 12 декабря генерал Анри Бертело, командовавший Дунайской армией Антанты, самовольно отдал румынским войскам приказ выдвинуться до линии Сатмарнемети-Надькарой-Надьварад-Арад [53, sz. 114–135].

В это время венгерские политические силы Трансильвании также пытались выработать единую позицию. 17 ноября они провели в Будапеште большое собрание, на котором приняли резолюцию о поддержке территориальной целостности Венгрии и системы кантонов, которая гарантировала невенгерским народам свободу развития. Предвидя, что на мирной конференции территориальная целостность Венгрии, возможно, не будет сохранена, они разработали план создания независимой секейской республики по этническому принципу. Кроме того, они потребовали приглашения на мирную конференцию секеев, либо как самостоятельной делегации, либо в составе делегации Венгерской Народной республики. [41, 3 f. Székely Egyesület/Székely Nemzeti Tanács 1918. november 17-i budapesti nagygyűlésének határozatai]. Данные предложения нашли поддержку у Оскара Яси.

19 ноября – благодаря кулуарной работе Иштвана Бетлена – в Марошвашархее была создана комиссия по формированию Секейского Национального совета (СНС). Согласно освещавшим подготовку публикациям в прессе, в конечном итоге СНС должно было создать Секейскую республику по принципу национальной автономии. (Для обоснования политической самостоятельности секеев подчеркивалась уникальность мышления, менталитета и истории, отличающую этот венгерский субэтнос от других.) В состав Секейской республики предполагалось включить населенные венграми комитаты Харомсек, Чик, Удвархей, Марош-Торда и Торда-Аранёш, населенную венгерской этнической группой «чанго» провинцию Молдова и венгерские города комитатов Брашшо, Киш и Надькюкюллэ и Бестерце-Насод. Всего население республики составило бы 1,3 млн человек: 666 тыс. венгров, 460 тыс. румын и 150 тыс. немцев. Венгры и немцы превышали бы численностью румын в два раза.

Однако 28 ноября на собрании в Марошвашархее Секейская республика провозглашена не была – вместо этого был избран Национальный совет венгров Трансильвании, призванный защитить население венгерских районов Трансильвании. Участники большого собрания приняли резолюцию о том, что проблемы национальных меньшинств Трансильвании должны быть решены при сохранении территориальной целостности. Они обратились к правительству с просьбой принять для предотвращения румынской интервенции военные меры. Для организации секеев было решено создать Национальный совет Земли Секеев [59, sz. 73–75]. Однако ввиду румынской интервенции через несколько дней все это осталось без последствий. Будапештское правительство, планировавшее передать административную власть Главной правительственной комиссии Восточной Венгрии Иштвана Апати в Коложваре, лишилось соответствующих инструментов [66, sz. 1719–1721].

Карта 2



Граница Венгрии в 1918 г.
Границы государств после 1921 г.

Демаркационная линия, установленная Белградским соглашением от 13 ноября 1918 г.

Временная демаркационная линия, установленная соглашением между военным министром Венгрии Альбертом Бартой и послом Чехословакии Миланом Годжой от 6 декабря 1918 г.

Демаркационная линия, установленная в ноте Антанты от 23 декабря 1918 г. (Первая нота Викса)

Линия румынских войск 20 января 1919 г.

Ничейная полоса, установленная для разделения югославских и румынских войск 10 января 1919 г.

Ничейная полоса, установленная нотой Антанты от 19 марта 1919 г. (вторая нота Викса).

Территории, на которых нацменьшинства провозгласили отделение от Венгрии

Новое румынское наступление в середине декабря не встретило со стороны правительства Карои серьезного военного отпора. Во-первых, потому, что оно полагалось на белградские договоренности и лояльность Антанты, во-вторых, потому, что возвращавшаяся с фронта миллионная армия создавала огромное социальное напряжение, и ее требовалось как можно быстрее разоружить. Для формирования же новой армии у правительства не было средств. Из новой, республиканской армии в отряды по защите Трансильвании вошло порядка 3–4 тыс. человек, в то время как численность наступавших румынских войск насчитывала 20–40 тыс. Поэтому 24 декабря румыны вошли в Коложвар без боя, а к середине января заняли линию Марамарошсигет-Надьбаня-Зилах-Чуча. Противостоять им могла лишь дивизия секеев из добровольцев, бежавших с оккупированных территорий.

В конце января Карои, который успел извлечь урок из событий, говорил о необходимости защищать отечество с оружием в руках, однако военной мощи по-прежнему недоставало. Ноту Антанты от 19 марта, предписывавшую румынским войскам выдвинуться вперед и занять линию Сатмарнемети-Арад, а также создать к западу от нее нейтральную полосу, включавшую в себя Дебрецен, Бекешчабу и Сегед, Карои не принял. Осознав, что сотрудничество с Антантой зашло в тупик, Карои подал в отставку.

22 декабря в ответ на декларацию Дюлафехервара венгерские и немецкие политики Трансильвании провели 40-тысячное народное собрание в Коложваре, где в присутствии собравшихся потребовали – и пообещали – предоставить всем народам равные права «в единой, не обрезанной по краям Венгрии». Однако данное заявление не имело международного резонанса.

В конце 1918 – начале 1919 г., в смутное время смены власти в Трансильвании, административное управление на местах зачастую не работало. Причиной этому, в первую очередь, послужило то, что возвращавшиеся с фронта солдаты с оружием в руках требовали выплаты задержанных военных пособий, мстили за мнимые и реальные обиды, грабили общественные учреждения, поместья и замки, а большинство сельской администрации сбежало в города. Развал прежней администрации, бездействие будапештского правительства и попытки захвата территории со стороны Румынии привели к тому, что сразу в нескольких местах были созданы центры секейского и венгерского самоуправления: в Темешваре – Баншагская республика, в Секейудвархее – Секейская республика, в Банффихуняде – Калотасегская республика. Однако они просуществовали недолго.

Оккупационные румынские войска, которые к 20 апреля 1919 г. заняли Надьварад, повсеместно ввели цензуру печати, комендантский час, наказание палками, запретили работу политических и общественных организаций, отменили свободу собраний и перемещений. 15 января 1919 г. возглавлявший правительственную комиссию член военного трибунала Эмиль Гранпьер провел в Надьсебене переговоры с главой Руководящего Консилиума Юлиу Маниу. В ожидании окончательного урегулирования государственно-правового статуса от мирных переговоров, венгерская делегация предложила ввести на переходный период местное административное управление от имени того народа, который численно преобладает в данном районе, в случае со смешанным населением управление предполагалось совместное. Делегация предложила освободить чиновников от принесения клятвы румынскому государству и ограничиться взятием на себя обязательств (проект документа венгерская сторона представила).

Руководящий Консилиум предложений не принял, а через два дня румынские власти арестовали Иштвана Апати и в середине января распустили возглавляемую им Главную правительственную комиссию. Оккупационные войска способствовали переходу под контроль румын железной дороги и почты. В Коложваре румынские власти к марту контролировали суды, к маю – университет имени Франца Иосифа и Национальный театр. Весь наемный персонал, а также юристов и сотрудников железной дороги обязали принести клятву на верность королю Румынии, что большинство отказалось сделать, сославшись на незавершенность мирных переговоров. Это привело к лишению их избирательного права, работы и гарантированной пенсии. Боясь потерять заработок, многие венгры бежали в Венгрию. С 1918 по 1920 г. в Венгрию уехало около 145 тыс. человек, в основном, это были городской средний класс и чиновничество. Положение венгров ухудшалось из-за изъятия жилья в пользу армии и введения с сентября 1919 г. обучения на румынском языке в государственных общеобразовательных школах [14; 57].

После ареста Апати и роспуска Главной правительственной комиссии, под руководством Эмиля Гранпьера, назначенного правительством Карои главным ишпаном Коложвара, начал – подпольную – работу так называемый Трансильванский центр. Он поддерживал связь сначала с представителями правительства Карои, а после событий весны 1919 г. – контрреволюционного правительства в Сегеде, координировал пассивное сопротивление чиновников и – по мере возможностей – финансово поддерживал венгерские институции и чиновничесвто, а также обеспечивал информацией, готовящийся к мирным переговорам Будапешт и местных венгерских лидеров [14].

Концом переходного периода стало подписание Трианонского мирного договора 4 июня 1920 г. Венгерское население вынуждено было приспосабливаться к румынской государственной системе[1]. В июле сохранившие работу венгерские

[1] Границы Румынии окончательно оформились после подписания Трианонского мира по итогам Первой мировой войны. Румынское королевство, площадь которого в 1914 г. составляла 139,1 тыс. км^2, а население – 7 625 млн чел., получила территорию площадью 156,8 тыс. км^2

почтальоны, чиновники и юристы принесли клятву верности, а политические лидеры венгерского меньшинства приступили к поискам новых возможностей.

Новые политические условия и венгерская политика бухарестского правительства

Новые обстоятельства были совершенно не те, что в эпоху дуализма. После смены власти «власть предержащие» и «угнетенные» поменялись местами. К тому же, политическая реальность Великой Румынии серьезно отличалась как от реальности Венгрии периода дуалистической монархии, так и революционной политик масс: кардинальные изменения, в первую очередь, касались роли политических фигур и партийной поддержки. Общественно-правовая система, административное управление, основы частного права и ряд экстренных мер также отличались от венгерских.

Вопреки тому, что страна возникла путем объединения разномастных земель, доминировавшая в политике бухарестская правящая элита – в первую очередь, Национальная либеральная партия и ее лидер, Ион Константин Брэтиану, а после его смерти – его брат Винтила Брэтиану – считали Великую Румынию не новым государственным образованием, а продолжением Румынии в границах до 1914 г. Они воспринимали присоединение земель национальных меньшинств как успех малого Румынского королевства и собственной политики, полагая, что освободили Трансильванию от венгерских угнетателей. С этим полемизировали лидеры трансильванских румын: Юлиу Маниу, Александру Вайда-Воевод, Николае Голдиш, а также их Румынская национальная партия – они считали, что Трансильвания получила свободу благодаря национальной румынской революции [62, sz. 87; 8, sz. 72–74] – но поскольку в первой половине 1920-х в политике главенствовала Народная партия, которой управляли либералы и уроженец изначальной Румынии[1]. Александру Авереску, трансильванские румыны ниак не могли влиять на новое государственное устройство. По этой причине Румынская национальная партия бойкотировала коронацию короля 1922 г. в Дюлафехеваре и не признала новую конституцию 1923 г.

Конституция объявила Румынию целостным национальным государством, каждый гражданин которой обладает равными правами, независимо от вероисповедания, а также расовой и этнической принадлежности. Несмотря на то, что под давлением Лиги Наций Румыния, не без колебаний, но подписала Договор о меньшинствах, соблюдала она его лишь частично. К середине тридцатых годов во внутренней юридической практике Румынии стали постепенно применяться пункты договора об отмене дискриминации и равноправии, однако права конкретных меньшинств, не говоря о коллективных правах немецких и секейских общественных организаций на образовательную и религиозную автономию, румынское государство соблюдать не спешило[2].

Концепция «целостного национального государства» имела целый ряд последствий для политического и административного устройства, а также положения религиозных конфессий. Закон об унификации административного управления внедрял на вновь присоединенных территориях централизованную, насквозь политизированную систему бельгийско-французского образца, которая существовала в Румынии до 1914 г. Центральная роль в этой системе отводилась назначаемым по политическим мотивам префектам комитатов, которые контролировали работу всех правительственных органов данной административной единицы, причем их влияние распространялось и на органы поддержания порядка: в деревнях – на жандармерию, в городах – на полицию. Важную функцию выполняли управлявшие уездами преторы и специально нанимавшиеся на госслужбу нотариусы, которые обеспечивали правовую сторону административного управления. Для государственных служащих существовала строгая иерархия, а решение об их назначении и увольнении принимал префект или правительство. Отчасти положение смягчал статут 1923 г., который регулировал положение госслужащих и гарантировал их права – в частности, место работы, а также созданный в 1930 г. официальный профсоюз [62. sz. 134–152., sz. 184–203]. Изначально селам, городам и комитатам предоставлялась определенная автономия, однако она почти не соблюдалась, так как выборные органы самоуправления формировались крайне редко (в 1926, 1929 и 1930 г.), чаще всего их заменяли временная комиссия (так называемые интеримар) и глава муниципалитета (примар) – их назначал префект. К тому же, хозяйственная автономия органов самоуправления была ограничена. Все это принципиально отличалось от принятой в Венгрии муниципальной схемы, которая, в частности, повлияла на политическую культуру трансильванских румын – согласно ней, политику комитатов и городов определяли выборные органы, комитатские служащие избирались собранием комитата, а полномочия назначаемого центром главного ишпана были ограничены [6, 7–8. f.; 7, 39–40. f.].

с населением 8 365 млн чел. От России Румыния получила Бессарабию (44,4 тыс. км2 с 2,345 млн жителей), от Австрии - Буковину (10,4 тыс. км2 и 811,7 тыс. жителей), от Венгрии – Трансильванию с Марамарошем и окрестностями Кэрэша (83,9 тыс. км^2 и 4,298 млн жителей), а также Восточный Баншаг (18 тыс. км^2 и 910 тыс. жителей). Таким образом, в межвоенный период площадь Румынии составляла 295,9 тыс. км^2, а численность населения – 16 250 млн чел. Территория, которую Румыния получила от Венгрии (102 тыс. км^2), превышала площадь самой Венгрии (93 тыс. км^2).

[1] Под изначальной Румынией следует понимать территорию Румынского королевства, созданного в 1877 г., без Добруджи.

[2] В Трансильвании продолжали существовать немецкие общественные организации, а вот секейских не было. Не было общинных земель и фондов управления имуществом бывших пограничных отрядов, что позволило бы содержать школы

Параллельно с централизацией административного управления проводилась и централизация образования. Теоретически государство допускало содержание школ общественными и религиозными организациями, однако строго контролировало их (образовательную) деятельность, а само их существование зависело от государства на основании так наз. публичного права. Школа, которая обладала таким правом, могла выдавать государственный аттестат зрелости, если же этого права у школы не было то, она выдавала лишь справку об окончании обучения, которая не являлась официальным подтверждением квалификации. В сфере народного просвещения государство составляло серьезную конкуренцию частным и церковным школам с платным обучением, так как государственные школы можно было посещать бесплатно [46, sz. 57–58, sz. 66–69, sz. 312–325; 22. sz. 16–22, sz. 33–44]. Высшее образование на венгерском языке – за исключением теологических учебных заведений (высшей религиозной школы римско-католического прихода в Дюлафехеваре, а также реформатской и унитарной академий в Коложваре) – было упразднено. В университете Коложвара, академии права в Надьвараде и недавно основанной высшей технической школе в Темешваре преподавание велось только на румынском. Унификация распространялась практически на все, правда, в отдельных сферах проводилась очень медленно. Произошла неизбежная румынизация руководства экономической и адвокатской палаты – однако венграм удалось остаться среди ее членов – румыны в обязательном порядке были избраны в правление предприятий, были сформированы румынские театральные труппы, которые существовали одновременно с венгерскими или заменили их.

Не заставила себя ждать и перестройка политической системы. В Великой Румынии нацменьшинства составляли порядка 30% населения, однако были разобщены, и даже доля самого многочисленного венгерского меньшинства не превышала 9% [71]. Между пропорциональной долей этнических и носителей венгерского языка имелась существенная разница. Первые составляли 7,9% от общей численности населения, а вторые – 8,6%. Таким образом, не было опасности, что в рамках новой избирательной системы, дающей право голоса всем мужчинам, представляющие политические интересы меньшинств партии опередят румынские. Впрочем, политическая система была изменена таким образом, что меньшинства не только не могли получить власть, но даже не могли быть пропорционально представлены в выборных органах. Избирательная система укрепляла власть румынских партий, за влияние они конкурировали только между собой [35, sz. 110–118].

Однако это никак не зависело от избирателей. Румынские партии группировались вокруг нескольких ярких личностей: братьев Брэтиану, Авереску, Октавиана Гоги, Таке Ионеску, Вайды-Воеводы, Александру К. Кузы, Иона Михалахе, Михаила Мэнойлеску, Николаэ Лупу, Константина Аргетояну, Николаэ Йорги и др., которые довольно часто сменяли партии и находили новых союзников. Это облегчало задачу королю, назначавшему правительство не по итогам выборов. Назначенное королем правительство первым делом проводило новые выборы, в ходе которых административный аппарат – с помощью определенных манипуляций и насилия – получал большинство в парламенте. Все упростилось в 1926 г., когда была введена система преимущества мандатов, по которой половину депутатских мест получала партия, набравшая 40% голосов, а от остальных мест эта же партия получала причитавшуюся ей по итогам голосования часть [45]. Несмотря на то, что ключевым в политической риторике по-прежнему было слово «демократия», политическая жизнь, по сути, заключалась в передаче власти в рамках элитарного клуба, где личные связи зачастую значили больше, чем политическая поддержка. Как раз поэтому некоторые партии: Народная партия в 1922–1926 г. и либералы в 1926–1927 г. – через несколько лет после, казалось бы, полного провала на выборах и роспуска восставали, подобно фениксу из пепла, и получали подавляющее большинство в парламенте, а одни и те же политики играли ведущую роль в правительствах разного толка.

Применительно к венграм в политике существовало две стратегии. Лидер трансильванских румын Юлиу Маниу заявил интеграционный политический курс на общественно-экономическое укрепление и создание современной институциональной системы Румынии как альтернативу открытой дискриминации. Основой всему служило равноправие граждан, образцом для которого, по сути, стала венгерская национальная политика до 1918 г. В рамках данной концепции национальный вопрос сужался до проблемы использования языка, а образование меньшинств перепоручалось церкви [21; 48].

Если трансильванские румыны воспринимали создание Великой Румынии как результат длительного исторического процесса, то возглавляший бухарестскую либеральную партию Ион Брэтиану считал Трансильванию территорией, добытой в ходе успешной военно-дипломатической кампании [56; 72]. Если Маниу стремился к экономическому и общественному равноправию и даже превосходству трансильванских румын – не насильственными методами, а при серьезной государственной поддержке – то Винтила (брат Иона) Брэтиану откровенно заявлял, что «молодому румынскому народу необходимо создать новую культуру взамен принятой в старом качестве германской и распространенной на востоке славянской. Для упразднения старой культуры лучше всего лишить ее экономической основы. Это вызовет обнищание представляющих старую культуру народов, обратит их в первобытное состояние, лишит веры в себя и ввергнет на дно общества. Высокоразвитая культура окажется в

руинах, на которых будет воздвигнута новая единая румынская культура»[1].

Этот подход был реализован в Румынии. Трансильванские города румынизировались, иным путем достичь выгодного экономического положения в сжатые сроки было просто невозможно. Любое послабление венграм в партийной политике воспринималось как предательство нации[2].

Между Будапештом и Бухарестом

На начальном этапе венгерское меньшинство – как уже говорилось – с согласия Будапешта держалось в стороне от общегосударственной политики. Несмотря на то, что это соблюдали не все: в нескольких промышленно развитых регионах с венгерским населением многие проголосовали за кандидатов от социал-демократической партии и Румынской национальной партии [4. 116–122. f., 5 отчет Сигуранцы за 26 апреля 1920 г.] – политически, с точки зрения классического, осознанного формирования национального меньшинства, во главу угла ставящего культуру и культурный канон среднего класса, венгерское меньшинство в парламенте представлено не было. Первой реакцией на смену власти была активизация общественной самоорганизации, в первую очередь, с целью «спасения» важных институтов от нового государства. Наглядный пример этому – возникшие в конце 1918 г., как грибы после дождя, церковные школы.

Венгерское государство – юрисдикцию которого Руководящий консилиум и Бухарест уже не признавали – заключило с реформатской и унитарной церквями договор, передав в их ведение государственные школы, в добавок к которым были открыты новые. Таким образом, в Трансильвании помимо уже функционировавших 174 реформатских начальных школ появилось 399, а помимо 194 римско-католических – 99. Интереснее всего складывалась ситуация с общиной унитариев, которая была наиболее малочисленна – согласно переписи населения 1910 г., она насчитывала всего 68 тыс. чел. – помимо 25 имевшихся начальных школ община приняла от государства и основала 59 новых. Тот же процесс имел место и в средней школе, с той только разницей, что реформатская община с 24 новыми среднеобразовательными школами далеко обогнала римско-католическую и унитарную [44; 13, sz. 220–221].

Венгерское правительство и большинство представителей венгерской элиты Трансильвании надеялось, что в скором времени ключевые позиции в венгерской диаспоре – вместо государства - займут общественные организации с венгерским руководством – в первую очередь, владевшие обширными землями церкви с разветвленной институциональной сетью. После Трианонского мирного договора должна была наступить эпоха политической активности венгерского меньшинства. В сентябре 1919 г. началась земельная реформа, для смягчения ущерба от которой (опротестование, оформление документов в связи с присвоениями земли) потребовалась защита политических интересов венгров. В декабре 1919 г. группа, сформированная Гранпьером и бывшими главами венгерской госадминистрации, ожидала, что после подписания Румынией Договора о меньшинствах, венграм, страдавшим от произвола властей, будет предоставлена помощь из-за рубежа. 9 декабря 1919 г. генерал Коанда, уполномоченный правительством Вайды, подписал в Париже Договор о меньшинствах. В течение следующих двух десятилетий многократно цитировались следующие статьи Договора в связи с несоблюдением их Румынией: «Статья 10. <…> В тех городах и районах, где проживает значительное число граждан Румынии, принадлежащее к расовому, религиозному или языковому меньшинству, ему полагается пропорциональная доля материальной поддержки, выделяемой казной из бюджета государства, региона или иных бюджетов на воспитательные, религиозные и благотворительные цели. Статья 11. Румыния дает согласие на то, чтобы в районах с немецким и секейским населением вопросами религии и образования ведали органы местного самоуправления, с сохранением государственного контроля [52, sz. 219].

Для этого в ноябре 1920 г. планировалось создать организацию, которая будет представлять венгров как субъект общественного права в Лиге Наций и которая получит в рамках выше упомянутого договора право проверять случаи притеснений представителей меньшинства. 15 декабря 1920 г. для координации политической борьбы была сформирована комиссия, в которую вошли 5 человек: д-р Эмиль Гранпьер, д-р Арпад Паал, д-р Хуго Рот, Йожеф Шандор и д-р Иштван Загони. Затем, 9 января 1921 г. был создан Венгерский союз[3]. Параллельно с ним в общественной жизни Трансильвании 1918-1919 гг. появилась еще одна более молодая радикально-буржуазная группа, чутко реагировавшая на социальную обстановку и призывавшая адаптироваться к румынской государственной системе и организовать венгерскую общину по демократическому принципу. Она обещала сохранять лояльность Румынии, если в процессе демократизации она предоставит присоединенным венгерским областям автономию. Наиболее яркими представителями этой идеи являлись архитектор Карой Кош и бывший заместитель ишпана Удвархея, журналист Арпад Паал. Позиция Коша и Паала заключалась в том, что венгры Земли секеев должны сохранить государственные отношения с Венгрией на условиях автономии, а если по итогам Трианонского мирного

[1] Речь в Турну Северине 30 октября 1926 г. [3, с. 69, 70].

[2] Об унификации регионов Румынии см. [39, с. 89–188]; О поисках путей политики венгерского меньшинства см. 30.; О рамках конституционного права и национальной политики см. [52, с. 16–40].

[3] Политический активизм Венгерской народной партии: стремление интегрироваться в румынскую политическую систему – как нельзя лучше отражает одна из первых и, без сомнения, самая нашумевшая политическая листовка Кароя Коша, Арпада Паала и Иштвана Загони [34; 26].

договора Венгрия будет расформирована, Земля секеев должна стать независимым государством [12; 54]. В 1921–1922 гг. две эти группы конкурировали между собой за право выступать от имени румынских венгров и. В первую группу входили защищающая свои позиции традиционная венгерская элита Трансильвании, в том числе лидеры религиозных конфессий, в другую – часто фигурировавшие в прессе деятели, которые ратовали за демократическую самоорганизацию, а также политическую, экономическую и общественную модернизацию и избрали для дискуссий страницы коложварских газет «Келети уйшаг» («Восточные новости» и «Эллензек» («Оппозиция»).

Дискриминационная национальная политика Румынии вынуждала венгров создать единое представительство для защиты своих интересов. Весной 1921 г. клятву верности королю Румынии принесли главы венгерских церквей. Для оказавшихся в Румынии венгров церковь оставалась последним организующим общество институтом, и теперь требовалось срочно обеспечить себе политическое представительство. В первую очередь, речь шла о защите интересов в парламенте по вопросам притеснений в образовании и при проведении земельной реформы. Однако для получения парламентских мандатов следовало участвовать в выборах. Летом 1921 г. «активисты» создали Венгерскую народную партию, в июле для сохранения единства к ним примкнули «пассивисты», благодаря чему возник Венгерский союз, который возглавил последний председатель верхней палаты венгерского парламента барон Шамуэль Йошка (самое высокопоставленное светское лицо, оставшееся в Трансильвании)[1]. Союз считал себя представителем румынских венгров как общественно-правового субъекта (в качестве органа самоуправления). Поэтому в октябре 1921 г. правительство под выдуманным предлогом прервало его деятельность. В январе 1922 г., готовясь к выборам, провела реорганизацию Народная партия, в феврале ее примеру последовал Гранпьер с соратниками, создав Венгерскую национальную партию, однако кандидатов планировали выдвигать общих. Несмотря на это, в предвыборных бюллетенях венгерских имен было крайне мало, а большинство венгерских кандидатов под тем или иным предлогом не включались в списки. Вследствие правонарушений, целью которых было обеспечить конституционное большинство в национальном собрании Либеральной партии, в марте 1922 г. в палату представителей и сенат прошло по 3 венгра (с учетом пропорциональной доли венгерского населения их должно было быть 25–30 человек). 12 февраля 1922 г., после объявления выборов в Коложваре была создана Венгерская национальная партия, которую сначала возглавил епископ унитарной церкви Йожеф Ференц, а затем – Эмиль Гранпьер. На выборах 6–7 марта 1922 г. в парламент прошел всего один венгерский депутат – Дёрдь Бернади. На выборах в сенат мандаты получили Иштван Пал и Бела Фюлёп. В результате дополнительного раунда в палату представителей прошли Йожеф Шандор и Тибор Зима, а в сенат – Шамуэль Йошика. После того, как осенью 1922 г. Венгерскому союзу было вновь отказано в праве продолжить работу, в декабре 1922 г. лидеры двух направлений создали совместную политическую партию под названием Центральная венгерская партия (ЦВП), программа которой, по сути, повторяла программу Венгерского союза, что помогло предотвратить создание румынскими политиками организаций от имени венгров. 28 декабря 1922 г. в Коложваре Венгерская народная партия и Национальная партия объединились, сформировав Центральную венгерскую партию. Ее председателем стал барон Шамуэль Йошика, исполнительным вице-председателем – Густав Халлер, секретарем – д-р Иштван Налаци [26].

Поскольку меньшинствам не была предоставлена установленная законом коллективная автономия, интеграцией в политическую жизнь Великой Румынии для них было участие в партиях, которые представляют их интересы самостоятельно. ЦВП также должна была определить отношение венгерского меньшинства к Венгрии, от чего зависело, каким образом оно адаптируется к новым условиям. Кроме того, партия могла функционировать лишь при материальной и организационной поддержке венгерского правительства. Без такой поддержки была бы невозможна работа не только ЦВП, но и всех организаций венгерского меньшинства, не в последнюю очередь потому, что целый ряд правительственных мер: земельная реформа, невыгодный обмен венгерской кроны на лей, потери при возврате военных займов и насильственное введение румынского капитала в предпринимательскую сферу – нанес венграм столь ощутимый материальный ущерб, что компенсировать его на первых порах можно было лишь с помощью субсидий из Будапешта.

В 1920-х годах в рамках так называемой Восточной кампании венгерское правительство направляло школам, церковным организациям, газетам и, конечно, Центральной венгерской партии внушительные суммы, используя для этого тайные каналы. За проведение Восточной кампании отвечала близкая к правительству структура под названием «Народное литературное общество», среди руководителей которой были и бывшие участники Трансильванского союза [13, sz. 321–403]. Они – совершенно справедливо – считали себя не только проводниками финансовых потоков, но и ответственными за формирование политики меньшинства. По этой причине представители общества стремились влиять на деятельность

[1] 5 июня 1921 г. на народном собрании в Банффихуняде была создана Венгерская народная партия. Главой партии стал Лайош Албрехт, секретарем – Карой Кош. 6 июля 1921 г. в большом зале теологической академии Коложвара состоялось общее организационное собрание Венгерского Союза. Председателем был избран барон Шамуэль Йошка, зампредседателя – Густав Халлер, секретарем – Карой Кош. Деятельность Союза была приостановлена 30 октября префектом Коложвара. 47. c. 9–38.

ЦВП. Ключевым моментом они считали организацию общества, поскольку сохранение культуры и национального самосознания могли создать правовую основу и возможность для реванша в будущем.

В сфере румынской политики естественным союзником ЦВП, которой не чужда была идея автономии Трансильвании, была Румынская национальная партия с ее четкой региональной направленностью. Однако Юлиу Маниу с соратниками настаивали на продолжении земельной реформы, что было неприемлемо для венгерских землевладельцев и организационных структур и делало сотрудничество практически невозможным. К тому же, РНП не прошла в парламент и в 1925 г. объединилась с Царанистской партией первоначальной Румынии, лидером которой был Ион Михалаке, под названием Национал-царанистской партии. Однако внутри новой партии совершенно не было единства, впрочем, идею расширения земельной реформы она продолжала настойчиво продвигать [20].

Перед созданием Национал-царанистской партии главным политическим конкурентом либералов была Народная партия генерала Александру Авереску. Она распустила трансильванский Руководящий Консилиум в 1920 г. и организовала присоединение Трансильвании к Великой Румынии. Однако план децентрализации ей реализовать не удалось, и в 1922 г. в правительство вновь пришли либералы, а Авереску и его главный соратник Октавиан Гога занялись поиском политических союзников. Венгерские связи Гоги способствовали подписанию Народной партией и ЦВП в 1923 г. так называемого «Чучского пакта». В пакт входил ряд договоренностей: о совместном выдвижении кандидатов на выборах и признании Авереску лидером ЦВП в обмен на решение правлением Народной партии проблемы с ущемлением прав венгров [13, sz. 122–126].

Нельзя не отметить, что в ЦВП не все поддерживали сближение с Народной партией. Бывший депутат парламента, губернатор Марошвашархея и главный ишпан Дёрдь Бернади, с самого начала установивший добрые отношения с либеральной элитой Бухареста, был сторонником соглашения не с Народной партией, а с либералами. С учетом того, что «Чучский пакт» был секретным и скрывался даже от членов партии, для сторонних наблюдателей этот конфликт выглядел как смута, интриги и предательства. От имени либералов переговоры о сотрудничестве вел госсекретарь по внутренним делам, а впоследствии – премьер-министр Георге Татареску, который потребовал, чтобы ЦВП, так сказать, избавилась от старого, феодально-олигархического руководства. Руководство ЦВП сменилось: сначала партию возглавил барон Шаму Йошика, затем, после его смерти в 1923 г. – Иштван Угрон, однако союз с либералами не оправдал надежд. В 1926 г. либеральный кабинет Брэтиану подал в отставку, а новое правительство сформировал Авереску. Председатель ЦВП Иштван Угрон ушел со своего поста, и его, сначала на временной, а затем на постоянной основе, занял граф Дёрдь Бетлен [10; 13, sz. 128–162].

Сила в единстве? Политика меньшинства и организация общества

Для политики 1920-х было характерно, что политические элиты то и дело менялись местами. Возможность использовать государственные ресурсы для собственных целей представилась сначала «Руководящему Консилуму» (рум. «Консилиул Диригент») из румын Трансильвании и Баншага, а также подчинявшейся консилиуму администрации, затем, после роспуска консилиума весной 1920-го г. – правительству единой Великой Румынии, то есть авторам программы создания румынской нации. Их цели мало чем отличались от политики, которую до 1918 г. в течение двух десятилетий проводила Венгрия.

Великую Румынию, собранную из разнокалиберных деталей (первоначальной Румынии, Баншага, Марамароша, Трансильвании, Буковины, Бессарабии и Южной Добруджи), предстояло сделать унифицированным национальным государством по образцу централизованного французского государства, а не габсбургской монархии. Это было не по душе большей части трансильванско-румынской элиты, долгое время отдававшей предпочтение федерализму, в том числе потому, что формировать нацию в централизованном государстве должна была политическая элита изначальной Румынии, а не румын вообще [8; 17, sz. 53–100].

После 1918 г. приобрела новый смысл программа общественной организации Трансильванского союза, которым руководили ключевые фигуры общественной жизни венгерского меньшинства и политики Будапешта по отношению к нему. В данном случае тот факт, что центр переместился из Будапешта в Бухарест, был не столь важен. Критика небрежного отношения государства к организации общества приобрела новый смысл, поскольку государство, которое ранее поддерживало национальные устремления венгров, стало «вражеским» и более не могло поддерживать формирование нации. Возможно, утверждение о том, что регионально-общественная структура трансильванских венгров была менее совершенной, чем у других этнических групп, противостоявших с помощью самоорганизации, смогли в свое время государственному навязыванию венгерской культуры, было справедливо, но выход все равно был один: организовать диаспору и сформировать единое национальное общество. В этих организационных рамках можно было не только бороться с дискриминацией, но и общаться между собой и существовать в чисто венгерском пространстве.

Данная идея была чрезвычайно популярна среди румынских венгров. Отчасти потому, что между Трансильванским союзом и формировавшейся элитой венгерского меньшинства была тесная личностная и институциональная преемственность [21]. Аналогично мыслили многие из

бывших политиков рабочей партии, которым после смены власти пришлось пересмотреть свои взгляды, в частности, Элемер Якабффи, а также кружок Кароя Коша, бросавший вызов традиционной политической элите, считавшийся у современников левым и придерживавшийся буржуазно-радикальных и национал-демократических взглядов. К тому же этот кружок – не беспочвенно – подозревали в тесных контактах с либеральными левыми эмигрантами – нередко причисляемыми к евреям – которые бежали из Венгрии от контрреволюции и антисемистского насилия [13, sz. 407–408]. Принятию программы по организации общества способствовало и то, что венгерское правительство просило классическую политическую элиту прекратить до подписания мирного договора любую активность, и у политиков появился вынужденный простой, и они бросили силы на развитие общественных отношений.

Отсюда следует, что главным вопросом политики стала организация общества, или формирование нации этнического меньшинства [33]. Это затрагивало, прежде всего, отношения политики и общества и поднимало вопрос о роли и функции политических партий. Кому и как удастся сплотить слабые и разрозненные венгерские общины, противостоящие национальному румынскому государству, в котором они видят только врага?

Будапешт и тяготеющая к нему политическая элита венгерского меньшинства с самого начала старались выступать единым фронтом, не желая до подписания мирного договора легитимировать своим участием то, что они считали неправомочно свершившимся фактом. Однако после подписания мирного договора инициативу взял в свои руки кружок Кароя Коша, а не эта группа. Их ставший классикой памфлет «Киалто со!» («Воззвание!») не просто призывала оказавшихся в меньшинстве венгров принять новую ситуацию и выполнять гражданский долг, способствуя созданию демократической Румынии [34]. Ключевой в их программе была перспектива создания Трансильвании с местным управлением, которая станет общим домом для всех населяющих ее народов, что было основано на убеждении, что общая история трех титульных народов Трансильвании: румын, венгров и немцев – создала и общую культуру, которая связывает их друг с другом крепче, чем с национальными центрами.

Многое объясняет знакомство с биографией авторов программы. Паал и Загони входили в упомянутый выше Трансильванский союз, причем Паал, будучи во время смены государственной принадлежности трансильванских земель помощником ишпана комитата Удвархей, разработал на досуге проект Трансильванской республики. То есть идея отделения от Венгрии не была совершенно новой. Кроме того, Паал был приверженцем буржуазного радикализма и левых идей, аналогичная репутация была и у газеты «Келети уйшаг» («Восточная газета»), главным редактором которой он являлся. Неслучайно эта газета притягивала к себе писателей и интеллигенцию, для которых на первом месте стоял общественный прогресс и отмена неравенства, а в трансильванско-венгерской политической элите они видели представителей старого, феодально-олигархического режима [28, sz. 119–123].

Процветанию кружка Коша во многом поспособствовала общественная позиция его членов. Они предлагали заменить старый режим с феодальным душком, а также господство земельных магнатов и политических организаций на современный, демократический строй, способствующий политической эмансипации рабочего класса и крестьянства, а также адаптирующийся к структуре национального государства, основой для чего, по их мнению, была история и демократический дух Трансильвании.

Эта идея, получившая название «трансильванизм» [55], противостояла воззрениям близкой к Будапешту группы элит, которая только начала формироваться: с ее точки зрения трансильванизм со своей антиэлитарностью был опасно близок к левым. Группа элит планировала организовать общество путем сплочения уже имеющихся структур; эту роль должен был взять на себя Венгерский союз, возглавляемый бывшим председателем верхней палаты бароном Шамуэлем Йошикой [13].

Несмотря на то, что периодически две эти группы выступали в качестве союзников, принадлежность к различным станам сохранялась – в различных формах – вплоть до окончания Второй мировой войны. Отношение группы Коша со старой элитой, отказ от представленных группой реформ, лишние с ее точки зрения демократические элементы в программе объединенной партии, а также тот факт, что в руководстве ЦВП в какой-то момент стали преобладать оппоненты Коша, привело к возобновлению деятельности Народной партии в 1927 г. Кош же опубликовал в 1930 г. книгу «Трансильвания – культурная основа», в которой продолжал развивать идеи трансильванизма, причем зашел так далеко, что принял основной элемент румынского национального мифа. Согласно этому мифу, румыны Трансильвании были потомками римлян, покоривших эти земли в начале II в.

Были, однако, и те, кто остался в партии, например, журналист Миклош Кеннер (псевдоним – Спектатор), и попытался повлиять на ее политику. В 1930-е годы это распространялось на отношение не только к обществу и его внутренней организации, но и к политике Румынии также набиравшим силу в Европе правым радикалам, в первую очередь, нацистской Германии. Поиск пути затронул множество идеологических и политических вопросов. Можно ли надеяться, что Румыния хоть как-то решит вопрос с нарушением прав меньшинств, или ставку следует в принципе делать только на изменение границы? Насколько партия и венгерское меньшинство могут сблизиться с либералами и левыми, и стоит ли [27; 29]? В процессе поиска ответов родилось немало – не получивших воплощения – решений: от создания союза малых народов Дуная до автономии Трансильвании.

С этой точки зрения, деятельность партии подвергалась критике со стороны не только Коша и его соратников, но и Будапешта. Политические эксперты из канцелярии премьер-министра, а также «аксакал» в вопросах политики меньшинств Янчо Бенедек (в период нахождения у власти Дёрдя Банффи в 1895–1899 гг.) открыли отдел по делам национальной политики при канцелярии премьер-министра. Он считался экспертом по румынскому вопросу, что доказывает его исследование об истории ирредентистских движениях, опубликованное в 1920 г., в котором он скептически относился к неудачным попыткам партии организовать общество. Янчо в первую очередь обращался к организации немцев и румын в эпоху дуализма. (Правда, его представления были сильно идеализированы.) Янчо сравнивал с ней черепашьи темпы организации ЦВП, по мнению Янчо, черепашьими темпами, постепенное сворачивание обучения на венгерском языке, трудности банков с венгерским руководством, постоянно просящих поддержки у Будапешта, и мучительное существование организаций, материально пострадавших от аграрной реформы. Янчо считал, что национальные движения немцев и румын в период дуализма – прекрасный пример того, как разумная организация и использование ресурсов на благо общины, а также готовность отдельных личностей на жертвы способствуют преодолению материальных трудностей и изысканию ресурсов для сохранения культуры в широком смысле, которая необходима для сохранения нации. Он считал, что так должны поступать и организации венгерского меньшинства, которые до сих пор терпели одни поражения [13, sz. 260–262, 360–369.]

Янчо полагал, что организовать общественность, по крайней мере, до той поры, пока политики не придут в себя, способна такая массовая организация, как Католический народный союз. Поэтому он убеждал средний класс Коложвара заняться целенаправленным исследованием положения венгерского меньшинства и постепенно организовывать общественность, исходя из результатов. Он лично давал коложварским коллегам советы по подготовке и содержанию рабочего плана и старался контролировать его реализацию. В то время, как в авангарде партии один кризис сменялся другим – о чем пойдет речь ниже [11; 13] – в ее арьегарде менее публичные персоны приступили к социологическому исследованию. Лайош Дёрдь подготовил записку о задачах венгерской науки, Домокош Дяллаи Пап побывал в экспедиции в Надьсебене и Молдве, а Иштван Шуёк выступил с предложением провести глобальное исследование общества [42, 65-68 f.; 43, sz. 51-64; 13, sz. 360–369]. Так родились сначала идея, а затем и план создания «Трансильванской венгерской энциклопедии» под редакцией Шуёка и Ласло Фритца, в которой, по сути, излагались результаты исследования состояния общества. Все это способствовало завершению политического кризиса и избранием председателем ЦВП Дёрдя Бетлена в 1926 г., после чего партия относительно стабильно функционировала в течение десятилетия.

Итоги организации общественности были, тем не менее, противоречивыми. Организационная работа велась по старинке. Несмотря на то, что внутри партии действовали профильные политические подразделения, структура местных организаций не позволяла реализовывать планы и программы. Хотя руководство ЦВП имело влияние на образовательную политику, ведущую роль здесь играли церкви, имевшие на своем содержании школы, а также Межконфессиональная совещательная комиссия, координировавшая их деятельность.

Партия продолжала работать по-прежнему: лидеры в центре и регионах руководили организацией венгерского меньшинства и таким образом пытались сплотить общественность конкретных регионов. Возглавлявший партию Дёрдь Бетлен был одновременно председателем самой крупной структуры аграриев – Экономического союза трансильванских венгров. Вице-председатель ЦВП Эдэн Инцеди-Йокшманн возглавлял Песенный союз, Элемер Дярфаш – Банковский синдикат и Католический статус (являясь мирянином). Прихожанин реформатской церкви Бетлен был также главным попечителем реформатского округа Трансильвании. Правда, этот пост ему приходилось делить со своим соперником, вернушвимся из Венгрии бывшим министром иностранных дел графом Миклошем Банффи. Банффи – ранее исполнявший обязанности интенданта будапештского оперного театра – взялся за организацию культурной жизни трансильванских венгров. По его инициативе было создано творческое объединение «Геликон» (1926 г.) и журнал «Эрдеи Хеликон» («Трансильванский Геликон») (1928 г.). «Геликон» сумел привлечь интеллигенцию, недовольную политикой ЦВП, например, Кароя Коша, который принял активное участие в его деятельности. «Геликон» заявил собственную общественную программу, которая – ввиду противостояния Банффи и Бетлена – отражала позицию Трансильванского союза и Коша с соратниками и опосредованным образом критиковала ЦВП [13, sz. 415–416; 55.] Однако политическая и общественная позиция Бетлена была на тот момент непоколебима.

Итоги и перспективы

В данной статье мы постарались продемонстрировать, что – с учетом адаптации к новым условиям, политической тактики партий и политики Румынии по отношению к меньшинствам – в истории венгерского меньшинства Румынии межвоенного периода можно выделить несколько этапов.

С 1918 по 1922 г., в эпоху Руководящего Консилиума в Надьсебени, первого правительства Вайда-Воеводы и первого правительства Авереску, были осуществлены передача всех институтов, изоляция венгерского чиновничьего класса и аграрная реформа, ослабившая позиции венгерских землевладельцев. Руководящий Конси-

лиуем, находившийся под сильным влиянием Румынской национальной партии Трансильвании, взял за основу методы национальной политики Венгрии до 1918 г.: образование планировалось передать в ведение религиозных конфессий, а национальной самоорганизации всячески препятствовать. Следующие, либеральные правительства Иона К. Брэтиану исходили из того, что венгры могут реализовывать свои политические права в индивидуальном порядке, в рамках сложившейся политической структуры Румынии [19; 32]. Однако в этом не удалось убедить немцев, обладавших в национальной политике большим опытом, и по-прежнему многочисленную венгерскую буржуазию, проживавшую в городах.

С 1922 по 1926 г., в период главенства либеральной партии, применялась стратегия создания гомогенного национального государства, причем интеграционная модель Юлиу Маниу проиграла дискриминационной модели Иона и Винтилы Брэтиану [9]. Дискриминационная стратегия проявилась в национализации венгерских промышленных предприятий и финансовых учреждений, а также систематическом притеснении небольших венгерских банков и мелких производств. С другой стороны, она насаждалась в образовательной политике министром Ангелеску (закон о частном образовании, система бакалавриата, культурная зона и пр.), а также путем ограничения прав на использование языка и местное самоуправление.

Третий этап, период правления Национал-царанистской партии и Маниу с 1927 по 1931 г., был довольно спокойным и благополучным. Имела место попытка обеспечить равноправие венгерского меньшинства, например, был решен вопрос с пенсиями для чиновников, которые не приносили клятву королю, но из-за партийной конкуренции и всеобщей враждебности по отношению к меньшинствам это удавалось с трудом [1; 2; 21; 47].

1931 – 1934 г. был этапом экономического кризиса. Венгры не получали от правительства никакой помощи, поэтому потеряли и то, что приобрели в благополучные годы. В этот момент на рынке труда появилось поколение румынского рабочего класса и чиновничества, появившееся благодаря национальной политике Румынии в области школьного обучения в двадцатые годы. Позиции венгров пошатнулись еще сильнее [58.]

На пятом этапе, с 1934 по 1938 г., стали возникать антиреваншистские движения. В ответ на изменение международной обстановки и реваншинсткие планы Венгрии румынское правительства начало рассматривать венгерское меньшинство, как с заложника [49]. Возможность экономической деятельности и использования языка для венгров была сведена к минимуму или полностью блокирована.

С 1938 по 1940 г. для защиты от реваншистких намерений, реализация которых на международной арене становилась все реальнее, применялось три способа. Бухаресткое правительство стремилось доказать зарубежным державам, что вопрос меньшинств решается в правовом поле, поэтому был принят Статут о меньшинствах [46]. При этом продолжали применяться дискриминативные меры в области трудового права, использования языка и экономики. В то же время единственной, разрешенной королевской диктатурой политической организацией был Фронт национального возрождения, венгерское подразделение которого, Венгерский народный союз, многое сделал для формирования и организации венгерской общественности [40, sz. 99].

Перечень географических наименований

Города, деревни

Арад (венг. Arad) ныне в Румынии (рум. Arad)

Банффихуняд (венг. Bánffyhunyad) ныне в Румынии (рум. Huedin)

Брашшо (венг. Brassó) ныне в Румынии (рум. Braşov)

Дьюлафехервар (венг. Gyulafehérvár) ныне в Румынии (рум. Alba Iulia)

Зилах (венг. Zilah) ныне в Румынии (рум. Zalău)

Кашша (венг. Kassa) ныне в Словакии (слов. Košice)

Коложвар (венг. Kolozsvár) ныне в Румынии (рум. Cluj)

Марамарошсигет (венг. Máramarossziget) ныне в Румынии (рум. Sighet)

Марошвашархей (венг. Marosvásárhely) ныне в Румынии (рум. Târgu Mureş)

Надьбаня (венг. Nagybánya) ныне в Румынии (рум. Baia Mare)

Надьварад (венг. Nagyvárad) ныне в Румынии (рум. Oradea)

Надьсебен (венг. Nagyszeben) ныне в Румынии (рум. Sibiu)

Пожонь (венг. Pozsony) ныне в Словакии (слов. Bratislava)

Сатмарнемети (венг. Szatmárnémeti) ныне в Румынии (рум. Satu Mare)

Секейудвархей (венг. Székelyudvarhely) ныне в Румынии (рум. Odorheiu Secuiesc)

Темешвар (венг. Temesvár) ныне в Румынии (рум. Timişoara)

Чуча (венг. Csucsa) ныне в Румынии (рум. Ciucea)

Комитаты (области), регионы

Баншаг (венг. Bánság) ныне в Сербии и Румынии (серб. Банат и рум. Banat)

Бачка (венг. Bácska) ныне в Сербии (серб. Бачка)

Бестерце-Насод (венг. Beszterce-Naszód) ныне в Румынии (рум. Bistriţa-Năsăud)

Бихар (венг. Bihar) ныне в Румынии (рум. Bihor)

Калотасег (венг. Kalotaszeg) ныне в Румынии (рум. Ţara Călatei)

Марамарош (венг. Máramaros) ныне в Румынии (рум. Maramureş)

Марош-Торда (венг. Maros-Torda) ныне в Румынии (рум. Mureş-Turda)

Торда-Аранёш (венг. Torda-Aranyos) ныне в Румынии (рум. Turda-Arieş

Удвархей (венг. Udvarhely) ныне в Румынии (рум. Odorhei)

Харомсек (венг. Háromszék) ныне в Румынии (рум. Trei Scăune)

Чик (венг. Csík) ныне в Румынии (рум. Ciuc)

Реки

Гарам (венг. Garam) ныне в Словакии (слов. Hron)

Киш-Кюкюллэ (венг. Kis-Küküllő) ныне в Румынии (рум. Târnava Mică)

Кэрэш (венг. Körös) ныне в Венгрии и Румынии (рум. Criş)

Марош (венг. Maros) ныне в Венгрии и Румынии (рум. Mureş)

Надь- Кюкюллэ (венг. Nagy-Küküllő) ныне в Румынии (рум. Târnava Mare)

Надь-Самош (венг. Nagy-Szamos) ныне в Румынии (рум. Someşul Mare)

Источники и литература

1. A Maniu-kormány pihenőre tért. // Magyar Külpolitika, 1929. 3. sz. P. 11–12.
2. A Maniu-kormány vergődése. // Magyar Külpolitika, 1929. 5. sz. P. 13–14.
3. Adevarul, 2 ноября 1926 г.
4. Arhivele Naționale Istorice Centrale. Fond Vaida Voevod, dosar 59.
5. Arhivele Naționale Istorice Centrale. Consiliul Dirigent Administrația Județeană și Comunală dosar 25/1925
6. Arhivele Naționale Istorice Centrale. Direcția Generală a Poliției dosar 14/1919
7. Arhivele Naționale Secția Județeană Timiș. Fond 223. Prefectură Județului Severin. Dosar 47/1920
8. Balogh, Béni L.: Alexandru Vaida-Voevod és a magyar-román együttélés. // Horváth Jenő– Pritz Pál (szerk.): Emlékirat és történelem. A VII. Hungarológiai Kongresszus (Kolosvár, Cluj-Napoca, 2011. augusztus 22–27.) azonos című paneljének anyaga. Magyar Történelmi Társulat–Nemzetközi Magyarságtudományi Társaság, Budapest, 2012. P. 60–81.
9. Bárdi Nándor – Wéber Péter: Kisebbségben és többségben. Iuliu Maniu nézőpontjai. Limes 34. 1998. P. 243–256.
10. Bárdi Nándor: Az erdélyi magyar (és regionális) érdekek megjelenítése az 1910-es években. Az Erdélyi Szövetség programváltozatai // Magyar Kisebbség, 2003 № 2–3. P. 93–105.
11. Bárdi Nándor: Az ismeretlen vízmosás és a régi országút. Stratégiai útkeresés a romániai Országos Magyar Pártban 1923–1924 // Fedinec Csilla–Bárdi Nándor (szerk.): Etnopolitika. A magánérdek és közérdek viszonya Közép- és Kelet-Európában. Teleki László Alapítvány, Budapest. 2003. P. 153–195.
12. Bárdi Nándor: Impériumváltás Székelyudvarhelyen 1918–1920 // Aetas, 1993. 3. sz. P. 76–120.
13. Bárdi Nándor: Otthon és haza. Csíkszereda, 2013.
14. Bárdi, Nándor: „Action Osten". Die Unterstützung der ungarischen Institutionen in Rumanien durch das Mutterland Ungarn in den 1920er Jahren // Ungarn-Jahrbuch 23. 1997. P. 328–337.
15. Berecz, Ágoston: The Politics of Early Language Teaching. Hungarian in the primary schools of the late Dual Monarchy. Budapest, CEU, Pasts Inc. 2012.
16. Bethlen István: Válogatott beszédek. Budapest: Osiris, 2000.
17. Boia, Lucian: Cum s-a românizat România? București, Humanitas, 2015.
18. Boros Zsuzsanna–Szabó Dániel: Parlamentarizmus Magyarországon (1867–1944). Budapest: ELTE Eötvös Kiadó, 2009.
19. Botos János: A brătianizmus // Magyar Kisebbség, 1928. 3. sz. P. 88–94., 4. sz. P. 132–138.
20. Ciuperca, Ion: Opoziția și putere in România in anii 1922–1926. Iași: Universităţi „Al. I. Cuza", 1992.
21. D-l Iuliu Maniu despre problema minorităţilor. [A kormány tevékenységének, terveinek ismertetése 1930. január 19-én] // Glasul Minorităţilor, 1930. 1. sz. P. 2–4.
22. Egry Gábor: Közvetlen demokrácia, nemzeti forradalom. Hatalomváltás, átmenet és a helyi nemzeti tanácsok Erdélyben, 1918–1919 // Múltunk, 2010. 3. sz. P. 92–108.
23. Egry Gábor: Regionalizmus, erdélyiség, szupremácia. Az Erdélyi Szövetség és Erdély jövője, 1913–1918 // Századok, 2013. 1. sz. P. 4-34.
24. Egry, Gábor: Minority Elite, Continuity, and Identity Politics in Northern Transylvania. The Case of the Transylvanian Party // Karády, Viktor–Török, Zsuzsanna Borbála (eds): Cultural Dimensions of Elite Formation in Transylvania 1770–1950. EDRC, Cluj-Napoca, 2007. P. 186–215.
25. Gidó, Attila: School Market and the Educational Institutions in Tranylvania Partium and Banat between 1919 and 1948. ISPMN Working Papers. Cluj-Napoca ISPMN, 2011.
26. Grandpierre Emil: Az erdélyi magyarság politikai küzdelmei az egységes magyar párt megalakulásáig // Magyar Szemle, 1928. 10. sz. P. 130–136.
27. György Béla: Reformmozgalom a romániai Országos Magyar Pártban (1926–1927). // Magyar Kisebbség, 2003. 1. sz.
28. Horváth Sz. Ferenc: Utak. tévutak, zsákutcák. Paál Árpád két világháború közti politikai nézeteiről. In: Balázs Ablonczy – Csilla Fedinecz (szerk.): Folyamatok a változásban. A hatalomváltások társadalmi hatásai Közép-Európában a XX. században. TLA, Budapest, 2005. P. 117-160.
29. Horváth Szabolcs Ferenc: A romániai Országos Magyar Párt viszonya a jobboldali áramlatokhoz // Magyar Kisebbség, 2003. 2–3. sz. P. 368–386.
30. Horváth, Sz. Ferenc: Elutasítás és alkalmazkodás között. A romániai magyar kisebbségi elit politikai stratégiái (1931–1940). Csíkszereda, Pro Print, 2007.
31. Iudean, Ovidiu Emil: Between National Solidarity and Local Interests. The Pro-governmental Political Orientation of the Romanians in Hungary (the End of the 19th Century the Beginning of the 20th Century) // Bratanis, K. et al (eds), 2012, Infusing Reserach and Knowledge in South East Europe. 7th Annual South East European Doctoral Student Conference. Thessaloniki, South East European Reserach Center, 2002. P. 873–887.

32. Jakabffy Elemér: Brătianu és a kisebbségi kérdés // Magyar Kisebbség, 1925. 7. sz. P. 283–284.
33. Kántor Zoltán: Kisebbségi nemzetépítés. A romániai magyarság mint nemzetépítõ kisebbség. Regio, 2003. 3. sz. P. 219–241.
34. Kiáltó szó. A magyarság útja. A politikai aktivitás rendszere. Kolozsvár, 1921.
35. Kolar, Othmar: Rumänien und seine nationalen Minderheiten 1918 bis heute. Wien–Köln–Weimar: Böhlau, 1997.
36. Kovács Éva: Államosodás vagy államosítás? Az agrárius mozgalom előretörése a törvényhozásban az 1898-as gazdasági és hitelszövetkezetekről szóló XXIII. törvény kapcsán. Regio, 2000. 2. sz. P. 113–139.
37. Lege asupra Unirei Transilvaniei, Banatuliui, Crişanei, Sătmarului şi Maramureşului cu Vechiul Regat al României // Monitorul Oficial, 1918. december 11.
38. Lengyel, Zsolt K.: A Keleti-Svájc és Erdély 1918/1919. A nagyromán állameszme magyar alternatíváinak történetéhez. Regio, 1992. 1. sz. P. 77–88.
39. Livezeanu, Irina: Cultural Politics in Greater Romania: Regionalism, Nation Building, and Ethnic Struggle, 1918-1930. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2000.
40. Maár István: A Magyar Népközösség 1938–1940. Kézirat, OSZK Kézirattár, Fond 625/2789. 99.
41. Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára. K 40, 1918–XVIII–308.
42. Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára. K 437, 1924-1-380
43. Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára. K 437, 1927. 2. t. 8. cs.
44. Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára. K 437, 1927. 2. t. 8. cs.
45. Maner, Hans-Christian: Parlamentarismus im Rumänien (1930–1940). Demokratie im autoritären Umfeld. München: Oldenbourg, 1997.
46. Maner, Hans-Christian; Multikonfessionalität und neue Staatlichkeit Orthodoxe, griechisch-katholische und römisch-katholische Kirche in Siebenbürgen und Altrumänien zwischen den Weltkriegen (1918–1940). Hablitationsschrift zur Erlangung des akademischen Grades Dr. phil. habil. der Fakultät für Geschichte, Kunst- und Orientswissenschaften. Manuscript.
47. Maniu kormányon // Magyar Külpolitika, 1929. 2. sz. P. 1–2.
48. Maniu, Iuliu: Problema minorităţilor. Bucuresti, Cultura Nationala, 1924, 21. Bárdi, Nándor–Wéber, Péter: Kisebbségben és többségben: Iuliu Maniu kisebbségpolitikai nézőpontjai // Limes, 1998. 4. sz. P. 136–162.
49. Mester Miklós: A román antirevizionista mozgalom ismertetése // Magyar Kisebbség, 1998. 3–4. sz. P. 162–172.
50. Mikó Imre: A román kisebbségi statútum // Hitel, 1938. 3. sz. P. 177–192.
51. Mikó Imre: Huszonkét év. Az erdélyi magyarság politikai története. Budapest, 1941.
52. Nagy Lajos: A kisebbségek alkotmányjogi helyzete Nagyromániában. Kolozsvár, Erdélyi Tudományos Intézet, 1944.
53. Ormos, Mária: From Padua to Trianon, 1918–1920. New York, 1982.
54. Paál Árpád: Emlékirat a semleges, független székely államról // Magyar Kisebbség, 2003. 2–3. sz. P. 120–133.
55. Pomogáts Béla: Transzilvanizmus. Az Erdélyi Helikon ideológiája. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1983.
56. Puşcariu, Sextil: Problema ardeleană în politica românească. Cluj, 1931.
57. Raffay Ernő: Erdély 1918–1919-ben. Budapest, 1987.
58. Romániai magyar kisebbség helyzetképváltozása 1931. május óta. A Iorga-kormány nemzetiségpolitikája 1931–1932-ben // Magyar Kisebbség, 1932. 13. sz. P. 371–373.
59. Romsics Ignác: Bethlen István. Politikai életrajz 1874–1946. Budapest: Magyarságkutató Intézet, 1991.
60. Romsics Ignác: Magyarország története a XX. században. Budapest: Osiris, 1999.
61. Sanborn, Joshua: Imperial Apocalypse. The Great War and the Destruction of the Russian Empire. Oxford University Press, Oxford – New York, 2014.
62. Sora, Andrei Florin: Servir l'état Roumain, Le corps préfectoral, 1866–1944. Editura Universității din București, Bucureşti, 2011.
63. State, Society an Mobilization in Europe during the First World War. Ed. John Horne, Cambridge – New York: Cambridge University Press, 2002.
64. Szarka László: A méltányos nemzeti elhatárolódás lehetősége 1918 végén. A Jászi-féle nemzetiségi minisztérium tevékenységéről. Regio, 1990. 1. sz. P. 49–65.
65. Szász Zoltán: Az erdélyi román polgárság szerepéről 1918 őszén. Századok, 1972. 2. sz. P. 304–335.
66. Szász Zoltán: Forradalmak és nemzeti mozgalmak a Monarchia összeomlása után (1918–1919) // Erdély története. III. köt. Főszerk. Köpeczi Béla, Akadémiai, Budapest, 1986. P. 1701–1732.
67. Szendrei Ákos: A Román Nemzeti Párt választási szereplése és tevékenysége 1905–1910 // Múltunk, 2006. 2. sz. P. 54–92.
68. Szendrei Ákos: Jelöltek, kerületek, választások. A Román Nemzeti Párt szereplése a képviselő-választásokon (1905, 1906, 1910) // Egry Gábor–Feitl István (szerk.). A Kárpát-medencei népek együttélése a 18–20. században. Budapest: Napvilág, Budapest, 2005. P. 257–275.
69. Universul, 3 ноября 1926 г.
70. Viitorul, 2 ноября 1926 г.
71. Vita Sándor: Tallózás az 1930. évi román népszámlálás köteteiben. Magyar Kisebbség, 2002/4. (оригинал: Hitel, 1940. 1. sz. P. 27-43.) http://jakabffy.ro/magyarkisebbseg/index.php?action=cimek&cikk=m020410.html (Accessed: 14.06.15).
72. Zahorán, Csaba: Nagy-Románia és regionalizmus Sextil Puşcariu cikksorozata az erdélyi kérdésről. Kommentár, 2011. 3. sz. P. 96–104
73. Zahra, Tara: Kidnapped Souls. National Indifference and the Battle for Children in the Bohemian Lands, 1900–1948. Cornell University Press, Ithaca–London, 2008. P. 79–105.

Сведения об авторах

Нандор Барди – ведущий научный сотрудник Института исследования национальных меньшинств Центра общественных наук Венгерской Академии Наук, специалист по истории венгерского национального меньшинства в Румынии / bardinandor@gmail.com

Эгри Габор – доктор Венгерской Академии Наук, генеральный директор Института политической истории в Будапеште, специалист по истории национального вопроса в современной Восточной Европе (Будапешт, Венгрия) / egry.gabor75@gmail.com

Information about the authors

Nándor Bárdi – research fellow of the Research Institute of Ethnical Minorities of the Hungarian Academy of Sciences, studies the history of Hungarian national minority in Romania int he 20th century (Budapest, Hungary) / bardinandor@gmail.com

Egry Gábor – general director of the Institute of Political History in Budapest, studies modern history of ethnical minorities in Eastern Europe (Budapest, Hungary) / egry.gabor75@gmail.com

УДК 9 (С16)

Е. В. Панарина

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ И ФОРМЫ РАБОТЫ ПРОФСОЮЗОВ КУБАНИ И СТАВРОПОЛЬЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматривается организация работы профсоюзов Кубани и Ставрополья в условиях военного времени. Анализируется характер перестройки деятельности профсоюзов с началом Великой Отечественной войны, обращается внимание на усиление централизации системы управления профсоюзами, включения последних в общее дело борьбы с немецко-фашистскими захватчиками. Отмечаются проблемы организации профсоюзной работы, связанные с ослаблением демократических основ профсоюзного движения, нарушением принципов коллегиальности при обсуждении текущих вопросов. Дается оценка последствиям оккупации Кубани и Ставрополья для профсоюзов региона. Освещается процесс восстановления деятельности профсоюзов на территории Краснодарского и Ставропольского краев. Основное внимание уделяется укреплению кадрового состава профсоюзных организаций. Рассматриваются основные формы подготовки профсоюзных работников, приводятся положительные и отрицательные примеры постановки работы в отдельных профсоюзных организациях Кубани и Ставрополья. Подчеркивается роль профсоюзного актива, совмещающего свою трудовую и общественную деятельность. Дается характеристика принимаемым со стороны профсоюзных комитетов мерам по вовлечению в профсоюзы новых членов, а также решению проблемы уплаты членских взносов. Приводится оценка достигнутым к окончанию войны результатам в организационном укреплении профсоюзов Кубани и Ставрополья, расширения их участия в производственной и социальной сферах, повышения их роли в общественной и политической жизни.

Ключевые слова: профсоюзы, перестройка работы, принципы организации, система управления, Кубань, Ставрополье, Великая Отечественная война.

Elena Panarina

ORGANIZATIONAL BASES AND FORMS OF WORK OF KUBAN AND STAVROPOL TRADE UNIONS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article deals with the organization of the work of the trade unions of the Kuban and Stavropol Territories in wartime conditions. The nature of the restructuring of the activities of the trade unions with the beginning of the Great Patriotic War is analyzed, attention is drawn to the strengthening of the centralization of the trade union management system, the inclusion of the latter in the common cause of the struggle against the Nazi invaders. The problems of organizing trade union work associated with the weakening of the democratic foundations of the trade union movement and the violation of the principles of collegiality in discussing current issues are noted. An assessment of the consequences of the occupation of the Kuban and Stavropol Territory for the trade unions of the region is given. The process of restoring the activity of trade unions in the territory of the Krasnodar and Stavropol Territories is highlighted. The main attention is paid to strengthening the staff of trade union organizations. The main forms of training trade union workers are considered, positive and negative examples of work organization in individual trade union organizations of the Kuban and Stavropol Territory are given. The role of a trade union asset combining its labor and social activities is emphasized. The article describes the measures taken by the trade union committees to attract new members to the trade unions, as well as to solve the problem of paying membership dues. The study gives assessment of the results achieved by the end of the war in the organizational strengthening of the Kuban and Stavropol trade unions, the expansion of their participation in the industrial and social spheres, and the increase in their role in public and political life.

Key words: trade unions, restructuring of work, principles of organization, management system, Kuban, Stavropol Territory, World War II.

75-летие Великой Победы активизировало исследовательский интерес к истории Великой Отечественной войны. Наряду с освещением боевых действий большое значение имеет изучение деятельности советского тыла, ставшего надежной опорой для сражающейся армии. В обеспечении этой деятельности важную роль играли общественные организации, среди которых самой крупной являлись профессиональные союзы, в которых находилось более 25,5 млн членов. Их доля в составе работников составляла почти 85% [3, с. 142]. Система управления профсоюзами была направлена на безусловное выполнение распоряжений партийно-государственного руководства и, вместе с тем, позволяла использовать определенные элементы самостоятельности трудовых коллективов в производственной и общественной жизни.

С первых дней войны профсоюзы включились в борьбу с немецко-фашистскими захватчиками. Так, 23 июня 1941 г. пленум ЦК профсоюза работников искусств поставил перед своими членами задачу «честно и вдохновенно работать на своем посту и всемерно крепить боевую мощь Красной Армии и Военно-Морского Флота» [20, с. 190]. На совещании профсоюзного актива Москвы и Московской области 4 июля 1941 г. были определены главные направления деятельности профсоюзов в условиях военного времени [2, с. 15–16].

Этой же цели была посвящена передовица газеты «Правда», в которой обращалось внимание руководителей профсоюзов на необходимость развития энтузиазма трудящихся, оказания поддержки руководителям предприятий в деле подъема производительности труда, выполнении такой важнейшей функции профсоюзных организаций как оказание помощи нуждающимся членам, а также семьям военнослужащих. Было заявлено, что «советские профессиональные союзы помогут всеми средствами делу решительного отпора фашистским ордам, делу беспощадного разгрома врага» [20, с. 205].

Сложившаяся структура профсоюзов, основанная на принципе централизации руководства, позволяла обеспечивать оперативное выполнение первичными профсоюзными организациями распоряжений центральных комитетов отраслевых профсоюзов. Для обеспечения их эффективной работы в условиях военного времени произошло объединение родственных союзов. В результате количество отраслевых профсоюзов сократилось со 188 до 154 [20, с. 245].

В Краснодарском и Ставропольском краях руководящими органами являлись крайкомы отраслевых профсоюзов, с типичной для них организационной структурой. Например, в состав Краснодарского крайкома профсоюза работников начальных и средних школ входили 82 горкома и райкома, 717 местных комитетов и 1765 профгрупп [31, л. 6]. Условия создания местных комитетов и профгрупп определялись действующими нормами в отношении количества входящих в них членов. Например, в государственных учреждениях, начиная с 1943 г. местные комитеты создавались в коллективах, насчитывающих не меньше 12 членов, в противном случае создавались профгруппы [13, л. 17].

Отличительной особенностью деятельности профсоюзов в условиях войны стало усиление администрирования, что в свою очередь повлекло за собой ослабление демократического потенциала профсоюзных организаций. Однако и в условиях войны этот потенциал продолжал действовать, что приносило пользу при решении вопросов хозяйственного и общественного характера. В связи с этим, можно поддержать утверждение В. А. Ежова о том, что в годы войны проявляла себя производственная демократия, под которой автор подразумевал деятельность производственных совещаний, работавших под эгидой профсоюзов [17, с. 445].

Кроме того, рамки проявления демократического потенциала профсоюзов расширялись или ссужались под влиянием обстановки военного времени. С учетом такого подхода по отношению к исследуемому региону можно использовать следующую периодизацию: доокупационный период (июнь 1941 г. – июль 1942 г.) и послеокупационный период (февраль 1943 г. - май 1945 г.).

Для дооккупационного периода было свойственно нарастание администрирования в деятельности профсоюзов Кубани и Ставрополья. Такая ситуация была характерна для всех общественных организаций, работающих в условиях введения 23 июня в Северо-Кавказском военном округе военного положения. Начальники гарнизонов должны были «взять на себя все функции органов государственной власти…» [19, с. 24].

Такие же чрезвычайные полномочия получили созданные в регионе в соответствие с постановлением ГКО от 22 октября городские комитеты обороны. Распоряжения этих органов становились обязательными для всех общественных организаций, в том числе и профсоюзных [19, с. 103]. Одновременно усилился и партийный контроль, который предусматривал непосредственное управление профсоюзами со стороны партийных комитетов и повышение исполнительской дисциплины профсоюзных работников.

На уровне первичных профсоюзных организаций фактически прекращается коллегиальное обсуждение вопросов, перестают проводится собрания, а текущие вопросы решаются представителями профкомов. При этом заседания последних также становятся редкими, зачастую решения принимались непосредственно председателями профкомов или в лучшем случае путем опроса отдельных его членов.

В послеоккупационный период эти явления постепенно преодолевались. Процесс восстановления деятельности профсоюзных организаций в Краснодарском и Ставропольском краях активизировался после принятия 21 июня 1943 г. постановления Секретариата ВЦСПС «О восстановлении профсоюзных организаций в освобожденных от немецких оккупантов районах». Следует отметить, что до войны на территориях, попавших под оккупацию, проживало более 40% всех членов профсоюзов и насчитывалось несколько тысяч профсоюзных организаций [23]. Весь этот огромный потенциал вновь включился в работу после окончания оккупации, в том числе на Кубани и Ставрополье.

Краевые партийные комитеты руководили процессом восстановления профсоюзных организаций. Так, в соответствие с решением Ставропольского крайкома ВКП(б) 17 сентября 1943 г. состоялось собрание профсоюзного актива края с повесткой дня: «Задачи профсоюзов в военное время». На нем были определены основные направления работы профсоюзных организаций с учетом необходимости участия в восстановлении экономики и оказании помощи фронту [12, л. 119–120].

Несмотря на определенное ослабление партийного контроля, в целом порядок подотчетности профсоюзных организаций перед вышестоящими партийными органами остался прежним. Об этом, в частности, свидетельствуют решения состоявшегося в ноябре 1943 г. пленума Ставропольского краевого комитета ВКП(б), в соответствие с которым партийные комитеты различных уровней должны были обеспечивать руководство работой профсоюзных организаций [21, л. 52].

Аналогичное решение было принято в октябре 1943 г. Краснодарским крайкомом партии. С одной стороны, оно нацеливало крайкомы профсоюзов на активизацию работы по восстановлению профсоюзных организаций, с другой стороны, обязывало местные парткомы контролировать данный процесс и строго спрашивать с профсоюзных работников за выполнение поставленных задач [28, л. 1].

Следует отметить, что уровень исполнительской дисциплины большинства председателей профкомов и других профсоюзных работников был достаточно высок, что объяснялось партийной принадлежностью многих из них. Поэтому, складывалась ситуация, когда профсоюзные руководители несли двойную ответственность: перед вышестоящими профсоюзными органами и партийными комитетами. Типичной картиной этого времени являлось участие профсоюзных руководителей в деятельности парткомов и наоборот, участие членов парткомов в заседаниях профкомов и различных профсоюзных собраниях [22, л. 305].

Представители парткомов регулярно контролировали работу профсоюзных организаций, добиваясь безусловного выполнения партийных директив. Например, в апреле 1945 г. с целью обеспечения такого контроля со стороны Армавирского горкома партии была проведена проверка работы профкомов на предприятиях города. По ее результатам были установлены нарушения в работе местных комитетов стройуправления №3 и промкомбината. Главной причиной такой ситуации было определено ненадлежащее руководство профсоюзной работой некоторых председателей профкомов, которые были освобождены от занимаемой должности. Такие решения в духе обеспечения персональной ответственности руководителей были типичными для партийных органов [26, л. 9].

Серьезные проблемы для организации работы профсоюзов Кубани и Ставрополья возникли после окончания оккупации. Одной из них являлось отсутствие необходимой материальной базы, прежде всего помещений для размещения профкомов, инвентаря, оборудования, письменных принадлежностей и т.п. Например, председатель Краснодарского крайкома союза работников местной промышленности Побрус, решая задачу возобновления работы крайкома много времени и сил потратил на приведение в порядок помещения, а также возврат пропавшего профсоюзного имущества [4, л. 41].

Организации нормальной работы профкомов мешали такие типичные для военного времени проблемы, как перебои в электроснабжении, отсутствие достаточного количества топлива, что делало зачастую невозможным пребывание работников профкомов на своих местах в зимние месяцы. Наряду с объективными причинами военных лет наладить нормальную работу профкомов мешало отсутствие инициативы председателей, которые ждали решения организационных вопросов от вышестоящего начальства. Условия же восстановительного периода, напротив, требовали от руководителей проявления смекалки и неординарных решений.

Во многом такая ситуация объяснялась острым дефицитом подготовленных профсоюзных кадров. Большая часть профсоюзных работников, особенно из числа мужчин, ушла на фронт. На Северном Кавказе обострение кадровой ситуации было также связано с последствиями оккупации. Например, в совхозе «Кубань» оккупанты расстреляли 48 работников, в том числе весь профсоюзный актив во главе с председателем [25, с. 209].

Вместо выбывших руководителей во главе профкомов чаще всего вставали представители женского актива и инвалиды войны, не имеющие практического опыта руководства. Кроме того, такие неравноценные замены не приводили к полному восстановлению штатов профкомов, в том числе на уровне руководства союзами. Так, в Ставропольском крайкоме профсоюзов Медсантруда Юга работало лишь три человека, тогда как по штатному расписанию требовалось девять [11, л. 54], а в Ставропольском крайкоме профсоюза рабочих местной промышленности на освобожденной основе работал только председатель [10, л. 41].

Отмеченные трудности в работе, тем не менее, не стали препятствием на пути восстановления профсоюзных организаций. В этих целях краевые органы профсоюзов осуществляли непосредственный контакт с местными комитетами и помогали им в решении повседневных проблем. Необходимый в таких условиях инструктаж давался председателям месткомов на проводимых совещаниях, а также во время плановых проверок их работы. Результаты этой деятельности были различными в зависимости от постановки дела в руководящих профсоюзных органах. В качестве примера должной организации работы можно привести Ставропольский крайком профсоюза работников связи, под руководством которого на предприятиях и в учреждениях была успешно проведена выборная кампания в месткомы и налажена регулярная отчетность [15, л. 9].

Большое значение в обеспечении должного уровня работы имела степень ответственности и организаторские способности руководителей профкомов. В качестве примера можно привести председателя Краснодарского крайкома профсоюзов рабочих и служащих шоссейного и гидротехнического строительства Александру Дмитриевну

Руденко. Встав во главе крайкома вскоре после освобождения Кубани, она сумела в короткое время восстановить деятельность месткомов и обеспечить организацию соревнования среди членов союза [9, л. 11].

Наряду с такими положительными примерами среди руководителей профкомов были и те, кто не справлялся с порученным делом. Так, в результате одной из проверок Краснодарского горкома партии деятельности профорганизаций работников коммунальных организаций выявилось, что краевой комитет союза недостаточно внимания уделял руководству местными комитетами. Это привело к тому, что в ряде организаций перестали созываться профсоюзные собрания, была нарушена отчетность и финансовая дисциплина [29, л. 3].

В самих месткомах результаты в работе также зависели от отношения их членов к исполнению своих общественных обязанностей. Положительным примером в Ставропольском крае может быть результативная работа местных комитетов профсоюза работников жилищного хозяйства г. Ставрополя и станицы Георгиевской [16, л. 24]. Между тем в работе профсоюзной организации Водораздельной МТС Курсавского района проявлялась безответственность. В результате здесь не проводились производственные совещания, не была налажена организация соревнования, что отразилось на снижении показателей трудовой деятельности [16, л. 14]. Подобные факты были обнаружены при проверке работы месткомов в государственных учреждениях. В 11 из них наблюдалась частая смена состав, что не способствовало созданию нормальных условий работы [9, л. 11].

Такая ситуация была довольно типичной для военного времени. Это повлекло за собой частые отступления профсоюзных организаций от уставных требований при выборах местных комитетов. Еще в начале войны 31 июля 1941 г. Секретариат ВЦСПС упростил процедуру данных выборов в профкомах, чьи председатели были призваны в ряды воюющей армии. В таких случаях разрешалось избирать председателей без созыва собрания прямо на заседаниях профкома. Допускалось также назначение на эти должности людей, не являвшихся членами профкомов [20, с. 198 – 199]. Случалось, и так, что партийные органы назначали председателей профкомов, игнорируя процедуру выборов.

По мере улучшения военно-политической обстановки демократический характер выборов профсоюзных руководителей постепенно восстанавливался. В соответствие с принятым в мае 1942 г. решением Секретариата ВЦСПС в первичных профсоюзных организациях должны были проведены выборы профкомов на профсоюзных конференциях путем тайного голосования [20, с. 212]. В состав профкомов как правило выбирали представителей профсоюзного актива из числа женщин. В последние годы войны во главе профкомов часто становились демобилизованные военнослужащие, а также инвалиды войны.

С целью повышения квалификации и переподготовке новых профсоюзных работников была организована профсоюзная учеба. Она предусматривала проведение курсов-семинаров, инструктивных совещаний и других форм учебы. Так, руководство Краснодарского крайкома союза Медсантруда Юга летом 1944 г. провело два специальных семинара для профсоюзного актива госпиталей Сочи и Хосты [27, л. 71].

Повышению качества руководства председателей ФЗМК способствовала организация соревнования на лучшую постановку профсоюзной работы. Одним из таких примеров может являться проведенное на Армавирском маслозаводе №4 соревнование профсоюзных организаторов. В нем приняли участие 20 профоргов, которые в ходе соревнования проводили работу по увеличению членов своей профгруппы, нормализации ситуации с уплатой членских взносов, активизации участия работников завода в социалистическом соревновании [1].

Реализация мер, связанных с повышением квалификации профсоюзных кадров, оказала положительное влияние на организацию работы в местных комитетах. К началу 1945 г. в большинстве из них повысился уровень руководства, было налажено взаимодействие между отдельными подразделениями. В условиях сокращения штатных профсоюзных руководителей, гораздо большее значение, чем в мирное время, придавалось работе профсоюзных активистов.

Большинство из представителей профсоюзного актива работало без отрыва от основной производственной деятельности, не получая никакого материального возмещения за выполнение обязанностей в составе профкомов. Тем не менее, именно они выполняли в совокупности наибольший объем работы по организации социалистического соревнования и оказанию различных видов помощи работникам предприятий, а также инвалидам войны, семьям военнослужащих, детским домам. Такая работа являлась примером всеобщего проявления взаимовыручки в советском обществе в годы войны. Так, в цеховых и фабрично-заводских комиссиях по охране труда в целом по стране в 1945 г. принимало участие свыше 170 тыс. активистов, а число общественных инспекторов в профсоюзных группах достигало 207 тыс. человек [18, с. 16].

В условиях войны одной из главных проблем в деятельности профсоюзов являлось уменьшение численности первичных организаций, что было связано с массовой мобилизацией работников предприятий и учреждений. На смену им приходили молодые люди, женщины, а также демобилизованные по причине ранения фронтовики, не являвшиеся членами профсоюзов. В связи с этим важнейшей задачей профкомов стало вовлечение в профсоюзные организации вновь пришедших на производство работников.

О серьезном характере этого вопроса свидетельствует специальное постановление Президиума ВЦСПС, принятое 10 декабря 1942 г.,

в котором были определены меры по увеличению членов профсоюзов. В частности, профкомы предприятий и учреждений должны были два раза в месяц проводить заседания, посвященные проблемам увеличения состава профсоюзных организаций. При этом руководство ВЦСПС рекомендовало профкомам не заорганизовывать порядок приема, а наоборот максимально упростить его процедуру [20, с. 228].

Реализация этой задачи на территории Краснодарского и Ставропольского краев происходила вскоре после окончания оккупации. При этом только что образованные профкомы с большим трудом восстанавливали прежнюю организацию работы. Это обстоятельство мешало процессу пополнения рядов профсоюзов новыми членами. Кроме того, агитация профкомов по вопросам вступления в профсоюзы не всегда приносила свои плоды. Этому мешала сложная обстановка на фронте, в особенности на Кубани, где до начала октября 1943 г. продолжались военные действия. Часть граждан боялась вступать в профсоюзы, опасаясь возврата немецко-фашистских захватчиков.

В то же время и на Ставрополье, несмотря на отдаленность фронта, также ощущался слабый приток граждан в ряды профсоюзов. О наличии такой ситуации свидетельствуют материалы собрания профсоюзного актива Ставропольского края, прошедшего в сентябре 1943 г. В связи с этим, была поставлена задача активизировать работу профкомов по вовлечению в профсоюзы новых членов из числа работников предприятий и учреждений [24, с. 376]. С целью усиления мотивации вступления в профсоюзы для несоюзных членов трудовых коллективов активисты в проводимых беседах доводили до их сведения преимущества, которыми пользовались члены профсоюзов. К ним относились возможности получения государственных пособий и материальной помощи непосредственно от профкомов, льготных путевок в санатории, устройства детей в детские сады и пионерские лагеря и решения других проблем.

Со стороны отраслевых крайкомов профсоюзов осуществлялся постоянный контроль за ходом кампании по вовлечению в ряды профсоюзов новых членов. Так, планомерно этой работой занималось руководство Ставропольского краевого союза рабочих хлебопекарной промышленности. В третьем квартале 1943 г. его представителями была осуществлена проверка в нескольких профкомах, в результате которой обнаружились большие недостатки в области профсоюзного членства. Под воздействием крайсоюза профкомы активизировали эту работу, стали чаще встречаться с работниками предприятий, что привело к улучшению ситуации. Например, усилия профкома Железноводского хлебокомбината привели к заметному увеличению членов профсоюза, а именно их число возросло с 18 до 38 [12, л. 1].

В ряде профсоюзных организаций уже в конце 1944 г. был достигнут довоенный уровень количества членов. Так, в профсоюзных организациях Туапсинского и Тимашевского отделов Северо-Кавказской железной дороги, доля членов профсоюза в общем составе работников составила 80% [30, л. 38, 44], а в профсоюзной организации Армавирского машиностроительного завода – 85% [26, л. 3]. Следует отметить, что эти показатели были очень высокие, ввиду того, что в своем стремлении добиться максимального охвата работников предприятий, профсоюзы были обязаны не допускать в свои ряды бывших заключенных и их родственников «врагов народа». Кроме того, в этот состав могли входить и те, кто по заключению соответствующих органов дискредитировал себя во время оккупации.

Еще одной проблемой организационного характера являлось неудовлетворительное состояние сбора профсоюзных взносов. Одной из главных причин такой ситуации являлись материальные трудности работников предприятий и учреждений. Получаемая ими заработная плата не позволяла компенсировать затраты на самые необходимые нужды, поэтому любые дополнительные расходы были ощутимы для бюджета работающих. Кроме того, в первые месяцы после оккупации заработная плата на предприятиях Кубани и Ставрополья выплачивалась нерегулярно, что создавало дополнительные трудности.

Еще одной причиной слабого пополнения профсоюзных средств являлись недостатки в работе профкомов, не уделяющих должного внимания этому вопросу. Случаи плохой работы по выявлению задолженностей членских взносов и организации их сбора были выявлены в конце 1941 г. в профсоюзных организациях работников здравоохранения Кавказских Минеральных Вод [14, л. 13], а также работников местной промышленности Ставрополья. Несмотря на относительно стабильную обстановку в этом регионе, часть членов профсоюзов не уплачивали здесь профвзносы более 9 месяцев [6, л. 88]. Подобная ситуация складывалась и во многих профсоюзных организаций Кубани. Так, в системе профсоюзов работников городских предприятий сбор членских взносов в 1941 г. составил 138 358 руб., тогда как по плану предполагалось собрать 273,5 тыс. руб. [6, л. 31].

В таких условиях не удавалось регулярно пополнять профсоюзный бюджет, что сказывалось на снижении возможностей профкомов при необходимости оказания материальной помощи своим членам. На протяжении войны состояние профсоюзного бюджета было поистине катастрофическим, а оказание помощи членам профсоюзов и прочие социально-бытовые расходы ограничивались минимальными средствами. Об этом, в частности, свидетельствует данные по результатам работы в Краснодарском крае профсоюзов рабочих молочной промышленности за 1941 г. Ввиду ограниченности имеющихся средств профкомы могли оказать здесь материальную помощь своим членам в размере всего лишь 400 руб. [5, л. 14].

Последствия оккупации также отрицательно отразились на материальных возможностях профсоюзных организаций. Постепенное улучшение ситуации в вопросах профвзносов стало происходить в 1944 г., в условиях восстановления экономики и определенного повышения заработной платы. Кроме того, позитивные изменения в данном случае происходили также вследствие увеличения членов профсоюзов и повышения уровня организации профсоюзной работы. Под влиянием этих факторов объем собранных профвзносов в профсоюзных организациях Сочинской базы Медсантруда Юга во втором квартале 1944 г. увеличился вдвое по отношению к предыдущему кварталу [27, л. 71], а профсоюзные организации работников связи на Кубани в 1944 г. сумели выполнить план сбора членских взносов на 104,3% [8, л. 5].

Пополнение профсоюзного бюджета позволило профкомов более регулярно и адресно осуществлять меры материальной помощи нуждающимся работникам, а также оказывать шефскую помощь инвалидам войны, семьям военнослужащих, госпиталям, детским домам и другим учреждениям социального профиля. Например, профкомы, действующие в составе Краснодарского крайкома профсоюзов работников молочной промышленности, большое внимание уделяли выделению средств на проведение различных культурно-массовых мероприятий [7, л. 206]. Такие же положительные изменения в организации работы были в большинстве профсоюзных организаций региона.

Таким образом, организация работы профсоюзов Кубани и Ставрополья в годы Великой Отечественной войны основывалась на использовании довоенного опыта, применяемого с учетом условий военного времени. Вследствие этого усилилась централизация управления профсоюзным движением, допускались отступления от норм профсоюзного устава. Предпринятое после освобождения Северного Кавказа восстановление профсоюзов привело к постепенной нормализации их деятельности, что способствовало активизации профсоюзной работы, направленной на решение важных производственных задач и повседневных проблем трудящихся.

Источники и литература

1. Армавирская коммуна. 1944. 18 января.
2. Белоносов И. И. Советские профсоюзы в годы войны. М.: Профиздат, 1970. 216 с.
3. Белоносов И. И. Работа советских профсоюзов в тылу // Советский тыл в Великой Отечественной войне. Кн. 1. Общие проблемы / под ред. П.Н. Поспелова. М.: Мысль, 1974. С. 142–152.
4. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 5456. Оп. 3. Д. 24.
5. ГАРФ. Ф. 7860. Оп. 3. Д. 37.
6. ГАРФ. Ф. 7860. Оп. 3. Д. 165.
7. ГАРФ. Ф. 5456. Оп. 24. Д. 78.
8. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 1277. Оп. 2. Д. 2.
9. ГАКК. Ф. 1444. Оп. 1. Д. 3.
10. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 2570. Оп. 1. Д. 13.
11. ГАСК. Ф. 2570. Оп. 1. Д. 75.
12. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (далее – ГАНИСК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 870.
13. ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 381.
14. ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 488.
15. ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 507.
16. ГАНИСК. Ф. 1. Оп .2. Д. 869.
17. Ежов В. А. Централизм и демократия в условиях Великой Отечественной войны // Россия в XX веке. Историки мира спорят. М.: Наука, 1994. С. 445.
18. Корнеев В. В. Советские профсоюзы в Великой Отечественной войне // Защита и безопасность. 2013. №2. С.15–16.
19. Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Хроника событий. Кн. 1. Краснодар: Советская Кубань, 2000. 811 с.
20. Профсоюзы СССР. Документы и материалы. М.: Профиздат, 1963. Т.3. 749 с.
21. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 43. Д. 1732.
22. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 44. Д. 722.
23. Сартикова Е. В. Перестройка работы профсоюзов Калмыкии в годы Великой Отечественной войны 1941–1943 гг. // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1–1; URL: http://science-education.ru/ru/article/view?id=17825 (дата обращения: 15.01.2020).
24. Ставрополье в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг.: Сборник документов и материалов. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1962. 515 с.
25. Труд, защити себя. Профсоюзное движение на Кубани: история, опыт, уроки, личности. Краснодар: Советская Кубань, 1999. 400 с.
26. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф. 15. Оп. 1. Д. 508.
27. ЦДНИКК. Ф. 558. Оп. 1. Д. 251.
28. ЦДНИКК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 1630.
29. ЦДНИКК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 1749.
30. ЦДНИКК. Ф. 1774. Оп. 2. Д. 805.
31. ЦДНИКК. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 2.

References

1. Armavirskaya kommuna. 1944. January 18. (In Russian).
2. Belonosov I. I. Sovetskie profsoyuzy v gody vojny *(Soviet unions during the war)*. Mscow: Profizdat, 1970. 216 p. (In Russian).
3. Belonosov I. I. Rabota sovetskih profsoyuzov v tylu *(The work of Soviet trade unions in the rear)* // Sovetskij tyl v Velikoj Otechestvennoj vojne. Book. 1. Obshchie problemy / ed by P.N. Pospelov. Moscow: Mysl', 1974. P. 142–152. (In Russian).
4. State archive of Russian Federation (GARF). F. 5456. Inv. 3. D. 24. (In Russian).
5. GARF. F. 7860. Inv. 3. D. 37. (In Russian).
6. GARF. F. 7860. Inv. 3. D. 165. (In Russian).
7. GARF. F. 5456. Inv. 24. D. 78. (In Russian).
8. GAKK. F. 1277. Inv. 2. D. 2. (In Russian).
9. GAKK. F. 1444. Inv. 1. D. 3. (In Russian).
10. GASK. F. 2570. Inv. 1. D. 13. (In Russian).
11. GASK. F. 2570. Inv. 1. D. 75. (In Russian).
12. State archive of recent history of Stavropol region. GANISK. F. 1. inv. 1. D. 870. (In Russian).
13. GANISK. F. 1. Inv. 2. D. 381. (In Russian).
14. GANISK. F. 1. Inv. 2. D. 488. (In Russian).
15. GANISK. F. 1. Inv. 2. D. 507. (In Russian).
16. GANISK. F. 1. Inv. 2. D. 869. (In Russian).
17. Ezhov V. A. Centralizm i demokratiya v usloviyah Velikoj Otechestvennoj vojny *(Centralism and democracy in the conditions of the Great Patriotic War)* // Rossiya v XX veke. Istoriki mira sporyat. Moscow: Nauka, 1994. P. 445. (In Russian).
18. Korneev V. V. Sovetskie profsoyuzy v Velikoj Otechestvennoj vojne *(Soviet trade unions in the Great Patriotic War)* // Zashchita i bezopasnost'. 2013. No. 2. P.15–16. (In Russian).
19. Kuban' v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. 1941–1945 gg. Hronika sobytij *(Kuban during the Great Patriotic War. 1941–1945 Chronicle of events)*. Book. 1. Krasnodar: Sovetskaya Kuban', 2000. 811 p. (In Russian).
20. Profsoyuzy SSSR. Dokumenty i materialy *(Trade unions of the USSR. Documents and materials)*. Vol.3. Moscow: Profizdat, 1963. 749 s. (in Russian).
21. Russian archive of social and political history (RGASPI). F. 17. Inv. 43. D. 1732. (In Russian).
22. RGASPI. F. 17. inv. 44. D. 722. (In Russian).
23. Sartikova E. V. Perestrojka raboty profsoyuzov Kalmykii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1943 gg. *(Restructuring of the work of the Kalmyk trade unions during the Great Patriotic War of 1941–1943)* // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2015. № 1-1; URL: http://science-education.ru/ru/article/view?id=17825 (Accessed: 15.01.2020). (In Russian).
24. Stavropol'e v Velikoj Otechestvennoj vojne. 1941–1945 gg.: Sbornik dokumentov i materialov *(The Stavropol Territory in World War II. 1941–1945: Collection of documents and materials)*. Stavropol': Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 1962. 515 p. (In Russian).
25. Trud, zashchiti sebya. Profsoyuznoe dvizhenie na Kubani: istoriya, opyt, uroki, lichnosti *(Work, protect itself. The trade union movement in the Kuban: history, experience, lessons, personalities)*. Krasnodar: Sovetskaya Kuban', 1999. 400 p. (In Russian).
26. Documentation Center of recent history of Krasnodar region (ЦДНИКК). F. 15. Inv. 1. D. 508. (In Russian).
27. CDNIKK. F. 558. Inv. 1. D. 251. (In Russian).
28. CDNIKK. F. 1072. Inv. 1. D. 1630. (In Russian).
29. CDNIKK. F. 1072. Inv. 1. D. 1749. (In Russian).
30. CDNIKK. F. 1774. Inv. 2. D. 805. (In Russian).
31. CDNIKK. F. 1779. Inv. 1. D. 2. (In Russian).

Сведения об авторе

Панарина Елена Владимировна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета (Армавир) / panarin.arm@mail.ru

Information about the author

Panarina Elena – Doctor of History, Professor, Chair of General and Russian History, Armavir State Pedagogical University (Armavir) / panarin.arm@mail.ru

УДК 94(450).05

М. О. Семиков

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДОБЛЕСТИ В СРЕДЕ ГОРОДСКОГО РЫЦАРСТВА ИТАЛИИ КОНЦА XIV– НАЧАЛА XV ВЕКА НА ПРИМЕРЕ ЖИЗНИОПИСАНИЯ ЯКОПО САЛЬВИАТИ

В данной статье рассматриваются представления о доблести в городской среде итальянских городов-государств на протяжении в XIV – начале XV века.

Затрагивается дискуссия о месте рыцарей в социально-политической системе городов-государств, как в классической, так и в современной итальянской историографии, предпринимается попытка отразить значительные изменения в социальном статусе и ментальных установках и ценностях городского рыцарства. Помимо новеллистики, содержащей суждения о дуализме восприятия образа рыцарей у современников, используется ранее не исследованный источник – мемуары одного из видных граждан Флоренции Якопо Сальвиати, произведенного в рыцари коммуной за успешные военные действия, которыми он руководил, исполняя в то же самое время дипломатические миссии и пребывая на судебно-административных постах в различных городах и крепостях, подчиненных республике Флоренции.

В его мироощущении совмещались формы восприятия действительности: он осознавал себя купцом, занятым предпринимательской деятельностью, управляющим, назначаемым на высокие должности во Флоренции и за ее пределами. В то же самое время он осознавал себя военачальником, возведенным в рыцарское достоинство посредством пышной церемонии, подробно им самим описанной, что осознавалось им, как повышение социального статуса. Автобиографический источник позволяет «изнутри» рассмотреть в самооценках и поведении исследуемого персонажа переплетение классических представлений о рыцарских доблестях с системой ценностей «доброго» купца и гражданина коммуны. Эта двойственность в поведении и ментальных установках городского рыцарства является главным объектом представленного исследования.

Ключевые слова: Рыцарство, позднесредневековый город, коммуна Флоренция, Якопо Сальвиати.

Maksim Semikov

CONCEPTS OF VALOR IN THE ENVIRONMENT OF THE URBAN KNIGHTHOOD OF ITALY AT THE END OF XIV – EARLY XV CENTURY BY THE EXAMPLE OF BIOGRAPHY OF JACOPO SALVIATI

The article examines the ideas of valor in the urban environment of the Italian city-states during the XIV – early XV centuries.

The discussion about the position of knights in the social and legal system of city-states, both in classical and modern Italian historiography, is touched upon, an attempt is made to show significant changes in social status and mental attitudes and values of urban chivalry. In addition to novels containing judgments about the dualism of the perception of the image of knights among contemporaries, a previously unexplored source is used – the memories of one of the prominent citizens of Florence, Jacopo Salviati, knighted by the commune for successful military actions, which he led, performing at the same time diplomatic missions and staying in judicial and administrative posts in various cities and fortresses subordinate to the Republic of Florence.

In Jacopo Salviati's attitude were combined forms of perception of reality: he saw himself as a merchant engaged in entrepreneurial activity, a manager appointed to high positions in Florence and beyond. In the same time, he was aware of himself as a commander who was elevated in the knighthood by means of the magnificent ceremony, which was described in detail by himself what he realized as a raising social status. An autobiographical source allows one to examine "from the inside" in the self-assessments and behavior of the investigated character the interweaving of classical ideas about knightly virtues with the system of values of a "good" merchant and citizen of the commune. This duality in the behavior and mental attitudes of urban chivalry is the main object of this article.

Key words: chivalry, late medieval town, commune of Florence, Jacopo Salviati.

Рыцарство позднего средневековья в Северо-Центральной Италии отличалось многими элементами, не согласующимися с классическими признаками воинского сословия. Зарубежные исследователи неоднократно указывали на отличительные особенности, о которых идет речь. В частности, итальянский историк Гаэтано Сальвемини [1873–1957] считал, что «история рыцарства во Флоренции [и в целом в итальянских коммунах] могла быть только историей прогрессирующего упадка этого института, который, оторвавшись от изначальной среды, то есть среды

феодальной, становился добычей «богатеющей буржуазии мануфактур» [6, p. 113]. Современный исследователь Стефано Гаспарри склонен разделить подобную точку зрения: «Фактически такой аристократический институт, как рыцарство, в средепополанской Коммуны был принужден к «демократизации», то есть дегенерировал» [4, p. 6]. Такое видоизменение института рыцарства присуще в первую очередь эпохе позднего средневековья [вторая половина XIV–XV вв.], оно маркирует не только смену традиций внутри самого института рыцарства, но и трансформацию его восприятия в городах Италии.

Говоря о рыцарстве XIV–XV вв., другой известный историк Франко Кардини считал дискуссионным вопрос о значимости рыцарства в жизни городских республик: «Рыцарь представляется как бы сущностью двух вещей:содной стороны, носитель власти и защитник бедных, «адвокат», согласно тому виду восприятия, которое существовало с XI в. С другой, заметна явная и скрупулезная защита отличий и привилегий, которая коррелировалась с его участием во власти, и поэтому имело место ощущение превосходства, каковое прежде всего было представлено в той заботе, с которой партия Гвельфов утверждала превосходство правящего слоя жирного пополанства на пути его превращения в олигархическую элиту – она монополизировала обычаи и церемонии рыцарства» [3, p. 21]. Таким образом, мы видим, что рыцарь, по мнению итальянских исследователей, становился как бы носителем сразу нескольких форм социальных отношений: с одной стороны, он продолжал воспринимать мир и действовать в рамках классических представлений о рыцарской чести, защищая обездоленных и проявляя воинскуюдоблесть, но с другой становилсятакже проводником чаяний и ментальных установок городского нобилитета.

Однако выступая носителями столь разных ментально-социальных установок, как кавалер[1], добропорядочный горожанин, дипломат и купец, представители рыцарства могли претерпевать различные метаморфозы, часто несовместимые с воинской доблестью и традиционными сословными добродетелями. Как это воспринималось городской средой? Ментальные установки горожан, разумеется, утверждали ценности, далекие от рыцарских идеалов, но традиционно-сословное отношение к рыцарям, как к благородным и бескорыстным защитникам всех нуждающихся в помощи, отнюдь еще не было изжито.

Если обратиться к городским новеллам, можно отметить вышеуказанный дуализм в отношении рыцарской доблести и выявить целую гамму оценок: от ностальгии по старинным ценностям рыцарства до откровенного осмеяния и издевательств над его ритуалами и обычаями. Особенно это заметно в отношении так называемых «новых рыцарей», созданных городской средой и тесно с ней связанных. Отсутствие рыцарских добродетелей у новых кавалеров неоднократно высмеивалось в итальянских новеллах. Часто это было связано с обычаем производства гражданина в рыцари городской коммуной в том случае, если он назначался Подеста[2]. В частности, Франко Сакетти осыпал ядовитыми насмешками рыцаря, который решил выкупить свой нашлемник вместо того, чтобы отстоять его в честном поединке, как того требовали правила рыцарской чести. Саккетти утверждал, что «Подеста, произведенный коммуной в рыцари, выбрал в качестве главного атрибута своего герба образ медведя, который был прямой противоположностью его собственного облика – он был маленького роста не умел держаться в седле. Когда герой новеллы в порыве самовосхваления выслал вперед себя своих людей со своим гербом на шлеме, один немецкий рыцарь, увидев, знак подобный своему, возмутился, и вызвал его на поединок чести, от которого герой отказался и просил передать ему: «Ну, ладно! Переведем это на флорины, и пусть честь будет на одной из сторон. Если он хочет, чтобы я продолжал свой путь, как я его начал, то я немедленно сделаю это. Если он желает требовать, чтобы я не носил его нашлемника, то клянусь… Евангелием, что нашлемник мой был сделан… во Флоренции живописцем Лукино и стоил мне пять флоринов. Если же ему угодно, то пусть он присылает пять флоринов и берет себе нашлемник» [2, л. 225]. В этом случае Ф. Сакетти высмеивает упадок рыцарских ценностей, торговлю важнейшими атрибутами рыцарской чести.

Вместе с тем, говоря о неоднозначности истоков некоторых представителей городского рыцарства, Ф. Саккетти едко критиковал их отнюдь неблагородное происхождение и поступки, зачастую далёкие от рыцарской доблести. Отчасти это было связано с восстанием[3] чомпи[4], которые в период своей короткой деятельности успели, как считают ряд исследователей, возвести своих сподвижников в кавалеры, в связи с чем в ряды флорентийского рыцарства попало немало людей младших цехов, не принадлежащих к нобилям и богатой прослойке города. Восприятие этого явления отразил Франко Саккетти, принадлежавший к старому знатному роду и, судя по всему, считавший, что лишь представителей аристократии, непосредственно участвующих в войнах, можно считать истинными рыцарями: «Во Флоренции, к стыду, и позору дворянского зва-

[1] Cavaliere [ит.] – рыцарь.

[2] Подеста – [лат. potestos – власть] высокопоставленный чиновник представлял высшую власть в городе в мирное и военное время, в гражданских, дипломатических, полицейских и судебных делах, руководствуясь правом, источником которого был приорат. Длительность полномочий не превышало одного года.

[3] Восстание чомпи 1378 – восстание низкооплачиваемых рабочих вызванное тяжёлыми условиями труда, низкой заработной платой и высокими штрафами.

[4] Чомпи – чесальщики шерсти наемные рабочие суконодельческих мануфактур, были одними из самых низкооплачиваемых работников Флоренции. Они не являлись членами цехов, не могли создавать собственные объединения, не пользовались никакими правами ни в государстве, ни в цехах.

ния, которое, как я вижу, низводится до конюшни и свинарника, был возведен в дворянство некий уже старый человек, страдавший подагрою, который ссужал постоянно деньги в рост и блистал своим богатством. Пусть тот, кто не верит, что я говорю правду, припомнит, не случалось ли ему видеть, как немного лет тому назад возводили в дворянство мастеров, ремесленников, даже булочников и хуже того чесальщиков шерсти, ростовщиков и жуликов-барышников. Из-за таких отвратительных дел дворянство можно называть не cavalleria, acacaleria» [2, л. 233]. Следует отметить однозначное порицание того, что в рыцари возводятся люди, не имеющие никакого отношения к этому статусу.

Вместе с тем Ф. Саккетти давал интересную градацию горожан, которых посвящают в рыцари: «Существовало, или, чтобы сказать лучше, было принято, четыре способа посвящать в рыцари: посвящали в рыцари торжественного посвящения, в состоящие в свите синьора, в рыцари щита и в рыцари меча. В рыцари торжественного посвящения посвящались с большой пышностью, причем с них должны были смыть всякое пятно. Рыцари, состоящие в свите, это были те, которые получали рыцарское звание и одновременно зелено-коричневую одежду, и позолоченный венец. Рыцари щита – это те, которых посвятили либо народ, либо синьоры и которые получают свое звание, держа в руках оружие и покрыв голову шлемом. Рыцари меча – это те, которые ими становятся в начале или в конце битвы» [2, л. 233]. Здесь можно выделить заслуги, за которые награждались представители городского рыцарства, однако, Франко Сакетти указывал на то, что те обязанности, которые на них возлагали Коммуна и народ, они часто не исполняли вовсе. Городские новеллы позволяют проследить веер противоречивых установок и оценок, вырабатываемых урбанистической средой позднего средневековья, но не снимают вопроса о том, как они могли совмещаться или контрастировать в реальности. Думается, что к такому пониманию приблизит аутентичный автобиографический текст флорентийского гражданина и воина конца XIV в., который стал рыцарем, и подробно описал события, приведшие к этому, и свое с ним отношение.

Элементы совмещения нескольких типов поведения и ценностных установок проявились в автобиографических запискахЯкопоСальвиати, флорентийского гражданина, который был облечен полномочиями военачальникаи за свою доблестную службу получил звание кавалера, то есть был возведен в рыцари.

Флорентиец Якопо Сальвиати являлся представителем городской фамилии, уже с XIV в. считающейся знатным родом: «Сальвиати уже к концу XII в. занимали в городе высокое положение: некий Гвильельмо исполнял должности нотариуса и судьи в камере коммуны, один из его внуков – Камбио – стал медиком, другой – Лотто – законоведом, третий – Сальвестро – владельцем сукнодельческихботтег, четвертый – Якопо – держал банк. Камбио и Лотто явились родоначальниками двух основных ветвей фамилии, уже тогда получив от коммуны рыцарское достоинство» [1, л. 365]. Следует сказать, что перед тем как заслужить рыцарское звание, Якопо Сальвиати неоднократно проявлял свою доблесть, как на дипломатическом поприще, так и на поле боя. Сам он говорил о себе, что неоднократно избирался на руководящие посты и был вхож в круги влиятельных горожан, он также принимал активное участие в управлении городом-республикой, о чем упоминал в своих воспоминаниях. Так он писал об одной из своих должностей: «Должность я правил хорошо и с честью, и с таким удовлетворением для людей Монтепульчано[1], что ревизии там не проводилось, потому что не подавалось против меня ни петиции, ни какой-либо иной жалобы, которая доставила бы мне неудобство» [5, p. 182].В его лице есть возможность проследить совмещение роли достойного кавалера и доблестного горожанина – патриота своей коммуны, но при этом тесно вовлеченного одновременно в политику и торговлю: «Наши Синьоры и «10 Балии»[2] послали меня 27 сентября 1402 г. послом к Паголо Гвиниджи, Синьору Лукки… И на другое утро я правил посольство согласно моей миссии, каковая в результате заключалась в том, чтобы ему угодно было согласиться не чинить препятствия нашей торговле (имеются ввиду торговые транспорты – *М.С.*), идущей из Генуи, каковая (то есть грузы – *М.С.*) тогда находилась в Пьетра Санта и в Лукке, и разрешить товарам свободно пройти во Флоренцию, потому что этот Синьор задерживал их под арестом, не позволяя свободно пройти, делая вид, что творит это с доброй целью, чтобы люди герцога Миланского, которые находились в Пизе, не ограбили их; и кроме того, ему нравилось, что все другие наши товары, которые находилась в Генуе и в Порто Венере и других местах, моглисвободно могли пройти во Флоренцию только здесь» [5, p. 208]. Далее выясняется, что Паоло Гвиниджи был согласен на то, чтобы товары, предназначенные во Флоренцию, были отправлены туда свободно, а «вышеназванное задержание было произведено им по веской причине». Но в то же время он не хотел, чтобы флорентийцы не пользовались его портом, хотя это могло стать причиной агрессии со стороны Миланского герцогства в отношении Лукки[3], далее речь шла о любезностях Гниниджи, которыми он камуфлировал страх перед Миланом, желая в то же время не упустить и выгодные торговые связи с республикой Флоренцией. При этом честолюбие полномочного посла республики Флоренции побуждало Якопо Сальвиати отметить

[1] Городок в 70 километрах от Сиены, южнее Флоренции.

[2] «10 балии – специальный чрезвычайный орган, как правило избиравшийся для решения проблем военного характера и имевший специальные полномочия.

[3] Лукка на этот момент находилась в сфере влияния миланского герцогства, а сам Паоло Гвиниджи стал сеньором города при поддержкеДжангалеаццоВисконти герцога миланского [1395–1402].

и комплименты правителя в свой собственный адрес: «Он продемонстрировал, как ему приятно видеть именно меня и оказал мне достаточно чести» [5, p. 208]. В этом описании заметен весь комплекс саморепрезентации дипломата и полномочного посла коммуны, которому неоднократно поручались различные дипломатические миссии: он гордилсяслужбой во благо своего города-государства: «Вспоминаю, как 18 февраля 1401 г. по избранию наших Синьоров и их коллегий, я пошел от нашей Великолепной Коммуны послом в Рим к папе Бонифацию IX [1389–1404]. И прибыли мы туда вместе с двумя послами от вновь избранного короля Рупрехта III Пфальцского (1400–1410) …Поручение мое состояло в том, чтобы вместе с другими послами упрашивать Св. Отца… короновать этого вновь избранного короля по многим резонам, которые содержались в «Инструкции» [Istruzione]» (5, p. 199). Итак, Якопо Сальвиати посылали даже к столь влиятельным личностям, как Римский понтифик, что с учетом продолжающийся церковной схизмы (1378–1417) демонстрировало значимость его, как должностного лица на службе у коммуны.

Вместе с тем Якопо Сальвиати исполнял свой долг перед республикой и на полях сражений: «Я был послан вышеназванными мной высокими Коллегиями исполнять должность Капитана всей нашей кавалерии и пеших войск, которых направили против Убертини[1] и графов ди Баньо[2], гибеллинов и вечных врагов нашей Коммуны… я находился со всеми своими бригадами в землях, указанных Убертини и графов да Баньо вплоть до 12 октября 1404 г., ибо в этот день я вернулся во Флоренцию, и таким образом пробыл в этой стороне 5 с половиной месяцев, и, как вышло с помощью Господа и благодаря доблести нашей бригады, я разорил все и преследовал по дорогам их земель этих Убертини и графов Баньо, так что ничего, кроме одной колокольни у них не осталось. И брал все силой, то есть жестокими сражениями, и благодаря предательству их подданных и договорам с ними из-за их боязни битвы во всех вышеназванных землях и сооружениях. И скажу также, что не без величайшей опасности для моей персоны, каковой мне никогда не приходилось испытывать» [5, p. 222]. Как можно увидеть, его действия на войне едва ли можно трактовать, как классические военные доблести, более того, можно говорить о том, что он искренне гордится тем, как он вел войну и что даже столь незначительные, казалось бы, мелкие военные эпизоды оценивал, как выдающиеся события.

Именно за доблестную службу во время военной компании против ослабленного Миланского герцогства и его союзников в 1404 г. Якопо получил от коммуны Флоренции предложение на возведение его в статус кавалера [рыцаря]: «Мне представили письма от наших Синьоров Приоров, в которых содержалось, что Синьоры с их Коллегиями, Советом народа и Советом Коммуны решили с честью для меня и в вознаграждение за мои дела, надеясь на то, что мне будет это приятно, сделать меня нашим Кавалером, и также о том, что Приоры вместе с 10-ю Балии от имени Коммуны преподнесут мне, если я соглашусь стать рыцарем, на расходы, которые придется сделать, сумму в 600 зол. флор.» [5, p. 224].

Можно отметить, что в данном случае возведение в ранг кавалера накладывало на человека в первую очередь особые обязанности перед городом, но в то же время являлось повышением социального статуса гражданина коммуны. Данный феномен в своей работе отмечал Франко Кардини: «Поскольку производить в рыцари и становиться рыцарями составляло признак власти и престижа, Партия Гвельфов[3] и была обязана тратить, чтобы создавать кавалеров и стать ревностным хранителем своей привилегии производства в рыцари» [3, p. 22]. Здесь идет речь о ярко выраженных ритуалах возведения достойного горожанина в ранг рыцаря, что повышало его значение в формирующемся слое флорентийского нобилитета. При этом учитывалось желание конкретного лица стать рыцарем, что было связано с весьма высоким денежным цензом, который требовался на расходы по возведению и пребыванию в статусе кавалера.

Сама церемония производства в рыцари Коммуной отличалась особой яркостью и помпезностью, призванных служить символом того, насколько Якопо Сальвиати был важен для города: «…И со спины у меня совлекли куртку из красного велюра, крашеного кошенилью, и надели другую из белого велюра с бархатным крестом, то есть гербом нашего народа, и мессер Кристофано Спини[4] надел на меня правую шпору, а мессер Томмазо Саккетти[5] левую[6], и водрузил мне на голову мой шлем… После того как это было сделано, указанный сер Вивианоди Нери[7] вручил мне от имени Коммуны богатый и красивый шлем, украшенный серебром, и была на этом шлеме большая лилия из серебра, а также дал мне большой вымпел с гербом народа и коня, который был весь покрыт зендянью[8] с вышитым гербом народа, а также щит с указанным гербом. И когда мной все это было получено, Синьоры

[1] Знатный старый флорентийский род.

[2] Феодальный род, находящийся в вечных противоречиях с властью Флоренции, имевший укрепленное родовое гнездо, что позволяло им наносить болезненные удары по подконтрольным Флоренции территориям.

[3] Партия гвельфов – значимая коммунальная структура, выполняющая в начале XV в. официально-представительские функции во Флоренции.

[4] Кристофано Спини [ок. 1360–1414] – выдающийся представитель своей фамилии, направлявшийся, как в дипломатические миссии, так и на иные службы, а получив рыцарский титул в 1391 году, он приобрел право участвовать в посвящении других кавалеров.

[5] Томмазо Саккети – представитель знатного флорентийского рода, также являющийся кавалером.

[6] Символы рыцарства.

[7] Вивиано Де Нери являлся наследственным нотариусом и уважаемым человеком, его сын также неоднократно выбирался на пост главы цеха судей и нотариусов.

[8] Богато расшитая плотная хлопковая ткань.

благодарили меня почетными речами, и вышел я, сопровождаемый всеми вышеназванными, которые составляли мне компанию при вступлении во Флоренцию» [5, p. 226]. Здесь мы видим, что весь город сходился посмотреть на нового «героя», а символы рыцарского достоинства, которые были положены Якопо Сальвиати, вручали ему теперь равные с ним по достоинству лица. В данном случае «Этот обряд по своему смысловому значению носил многоаспектный характер. В городском обществе он являлся, прежде всего, знаком чести и отличия за воинские доблести и особые заслуги перед коммуной. Лица, получившие рыцарское звание от коммуны, обладали особым статусом, который имел с течением времени тенденцию к повышению. В первые десятилетия XV в. кавалеры, наделенные рыцарским достоинством от коммуны, получали особые привилегии при избрании на должности, как в республике, так и в гвельфской партии, однако с течением времени значимость обряда производства в рыцари сохранялась, хотя и наполнялась иным смысловым содержанием, часто не связанным с воинской доблестью» [1, л. 137]. Здесь же в качестве примера можно указать, что кроме рыцарской атрибутики и геральдических цветов, которые принадлежали дому посвящаемого и его сюзерену, то есть Коммуне, в данном описании проявляется заметный политический контекст: главную роль в процедуре производства в рыцари играют не феодальные сюзерены, а правящие коммунальные структуры – Синьория и партия гвельфов.

Вместе с тем, часть церемонии проходила в соответствии с традиционными рыцарскими обычаями: «Я принял указанный дар и ответил речами, которые мне казались подобающими, чтобы уважить их за их дары; я вышел от них, и сопровождаемый всеми вышеназванными и со всеми дарами впереди, пошел к собору Сан Джованни, и там пожертвовал 2 новых золотых флорина. И затем с той же компанией пришел домой, и там отпустил каждого, а наши Великолепные синьоры в то же утро пригласили меня отобедать с ними, и вместе со мной всех кавалеров этого города и многих других именитых людей; и это приглашение было прекрасным и достойным» [5, p. 227]. В этом случае мы можем видеть ряд «доблестей», обязательно присущих рыцарскому статусу: это пожертвования церкви в традициях «христианского воина», а также скрепление «рыцарского братства» совместным пиршеством. Вместе с тем, заметны и отступления от общепринятых обычаев посвящения, выражающие специфику коммунального общества: связь с религиозной составляющей обряда выражена лишь пожертвованием новоявленного рыцаря, без молитвенного бдения в храме в ночь перед посвящением, а торжественный обед в его честь дает флорентийская Синьория, что подчеркивает инициативу города-коммуны в ритуале производства в рыцари. Кроме того, коммунальное влияние заметно в том, что военизированный характер процедуры производства, а также сама идея «справедливой войны» отступают на второй план перед ценностями городского коммунального общества.

Коммунальное начало заметно в политических функциях, которые исполнялЯкопоСальвиатипосле посвящения в рыцари. Примерно через год он уже в статусе кавалера был отправлен коммуной на дипломатические переговоры. По этому поводу он вспоминал: «Я был послан Синьорами и их Коллегиями послом к Христианнейшему королю Франции[1] в компании с мессером Филиппо Корсини[2]. Однако при этом мы, помимо избрания, произведенного нашими Синьорами и Коллегиями, также были избраны коллегией 10 Балии, в каковой я тогда состоял, и имели жалованье 5 флоринов в день на каждого в течение всех дней[3] …» [5, p. 231]. Исполнение воинских обязанностей вряд ли являлось для гражданина коммуны основополагающей формой деятельности. При отсутствии в городе-республике бюрократического аппарата он мог быть задействован для разных иных поручений, никак не связанных с воинскими занятиями: и судя по ментальным установкам Якопо, для него являлось естественным делом служение на благо коммуне на том поприще, куда она его пошлет, а не приверженность именно к рыцарскому образу жизни.

Нечто подобное мы можем наблюдать в том, как он вел себя в период военных столкновений с Пизой в 1406 году: «Я прибыл в лагерь Валь ди Серкьо 9 сентября и находился там несколько дней, поскольку там почти ничего не делалось. Мы решили идти с войском к Бадии Сан Савино[4], что и сделали, и там мы утвердились, намереваясь победить Пизу силой, и дали там некоторое сражение, но не смогли победить ее… Было решено, чтобы я один управлял людьми…, которых было более 500 копий и 600 солдат; и стоя там, нужно было распорядиться и придумать какой-нибудь план, чтобы завоевать эту Бадию Сан Савино силой, но 10-и Балии казалось, что было бы рискованно не иметь там большой бригады, и мне предписали, чтобы я оттуда перешел в более безопасное место, где бы наша Коммуна была более сильна людьми… Мы вышли, чтобы выполнить приказ и пошли к Понте-а-Серкьо близ Либрафатты[5] …. Мы стояли там около месяца, захватили силой 1 укрепленную башню, находящуюся близ нашего лагеря, которая звалась Чиголи, и также взяли башни делле Браке, и захватили в этих двух фортециях достаточно добра, но среди прочего и очень большое количество зерна, которого было около 800 модиев[6] по нашим меркам;

[1] Имеется ввиду Карл VI Безумный (1380–1422) страдавший помрачнением рассудка, однако, в моменты просветления в полной мере руководивший внутренними и внешними делами государства.

[2] Ф. Корсини – один из именитых граждан Коммуны, выходец из знатного и старинного рода.

[3] т. е., пока продолжалась миссия.

[4] Небольшое местечко к востоку от Пизы.

[5] Судя по всему, речь идет о небольших гордках к северу от Пизы между Пизой и Луккой и крепостью Рипафратта [Либрафатта].

[6] Приблизительно 7 тонн 700 кг.

и поскольку я ничего не желал для себя, все вещи были отданы солдатам, за исключением только 400 стайоровзерна, которое я поместил в башнях делле Браке, выделив свою часть для каждой; каковое зерно я приказал оприходовать и передать его Коммуне, послать его в рокку[1]. Либрафатты, поскольку оно там требовалось…Я приказал обрушить на землю укрепления вышеназванной крепости Чиголи, чтобы не держать там солдат для ее охраны» [5, p. 244].

Как можно заметить, указанный фрагмент текста Якопо Сальвиатти, является также своего рода саморепрезентацией, в которой автор представляет себя не военачальником, отмеченным рыцарской доблестью, но в первую очередь гражданином коммуны, заботящимся о ее выгоде. Его поступки, точнее, собственное представление о них, соответствуют не столько рыцарской модели поведения, сколько установкам гражданина, заботящегося в первую очередь о коммунальном благе.

В своем исследовании Франко Кардини указывал на новые социальные условия, в которых находилось городское рыцарство позднего средневековья: «Рыцарство, все менее задействованное в настоящей войне, более отличалось «спортивно-игровым характером» атрибутов, которые все менее соотносились непосредственно с полями сражений. Рыцарство «символического статуса», выражалось в культурных терминах, соответствующих тому, что к этому моменту казалось наиболее значительным, и по логике вещей часто соразмерялись… с гражданскими ценностями» [3, p. 23].

Таким образом, можно отметить, что рыцарство меняло свои внутренние и внешние духовно-ментальные ориентиры, следуя установкам городской коммунальной среды. Рыцарство итальянских городов становилось выразителем нового социального статуса, в котором традиционные черты воинского сословия порой причудливо смешивались с ценностями коммунального общества.

Источники и литература

1. Краснова И. А. Флорентийское общество во второй половине XIII–XIV в.: гранды и пополаны, «добрые» купцы и рыцари. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 494 с.
2. Франко Саккетти. Новеллы. М: Академия наук СССР, 1962. 392 с.
3. Cardini F. Introduzione. Cavalierie cittànella societàitalic medievale // Cavalieriecittà. Acuradi F. Cardini, I. Gagliardi, G. Ligato. Atti del III convegno inter nazionale di studi. Volterra, 19–21 giugno 2008. Pisa, 2009. P. 5–25.
4. Gasparri Stefano. I milites cittadini. Studi sulla cavalleria in Italia. Roma, 1992. 153 p.
5. Salviati J. Cronica o Memorie di Jacopo Salviati dal 1398 al 1411 / Pubbl. dafr. Ildefonso di San Luigi // DeliziedeglierudititToscani. Firenze, 1784. P. 175–381.
6. Salvemini G. La dignita cavallers canel Comune di Firenze e altriscritti / A cura di E. Sestan. Milano, 1972. 486 p.

References

1. Krasnova I. A. Florentiyskoe obshchestvo vo vtoroy polovine XIII–XIV v.: grandy i popolany, «dobrye» kuptsy i rytsari *(The Florentine society in the second half of the XIII–XIV centuries: the nobility and common people, "good" merchants and knights)* Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives publ., 2018. 494 p. (In Russian).
2. Franko Sakketti. Novelly *(Novels).* Moscow: SA of USSR,1962. 392 p. (In Russian).
3. CardiniF. Introduzione. Cavalierie cittànella società italic medievale // CavalieriecittÀ. AcuradiF. Cardini, I. Gagliardi, G. Ligato. Atti del III convegnointernazionale di studi. Volterra, 19–21 giugno 2008. Pisa, 2009. P. 5–25.
4. Gasparri Stefano. I milites cittadini. Studi sulla cavalleria in Italia. Roma, 1992. 153 p.
5. Salviati J. Cronica o Memorie di Jacopo Salviati dal 1398 al 1411 / Pubbl. dafr. Ildefonso di San Luigi // Delizie deglieruditi Toscani. Firenze, 1784. P. 175–381.
6. Salvemini G. La dignita cavallers canel Comune di Firenze e altriscritti / A cura di E. Sestan. Milano, 1972. 486 p.

Сведения об авторе

Семиков Максим Олегович – аспирант кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / Makssemik@mail.ru

Information about the author

Semikov Maksim – post-graduate student, Foreign History, Political Science and Foreign Affairs Department, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / Makssemik@mail.ru

[1] Небольшая неприступная крепость на вершине холма или в гористой местности.

УДК 9. 93

Е. В. Туфанов

К ВОПРОСУ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ПЕРИОД ПРОВЕДЕНИЯ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ В СЕВЕРОКАВКАЗСКОМ КРАЕ

В представленной статье рассматривается одна из серьёзных проблем исторической науки, деятельность партийно-государственной номенклатуры Советского государства в период сплошной коллективизации. В данной работе на основе решений партийных съездов и деятельности Центрального Комитета ВКП(б) анализируется процесс формирования законодательной базы для проведения успешной коллективизации сельского хозяйства. Кроме того, на основе изучения партийных документов мы видим борьбу официальной линии ВКП(б) с оппозицией в недрах доминирующей политической силы государства, как в центре, так и на местах. На основе архивных документов представлен механизм проведения партийно-государственной номенклатурой сплошной коллективизацией Северокавказского края. Выявлены особенности деятельности регионального партийно-государственного аппарата управления. Рассмотрена система подготовки специалистов в области сельского хозяйства, которая являлась важнейшим условием формирования и функционирования кадрового потенциала партийно-государственной номенклатуры и реализации успешной сплошной коллективизации сельского хозяйства.

Ключевые слова: коллективизация, партийно-государственная номенклатура, система управления, колхоз, сельское хозяйство, модернизация советского общества, Северокавказский край, колхозный строй, народное хозяйство.

Evgenii Tufanov

ON THE ISSUE OF THE FUNCTIONING OF THE SYSTEM OF PARTY AND STATE ADMINISTRATION DURING THE PERIOD OF COLLECTIVIZATION IN THE NORTH-CAUCASUS REGION

The article deals with one of the major problems of historical science, the activity of the party-state nomenclature of the Soviet state during the period of continuous collectivization. In this paper, based on the decisions of party congresses and the activities of the Central Committee of the CPSU (b), the process of forming the legislative framework for the successful collectivization of agriculture is analyzed. In addition, based on the study of party documents, we observe the struggle of the official line of the CPSU (b) with the opposition in the bowels of the dominant political force of the state, both in the center and on the ground. Based on archival documents, the mechanism of continuous collectivization of the North-Caucasus region by the party-state nomenclature is presented. Features of activity of the regional party-state administration apparatus are revealed. The article considers the system of training specialists in the field of agriculture, which was the most important condition for the formation and functioning of the personnel potential of the party-state nomenclature and the implementation of a successful continuous collectivization of agriculture.

Key words: collectivization, party-state nomenclature, management system, collective farm, agriculture, modernization of Soviet society, North-Caucasus region, collective farm system, national economy.

Одним из актуальных вопросов в современной отечественной исторической науке является функционирование системы партийно-государственного управления Советского государства. Реализация программных директив и задач центральной власти в период серьезных политических и экономических преобразований, на региональном уровне. Проблема деятельности органов управления в период коллективизации и модернизации советского общества нашла обширное отражение в историографических исследованиях, о чем свидетельствует большой объем выходящей в последнее время литературы.

Серьезными исследованиями являются работы Е. Г. Гимпельсона [6], где автор анализирует становление и функционирование советской политической системы и органов управления, кадровую политику молодого государства. При этом в его работах процесс функционирования системы партийно-государственного управления на местном уровне не получил серьезного анализа. В работе Ю. Ю. Карпова [9], где на основе широкого круга источников анализируются сложные политические и экономические процессы на северокавказской периферии, однако все происходящие в регионе, рассматривается в контексте на-

циональной политики, проводимой центральной властью. Следует отметить ряд работ И. И. Некрасовой [10], В. А. Бондарева [1], где на базе архивного материала проведен анализ процесса коллективизации в северокавказском регионе, однако деятельность органов управления освещена недостаточно основательно. Также необходимо отметить исследования И. Г. Иванцова [8], Е. В. Туфанова [23], в данных работах проанализирован процесс становления органов партийного контроля и функционирования партийно-государственной номенклатуры в исследуемый период.

Целью данной работы является изучение процесса функционирование системы партийно-государственного управления в период проведения коллективизации и модернизации в северокавказском регионе. Исследование базируется на принципах объективности и историзма и основывается на сравнительном анализе архивных источников. Проблемно-хронологический принцип с опорой на широкий круг архивных материалов и историографии по заявленной проблематике является основой для исследования данного вопроса.

Во второй половине 1920-х гг. молодое советское государство вступало в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Особую актуальность приобретал вопрос формирование новых отраслей в промышленном производстве и рост производственных мощностей. Следует отметить, что особенно трудноразрешимым являлся вопрос о взаимодействия города и села, крестьянства и государственной власти. Уже в 1920-е гг. кадровые вопросы в системе государственного управления основывались на принципах назначенства. Переброска функционеров стала первым опытом и возможностью сформировать систему назначения и распределения представителей кадрового резерва партийно-государственной системы управления. Создание отдельной структуры распределения и учета кадров в системе партийного управления свидетельствует о том, что большевики уделяли огромное внимание кадровому вопросу. Практика перемещений советских и партийных руководителей была продиктована комплексом причин: кадровый голод в органах партийного и советского аппарата управления и резолюция IX Всероссийской партийной конференции об очередных задачах партийного строительства, документ декларировал: «В центре и на местах необходимо систематически перемещать ответственных работников с места на место, дабы дать им возможность шире изучить советский и партийный аппарат и облегчить им задачу борьбы с рутиной» [22, с. 280]. Распространенность данного принципа сформировала его как основной подход для всевозможных партийных комитетов различного масштаба. Необходимо обозначить, что органы партийного управления изначально распределяли кандидатов не только на партийные, но и на руководящие советские должности. Также нельзя не отметить, что в исследуемый период в структуре доминирующей политической силы проходила серьезная борьба с оппозиционно настроенными членами партии.

В такой политической и экономической ситуации в Москве со 2 – по 19 декабря 1927 г. работал XV съезд ВКП(б) [18, с. 432–491]. В принятой резолюции по отчету Центрального комитета отмечалось: «Необходимо поставить в качестве первоочередной задачи на основе дальнейшего кооперирования крестьянства постепенный переход распыленных крестьянских хозяйств на рельсы крупного производства (коллективная обработка земли на основе интенсификации и машинизации земледелия), всемерно поддерживая и поощряя ростки обобществленного сельскохозяйственного труда» [19, с. 437]. Советское государство брало курс на коллективизацию через ликвидацию мелких крестьянских хозяйств в интересах крупной промышленности, и как указывалось в резолюции, «с преодолением капиталистических элементов деревни» [19, с. 437]. Эти предпосылки создают возможность решительного наступления на кулака. Съезд поручал ЦК разработать пятилетний план развития, продолжать политику индустриализации, которая должна сопровождаться курсом рационализации производства и управления. Следует констатировать, что внутренняя экономическая политика государства вставала на совершенно новые рельсы планового развития общества.

XV съезд ВКП(б) подвел итоги борьбы с политической оппозицией. В резолюции «Об оппозиции» отмечалось, что «оппозиция в области идеологической от разногласий тактического характера перешла к разногласиям программного характера, скатилась к позиции меньшевизма, в области тактической перешла грань не только Устава партии, но советской легальности, формировала свою троцкистскую партию. Съезд одобряет решения ЦК и ЦКК об исключении из рядов партии лидеров оппозиции Л. Д. Троцкого и Г. Е. Зиновьева. Также согласно решением съезда из рядов ВКП(б) были исключены активные деятели троцкистской оппозиции в количестве 75 человек и группа Сапронова Т.В. в количестве 23 человек [20, с. 488–490]. Таким образом, XV съезд ВКП(б) подвел итоги борьбы с оппозицией и твердо заявил о ее ликвидации. Данная победа генеральной линии партии способствовала укреплению власти партийно-советской номенклатуры во главе с Генеральным секретарем ЦК ВКП(б) И. В. Сталиным. Усилиями партийно-государственной номенклатуры его личность трансформировалася в символ «большинства» в партии, это явилось одним из «секретов» победы на пути к власти. Отличное от большинства мнение стало классифицироваться как нарушение партийной дисциплины и посягательство на главный догмат – единство партии [7, с. 55]. Контролируя партийный аппарат, И. В. Сталин сумел создать опору в лице большинства членов партии в борьбе с любым оппозиционным движением. Однако борьба с оппозицией не закончилась, и она получила

дальнейшее продолжение на последующих партийных съездах.

Решения XV съезда ВКП(б) нашли отклик в Северокавказском крае. Еще в дни работы съезда, 18 декабря 1927 г. президиум Северокавказской крайКК ВКП(б) исключил из партии региональных оппозиционеров: «П. А. Алферова (организатора краевого подпольного центра троцкистской оппозиции), И. А. Невского, С. Д. Бастанджаняна, Е. М. Борьяна, И. Д. Рябова» [11]. Руководствуясь решениями съезда, партийные организации Ставрополья усилили наступление на кулачество, которое выступало против решений советской власти. Архивные документы показывают, что в 1928 г. на территории края были ликвидированы 133 контрреволюционные кулацкие группы, совершившие за три месяца 32 террористических акта [21, л. 33]. После окончания съезда центральная власть столкнулась с серьёзным хлебозаготовительным кризисом. Поставки сельскохозяйственных продуктов из села государственным структурам сначала существенно сократилось, а затем полностью прекратились. Государство лишилось возможности экспортировать сельскохозяйственные продукты, соответственно лишилось валютных поступлений крайне необходимых для реализации политики индустриализации. Кроме того, продовольственное снабжение городов оставляло желать лучшего. Руководство государством свои просчеты во внутренней политике свело к происками классовых врагов. Таковыми являлись кулаки и «буржуазные специалисты». В этой ситуации началом борьбы с «вредителями» положило «Шахтинское дело». Перед судом предстали инженерно-технические работники угольной промышленности Донбасса. Для разбирательства в ситуации из Москвы прибыла специальная комиссия в составе лидеров партийно-государственной номенклатуры: В. М. Молотов, Л. М. Кагановича, Е. М. Ярославского и М. П. Томского, которые задала иной тон работе. Северокавказский крайком партии 22 марта распустил бюро Шахтинского окружкома, который оказался недееспособным в искоренении недостатков. Шахтинское дело специально рассматривалось на апрельском объединенным пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), который проходил 6–11 апреля 1928 г. [11, с. 500–510]. Пленум одобрил решение крайкома партии о роспуске окружкома, поручил провести проверку парторганов, обязал партийные органы организовать проверку работы специалистов, обеспечить контроль работой хозорганов, также разработать проект для борьбы с засорением советского, хозяйственного и других аппаратов [11, с. 500–510].

Таким образом, пленум стал прецедентом, после которого репрессии против инженерно-технических работников и других групп общества проходили по определенной системе. Этот показательный процесс сформировал «миф» о «наемных саботажниках», «кулацкой угрозе».

С докладом на собрании партийного актива Шахтинско-Донецкой организации об итогах апрельского Пленума ЦК партии выступил секретарь Северокавказского крайкома ВКП(б) А. А. Андреев. В своем выступлении он отметил: «Недостаток критики и самокритики приводит к загниванию. У нас имеется гниль даже в отдельных партийных организациях. Это показало «Шахтинское дело».» [13, с.123]. Актив одобрил решение Пленума и получил поддержку рабочих угольной промышленности региона. Об этом свидетельствует, что личный состав партийной организации вырос на 33,6% за чет горняков [2, л.6]. На основании доклада Северокавказского крайкома партии о работе в национальных областях ЦК ВКП(б) ставит задачу чистки партийного и советского аппарата, усиления партийного руководства Советами. В целях сближения государственного аппарата к массам ЦК ВКП(б) начинает выдвигать на руководящие должности представителей коренного населения. Процесс выдвижение на руководящие должности местного населения получил название «коренизация». Однако реализовать этот замысел было не просто, а в некоторых местах имело место прямое сопротивление этому процессу со стороны работников органов власти в Чеченской и Кабардино-Балкарской автономной области [25, л. 285]. Следует отметить, что образованных управленцев из числа представителей местного населения было очень мало. Руководство страной поставило задачу расширить и улучшить работу сети партийного образования, издавать на языках местного этноса Программу и Устав партии, решения и резолюции съездов и другую партийную, и идеологическую литературу. В рамках реализации политики коренизации необходимо было переводить все делопроизводство на местный язык, что встретило серьезное противодействие со стороны социума. Северный Кавказ является многонациональным регионом и родной язык для представителей национальных меньшинств был в основном для общения среди своего социума. Русский язык был универсальным как для общения в своей этнической среде, так и для общения с представителями других этносов. Следует отметить, что не все народности, проживающие на территории Северного Кавказа, имели свою письменность. Важно отметить то, что русский язык являлся универсальным не только для общения, но и для ведения делопроизводства. Представители партийно-государственной группы из местного этноса не желали переводить делопроизводство на русский язык еще и по той причине, что их родной язык не имел специфических и деловых оборотов как в русском языке. На территории Северокавказского края в 1937 г. была реализована идея создания карманного русско-карачаевского словаря. Однако эта попытка не увенчалась успехом, так как этот словарь не имел слов, которые употребляются в повседневной жизни. Также в издании отсутствовали словари русского и карачаевского алфавита [12]. Данный эксперимент себя не оправдал. Также следует отметить, что имела место идея создания универсального языка для делопро-

изводства и общения на территории Северного Кавказа, но тоже не была реализована. Процесс коренизации охватил весь регион Северного Кавказа и имел определенные успехи, партийно-государственный аппарат управления формировался из местного социума, однако очень важно отметить, что именно политика коренизации способствовала рождению письменности для целого ряда бесписьменных языков, повышению образования, становлению, и развитию литературы местных этносов.

Особое внимание центральная власть уделяла подготовке кадров регионального управления со средним и высшим сельскохозяйственным образованием. Расширялась сеть сельскохозяйственных учебных заведений. Расло и количество обучающихся. Кадры специалистов сельского хозяйства для Северной Осетии готовились в Горском сельскохозяйственном институте и на рабфаке при нем. С начала 1930-х гг. в г. Ставрополе начал функционировать Северокавказский зоотехнический институт, который готовил специалистов в области сельского хозяйства не только для Ставрополья, но и для всего Северокавказского края. Подготовка специалистов являлась важнейшим условием формирования и функционирования кадрового потенциала партийно-государственной номенклатуры и реализации успешной сплошной коллективизации сельского хозяйства.

Состояние сельского хозяйства Северного Кавказа было предметом обсуждения на ноябрьском 1928 г. Пленуме ВКП(б). В своем докладе «О работе в деревне и мерах поднятия земледелия» секретарь Северокавказского крайкома ВКП(б) А. А. Андреев изложил основные пути подъема отрасли в регионе. Эти мероприятия предусматривали: расширение посевных площадей, повышение производительности земледелия за счет реконструкции крестьянских хозяйств. Но для реализации этих планов регион нуждался в помощи центральной власти по линии механизации сельского хозяйства [13, с. 145]. Пленум признал, что сельское хозяйство северокавказского региона находилось в упадке, о котором чем говорят цифры: в 1928/29 г. вследствие гибели озимых на Украине и Северном Кавказе урожай оказался на 200 млн. пуд. Меньше сбора предыдущего года. Пленум также акцентирует внимание на необходимости сохранения и развития зернового хозяйства степной полосы, значительно пострадавшей от морозов и засухи и дает поручение Политбюро предусмотреть необходимые мероприятия в планах следующего года [14, с. 527–528]. В целях поддержки региона Пленум ЦК ВКП(б) предусмотрел отправку на Северный Кавказ в двухлетний срок 10 тыс. тракторов и обеспечить все потребности края в сельскохозяйственных машинах.

Осенью 1928 г. ЦК ВКП(б) провел проверку деятельности Ставропольского окружкома партии. Итоги проверки были заслушаны на Оргбюро 17 декабря 1928 г. В постановлении Оргбюро были отмечена положительная динамика развития Ставропольской партийной организации, однако в документе акцентировалось внимание и на недостатках в работе райкомов партии в области сельского хозяйства. Это выражалось в падении урожайности и сокращении товарной продукции. ЦК ВКП(б) поставил перед Ставропольской партийной организации задачу – добиться коренного перелома в деле кооперирования крестьянских масс, поднятия экономического и культурного уровня округа. Работа с крестьянами выдвигалась на первый план в деятельности окружной организации. Выполняя решение центральной власти, партийные организации Ставропольского округа провели большую работу. Весной 1929 г. на местах при сельсоветах было организованно 143 производственных совещания, в селах состоялось 3830 собраний земельных обществ, в округе осуществляли деятельность 2900 агроуполномоченных [3, л. 44–45]. В феврале 1929 г. состоялась XIII Ставропольская окружная партийная конференция, которая констатировала, что за год окружная партийная организация выросла более чем на тысячу человек. Рост численности был связан с усилением влияния партии в обществе, так как членство в партии способствовало карьерному росту и улучшению материального положения члена партии, но необходимо отметить, что в партию шли люди, которые разделяли все идеалы и цели ВКП(б), несмотря на все трудности, которые возлагались на члена партии. Следует отметить, что 60% коммунистов – крестьян состояли в колхозах. Также конференция поставила задачу вовлекать в колхоз середняка и способствовать социалистической перестройке сельского хозяйства. Первые крупные колхозы на Ставрополье были созданы в 1928–1929 гг. в селах Старомарьевском, Михайловском, Надеждинском, Безопасном [4, л. 150]. Уже в 1929 г. в Ставропольском округе было 12 совхозов и в Терском округе – 16. Совхозы в северокавказском регионе имели большое влияние на массы, так как в их состав входило большое количество граждан. Как показывают архивные документы в одном только совхозе «Гигант» Сальского округа перебывало около 50 тыс. крестьян из различных регионов Северного Кавказа [5, л. 280].

Ускорение темпов коллективизации сельского хозяйства произошли во всех зерновых округах Северокавказского края. Это факт показывает, что представители партийно-государственной номенклатуры провели большую работу и многое сделали для претворения в жизнь решений ВКП(б), несмотря на все трудности, связанные со спецификой Северного Кавказа – это и сильные индивидуальные хозяйства, казачество, полиэтничность региона, также необходимо отметить и многоконфессиональность Северного Кавказа. Успехи в организации колхозов и совхозов на территории края, позволили секретарю Северокавказского крайкома ВКП(б) А. А. Андрееву заявить в своем выступлении на Пленуме ЦК ВКП(б) в ноябре 1929 г. о том, что в регионе сплошную коллективизацию можно завершить к лету 1931 г.

Пленум ЦК ВКП(б) поставил задачу сплошной коллективизации и усиления помощи колхозному движению со стороны всех партийных организаций. Также следует отметить, важность данного пленума, так как именно на этом партийном форуме была принята резолюция «О группе Бухарина», которая констатировала, что заявление Бухарина, Рыкова и Томского от 12 ноября 1929 г. является фракционным. Пленум выводит Н. И. Бухарина как руководителя правых уклонистов из состава Политбюро, а его соратников Рыкова, Томского, Угарова предупредить, что партия может применить к ним соответствующие меры дисциплинарного характера [15, с. 663].

Данное решение партийного пленума подводило итог борьбы против любой оппозиции внутри ВКП(б) и устранило сильных авторитетных оппонентов лидеру партии И. В. Сталину. Разгром оппозиции стал последней ступенью на пути к формированию командно-административной бюрократической системы управления, единовластия и становлению единомыслия всех групп советского общества.

Решения Пленума ЦК ВКП(б) стали программой деятельности партийных организаций Северокавказского края. 27 ноября бюро Северокавказского крайкома ВКП(б) приняло решение «О сплошной коллективизации Северного Кавказа». Партийный актив края поддержал данное начинание. В конце 1929 г. Северокавказским краевым и окружными комитетами созданы комиссии по вопросам сплошной коллективизации. Их возглавили секретари партийных комитетов. В их состав вошли представители партийных, советских, колхозно-кооперативных, профсоюзных и других организаций. Таким образом, партийно-государственная номенклатура встала во главе этого сложного и болезненного процесса. Следует отметить, что региональные комиссии обеспечивали своими данными комиссию Политбюро ЦК ВКП(б), в состав которой от Северокавказского крайкома входили А. А. Андреев и В. И. Иванов.

Партийные организации использовали разнообразные формы агитационно-пропагандистской и организаторской работы в обществе. Партийные организации региона активизировали массово-политическую работу, городские партийные организации усиливали шефскую работу в деревне, увеличивалось издание литературы по вопросам коллективизации, в районы посылались агитационные бригады. Пленум ЦК ВКП(б), который работал в ноябре 1929 г. в своем постановлении отметил, что необходимо отправить для укрепления колхозного движения на работу не менее 25 тысяч рабочих с опытом организационной работы. Большую роль в переводе мелких крестьянских хозяйств на социалистические рельсы сыграли машино-тракторные станции. Это была новая форма связь между городом и деревней. МТС стали опорными пунктами по переводу сельского хозяйства региона на базу передовой машинной техники. Необходимо отметить, что первая МТС на Ставрополье была сформирована летом 1929 г. в селе Старомарьевском. Данное предприятие возглавил член ВКП(б) А. И. Самсонов. Также в 1929 г. базы МТС были организованы в селах Безапасном и Петровском. Однако уже в 1930 г. сеть МТС охватила уже много населённых пунктов Ставрополья. ЦК ВКП(б) разделил всю страну по темпам коллективизации на три группы районов. Крупнейшие зерновые районы – Нижняя и Средняя Волга, Северный Кавказ – относились к первой группе, где коллективизацию намечалось закончить к весне 1931 г. По мнению центральной власти, именно, эти районы были лучше подготовлены к проведению сплошной коллективизации.

Количественный рост коллективных хозяйств в регионе проходил в острой социальной и вооруженной борьбе с кулачеством. На территории Северного Кавказа борьба с кулачеством приобрела особенно ожесточенный характер. Это объяснялось наличием крепких индивидуальных крестьянских хозяйств и большого количества антисоветского элемента. Центральная власть переходит к ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации, данное решение было закреплено в законодательном порядке [17, с. 105]. На основе этого документа были изданы региональные постановления и борьба с зажиточным крестьянством началась в полном объеме на территории всего Северного Кавказа. Судьба раскулаченных хозяйств и крепких хозяйственников была трагична. Раскулаченные хозяйства перешли в собственность государства, семьи выселены за пределы края, оказавшие сопротивление властям подлежали аресту и суду.

Таким образом, региональная партийно-государственная номенклатура встала во главе всех преобразований в исследуемый период в Северокавказском крае. Благодаря реализованной политике коренизации в ряды партийно-государственной номенклатуры влились представители местного социума, что естественным образом способствовало единению власти и общества. Также следует отметить становление, и развитие системы образования и как следствие повышения образовательного уровня. Регион Северного Кавказа одним из первых в стране завершил сплошную коллективизацию. Однако в национальных областях, где партийные организации, учитывая своеобразие местных условий (пережитки родового стоя, родственные связи), относительная слабость местных партийных организаций, не форсировали темпов коллективизации. Возросла роль ВКП(б), как руководящей силы советского государства. Именно представители партии в регионах стали проводниками всех постановлений и распоряжений центральной власти.

Источники и литература

1. Бондарев В. А. Российское крестьянство в условиях аграрных преобразований в конце 20 – начале 40-х годов XX века на материалах Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев: дисс. … докт. ист. наук. Новочеркасск, 2007. 789 с.

2. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф.118. Оп.1. Д.387.
3. ГАРО. Ф.7. Оп.7-1. Д.398.
4. ГАРО. Ф.1. Оп.7-1. Д.501.
5. ГАСК. Ф.229. Оп.1. Д.1642.
6. Гимпельсон Е. Г. Становление и эволюция Советского государственного аппарата управления 1917–1930 гг. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2003. 226 с.
7. Гимпельсон Е. Г. Россия на переломе эпох. Осмысление XX столетия российской истории. М.: Собрание, 2006. 128 с.
8. Иванцов И. И. Система партийно-государственного контроля РКП(б) – ВКП(б) на Кубани и Северном Кавказе 1920–1934 гг. Краснодар: Краснодарский гос. ин-т культуры, 2008. 328 с.
9. Карпов Ю. Ю. Национальная политика Советского государства на северокавказской периферии в 20–30-е гг. XX века: эволюция проблем и решений. СПб: Петербургское востоковедение, 2017. 400 с.
10. Некрасова И. И. Коллективизация в сельском хозяйстве Ставропольского края (конец 20-х – начало 30-х гг.): оценки и выводы: дисс. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2004. 194 с.
11. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 6 – 11 апреля 1928 г. Шахтинское дело и практические задачи в деле борьбы с недостатками хозяйственного строительства // КПСС в резолюциях и решениях съездов конференций и пленумов ЦК. Часть III. 1924–1930. М.: Госполитиздат, 1954. С.45–54.
12. Орджоникидзевская правда. 1937. №217 (1075).
13. Очерки истории партийных организаций Дона (1921–1971). Ч.II. Ростов-на-Дону: Книжное издательство, 1973. 762 с.
14. Пленум ЦК ВКП(б) 16-24 ноября 1928 г. О контрольных цифрах народного хозяйства на 1928/1929 год. // КПСС в резолюциях и решениях съездов конференций и пленумов ЦК. Часть III. 1924–1930. М.: Госполитиздат, 1954. С.56–68.
15. Пленум ЦК ВКП(б) 10–17 ноября 1929 г. О группе Бухарина // КПСС в резолюциях и решениях съездов конференций и пленумов ЦК. Часть III. 1924–1930. М.: Госполитиздат, 1954. С.65–77.
16. Постановление президиума Северокавказской край КК ВКП(б) от 18 декабря 1927 г. // Молот. 1927. 21 декабря.
17. Постановление ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 г. «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством» URL: https://istmat.info/node/44274 (Дата обращения: 21.09.2020).
17. Пятнадцатый съезд РКП(б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов конференций и пленумов ЦК. Часть III. 1924–1930. М.: Госполитиздат, 1954. С.54–61.
18. Пятнадцатый съезд РКП(б). По отчету Центрального комитета // КПСС в резолюциях и решениях съездов конференций и пленумов ЦК. Часть III. 1924–1930. М.: Госполитиздат, 1954. С.270–281.
19. Пятнадцатый съезд РКП(б). Об оппозиции // КПСС в резолюциях и решениях съездов конференций и пленумов ЦК. Часть III. 1924–1930. М., 1954. С.69–79.
20. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф.17. Оп.2. Д.397.
21. Резолюции и постановления IX Всероссийской конференции РКП(б). Об очередных задачах партийного строительства. // Девятая конференция РКП(б) сентябрь 1920 года. Протоколы. М.: Издательство политической литературы, 1972. 576 с.
22. Туфанов Е. В. Советская региональная партийно-государственная номенклатура в 1920–1930-е гг.: формирование и функционирование (на материалах Северного Кавказа). Ставрополь: Аргус, 2019. 496 с.
23. Центральный Государственный архив «РСО-Алания» (далее – ЦГА РСО-Алания). Р.- 47. Оп.1. Д.847.
24. ЦГА РСО-Алания. Ф.- 46. Оп.1. Д. 40.

References

1. Bondarev V. A. Rossijskoe krest'janstvo v uslovijah agrarnyh preobrazovanij v konce 20 – nachale 40-h godov XX veka na materialah Rostovskoj oblasti, Krasnodarskogo i Stavropol'skogo kraev *(Russian peasantry in the conditions of agrarian transformations in the late 20 – early 40s of the XX century on the materials of the Rostov region, Krasnodar and Stavropol territories)*: thesis. Novocherkassk, 2007. 789 p. (In Russian).
2. State archive of Rostov region (GARO). F.118. Inv.1. D.387. (In Russian).
3. GARO. F.7. Inv.7-1. D.398. (In Russian).
4. GARO. F.1. Inv.7-1. D.501. (In Russian).
5. GASK. F.229. Inv.1. D.1642. (In Russian).
6. Gimpel'son E. G. Stanovlenie i jevoljucija Sovetskogo gosudarstvennogo apparata upravlenija 1917–1930 gg. *(Formation and evolution of the Soviet state administration apparatus 1917–1930).* Moscow: HI of RAS publ., 2003. 226 p. (In Russian).
7. Gimpel'son E. G. Rossija na perelome jepoh. Osmyslenie XX stoletija rossijskoj istorii *(Russia at the break of epochs. Comprehension of the XX century of Russian history)*. Moscow: Sobranie, 2006. 128 p. (In Russian).
8. Ivancov I. I. Sistema partijno-gosudarstvennogo kontrolja RKP(b) – VKP(b) na Kubani i Severnom Kavkaze 1920–1934 gg. *(System of party-state control of the RCP(b) – VKP(b) in Kuban and the North-Caucasus 1920–1934)*. Krasnodar: Krasnodar state institute of culture publ., 2008. 328 p. (In Russian).
9. Karpov Ju. Ju. Nacional'naja politika Sovetskogo gosudarstva na severokavkazskoj periferii v 20–30-e gg. XX veka: jevoljucija problem i reshenij *(National policy of the Soviet state on the North-Caucasus periphery in the 20–30s of the XX century.: evolution of problems and solutions)*. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2017. 400 p. (In Russian).
10. Nekrasova I. I. Kollektivizacija v sel'skom hozjajstve Stavropol'skogo kraja (konec 20-h – nachalo 30-h gg.): ocenki i vyvody *(Collectivization in agriculture of the Stavropol territory (late 20s – early 30s): estimates and conclusions):* thesis. Pjatigorsk, 2004. 194 p. (In Russian).

11. Obedinennyj plenum CK i CKK VKP(b) 6–11 aprelja 1928 g. Shahtinskoe delo i prakticheskie zadachi v dele bor'by s nedostatkami hozjajstvennogo stroitel'stva *(Joint Plenum of the Central Committee and the Central Committee of the CPSU(b) April 6–11, 1928 Shakhty case and practical problems in the fight against the shortcomings of economic construction)* // KPSS v rezoljucijah i reshenijah s#ezdov konferencij i plenumov CK. Chast' III. 1924–1930. Moscow: Gospolitizdat, 1954. P.45–54. (In Russian).

12. Ordzhonikidzevskaja pravda. 1937. No.217 (1075). (In Russian).

13. Ocherki istorii partijnyh organizacij Dona (1921–1971) *(Essays on the history of the Don party organizations (1921–1971)*. Part. II. Rostov-on-Don: Knizhnoe izdatel'stvo, 1973. 762 p. (In Russian).

14. Plenum CK VKP(b) 16–24 nojabrja 1928 g. O kontrol'nyh cifrah narodnogo hozjajstva na 1928/1929 god *(Plenum of the Central Committee of the CPSU (b) November 16–24, 1928 On the control figures of the national economy for 1928/1929)* // KPSS v rezoljucijah i reshenijah sezdov konferencij i plenumov CK. Chast' III. 1924–1930. Moscow: Gospolitizdat, 1954. P.56–68. (In Russian).

15. Plenum CK VKP(b) 10–17 nojabrja 1929 g. O gruppe Buharina *(Plenum of the Central Committee of the CPSU(b) November 10–17, 1929 About Bukharin's group)* // KPSS v rezoljucijah i reshenijah s#ezdov konferencij i plenumov CK. Chast' III. 1924–1930. Moscow: Gospolitizdat, 1954. P.65–77. (In Russian).

16. Postanovlenie prezidiuma Severo-kavkazskoj kraj KK VKP(b) ot 18 dekabrja 1927 g. *(Resolution of the Presidium of the North-Caucasus regional Committee of the CPSU(b) of December 18, 1927)* // Molot. 1927. December 21. (In Russian).

17. Postanovlenie CIK i SNK SSSR ot 1 fevralja 1930 g. «O meroprijatijah po ukrepleniju socialisticheskogo pereustrojstva sel'skogo hozjajstva v rajonah sploshnoj kollektivizacii i po bor'be s kulachestvom» *(Resolution of the CEC and SNK of the USSR of February 1, 1930 "On measures to strengthen the socialist reconstruction of agriculture in areas of continuous collectivization and to fight the kulaks)* URL: https://istmat.info/node/44274 (Accessed: 21.09.2020). (In Russian).

17. Pjatnadcatyj sezd RKP(b) (The Fifteenth Congress of the RCP(b) // KPSS v rezoljucijah i reshenijah sezdov konferencij i plenumov CK. Chast' III. 1924–1930. Moscow: Gospolitizdat, 1954. P.54–61. (In Russian).

18. Pjatnadcatyj sezd RKP(b). Po otchetu Central'nogo komiteta // KPSS v rezoljucijah i reshenijah sezdov konferencij i plenumov CK *(The Fifteenth Congress of the RCP (b). According to the report of the Central Committee)*. Part III. 1924–1930. Moscow: Gospolitizdat, 1954. P.270–281. (In Russian).

19. Pjatnadcatyj sezd RKP(b). Ob oppozicii *(The Fifteenth Congress of the RCP(b). on the opposition)* // KPSS v rezoljucijah i reshenijah sezdov konferencij i plenumov CK. Part III. 1924–1930. Moscow: Gospolitizdat, 1954. P.69–79. (In Russian).

20. Russian State Archive of Social and Political History. F. 17. Inv. 2. D. 397. (In Russian).

21. Rezoljucii i postanovlenija IX Vserossijskoj konferencii RKP(b). Ob ocherednyh zadachah partijnogo stroitel'stva *(Resolutions and resolutions of the IX all-Russian conference of the RCP(b). on the next tasks of party construction)* // Devjataja konferencija RKP(b) sentjabr' 1920 goda. Protokoly. Moscow: Gospolitizdat, 1972. 576 p. (In Russian).

22. Tufanov E. V. Sovetskaja regional'naja partijno-gosudarstvennaja nomenklatura v 1920–1930-e gg.: formirovanie i funkcionirovanie (na materialah Severnogo Kavkaza) *(Soviet regional party-state nomenclature in the 1920s-1930s: formation and functioning (based on the materials of the North Caucasus)*. Stavropol': Argus, 2019. 496 p. (In Russian).

23. Russian State Archive of Social and Political History (CGA RSO-Alanija). R.- 47. Inv.1. D. 847. (In Russian).

24. CGA RSO-Alanija. F.- 46. Inv.1. D. 40. (In Russian).

Сведения об авторе

Туфанов Евгений Васильевич – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и истории Ставропольского государственного аграрного университета (Ставрополь) / e.vt@mail.ru

Information about the author

Tufanov Yevgeny – Doctor of Historical Sciences, associate Professor, head of the Department of philosophy and history of Stavropol state agrarian university (Stavropol) / e.vt@mail.ru

УДК 94(470.6).083

О. И. Шафранова, М. С. Трофимов

ИМПЕРСКАЯ МОДЕЛЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ДЛЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОКРАИН: СЕВЕРОКАВКАЗСКАЯ ШКОЛА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.[1]

В представленной статье рассматривается актуальная научная проблема, связанная с комплексной реконструкцией образовательных практик, функционировавших на Кавказе в имперский период. Системное образование исследуется как важнейший механизм, определяющий эффективную инкорпорацию присоединенного региона в социально-экономическое, политическое и культурное пространство Российской империи. Авторское внимание сосредоточено на принципиальном вопросе, связанном с последовательной реализацией имманентных образовательных прав отдельной личности.

Индивидуальное образование рассматривается в традиционном социокультурном контексте, включающем социальную принадлежность, сословную дифференциацию, перспективную самореализацию конкретной личности. Привлеченный эмпирический материал, реконструированный из дифференцированных исторических источников и предшествующей историографической традиции, позволил сформировать непротиворечивую систему авторских выводов, характеризующих эволюционной развитие кавказского образовательного пространства в имперский период. Российская империя первоначально вовлекала в системное образование региональные элиты, последовательно формируя лояльные кадры для местной администрации. В рамках дальнейшего развития образовательных практик особое значение придавалось начальной и средней школе, ориентированной на последовательное конструирование социального большинства, адаптированного к сложившейся системе имперского подданства. Содержательные параметры учебного процесса определялись центральной властью, учитывающей как базовые идеологические ценности, так и естественные особенности внутреннего менталитета рассматриваемого региона. Царская администрация активно использовала сословные, этнические и конфессиональные различия местных жителей, препятствуя интеллектуальной интеграции и развивая образовательные практики в изолированных анклавах. Значительную роль в эффективном построении регионального образования играли креативные педагогические кадры, сформировавшиеся как из образованных горцев, так и из учительского сообщества, мигрировавшего из имперского центра. В целом, можно констатировать, что в рассматриваемый период Российской империи удалось сформировать целостную образовательную систему, позволявшую как реализовать личные образовательные права, так и интегрировать местные социумы в общее государственного пространство.

Ключевые слова: Северный Кавказ, образование, инкорпорация, интеграция, право на образование, Кавказский учебный округ.

Olga Shafranova, Maksim Trofimov

IMPERIAL MODEL OF EDUCATIONAL INTEGRATION FOR NATIONAL SUBURBS: NORTH CAUCASIAN SCHOOL IN THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURY

The article examines a topical scientific problem associated with a comprehensive reconstruction of educational practices that functioned in the Caucasus during the imperial period. Systemic education is studied as the most important mechanism that determines the effective incorporation of the annexed region into the socio-economic, political and cultural space of the Russian Empire. The author's attention is focused on a fundamental issue related to the consistent implementation of the immanent educational rights of an individual.

Individual education is considered in a traditional socio-cultural context, including social belonging, class differentiation, prospective self-realization of a particular individual. The involved empirical material, reconstructed from differentiated historical sources and the previous historiographic tradition, made it possible to form a consistent system of author's conclusions characterizing the evolutionary development of the Caucasian educational space during the imperial period. The Russian empire initially involved regional elites in systemic education, consistently forming loyal cadres for the local administration. As part of the further development of educational practices, particular importance was attached to primary and secondary schools, focused on the consistent construction of a social majority

[1] Статья написана при поддержке Гранта № 19-511-07005 МОН РЮО_а «Конституционно-правовые основы и правовое регулирование интеграции образовательных пространств России и Южной Осетии в контексте права человека на образование: история, состояние и перспективы» 2019–2021.

adapted to the existing system of imperial citizenship. The substantive parameters of the educational process were determined by the central government, taking into account both the basic ideological values and the natural features of the internal mentality of the region in question. The tsarist administration actively used the class, ethnic and confessional differences of local residents, hindering intellectual integration and developing educational practices in isolated enclaves. A significant role in the effective construction of regional education was played by a creative pedagogical cadre, formed both from educated mountaineers and from the teaching community that migrated from the imperial center. In general, it can be stated that during the period under review, the Russian Empire managed to form an integral educational system that made it possible both to exercise personal educational rights and to integrate local societies into the common state space.

Key words: North Caucasus, education, incorporation, integration, right to education, Caucasus school district.

Системная инкорпорация Большого Кавказа в единое пространство Российской империи определялось не только военной экспансией и экономической интеграцией, развивавшейся на протяжении нескольких столетий. Новый имперский регион включался в общую систему социальных и культурных контактов, формируя сложную общественную структуру, включающую дифференцированные этнические, конфессиональные и профессиональные группы. Естественным фундаментом интеграционной практики становилась особая образовательная модель, ориентированная на последовательное конструирование единых ментальных стереотипов при осознанном сохранении отдельных элементов национальной идентичности.

Современный исследователь располагает обширной источниковой базой для глубокого и всестороннего исследования северокавказской школы второй половины XIX – начала XX века, включающей опубликованные законодательные и подзаконные нормативные акты [52; 53; 56–62; 65; 66], попечительские и другие административные отчеты [24–50], профильные журналы производственных совещаний [10], дифференцированные подборки статистических данных [67; 74]. Имеющиеся источники позволяют адекватно охарактеризовать не только базовые тренды правительственной политики применительно к региональным образовательным практикам, но и реконструировать общественные оценки рассматриваемых процессов. В данном контексте особое значение приобретают синхронные нарративы, созданные как профессиональными педагогами, так и активными представителями формирующегося гражданского общества [5; 6; 11; 12; 70; 73; 75].

Историографическая традиция, связанная с системным изучением северокавказской образовательной модели имперской эпохи, также начинает формироваться одновременно с исследуемыми явлениями. Отдельные аспекты складывающейся системы школьного образования на Северном Кавказе получили специальную характеристику в масштабных трудах Л. Н. Модзолевского, С. В. Рождественского, Н. В. Чехова, показавших статусные и содержательные особенности местных учебных заведений в общероссийском контексте [19; 54; 73]. В рассматриваемый период появляются и первые труды, посвященные непосредственно северокавказским образовательным реалиям [18; 20; 22; 23]. Отечественные исследователи подробно рассмотрели специфические особенности социальной и методической адаптации российских моделей начального и среднего образования в региональном пространстве, этнические и конфессиональные факторы, непосредственно воздействующие на местных учащихся, традиционные и инновационные подходы в последовательном освоении отдельных дисциплин [18; 20]. В советский период рассматриваемая проблематика также оставалась в постоянном фокусе исследовательского внимания, приобретая новые ракурсы, соответствующие доминирующей идеологической парадигме. В частности, в историографической традиции активно культивировалась мысль о неразрывной связи педагогической интеллигенции с революционным движением, негативной роли религиозного фактора в образовательных практиках, принудительной русификации как доминирующем факторе, определяющим социальные и этнические конфликты в региональном пространстве [4; 8]. Советскими исследователями был введен в научный оборот значительный объем новых исторических источников, содержащихся в профильных архивных фондах и позволивших существенно трансформировать сложившиеся представления. Привлеченный эмпирический материал позволил адекватно рассмотреть учебные программы классических гимназий и горских школ, выявить специфические особенности социального взаимодействия в образовательной среде, охарактеризовать комплексное влияние интеллектуальной среды на общественные процессы [13–17; 51; 64; 68]. В постсоветский период появились новые исследования, ориентированные на изменившуюся социокультурную и методологическую ситуацию. Новая генерация региональных исследователей дифференцированно рассмотрела актуальные вопросы светского и духовного образования, выявила реальные связи просветительского движения и учебного процесса в конкретных школах, обратила принципиальное внимание на гендерные аспекты рассматриваемой проблематики [1; 2; 3; 7; 69; 71; 72]. Исследовательская практика активно развивается в междисциплинарном поле, интегрирующем методологические подходы и практический опыт профессиональных социологов, историков, педагогов и культурологов. Подобный подход определяет благоприятные перспективы

дальнейшего изучения северокавказской образовательной модели второй половины XIX – начала XX века, рассматриваемый как определенный результат имперской инкорпорационной практики в региональном пространстве.

Правящая элита Российской империи традиционно рассматривала образовательную деятельность в качестве эффективного инструмента комплексной интеграции национальных окраин, но применительно к Северному Кавказу подобный подход проявился в полной мере только во второй половине XIX столетия. Концептуальное выражение он получил в пространном замечании кавказского наместника, великого князя Михаила Николаевича, согласно которому «народное образование является в здешнем крае, составленном из столь различных элементов народонаселения и вероисповедания, одним из самых действительных орудий для постепенного, хотя и медленного, но единственно верного устранения национальных и религиозных разнообразностей, и для слияния, разновременно присоединенного к империи края, с общим государственным строем» [72, с. 297]. Однако, отчетливое понимание реального значения образовательных практик в рамках инкопорационного процесса на правительственном уровне не означало автоматического осуществления базовых идеологических положений в конкретной деятельности административного аппарата и профессионального учительского сообщества, действовавших сложных социально-экономических, политических и культурных условиях. В полиэтническом и конфессионально пестром регионе, отдельные общества которого переживали различные стадии системной трансформации традиционного общества, последовательное внедрение единой образовательной модели сталкивалось с серьезными препятствиями, среди которых необходимо выделить постоянный дефицит местных профессиональных кадров, латентное сопротивление инородческого населения, естественные лингвистические и методические трудности при практической организации индивидуального и группового обучения.

Качественные изменения в сложившейся системе школьного образования начали интенсивно проявляться синхронно с фундаментальной трансформацией общей конфигурации имперского управления южной окраиной, связанной с институциональным оформлением второго кавказского наместничества 27 декабря 1844 г. Новая модель позволяла оперативно решать значительную часть актуальных управленческих вопросов, не прибегая к дополнительному нормативно-правовому и административному регулированию со стороны центрального правительства. Первым кавказским наместником, графом М. С. Воронцовым было инициировано официальное создание Кавказского учебного округа, зафиксированное специальным указом Государственного совета в декабре 1848 г. Продолжающаяся Кавказская война существенно затрудняла практическую реализацию образовательных проектов, но основные направления последующего развития новой модели были заложены именно в рассматриваемый период. В данном контексте необходимо выделить последовательное расширение функционирующей сети средних учебных заведений, включающих как классические гимназии, уездные и приходские училища, так и специфически местные этнические и религиозные школы, качественное улучшение используемых программ и методических разработок, постепенное развитие профессионального сообщества за счет региональных кадров, синхронное совершенствование нормативно-правого и финансового обеспечения рассматриваемой деятельности [1; 3; 7]. Новые условия позволяли реализовать имманентное право на личное образование не только отдельным представителям автохтонных этносов, но и достаточно крупным социальным, национальным и конфессиональным группам. Следует признать, что указанные процессы не имели абсолютно синхронного и сбалансированного характера, что в значительной мере связано с периодической трансформацией административно-правовой системы [56–62]. В частности, Кавказский учебный округ не функционировал несколько лет (с 1859 по 1867 гг.), а рамочные «Положения» подвергались неоднократной содержательной корректировке, усложняя практическую деятельность образовательных структур [15; 51; 65]. Однако, итоговый результат практической деятельности выразился в существенном количественном росте общего числа начальных и средних школ, качественной дифференциации образовательных программ и глубокой интеграции подготовленных кадров в социально-экономическую, политическую и культурную жизнь Северного Кавказа.

Важнейшим условием, определявшим реальную эффективность регионального образования, было последовательное освоение русского языка, являвшегося базовым элементом учебного процесса. В предшествующей и современной историографии соответствующий процесс нередко рассматривался как политизированное явление, составляющее интеллектуальный фундамент системной «русификации» [8; 14; 17; 69]. Несомненно, последовательное формирование русскоязычной общественной среды являлось своеобразным фундаментом ментальной инкорпорации региональных социумов в имперское пространство, унифицирующее отдельные элементы традиционных культурных стереотипов. Однако, повсеместное изучение русского языка было не только значимым направлением правительственной политики, но и важным объектом практической деятельности местных просветителей, общественных деятелей, выдающихся представителей педагогического сообщества и даже заинтересованных родителей отдельных учеников [2; 20, 24–50, 63]. Реальный интерес регионального общества к рассматриваемой проблеме позволил не только существенно ускорить лингвистическую русификацию, но и разработать эффективные методики языкового обуче-

ния, учитывающие местные особенности [7; 46; 49]. Следует отметить также и то существенное обстоятельство, что значительная часть автохтонного населения достаточно быстро овладевала разговорной речью, тогда как системное освоение письменного языка продвигалось не столь высокими темпами. В частности, первая перепись имперского населения 1897 г. показала, что только 0,3% балкарцев, 0,7% кабардинцев и 0,3% вайнахов овладели русской грамотой (высший показатель на Северном Кавказе у осетин – 5,7%) [72, с. 300]. Однако, недостаточное овладение письменным языком не снижало реальный интерес к личному образованию, что подтверждается сверхнормативным заполнением региональных школ в начале XX столетия [37; 39; 41; 42]. По справедливому замечанию известного отечественного исследователя Р.С. Бозиева, «рост образовательных потребностей населения все более опережал рост возможностей системы образования их удовлетворить. Большинство учебных заведений было переполнено учащимися. Наполняемость классов гимназистами превышала общероссийскую норму в два раза. Многим детям отказывалось в приеме на обучение. Уже в 1880 году, в гимназии и прогимназии округа было принято всего 31,5% из всех подавших прошения. Такая же картина наблюдалась и в других учебных заведениях. По оценкам попечителя, чтобы удовлетворить потребность населения Кавказа в образовании, число учебных заведений в крае должно было быть увеличено минимум в семь раз» [3, с. 184].

Серьезной проблемой регионального образовательного процесса была социальная, этническая и религиозная дифференциация, препятствовавшая свободному доступу к школьному обучению и определявшая вынужденную дифференциацию учебных программ. В частности, в 1880 г. дворянские и княжеские дети составляли более 60% обучающегося контингента в кавказских гимназиях, а в реальных училищах и горских школах соответствующее расслоение определялось в похожих пропорциях экономической состоятельностью отдельных семей [72, с. 298]. Очевидная острота рассматриваемой проблемы отчасти сглаживалась выборочной поддержкой местных благотворителей и уполномоченных государственных институтов, но значительная демократизация образовательной системы была достигнута только в советский период. Трудным вопросом оставались и существенные различия в образовательном уровне русских школ и училищ, соответствующих унифицированным требованиям к учебной работе, и горских школ, ограниченных локальными задачами, связанными с последовательным приобретением начальных навыков письменной речи и литературного чтения, а также минимальных исторических и географических знаний [1; 10; 16]. В сложившихся условиях многие молодые горцы стремились попасть в русскоязычную школьную среду, обеспечивающую более высокий уровень итоговой подготовки [31; 39; 46]. Следует заметить, что образовательная дифференциация проявлялась не только применительно к различным типам учебных заведений, но и в национально-территориальном измерении. Образовательные практики в горских школах отдельных этнических областей имели существенные различия, связанные с реальным содержанием учебных программ, имеющимся контингентом педагогических кадров, общим количеством обучающейся молодежи [8; 14; 16; 32; 34]. Серьезной проблемой являлось также непостоянное и недостаточное финансовое обеспечение действующих учебных заведений, которое не способствовало качественной организации повседневной деятельности. Более того, в отдельных регионах горские школы закрывались на длительный период вследствие прямого отсутствия текущего финансирования и нарастающего дефицита педагогических кадров. В частности, в Кабардино-Балкарии начальные учебные заведения не функционировали по указанным причинам с 1877 г. и до середины 1890-х гг., а первое среднее учебное заведение – Нальчикское реальное училище – появилось только в 1909 году [72, с. 300].

Серьезные трудности с кадровым обеспечением местных школ постоянно фиксировались в попечительских отчетах, отражавших в большинстве случаев не столько административный взгляд на складывающуюся ситуацию, сколько реальную позицию формирующегося гражданского общества, заинтересованного в качественной образовательной подготовке на региональном уровне [28; 30; 35; 37; 38]. Целенаправленное давление общественных институтов на местную администрацию и центральное правительство привели к необходимым изменениям только в начале XX в., когда для постоянной подготовки учительских кадров были открыты два профильных института в Ставрополе (1912 г.) и Владикавказе (1913 г.), а также целый ряд духовных семинарий (например, Екатеринодарская женская, Терская, Безскорбненская) [3, с. 156]. Однако, указанные меры носили запоздалый характер и кадровая проблема получила адекватное решение уже в советский период, когда многие выпускники учительских институтов приняли активное участие в комплексной реорганизации региональной системы среднего образования.

В целом, следует признать, что правительственная политика, направленная на образовательную инкорпорацию Северного Кавказа в имперское пространство, привела к определенным результатам. В региональном пространстве появились разнообразные средние учебные заведения, рассчитанные на дифференцированный контингент учащейся молодежи, началось формирование местной интеллектуальной элиты, воспринявшей необходимые ментальные установки и готовой к практическому использованию приобретенных знаний в социально-экономической и культурной деятельности. Однако, образовательные проекты имели бы гораздо более

высокую результативность, если бы получали достаточное финансирование, правовую и административную поддержку. Оценивая в целом сложившуюся модель школьного образования на Северном Кавказе, можно в значительной степени согласится с аргументированным мнением Ф. Ш. Хугистовой, согласно которому «противоречивость школьной политики правительства на Кавказе выражалась в том, что, с одной стороны, правительство стремилось унифицировать школы края со школами внутренней России, без учета местных особенностей, а, с другой, ограничивая детям неимущих горцев доступ в средние и высшие учебные заведения, общественную и частную инициативу, создавало особые привилегии для княжеско-феодальной знати. Оно сохраняло сословно-крепостнические пережитки в школьной системе образования. На пути к созданию подлинно демократической школы было еще много преград, однако, несмотря на ограниченность программы и большие педагогические и организационные недостатки, все типы учебных заведений в крае все же давали учащимся полезные знания и навыки, в них дети горцев усваивали русскую грамоту и язык, служившие основным средством приобщения местного населения к передовой русской культуре» [72, с. 301].

Источники и литература

1. Адухов М. Д. Становление и развитие светского образования в Дагестане (вторая половина XIX в. – XX в.): автореф. дис. … докт. ист. наук. Махачкала, 2004. 500 с.

2. Бадтдиева Г. Х. Школа, просветительская и педагогическая мысль народов Северного Кавказа накануне и в период между тремя русскими революциями (1900–1917 гг.): автореф. дисс. ... канд. пед. наук / Сев.-Осет. гос. ун-т им. К. Л. Хетагурова. Владикавказ, 2003. 22 с.

3. Бозиев Р. С. Развитие образования народов Северного Кавказа в XIX – начале XX веков: этапы, движущие силы, механизмы: автореф. дис. … док. пед. наук. / Ин-т инновац. деятельнос. М., 2009. 45 с.

4. Бритаева Н. Т. Развитие общеобразовательной школы на территории Северного Кавказа и Закавказья во второй половине XIX – начале XX вв.: дисс. … канд. пед. наук. М., 1978. 191 с.

5. Бунге Н. А. К вопросу о народном образовании в России. Киев: Тип. - тв. И.Н. Кушнерев и Ко, 1901. 49 с.

6. Волженский С. В. Народное образование в России. СПб.: Тип. М. О. Эттингера, 1872. 44 с.

7. Гатагова Л. С. Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX в. М.: Россия молодая, 1993. 141 с.

8. Гонтарева Е. Н. Начальное образование в дореволюционной Чечено-Ингушетии. Грозный: Чеч.-Инг. Кн. Изд-во, 1965. 75 с.

9. Дзампаева Ж. Т. Развитие женского образования и воспитания у народов Северного Кавказа в XIX - начале XX вв.: дисс. … канд. пед. наук. Владикавказ, 2004. 152 с.

10. Журнал собрания директоров и инспекторов народных училищ и директоров учительских семинарий Кавказского учебного округа 12–13 июня 1903 года в городе Тифлисе. Тифлис, 1903. 107 с.

11. Ильин А. А. Кавказский учебный округ в 1903 г. // Журнал Министерства народного просвещения. 1904. Ноябрь.

12. Ильин А. А. Кавказский учебный округ в 1904 г. // Журнал Министерства народного просвещения. 1906. май. С.137–144.

13. История развития народного образования в Юго-Осетии до установления Советской власти // Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института. Вып. 9. 1958. С.3–80.

14. Каймаразов Г. Ш. Просвещение в дореволюционном Дагестане. Махачкала: Дагучпедгиз, 1989. 160 с.

15. Константинов Н. А. Очерки по истории средней школы. Гимназии и реальные училища с конца XIX в. до Февральской революции 1917 г. М.: Учпедгиз, 1956. 247 с.

16. Копачев И. П. Развитие школьного образования в Кабардино-Балкарии. (XVIII в. – 30-е годы XX в.). Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1964. 180 с.

17. Кошев М.А. Из истории просвещения горцев Северного Кавказа в XIX – начале XX века. Нальчик: Эльбрус, 1991. 160 с.

18. Краснов М. Историческая справка (к 25-летию Общества для содействия распространению народного образования в г. Ставрополе). Ставрополь: Тип. губ.правл, 1913. 69 с.

19. Модзалевский Л. Н. Очерк истории воспитания и обучения с древнейших до наших времен. Часть вторая. СПб.: Н. Г. Мартынов, 1899. 605 с.

20. Модзалевский Л. Н. Ход учебного дела на Кавказе с 1802 по 1880 год. Тифлис: Тип. А.А. Михельсона, 1880. 96 с.

21. Народное образование в Кабарде и Балкарии в XIX – начале XX века. //Сборник архивных документов. Под ред. Мусукаева А. М. Составление, археографическая обработка, редакция и комментарии М. З. Саблирова. Нальчик: Эльфа, 2001. 270 с.

22. Народное образование и разбои на Кавказе // Русская школа. 1898. №11. С.335–336.

23. Народное образование на Кавказе // Русская школа. 1906. №7 – 800. С.66–69.

24. Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1879 год. Тифлис, Типография канцелярии Главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе, 1880. 422 с.

25. Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1880 год Тифлис, Типография канцелярии Главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе, 1881. 404 с.

26. Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1887год. Тифлис, Типография канцелярии Главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе, 1888. 418 с.

27. Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1888 год. Тифлис, Типография канцелярии Главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе, 1889. 456 с.

28. Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1889 год. Тифлис, Типография канцелярии Главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе, 1890. 471 с.
29. Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1890 год. Тифлис, Типография канцелярии Главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе, 1891. 435 с.
30. Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1891 год. Тифлис, Типография канцелярии Главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе, 1892. 398 с.
31. Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1893 год. Тифлис, Типография канцелярии Главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе, 1894. 415 с.
32. Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1894 год. Тифлис, Типография канцелярии Главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе, 1895. 436 с.
33. Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1895 год. Тифлис, Типография канцелярии Главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе, 1896. 452 с.
34. Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1897 год. Тифлис, Типография канцелярии Главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе, 1898. 477 с.
35. Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1898 год. Тифлис, Типография канцелярии Главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе, 1899. 444 с.
36. Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1899 год. Тифлис, Типография канцелярии Главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе, 1900. 438 с.
37. Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1900 год. Тифлис, Типография канцелярии Главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе, 1901. 457 с.
38. Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1901 год. Тифлис, Типография канцелярии Главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе, 1902. 454 с.
39. Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1902 год. Тифлис, Типография канцелярии Главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе, 1903. 467 с.
40. Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1904 год. Тифлис, Типография канцелярии Главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе, 1905. 433 с.
41. Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1905 год. Тифлис, Типография канцелярии Главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе, 1906. 411 с.
42. Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных –заведений за 1906 год. Тифлис, Типография канцелярии Главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе, 1907. 476 с.
43. Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1907 год. Тифлис, Типография канцелярии Главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе, 1908. 443 с.
44. Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1908 год. Тифлис, Типография канцелярии Главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе, 1909. 412 с.
45. Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1909 год. Тифлис, Типография канцелярии Главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе, 1910. 409 с.
46. Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1910 год. Тифлис, Типография канцелярии Главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе, 1911. 415 с.
47. Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1911 год. Тифлис, Типография канцелярии Главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе, 1912. 433 с.
48. Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1913 год. Тифлис, Типография канцелярии Главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе, 1914. 454 с.
49. Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1914 год. Тифлис, Типография канцелярии Главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе, 1915. 466 с.
50. Отчеты директоров и инспекторов народных училищ Кавказского учебного округа. Об осмотре учебных заведений в 1903-1904 (по май месяц) годах. Тифлис, 1909. 331 с.
51. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в. Ответственный редактор. А. И. Пискунов. М.: Педагогика, 1976. 600 с.
52. Положение о Кавказском учебном округе и учебных заведениях оному подведомственных. СПб.: [б.и.], 1853. 28 с.
53. Положение об учебной части на Кавказе и за Кавказом. Тифлис: Тип. Гл. упр. Наместника Кавказского, 1867. 65 с.
54. Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения (1802–1902). СПб.: Мин-во нар. просвещения, 1902. 785 с.
55. Рудольф Н. Ф. Обзор деятельности Кавказского учебного округа в 1908–1912 гг. Тифлис: типо.-лит. и переплетная т-ва «Либерман и Ко», 1914. 231 с.
56. Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев. СПб.: тип. т-во «Общественная польза», 1869. 522 с.
57. Сборник постановлений Министерства народного просвещения. Т. V. 1871–1873. СПб.: тип. т-во «Общественная польза», 1877. 53 с.
58. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. III. 1855–1864. СПб.: тип. т-во «Общественная польза», 1865. 42 с.
59. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. IV. 1865–1870. СПБ., 1871. 42 с.
60. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. IX. 1884 год. СПб., 1893. 1352 с.
61. Сборник Постановлений по Министерству народного просвещения. Т. VII. 1877–1881. СПб., 1883. 63 с.
62. Сборник Постановлений по Министерству народного просвещения. Т. VIII. 1881–1883 годы СПб., 1892.

63. Свод мнений педагогических советов средних учебных заведений Кавказского учебного округа по вопросу о мерах к поднятию уровня грамотности среди учащихся. Тифлис: Типо.-лит. и переплетная т-ва «Либерман и Ко», 1913. 451 с.
64. Симонов П. И. Горские школы. // Советская педагогика. 1937. № 4. С.104 – 1 \11.
65. Смирнов Ф. А. Сборник постановлений и распоряжений, относящихся к начальным училищам Кавказского учебного округа. Пг.: т-во худож.печатни, 1916. 533с.
66. Смирнов Ф. А. Сборник постановлений и распоряжений, относящихся к народным училищам Кавказского учебного округа. Тифлис: Тип. К.П. Козловского, 1904. 494 с.
67. Статистические сведения по учебным заведениям Кавказского учебного округа за пятнадцатилетний период. 1879–1883 гг. Тифлис, 1894. 145 с.
68. Тамбиева З. М. О народном образовании в Карачаево-Черкесии до Октябрьской революции. // К вопросам политического, хозяйственного и культурного развития Северного Кавказа. [Сборник статей] / [Редколлегия: д-р пед. наук проф. В. А. Романовский (отв. ред.) и др.]; М-во просвещения РСФСР. Ставроп. гос. пед. ин-т. Ставрополь: [б. и.], 1969. 194 с.
69. Узденова С. Б. Народное образование и педагогическая мысль в Карачае и Черкесии (до октября 1917). Пятигорск: Издательство Пятигорского государственного пединститута иностранных языков, 1994. 136 с.
70. Фарфоровский С. Дагестанская мусульманская школа // Журнал Министерства народного просвещения. 1915. №11. С.1–19.
71. Хатаев Е. Е. Попечитель кавказского учебного округа // Педагогика. 1996. №6. С.90–92.
72. Хугистова Ф. Ш. Общая характеристика школьной политики на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX вв. // Исторические науки и археология. 2015. №10. С.297–302.
73. Чехов Н. В. Народное образование в России с начала 60-х годов XIX века. М.: Польза, 1912. 224 с.
74. Шенгер Р. К. Свод статистических сведений по учебным заведениям Кавказского учебного округа за двадцатилетний период 1878–1898 гг. Тифлис: [б.и.], 1899. 143 с.
75. Юхотников Ф. В. Нечто о горских учащихся в Ставропольской гимназии // Кавказ. 1858, №100. С. 3.

References

1. Aduhov M. D. Stanovlenie i razvitie svetskogo obrazovanija v Dagestane (vtoraja polovina XIX v. – XX v.) *(Formation and development of secular education in Dagestan (second half of the 19th century – XX century)*. abstract of thesis. Mahachkala, 2004. 500 p. (In Russian).
2. Badtdieva G. H. Shkola, prosvetitel'skaja i pedagogicheskaja mysl' naro-dov Severnogo Kavkaza nakanune i v period mezhdu tremja russkimi revoljucijami (1900–1917 gg.) *(School, educational and pedagogical thought of the peoples of the North Caucasus on the eve and in the period between the three Russian revolutions (1900–1917):* abstract of thesis. Vladikavkaz, 2003. 22 s. (In Russian).
3. Boziev R. S. Razvitie obrazovanija narodov Severnogo Kavkaza v XIX – nachale XX vekov: jetapy, dvizhushhie sily, mehanizmy *(Development of education of the peoples of the North Caucasus in the 19th – early 20th centuries: stages, driving forces, mechanisms)*: abstract of thesis. Moscow, 2009. 45 p. (In Russian).
4. Britaeva N. T. Razvitie obshheobrazovatel'noj shkoly na territorii Severnogo Kavkaza i Zakavkaz'ja vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. *(The development of a comprehensive school in the North Caucasus and Transcaucasia in the second half of the 19th – early 20th centuries):* thesis. Moscow, 1978. 191 p. (In Russian).
5. Bunge N. A. K voprosu o narodnom obrazovanii v Rossii. *(On the issue of public education in Russia)*. Kiev: Kushnerev i Ko, 1901. 49 p. (In Russian).
6. Volzhenskij S. V. Narodnoe obrazovanie v Rossii *(Public education in Russia)*. St.Petetrsburg: M.O. Jettingera, 1872. 44 s. (In Russian).
7. Gatagova L. S. Pravitel'stvennaja politika i narodnoe obrazovanie na Kavkaze v XIX v. *(Government policy and public education in the Caucasus in the 19th century)*. Moscow: Rossija molodaja, 1993. 141 p. (In Russian).
8. Gontareva E. N. Nachal'noe obrazovanie v dorevoljucionnoj Checheno-Ingushetii *(Primary education in pre-revolutionary Chechen-Ingushetia)*. Groznyj: Chech.-Ing. Kn. Izd-vo, 1965. 75 p. (In Russian).
9. Dzampaeva Zh. T. Razvitie zhenskogo obrazovanija i vospitanija u narodov Severnogo Kavkaza v XIX – nachale XX vv. *(Development of women's education and upbringing among the peoples of the North Caucasus in the 19th – early 20th centuries):* thesis. Vladikavkaz, 2004. 152 p. (In Russian).
10. Zhurnal sobranija direktorov i inspektorov narodnyh uchilishh i direktorov uchitel'skih seminarij Kavkazskogo uchebnogo okruga 12–13 ijunja 1903 goda v gorode Tiflise *(Journal of the meeting of directors and inspectors of public schools and directors of teachers' seminaries of the Caucasian educational district on June 12–13, 1903 in the city of Tiflis)*. Tiflis, 1903. 107 p. (In Russian).
11. Il'in A. A. Kavkazskij uchebnyj okrug v 1903 g. *(Caucasian educational district in 1903)* // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshhenija. 1904. November. (In Russian).
12. Il'in A. A. Kavkazskij uchebnyj okrug v 1904 g. *(Caucasian educational district in 1904)* // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshhenija. 1906. May. P. 137–144. (In Russian).
13. Istorija razvitija narodnogo obrazovanija v Jugo-Osetii do ustanovlenija Sovetskoj vlasti *(The history of the development of public education in South Ossetia before the establishment of Soviet power)* // Izvestija Jugo-Osetinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta. Issue. 9. 1958. P. 3–80. (In Russian).
14. Kajmarazov G. Sh. Prosveshhenie v dorevoljucionnom Dagestane. *(Enlightenment in pre-revolutionary Dagestan)*. Mahachkala: Daguchpedgiz, 1989. 160 p. (In Russian).
15. Konstantinov N. A. Ocherki po istorii srednej shkoly. Gimnazii i re-al'nye uchilishha s konca XIX v. do Fevral'skoj revoljucii 1917 g. *(Essays on the history of high school. Gymnasiums and real schools from the end of the 19th century. Before the February Revolution of 1917)*. Moscow: Uchpedgiz, 1956. 247 p. (In Russian).

16. Kopachev I. P. Razvitie shkol'nogo obrazovanija v Kabardino-Balkarii. (XVIII v. – 30-e gody XX v.). *(Development of school education in Kabardino-Balkaria. (XVIII century – 30s of XX century).* Nal'chik: Kabard.-Balkar. kn. izd-vo, 1964. 180 p. (In Russian).

17. Koshev M. A. Iz istorii prosveshhenija gorcev Severnogo Kavkaza v XIX – nachale XX veka. *(From the history of enlightenment of the highlanders of the North Caucasus in the XIX – early XX century)*. Nal'chik: Jel'brus, 1991. 160 p. (In Russian).

18. Krasnov M. Istoricheskaja spravka (k 25-letiju Obshhestva dlja sodejstvija rasprostraneniju narodnogo obrazovanija v g. Stavropole) *(Historical background (to the 25th anniversary of the Society to promote the spread of public education in Stavropol)*. Stavropol': Tip. gub.pravl, 1913. 69p. (In Russian).

19. Modzalevskij L.N. Ocherk istorii vospitanija i obuchenija s drevnejshih do nashih vremen. Chast' vtoraja *(Essay on the history of education and training from ancient times to our times. Part two).* St.Petetrsburg: N.G. Martynov, 1899. 605 p. (In Russian).

20. Modzalevskij L. N. Hod uchebnogo dela na Kavkaze s 1802 po 1880 god. *(The course of educational affairs in the Caucasus from 1802 to 1880).* Tiflis: A.A. Mihel'son, 1880. 96 p. (In Russian).

21. Narodnoe obrazovanie v Kabarde i Balkarii v XIX – nachale XX veka *(Public education in Kabarda and Balkaria in the XIX – early XX century)* // Sbornik arhivnyh dokumentov. Pod red. Musukaeva A.M. Sostavlenie, arheograficheskaja obrabotka, redakcija i kommentarii M. Z. Sablirova. Nal'chik: Jel'fa, 2001. 270 p. (In Russian).

22. Narodnoe obrazovanie i razboi na Kavkaze *(Public education and robberies in the Caucasus)* // Russkaja shkola. 1898. No. 11. P. 335–336. (In Russian).

23. Narodnoe obrazovanie na Kavkaze *(Public education in the Caucasus)* // Russkaja shkola. 1906. No. 7–8. P. 66–69. (In Russian).

24. Otchet popechitelja Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostojanii uchebnyh zavedenij za 1879 god. *(Report of the trustee of the Caucasian educational district on the state of educational institutions for 1879)*. Tiflis, 1880. (In Russian).

25. Otchet popechitelja Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostojanii uchebnyh zavedenij za 1880 god *(Report of the trustee of the Caucasian educational district on the state of educational institutions for 1880)*. Tiflis, 1881. (In Russian).

26. Otchet popechitelja Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostojanii uchebnyh zavedenij za 1887god *(Report of the trustee of the Caucasian educational district on the state of educational institutions for 1887)*. Tiflis, 1888. (In Russian).

27. Otchet popechitelja Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostojanii uchebnyh zavedenij za 1888 god *(Report of the trustee of the Caucasian educational district on the state of educational institutions for 1889)*. Tiflis, 1889. (In Russian).

28. Otchet popechitelja Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostojanii uchebnyh zavedenij za 1889 god *(Report of the trustee of the Caucasian educational district on the state of educational institutions for 1889)*. Tiflis, 1890. (In Russian).

29. Otchet popechitelja Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostojanii uchebnyh zavedenij za 1890 god *(Report of the trustee of the Caucasian educational district on the state of educational institutions for 1890)*. Tiflis, 1891. (In Russian).

30. Otchet popechitelja Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostojanii uchebnyh zavedenij za 1891 god *(Report of the trustee of the Caucasian educational district on the state of educational institutions for 1891)*. Tiflis, 1892. (In Russian).

31. Otchet popechitelja Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostojanii uchebnyh zavedenij za 1893 god *(Report of the trustee of the Caucasian educational district on the state of educational institutions for 1893)*. Tiflis, 1894. (In Russian).

32. Otchet popechitelja Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostojanii uchebnyh zavedenij za 1894 god *(Report of the trustee of the Caucasian educational district on the state of educational institutions for 1894)*. Tiflis, 1895. (In Russian).

33. Otchet popechitelja Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostojanii uchebnyh zavedenij za 1895 god *(Report of the trustee of the Caucasian educational district on the state of educational institutions for 1895)*. Tiflis, 1896. (In Russian).

34. Otchet popechitelja Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostojanii uchebnyh zavedenij za 1897 god *(Report of the trustee of the Caucasian educational district on the state of educational institutions for 1897)*. Tiflis, 1898. (In Russian).

35. Otchet popechitelja Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostojanii uchebnyh zavedenij za 1898 god *(Report of the trustee of the Caucasian educational district on the state of educational institutions for 1898)*. Tiflis, 1899. (In Russian).

36. Otchet popechitelja Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostojanii uchebnyh zavedenij za 1899 god *(Report of the trustee of the Caucasian educational district on the state of educational institutions for 1899)*. Tiflis, 1900. (In Russian).

37. Otchet popechitelja Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostojanii uchebnyh zavedenij za 1900 god *(Report of the trustee of the Caucasian educational district on the state of educational institutions for 1900)*. Tiflis, 1901. (In Russian).

38. Otchet popechitelja Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostojanii uchebnyh zavedenij za 1901 god *(Report of the trustee of the Caucasian educational district on the state of educational institutions for 1901)*. Tiflis, 1902. (In Russian).

39. Otchet popechitelja Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostojanii uchebnyh zavedenij za 1902 god *(Report of the trustee of the Caucasian educational district on the state of educational institutions for 1902)*. Tiflis, 1903. (In Russian).

40. Otchet popechitelja Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostojanii uchebnyh zavedenij za 1904 god *(Report of the trustee of the Caucasian educational district on the state of educational institutions for 1904)*. Tiflis, 1905. (In Russian).

41. Otchet popechitelja Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostojanii uchebnyh zavedenij za 1905 god *(Report of the trustee of the Caucasian educational district on the state of educational institutions for 1905)*. Tiflis, 1906. (In Russian).

42. Otchet popechitelja Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostojanii uchebnyh zavedenij za 1906 god *(Report of the trustee of the Caucasian educational district on the state of educational institutions for 1906)*. Tiflis, 1907. (In Russian).

43. Otchet popechitelja Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostojanii uchebnyh zavedenij za 1907 god *(Report of the trustee of the Caucasian educational district on the state of educational institutions for 1907)*. Tiflis, 1908. (In Russian).

44. Otchet popechitelja Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostojanii uchebnyh zavedenij za 1908 god *(Report of the trustee of the Caucasian educational district on the state of educational institutions for 1908)*. Tiflis, 1909. (In Russian).

45. Otchet popechitelja Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostojanii uchebnyh zavedenij za 1909 god *(Report of the trustee of the Caucasian educational district on the state of educational institutions for 1909)*. Tiflis, 1910. (In Russian).

46. Otchet popechitelja Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostojanii uchebnyh zavedenij za 1910 god *(Report of the trustee of the Caucasian educational district on the state of educational institutions for 1910)*. Tiflis, 1911. (In Russian).

47. Otchet popechitelja Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostojanii uchebnyh zavedenij za 1911 god *(Report of the trustee of the Caucasian educational district on the state of educational institutions for 1911)*. Tiflis, 1912. (In Russian).
48. Otchet popechitelja Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostojanii uchebnyh zavedenij za 1913 god *(Report of the trustee of the Caucasian educational district on the state of educational institutions for 1913)*. Tiflis, 1914. (In Russian).
49. Otchet popechitelja Kavkazskogo uchebnogo okruga o sostojanii uchebnyh zavedenij za 1914 god *(Report of the trustee of the Caucasian educational district on the state of educational institutions for 1914)*. Tiflis, 1915. (In Russian).
50. Otchety direktorov i inspektorov narodnyh uchilishh Kavkazskogo uchebnogo okruga. Ob osmotre uchebnyh zavedenij v 1903–1904 (po maj mesjac) godah. *(Reports of directors and inspectors of public schools of the Caucasian educational district. About the inspection of educational institutions in 1903–1904 (until May)*. Tiflis, 1909. 331 p. (In Russian).
51. Ocherki istorii shkoly i pedagogicheskoj mysli narodov SSSR. Vtoraja polovina XIX v. *(Essays on the history of schools and pedagogical thought of the peoples of the USSR. Second half of the 19th century)*. Moscow: Pedagogika, 1976. 600 p. (In Russian).
52. Polozhenie o Kavkazskom uchebnom okruge i uchebnyh zavedenijah onomu podvedomstvennyh *(Regulations on the Caucasian educational district and educational institutions under its jurisdiction)*. St.Petersburg, 1853. 28 p. (In Russian).
53. Polozhenie ob uchebnoj chasti na Kavkaze i za Kavkazom *(Regulations on the educational unit in the Caucasus and beyond the Caucasus)*. Tiflis, 1867. 65 p. (In Russian).
54. Rozhdestvenskij S. V. Istoricheskij obzor dejatel'nosti Ministerstva narodnogo prosveshhenija (1802–1902) *(Historical overview of the activities of the Ministry of Public Education (1802–1902)*. St.Petersburg, 1902. 785 p. (In Russian).
55. Rudol'f N. F. Obzor dejatel'nosti Kavkazskogo uchebnogo okruga v 1908–1912 gg. *(Historical overview of the activities of the Ministry of Public Education (1802–1902)*. Tiflis: Liberman i Ko, 1914. 231 p. (In Russian).
56. Sbornik dokumentov i statej po voprosu ob obrazovanii inorodcev *(Collection of documents and articles on the education of foreigners)*. St.Petersburg: Obshhestvennaja pol'za, 1869. 522 p. (In Russian).
57. Sbornik postanovlenij Ministerstva narodnogo prosveshhenija. Vol. V. 1871–1873. *(Collection of decrees of the Ministry of Public Education)*. St.Petersburg: pol'za, 1877. 53 p. (In Russian).
58. Sbornik postanovlenij po Ministerstvu narodnogo prosveshhenija. Vol. III. 1855–1864 *(Collection of decisions on the Ministry of Public Education)*. St.Petersburg: Obshhestvennaja pol'za, 1865. 42 p. (In Russian).
59. Sbornik postanovlenij po Ministerstvu narodnogo prosveshhenija. *(Collection of decisions on the Ministry of Public Education)*. Vol. IV. 1865–1870. St.Petersburg, 1871. 42 p. (In Russian).
60. Sbornik postanovlenij po Ministerstvu narodnogo prosveshhenija *(Collection of decisions on the Ministry of Public Education)*. Vol. IX. 1884 god. St.Petersburg, 1893. 1352 p. (In Russian).
61. Sbornik Postanovlenij po Ministerstvu narodnogo prosveshhenija *(Collection of decisions on the Ministry of Public Education)*. Vol. VII. 1877–1881. St.Petersburg, 1883. 63 p. (In Russian).
62. Sbornik Postanovlenij po Ministerstvu narodnogo prosveshhenija *(Collection of decisions on the Ministry of Public Education)*. Vol. VIII. 1881–1883 gody St.Petersburg, 1892. (In Russian).
63. Svod mnenij pedagogicheskih sovetov srednih uchebnyh zavedenij Kavkazskogo uchebnogo okruga po voprosu o merah k podnjatiju urovnja gramotnosti sredi uchashhihsja *(The set of opinions of the pedagogical councils of secondary educational institutions of the Caucasian educational district on the issue of measures to raise the level of literacy among students)*. Tiflis: Liberman and Ko, 1913. 451 p. (In Russian).
64. Simonov P. I. Gorskie shkoly *(Mountain schools)* // Sovetskaja pedagogika. 1937. No. 4. P.104–111. (In Russian).
65. Smirnov F. A. Sbornik postanovlenij i rasporjazhenij, otnosjashhihsja k nachal'nym uchilishham Kavkazskogo uchebnogo okruga *(Collection of decrees and orders relating to the primary schools of the Caucasian educational district)*. Pg.: t-vo hudozh.pechatni, 1916. 533 p. (In Russian).
66. Smirnov F. A. Sbornik postanovlenij i rasporjazhenij, otnosjashhihsja k narodnym uchilishham Kavkazskogo uchebnogo okruga *(Collection of decrees and orders relating to the primary schools of the Caucasian educational district)*. Tiflis: K. P. Kozlovskii, 1904. 494 p. (In Russian).
67. Statisticheskie svedenija po uchebnym zavedenijam Kavkazskogo uchebnogo okruga za pjatnadcatiletnij period *(Statistical information on educational institutions of the Caucasian educational district for a fifteen-year period)*. 1879–1883 gg. Tiflis, 1894. 145 p. (In Russian).
68. Tambieva Z. M. O narodnom obrazovanii v Karachaevo-Cherkesii do Ok-tjabr'skoj revoljucii *(On public education in Karachay-Cherkessia before the October Revolution)* // K voprosam politicheskogo, hozjajstvennogo i kul'turnogo razvitija Severnogo Kavkaza. Stavropol', 1969. 194 p. (In Russian).
69. Uzdenova S. B. Narodnoe obrazovanie i pedagogicheskaja mysl' v Karachae i Cherkesii (do oktjabrja 1917). *(On public education in Karachay-Cherkessia before the October Revolution)*. Pjatigorsk, 1994. 136 p. (In Russian).
70. Farforovskij S. Dagestanskaja musul'manskaja shkola *(Dagestan Muslim School)* // Zhurnal Mini-sterstva narodnogo prosveshhenija. 1915. No.11. P. 1–19. (In Russian).
71. Hataev E. E. Popechitel' kavkazskogo uchebnogo okruga *(Trustee of the Caucasian educational district)* // Pedagogika. 1996. No. 6. P. 90–92. (In Russian).
72. Hugistova F. Sh. Obshhaja harakteristika shkol'noj politiki na Severnom Kavkaze vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. *(General characteristics of school policy in the North Caucasus in the second half of the 19th – early 20th centuries)* // Istoricheskie nauki i arheologija. 2015. No. 10. P. 297–302. (In Russian).
73. Chehov N. V. Narodnoe obrazovanie v Rossii s nachala 60-h godov XIX veka. *(Public education in Russia since the early 60s of the XIX century)*. Moscow: Pol'za, 1912. 224 p. (In Russian).
74. Shenger R. K. Svod statisticheskih svedenij po uchebnym zavedenijam Kavkazskogo uchebnogo okruga za dvadcatiletnij period 1878–1898 gg. *(The set of statistical information on educational institutions of the Caucasian educational district for the twenty-year period 1878–1898)*. Tiflis, 1899. 143 p. (In Russian).
75. Juhotnikov F. V. Nechto o gorskih uchashhihsja v Stavropol'skoj gimnazii. *(Something about mountain students at the Stavropol gymnasium)* // Kavkaz. 1858, No. 100. P. 3. (In Russian).

Сведения об авторах

Шафранова Ольга Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / shafranova@yandex.ru

Трофимов Максим Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права, Юридического института, заместитель директора Юридического института по научной работе, Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / sim-pai@mail.ru

Information about the authors

Shafranova Olga – PhD in History, Associate Professor, Chair of Russian history, Humanities Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / shafranova@yandex.ru

Maksim Trofimov – PhD in Law, Associate professor, Chair of Administrative and Financial Law, Law Institute, Deputy Director for Research, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / sim-pai@mail.ru

УДК 340.115.7

А. П. Анисимов

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИИ, КАЗАХСТАНА И БЕЛАРУСИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Одной из современных тенденций является взаимопроникновение в национальные правовые системы наиболее удачных правовых норм и институтов, действующих в других странах. Изучение такого сравнительного аспекта позволяет лучше понять достоинства и недостатки национального законодательства, сформулировать конструктивные предложения для законодателя, а также определить возможные пути двустороннего сотрудничества по правовым вопросам, которые в национальном законодательстве двух или более стран понимаются сходным образом. Наиболее тесная взаимосвязь у российского законодательства прослеживается со странами СНГ, поскольку много лет наши страны входили в состав СССР, и заложенные еще в тот период нашей совместной истории подходы к правовому регулированию самых различных видов общественных отношений сохраняются до сих пор. В результате проведенного сравнительного анализа эколого-правовых институтов главных экологических законов трех стран, делается вывод о том, что значительное число эколого-правовых институтов полностью или частично совпадают. Ряд белорусских и казахстанских эколого-правовых институтов представляет интерес для совершенствования российского экологического законодательства (например, в части экономического регулирования охраны окружающей среды, мер по снижению выбросов парниковых газов, мер в области развития ООПТ и т.д.). Основная причина таких совпадений или отличий видится в том, что изначально проект Закона РСФСР «Об охране окружающей природной среды» от 19 декабря 1991 г. готовился на основе положений европейских экологических законов второй половины 80-х годов прошлого века. Концепция этого Закона РСФСР 1991 г. легла в основу как действующего Федерального закона «Об охране окружающей среды» от 10 декабря 2002 г., так и Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды». В Казахстане при подготовке проекта Экологического кодекса во второй половине 2000-х годов за основу были взяты действовавшие в тот момент в европейских странах экологические законы, которые с конца 80-х годов сильно изменились. Поэтому и концепция ЭК РК сильно отличается от концепций российского и белорусского главных экологических законов, не столько в части наименования основных эколого-правовых институтов, сколько с точки зрения их содержания.

Ключевые слова: Экологический кодекс, экологическое право, сравнительное правоведение, экологические требования, экологический мониторинг.

Alexey Anisimov

ENVIRONMENTAL LEGISLATION OF RUSSIA, KAZAKHSTAN AND BELARUS: COMPARATIVE LEGAL ASPECT

One of the current trends is the interpenetration of the most successful legal norms and institutions operating in other countries and their introduction into national legal systems. The study of this comparative aspect allows us to better understand the advantages and disadvantages of national legislation, formulate constructive proposals for the legislator, and identify possible ways of bilateral cooperation on legal issues that are understood in the national legislation of two or more countries in a similar way. The closest relationship between Russian legislation can be traced with the CIS countries, since for many years, our countries were part of the USSR, and the approaches to legal regulation of various types of public relations laid down in that period of our joint history are still preserved. Because of the comparative analysis of the environmental and legal institutions of the main environmental laws of the three countries, it is concluded that a significant number of environmental and legal institutions fully or partially coincide. A number of Belarusian and Kazakh environmental legal institutions are of interest for improving Russian environmental legislation (for example, in terms of economic regulation of environmental protection, measures to reduce greenhouse gas emissions, measures for the development of protected areas, etc.). The main reason for such coincidences or differences is seen in the fact that initially the draft law of the RSFSR “On environmental protection” of December 19, 1991 was prepared on the basis of the provisions of European environmental laws of the second half of the 1980. The concept of this Law of the RSFSR 1991 is the basis of both the current Federal law “On environmental protection” of December 10, 2002, and the Law of the Republic of Belarus “On environmental protection”. In Kazakhstan, when preparing the

draft Environmental code in the second half of the 2000s, it was based on the environmental laws in force in European countries at that time, which have changed significantly since the late 80s. Therefore, the concept of the EC of the Republic of Kazakhstan is very different from the concepts of the Russian and Belarusian main environmental laws, not so much in terms of the name of the main environmental legal institutions, but in terms of their content.

Key words: environmental code, environmental law, comparative law, environmental requirements, environmental monitoring.

В эпоху глобализации возрастает значение международного сотрудничества, поскольку, например, проблему глобального изменения климата или загрязнения Мирового океана ни одна страна мира не сможет решить в одиночку.

Не менее значимой тенденцией является взаимопроникновение в национальные правовые системы наиболее удачных правовых норм и институтов, действующих в других странах. Изучение такого сравнительного аспекта позволяет лучше понять достоинства и недостатки национального законодательства, сформулировать конструктивные предложения для законодателя, а также определить возможные пути двустороннего сотрудничества по правовым вопросам, которые в национальном законодательстве двух или более стран понимаются сходным образом. Наиболее тесная взаимосвязь у российского законодательства прослеживается со странами СНГ, поскольку много лет наши страны входили в состав СССР, и заложенные еще в тот период нашей совместной истории подходы к правовому регулированию самых различных видов общественных отношений сохраняются до сих пор. Однако проведение сравнительного исследования в рамках любой отрасли права нескольких стран требует уточнения его методологии. Сравнительный метод – это «способ познания действительности посредством сравнения, определения неизвестного путем сравнения с известным, уяснения качеств явления путем сопоставления с другими качествами данного явления или с такими же качествами других явлений и т.д.» [6, с. 22].

Представляется, что сравнительное правоведение – это частно-научный метод (способ) ведения юридических исследований, предполагающий проведение сравнения как отдельных правовых норм (институтов, отраслей), так и в целом правовых систем нескольких стран (на современном этапе или в истории).

В первом случае такое исследование ведется в целях решения конкретных проблем определенной страны, например, совершенствования законодательного регулирования определенной группы общественных отношений (избирательных, муниципальных, экологических, договорных и т.д.). Во втором случае исследуются более глобальные тенденции, связанные с развитием современных правовых семей, их взаимным влиянием и т.д. В настоящей статье основное внимание будет уделено только первому, более локальному, аспекту проблемы.

Итак, в рамках первой модели основным методом сравнительного правоведения «является сравнение, его объектом – законы двух и более государств или регионов, их юридические источники в целом, а также любые сопоставимые друг с другом государственно-правовые явления…» [3, с. 10]. Как справедливо отмечалось в научной литературе, «правовое сравнение представляет собой самостоятельный вид правового исследования, направленного на получение нового знания об объекте сравнительного правоведения. Основная цель реализации теоретико-методологического потенциала сравнительного правоведения состоит в получении путем правового сравнения и адаптации к национальным условиям новых знаний об известном национальной среде правовом объекте» [1, с. 10].

Из этого следует, что цель современной эколого-правовой компаративистики – дать ответ на вопросы о том, какие правовые процессы происходят в разных странах мира, как в них развиваются основные эколого-правовые институты, а, главным образом, как отображается изменяющееся состояние окружающей среды в тех или иных национальных правовых системах.

В качестве объекта такого сравнения представляется интересным выделить содержание основных эколого-правовых институтов трех главных экологических законов - Российской Федерации, Республики Казахстан и Республики Беларусь. Соответствующие эколого-правовые институты в данных странах могут совпадать полностью, частично, или не совпадать вообще. При этом основное внимание далее будет уделяться не столько сравнению между собой законов Республик Казахстан и Беларусь, сколько их сравнению с основными институтами российского Федерального закона «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 г. (далее Закон РФ). Необходимо заметить, что в Казахстане произведена кодификация и действует Экологический кодекс Республики Казахстан от 9 января 2007 г. (далее ЭК РК). В Республике Беларусь, как и в России, действует множество экологических законов, главным из которых является Закон Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» от 26 ноября 1992 г. В условиях, когда все чаще поднимается вопрос о разработке проекта Экологического кодекса РФ [2], вопрос о существующем опыте кодификации экологического законодательства в Республике Казахстан представляет особый теоретический и практический интерес. При этом следует заметить, что полноценное сравнение вообще всех эколого-правовых институтов трех стран потребует проведения большого монографического исследования. Поэтому в настоящей статье объектом сравнения выступят лишь некоторые из них, представляющие наибольший интерес для

российского законодателя, с дополнительным вниманием на проблемы юридической техники, имеющие место в нормативных формулировках этих законов. Итак, попробуем сравнить данные эколого-правовые институты.

I. Полностью совпадают.

1) наименование и общие принципы осуществления «традиционных» мер государственного регулирования в области охраны окружающей среды, существующих уже не одно десятилетие, в целом совпадают в России, Казахстане и Беларуси. При этом если в сравнении с Казахстаном мы видим ряд существенных отличий в реализации некоторых таких общих мер государственного управления (например, в части экономического регулирования), то с Республикой Беларусь у РФ намного больше общего, как по форме, так и по содержанию. В частности, в РФ и Республике Беларусь во многом совпадают институты нормирования, мониторинга, требования к отдельным видам экологически опасной деятельности, регулирование вопросов экологического контроля, экологического воспитания и образования. Также, как и в России, в Республике Беларусь ведется Красная книга, основанная на аналогичных принципах и имеющая те же цели и задачи.

2) практически полностью совпадает перечень экологических прав и обязанностей в Российской Федерации, Беларуси и Казахстане. Во всех трех странах граждане имеют право на экологическую информацию, возмещение вреда, митинги, шествия и демонстрации и т.д. При этом в Казахстане и Беларуси четко закреплено право граждан участвовать в принятии экологических решений, чего нет в ст.11 Закона РФ, однако данное право закреплено в других российских законах (например, Градостроительный кодекс РФ предусматривает участие граждан в обсуждении градостроительной документации, затрагивающей, в том числе, и экологические права граждан). Не дословно, но по смыслу в России и Казахстане совпадает и перечень экологических обязанностей. В Республике Беларусь перечень экологических обязанностей шире, чем в России и Казахстане. Вместе с тем, сами эти обязанности не являются чем-то принципиально новым (например, выполнять требования в области обращения с отходами). В России данные обязанности просто сформулированы в других федеральных законах.

3) в ЭК РК выделяется три вида юридической ответственности за экологические правонарушения: имущественная, административная и уголовная. При этом примечательно, что законодатель России и РК использует термин «имущественная», а не «гражданско-правовая» ответственность. В Законе РФ еще упоминается дисциплинарная ответственность, хотя, по мнению ряда ученых [5, с.108], она не носит самостоятельного характера в сфере охраны природы.

II. Частично совпадают.

1) в терминологии ЭК РК мы встречаем много категорий, используемых в международном праве, что обусловлено взятыми на себя Казахстаном международными обязательствами (например, термины, связанные с уменьшением количества парниковых газов, уменьшением производства озоноразрушающих веществ и т.д.). В целом в РФ и РК совпадает терминологическое понимание проблем обращения с отходами, экологического мониторинга, особо охраняемых природных территорий, государственного экологического контроля (надзора) или экологического нормирования. Ряд терминов, которые используются в России и не имеют в Законе РФ четкого определения (например, сточные воды), раскрываются в ЭК РК. Некоторые термины в ЭК РК сформулированы более точно, чем в РФ. Например, в РФ «природный объект – естественная экологическая система, природный ландшафт и составляющие их элементы, сохранившие свои природные свойства». В ЭК РК «природные объекты - естественные объекты, имеющие границы, объем и режим существования». Таким образом, в ЭК РК дано более четкое с правовой точки зрения определение. Тоже самое можно сказать и про другое базовое определение – «окружающая среда». В ЭК РК под ней понимается «совокупность природных и искусственных объектов, включая атмосферный воздух, озоновый слой Земли, поверхностные и подземные воды, земли, недра, растительный и животный мир, а также климат в их взаимодействии». В России «окружающая среда – совокупность компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов, а также антропогенных объектов». Таким образом, в ЭК РК в понятие окружающей среды, кроме природных объектов, входит еще и климат, что в свете Парижского соглашения по климату 2015 г. более чем обосновано. Ряд терминов ЭК РК может быть использован для дополнения российского законодательства, например, «экологически опасный вид хозяйственной и иной деятельности», «экологические (зеленые) инвестиции», «экологическое образование», «экологический менеджмент» и другие. В тоже время ряд терминов лучше представлен в России, например, определения отдельных видов экологических нормативов, раскрытие категорий «объект природного наследия» или «оценка воздействия на окружающую среду».

При сравнении терминологического ряда России и Республики Беларусь также можно обнаружить случаи совпадающей и несовпадающей терминологии. Например, в России не используются термины биотоп, биосферный резерват, национальная экологическая сеть и т.д. В тоже время, большая часть терминологии у нас практически полностью совпадает (компоненты природной среды, мониторинг, качество окружающей среды и т.д.). При этом у РФ и РБ таких терминологических совпадений больше, чем у России и Республики Казахстан.

2) принципы экологического права совпадают в ЭК РК и Законе РФ лишь частично, например, в части принципа платности или ответственности за нарушение требований экологического зако-

нодательства. Ряд принципов ЭК РК в Законе РФ отсутствует (например, принцип приоритетности использования отходов производства и потребления в качестве вторичных ресурсов). Соответственно, многих принципов Закона РФ нет в ЭК РК (например, принципа организации и развития системы экологического образования, воспитания и формирования экологической культуры), и самих принципов в РФ больше.

Если сравнивать принципы экологического законодательства Российской Федерации и Беларуси, то большая их часть дословно совпадет. Другая часть несколько отличается по формулировке, совпадая по смыслу. Из числа интересных для РФ принципов белорусского экологического законодательства следует выделить принцип недопущения совмещения функций государственного регулирования, управления и контроля в области охраны окружающей среды, рационального использования природных ресурсов и функций природопользования.

3) в Казахстане развивается институт экологической маркировки, который пока еще слабо развит в России. Согласно ст.32 ЭК РК, объектом экологической маркировки является продукция, при производстве которой оказывается наименьшее вредное или благоприятное воздействие на окружающую среду, здоровье населения и биологические ресурсы. Задачами экологической маркировки являются: защита потребителей от приобретения (использования) продукции, которая опасна для окружающей среды; предотвращение загрязнения окружающей среды при производстве, использовании и ликвидации всех видов продукции; обеспечение экологической безопасности оборудования, технологических процессов и т.д. Экологическая маркировка предусмотрена в Российской Федерации только ст.7 Федерального закона от 03.08.2018 № 280-ФЗ «Об органической продукции и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», и развития пока не получила. В Республике Беларусь главный природоохранный закон экологическую маркировку не упоминает.

4) в Казахстане предусмотрено три вида экологических экспертиз: государственная, общественная и экологическая экспертиза проектов. В России к числу экологических относятся только первые две. Экологическая экспертиза проектов самостоятельного значения не имеет, и проводится в составе государственной экспертизы проектной документации (ст.49 ГрК РФ). В Казахстане также экологическая экспертиза проектов является частью комплексной вневедомственной экспертизы проектов строительства, однако при этом считается самостоятельным видом экологических экспертиз. Перечень объектов государственной экологической экспертизы в Казахстане несколько шире, чем в РФ (например, экспертизу проводят по проектам нормативных правовых актов, реализация которых может привести к негативным воздействиям на окружающую среду или по проектам обоснований при создании особо охраняемых природных территорий).

5) отдельная глава 10 ЭК РК посвящена механизмам экономического регулирования охраны окружающей среды и природопользования. В числе таких механизмов выделяются планирование и финансирование мероприятий по охране окружающей среды; плата за эмиссии в окружающую среду; плата за пользование отдельными видами природных ресурсов; экономическое стимулирование охраны окружающей среды; рыночные механизмы управления эмиссиями в окружающую среду; рыночные механизмы сокращения выбросов и поглощения парниковых газов; экологическое страхование; расширенные обязательства производителей (импортеров); экономическая оценка ущерба, нанесенного окружающей среде. При сравнении этих элементов экономического регулирования с российскими, закрепленными в главе 4 Закона РФ, нетрудно обнаружить, что в России выделяется всего три элемента: плата за негативное воздействие на окружающую среду; государственная поддержка хозяйственной и (или) иной деятельности, осуществляемой в целях охраны окружающей среды, и экологическое страхование (при том, что последнее не получило пока в России сколько-нибудь значительного развития). Прямо не упоминается, но ежегодно осуществляется финансирование природоохранных мероприятий из средств бюджетов всех уровней Российской Федерации. В России экономическая оценка ущерба, нанесенного окружающей среде (глава 11 ЭК РК) не рассматривается как часть экономического регулирования, а осуществляется в рамках института возмещения экологического вреда. В Республике Беларусь также выделяется большее число элементов экономического механизма охраны окружающей среды, чем в России.

В частности, в РБ среди них следует выделить разработку государственных прогнозов и программ социально-экономического развития Республики Беларусь в части рационального (устойчивого) использования природных ресурсов и охраны окружающей среды; финансирование программ и мероприятий по рациональному (устойчивому) использованию природных ресурсов и охране окружающей среды; создание фондов охраны природы; установление платежей за природопользование; проведение экономической оценки природных объектов; проведение экономической оценки воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду; экологическое страхование и ряд других.

Для финансирования государственных программ рационального использования природных ресурсов и охраны окружающей среды, региональных комплексов мероприятий и иных целей в области охраны окружающей среды, в Республике Беларусь созданы республиканский и местные фонды охраны природы, которые являются государственными целевыми бюджетными фондами. Аналогичный фонды существовали и в России в 90-гг., но были закрыты [4, с. 90-93].

6) в Казахстане, как и в России, осуществляется контроль за состоянием окружающей среды.

Однако если в России базовой категорией является «государственный экологический надзор», в состав которого входят земельный надзор, надзор в области обращения с отходами и т.д., то в Республике Казахстан базовой категорией является «государственный контроль в области охраны окружающей среды, охраны, воспроизводства и использования природных ресурсов». В ЭК РК различаются следующие виды государственного контроля: экологический контроль; контроль за использованием и охраной земель; контроль в области использования и охраны водного фонда и т.д. Такой подход представляется более логичным, чем в России, поскольку, например, надзор за использованием водных объектов – это, скорее природоресурсный надзор, имеющий, хотя и родственные, но несколько иные цели, чем собственно экологический надзор. Поэтому создание в Экологическом кодексе Казахстана родовой категории, куда входят и экологический, и горный или лесной надзор, обосновано.

Примечательно, что вопросам государственного экологического контроля посвящено две главы ЭК РК (в том числе отдельная глава 13 раскрывает вопрос об его формах). При этом отдельная статья ЭК РК регламентирует порядок проведения профилактического контроля без посещения субъекта (объекта) контроля (если природопользователи внедрили автоматизированную систему мониторинга эмиссий). Еще одна глава посвящена производственному экологическому контролю и одна глава – общественному контролю. В России все эти вопросы урегулированы отдельными статьями или не урегулированы вовсе.

7) в Республике Казахстан и России полностью совпадает понимание целей и задач экологического мониторинга, однако отличается понимание его подсистем. В ЭК РК четко выделяется три таких подсистемы: мониторинг состояния окружающей среды; мониторинг природных ресурсов; специальные виды мониторинга. Некоторых видов мониторинга состояния окружающей среды в Российской Федерации нет, например, мониторинга атмосферных осадков или мониторинга трансграничных загрязнений. Другие виды совпадают (мониторинг состояния земель или атмосферного воздуха, радиационный мониторинг и т.д.).

При этом в ЭК РК в отдельную подсистему выделяется мониторинг особо охраняемых природных территорий, чего нет в России. Весьма интересны виды специального мониторинга, аналогов которым в Российской Федерации также нет (мониторинг климата и озонового слоя, парниковых газов и т.д.).

8) следует выделить ряд общих и отличных подходов в РФ и ЭК РК к выделению экологических требований к хозяйственной и иной деятельности, представляющей опасность для состояния окружающей среды. В РФ выделяют такие требования в сельском хозяйстве, энергетике, на транспорте и т.д. (аналогичный подход используется и в Беларуси), а в Казахстане – общие требования к хозяйственной и иной деятельности; экологические требования при использовании природных ресурсов; экологические требования на особо охраняемых природных территориях; экологические требования к хозяйственной и иной деятельности в государственной заповедной зоне в северной части Каспийского моря; экологические требования к использованию радиоактивных материалов, атомной энергии и обеспечению радиационной безопасности; экологические требования при производстве и использовании потенциально опасных химических и биологических веществ, генетически модифицированных продуктов и организмов; экологические требования при обращении с отходами производства и потребления; экологические требования к военным и оборонным объектам, военной деятельности. Таким образом, в части отходов или военной деятельности подходы двух стран полностью совпадают, однако, например, специальных экологических требований по использованию природных ресурсов в Законе РФ «Об охране окружающей среды» нет – они перечислены в природоресурсных законах.

9) в ЭК РК включена отдельная глава об экологических требованиях при обращении с отходами производства и потребления (в РФ этому вопросу посвящен отдельный закон). В ЭК РК регулируются вопросы собственности на отходы производства и потребления, а также вводится категория «бесхозяйные отходы». В России ст.4 Закона «Об отходах производства и потребления» просто отсылает к гражданском законодательству, не уточняя никаких особенностей права собственности на отходы с точки зрения экологического законодательства. Категория «бесхозяйные отходы» в России недостаточно проработана, хотя наиболее опасные из них и подлежат учету и ликвидации в рамках процедур, предусмотренных для ликвидации накопленного экологического вреда. В ЭК РК специальная глава посвящена расширенным обязательствам производителей (импортеров). Согласно данной главе, физические и юридические лица, осуществляющие производство на территории Казахстана и (или) ввоз на его территорию продукции (товаров) согласно специальному перечню, на которые распространяются расширенные обязательства производителей (импортеров), обязаны обеспечивать сбор, транспортировку, переработку, обезвреживание, использование и утилизацию отходов, образующихся после утраты потребительских свойств продукции (товаров), на которую (которые) распространяются расширенные обязательства производителей (импортеров), и ее (их) упаковки. Довольно похожие нормы предусмотрены и Законом РФ «Об отходах производства и потребления».

10) в ЭК РК предусмотрена специальная глава 45 «Государственное регулирование деятельности в сфере выбросов парниковых газов и озоноразрушающих веществ». В состав этой главы входит, например, ст.310, устанавливающая основные принципы охраны климата и озонового слоя Земли. В ст.54 Закона РФ также упоминают-

ся меры по охране озонового слоя, однако климат не предусмотрен в России как самостоятельный объект правовой охраны.

11) в отличии от Российской Федерации, в Республике Беларусь в специальных статьях закрепляются экологические полномочия Президента Беларуси, Совета Министров, Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды, местных советов депутатов, их исполнительных и распорядительных органов. В России использован другой прием юридической техники: сформулированы экологические полномочия федерального, регионального и местного уровней без уточнения, какой конкретно орган власти их осуществляет. Соответственно, в Законе РФ никак не урегулированы полномочия главного природоохранного федерального органа исполнительной власти. Данные полномочия определены постановлением правительства РФ. Казахстанский и белорусский законодатель пошли другим путем, установив такие полномочия в ст.17 ЭК РК (отдельно в ст.18 ЭК РК упомянуты другие специально уполномоченные органы власти), а также в ст. 10 Закона Беларуси «Об охране окружающей среды».

12) в Казахстане предусмотрено обязательное проведение общественных слушаний по ряду важных экологических вопросов, например, если проект предусматривает размещение объектов в водоохранных зонах (зонах санитарной охраны источников водоснабжения) или если планируется размещение объектов на землях государственного лесного фонда. В Республике Беларусь аналогичный институт называется «общественные обсуждения проектов экологически значимых решений, отчетов об оценке воздействия на окружающую среду, экологических докладов по стратегической экологической оценке». В Российской Федерации общественные слушания проводятся в отношении ряда видов градостроительной документации, а экологическим законодательством предусматриваются только в части ОВОС и проводимых общественной палатой слушаний при создании лесопаркового зеленого пояса вокруг городского населенного пункта. Перечень оснований для общественных слушаний в ст. 57-2 ЭК РК, а также ст.15-2 Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» намного шире.

13) специальная глава 21 ЭК РК посвящена экологической информации (включая вопросы доступа к ней, сроки и порядок ее предоставления и т.д.). В России также закреплено право граждан на экологическую информацию, однако соответствующие нормы находятся в разных законах и подзаконных актах. Аналогичным образом, ряд статей Закона Республики Беларусь посвящен составу, источникам и видам экологической информации, формам ее предоставления и распространения, доступу и ограничениям к ее получению, чего нет в России.

14) в России оценка воздействия на окружающую среду носит формальный характер, регулируется устаревшим приказом Госкомэкологии 2000 г., и никак не регламентируется в Законе РФ 2002 г. В ст.36-43 ЭК РК подробно урегулированы стадии ОВОС, порядок ее применения, виды воздействий, подлежащих учету в ходе ОВОС (прямые, косвенные, кумулятивные), проводится классификация объектов ОВОС (I-IV категории) и т.д. В России всего этого пока нет.

III. Полностью не совпадают.

1) отдельная глава 9 ЭК РК посвящена экологическому аудиту. Экологический аудит проводится путем анализа отчетности аудируемых субъектов о воздействии на окружающую среду, причем выбросы парниковых газов не являются в Республике Казахстан предметом анализа при проведении экологического аудита. Различают обязательный аудит и инициативный аудит. В России по этому поводу мы видим полноценный пробел в экологическом праве. В Республике Беларусь экологическому аудиту посвящена ст. 97 Закона РБ.

2) в ЭК РК уделяется много внимания деятельности по снижению уровня парниковых газов, внедрению международных стандартов, описанию полномочий природоохранных органов в этой сфере и т.д. Так, в Казахстане осуществляется государственная система оценки выбросов и поглощения парниковых газов (глава 20-1 ЭК РК), ведется государственный кадастр источников выбросов и поглощений парниковых газов, государственный реестр углеродных единиц. Специальная глава 9-1 ЭК РК посвящена вопросам государственного регулирования в сфере выбросов и поглощений парниковых газов. Данная глава нацелена на выполнение Республикой Казахстан взятых на себя международных обязательств. В частности, запрещается эксплуатация установки без получения квот на выбросы парниковых газов оператором установки, выбросы которой превышают эквивалент двадцати тысяч тонн двуокиси углерода в год, в следующих регулируемых сферах деятельности: нефтегазовой, электроэнергетической, горнодобывающей, металлургической, химической, обрабатывающей в части производства стройматериалов: цемента, извести, гипса и кирпича. В Национальном плане распределения квот на выбросы парниковых газов Республики Казахстан устанавливаются общий объем квот на их выбросы по регулируемым сферам деятельности и перечень установок с распределенными для них объемами квот на выбросы парниковых газов. По тексту закона мы также встречаем и иные нормы, посвященные вопросам ограничения выбросов парниковых газов. Россия, как и Казахстан, также взяла на себя ряд обязательств по уменьшению выбросов парниковых газов, подписав Киотский протокол, а затем и Парижское соглашение по климату 2015 г. Работа по исполнению их требований ведется давно, принимаются подзаконные акты, однако Закон РФ специальных статей, посвященных данному вопросу, не содержит. Такие нормы есть в ст. 57 Закона Республики Беларусь, однако данные нормы носят довольно декларативный характер.

3) несмотря на то, что и ЭК РК, и Федеральный закон «Об охране окружающей среды» по-

строены по «узкой модели», и посвящены только охране окружающей среды, а не природопользованию, в России эта характеристика закона представлена намного более четко. В ЭК РК мы встречаем отдельные нормы о природопользовании (ст.10-12), а также о порядке ведения природоресурсных кадастров, чего нет в Законе РФ. В ЭК РК государственные кадастры природных ресурсов представляют собой систематизированный свод информации о количественных и качественных показателях природных ресурсов. Объектами Единой системы кадастров являются составные части окружающей среды: земля, вода, лес, почва, недра, растительный и животный мир в их взаимодействии.

Государственные кадастры природных ресурсов упоминаются и в ст. 72 Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» (при этом среди них упоминается «климатический кадастр», не имеющий в России аналога).

4) в отличии от Закона РФ, в ЭК РК специальная глава посвящена правовому режиму зон чрезвычайной экологической ситуации и зон экологического бедствия. ЭК РК четко регламентирует порядок и последствия их создания.

Не менее четко регулирует эти вопросы и законодатель Республики Беларусь. В РБ выделяются зоны экологического риска, зоны экологического кризиса и зоны экологического бедствия. Выстраивание дифференцированной системы экологически неблагополучных территорий можно отнести к числу удачных новелл законодателя, в том числе с позиций юридической техники.

5) в ст. 281 ЭК РК предусмотрены меры по охране окружающей среды от вредного и неконтролируемого биологического воздействия. Согласно данной статье, в ходе операций по производству и использованию потенциально опасных биологических веществ, в том числе генетически модифицированных организмов и продуктов, должно обеспечиваться, в частности, использование генетически модифицированных продуктов только в рамках перечня, разрешенного к использованию государственными органами в области охраны окружающей среды и санитарно-эпидемиологического благополучия населения. Продукция ГМО в Республике Казахстан подлежит специальной маркировке. В России продукция с использованием ГМО полностью запрещена. Подход законодателя в ЭК РК представляется намного более взвешенным и продуманным.

6) в Законе Беларуси упоминается категория «стратегическая экологическая оценка», не имеющая прямых аналогов в российском законодательстве. Она проводится для объектов, перечень которых устанавливается законодательством в области государственной экологической экспертизы, стратегической экологической оценки и оценки воздействия на окружающую среду.

7) в Республике Беларусь различают правовой режим ООПТ (ст. 62) и «природных территорий, подлежащих специальной охране» (ст. 63). К числу последних относятся курортные зоны; зоны отдыха; парки, скверы и бульвары; водоохранные зоны и прибрежные полосы рек и водоемов; охранные зоны особо охраняемых природных территорий и ряд других. Все они отличаются по режиму охраны как от ООПТ, так и от обычных земель, в отношении которых не принимается дополнительных мер охраны. В России такие территории также имеются, однако все вместе они ни в одном законе не упоминаются, и их общие параметры дополнительной охраны не устанавливаются. Однако на этих территориях также запрещаются отдельные виды хозяйственной деятельности.

8) в Республике Беларусь используется правовая конструкция «национальная экологическая сеть», не имеющая аналогов в Российской Федерации и Республике Казахстан. Национальная экологическая сеть – система функционально взаимосвязанных особо охраняемых природных территорий и природных территорий, подлежащих специальной охране, предназначенных для сохранения естественных экологических систем, биологического и ландшафтного разнообразия, а также обеспечения непрерывности среды обитания объектов животного мира.

Схема национальной экологической сети утверждается Президентом Республики Беларусь. Национальная экологическая сеть состоит из зон ядра, экологических коридоров и охранных зон. Например, в зоны ядра включаются отдельные ООПТ (их части) и (или) природные территории, подлежащие специальной охране (их части), обеспечивающие сохранение естественных экологических систем, биологического и ландшафтного разнообразия в Беларуси.

Подводя итог проведенному сравнительному анализу эколого-правовых институтов главных экологических законов трех стран, можно заметить, что значительное число эколого-правовых институтов полностью или частично совпадают. Ряд таких белорусских и казахстанских институтов представляет интерес для совершенствования российского экологического законодательства (например, в части экономического регулирования охраны окружающей среды, мер по снижению выбросов парниковых газов, мер в области развития ООПТ и т.д.).

При этом основной характеристикой ЭК РК можно считать очень высокий уровень юридической техники, продуманность и взаимосвязанность всех глав закона. Из всех проанализированных положений законов трех стран наиболее полным и подробным является ЭК РК, далее идет российский закон об охране окружающей среды, и наименее подробным является белорусский закон.

В чем же причина таких совпадений или отличий? Представляется, что изначально проект Закона РСФСР «Об охране окружающей природной среды» от 19 декабря 1991 г. готовился на основе положений европейских экологических законов второй половины 80-х годов прошлого века. Концепция этого Закона РСФСР 1991 г. легла в основу как действующего Федерального закона «Об

охране окружающей среды» от 10 декабря 2002 г., так и Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды». В Республике Казахстан при подготовке проекта Экологического кодекса во второй половине 2000-х годов за основу были взяты действовавшие в тот момент в европейских странах экологические законы, которые с конца 80-х годов сильно изменились. Поэтому и концепция ЭК РК сильно отличается от концепций российского и белорусского главных экологических законов, не столько в части наименования основных эколого-правовых институтов, сколько с точки зрения их содержания. Положения ЭК РК и Закона РБ могут быть использованы при подготовке проекта Экологического кодекса РФ в той части, в какой они соответствуют целям и задачам развития экологического законодательства РФ, национальным правовым традициям и стандартам юридической техники, сложившимся в Российской Федерации.

Литература

1. Егоров А. В. Теоретико-методологические основания сравнительного правоведения: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2019. 44 с.

2. Куджева Е. К. К вопросу о необходимости разработки и принятия Экологического кодекса России // Аграрное и земельное право. 2018. № 12. С. 10–14.

3. Лю Х. Я. Развитие экологического права Китая и России: автореф. дис. … канд. юрид наук. М., 2005. 28 с.

4. Навасардова Э. С. Экологические фонды как источники финансирования экологически значимых мероприятий: историко-правовой анализ // Юридические исследования. 2013. № 1. С. 89–94.

5. Рыженков А. Я. Принципы экологического права: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. 384 с.

6. Тилле А. А. Социалистическое сравнительное правоведение. М.: Юридическая литература, 1975. 207 с.

References

1. Egorov A. V. Teoretiko-metodologicheskie osnovaniya sravnitel'nogo pravo-vedeniya *(Theoretical and methodological foundations of comparative law):* abstract of thesis. Moscow, 2019. 44 p. (In Russian).

2. Kudzheva E. K. K voprosu o neobkhodimosti razrabotki i prinyatiya Ekologicheskogo kodeksa Rossii *(On the need to develop and adopt the Environmental code of Russia)* // Agrarnoe i zemel'noe pravo. 2018. No. 12. P.10–14. (In Russian).

3. Lyu Kh. Ya. Razvitie ekologicheskogo prava Kitaya i Rossii *(Development of environmental law in China and Russia):* abstract of thesis. Moscow., 2005. 28 p. (In Russian).

4. Navasardova E. S. Ekologicheskie fondy kak istochniki finansirovaniya ekologicheski znachimykh meropriyatii: istoriko-pravovoi analiz *(Environmental funds as sources of financing of ecologically significant events: historical and legal analysis)* // Yuridicheskie issledovaniya. 2013. No. 1. P. 89–94. (In Russian).

5. Ryzhenkov A. Ya. Printsipy ekologicheskogo prava: monografiya *(Principles of environmental law: monograph)*. Moscow: Yurliteratura, 2018. 384 p. (In Russian).

6. Tille A. A. Sotsialisticheskoe sravnitel'noe pravovedenie *(Socialistic comparative law)*. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1975. 207 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Анисимов Алексей Павлович – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Волгоград)/ anisimovap@mail.ru

Information about the author

Anisimov Alexey – Doctor of law, Professor, Chair of Constitutional and Administrative Law, Volgograd Institute of management-branch of the Russian presidential Academy of national economy and public administration (Volgograd) / anisimovap@mail.ru

УДК 393.97

А. А. Волков, Ю. Ю. Бышевский

СОВРЕМЕННАЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

В статье рассматривается современное состояние криминологической обстановки в Северо-Кавказском федеральном округе. Актуальность настоящей проблемы заключается в том, что несмотря на очевидные положительные сдвиги в данном направлении, общие тенденции к стабилизации ситуации в регионе, оперативная обстановка здесь продолжает оставаться одной из самых сложных в Российской Федерации. Кроме того, в настоящее время имеются основания полагать, что в обозримой перспективе на территории Юга России не исключаются обратные процессы в виде ухудшения криминальной ситуации. Особая значимость обозначенной тематики состоит в том, что деструктивные силы, имеющие геополитические амбиции на изменение мирового порядка, вынашивают идеи отторжения части территорий Российской Федерации и даже развала страны. При этом отправной точкой в осуществлении этих намерений у них представляется дестабилизация криминогенной обстановки в субъектах Северо-Кавказского федерального округа.

В настоящем материале рассматриваются специфика основных характеристик преступности региона, их отличительные особенности от других территориальных образований России. При этом основной акцент сделан на структурные признаки состояния преступности и её причинный комплекс.

Определяются приоритетные риски, способные осложнить обстановку на Северном Кавказе. При этом проводятся ретроспективные аналогии с уже имевшими место событиями в регионе, а также учитывается негативный опыт других стран, подвергшихся экспансии международных экстремистских организаций. В данном случае отмечается, что указанные примеры имеют ряд схожих черт с точки зрения опасности возникновения в Северо-Кавказском федеральном округе одиозных явлений и процессов криминального характера.

В ходе исследования, при анализе сведений о состоянии криминологической обстановки в регионе, за основу взяты статистические данные Министерства внутренних дел Российской Федерации о состоянии преступности.

Ключевые слова: преступность, криминологическая обстановка, Северо-Кавказский федеральный округ, структурные признаки состояния преступности.

Alexandr Volkov, Yurii Byshevsky

CURRENT CRIMINOLOGICAL SITUATION IN THE NORTH-CAUCASUS FEDERAL DISTRICT

The article considers the current state of the criminological situation in the North-Caucasus Federal district. The urgency of this problem lies in the fact that despite the obvious positive developments in this direction and the general trends towards stabilization of the situation in the region, the operational situation here continues to be one of the most difficult in the Russian Federation. In addition, there are currently reasons to believe that in the near future, reverse processes in the form of a worsening of the criminal situation in the south of Russia are not excluded. The special significance of this topic is that destructive forces with geopolitical ambitions to change the world order are harboring ideas of alienating part of the territories of the Russian Federation and even the collapse of the country. At the same time, the starting point in the implementation of these intentions is the destabilization of the criminal situation in the subjects of the North-Caucasus Federal district.

This article discusses the specifics of the main characteristics of crime in the region, their distinctive features from other territorial entities of Russia. At the same time, the main emphasis is placed on the structural features of the state of crime and its causal complex.

Priority risks that could complicate the situation in the North-Caucasus are identified. This involves a retrospective analogy with past events in the region, and also takes into account negative experience of other countries undergoing expansion of international extremist organizations. In this case, it is noted that these examples have a number of similar features in terms of the risk of occurrence of odious phenomena and criminal processes in the North-Caucasus Federal district.

In the course of the study, the analysis of information about the state of the criminological situation in the region is based on statistical data of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on the state of crime.

Key words: crime, criminological situation, North-Caucasus Federal district, structural signs of the state of crime.

Современная криминологическая обстановка в России характеризуется рядом противоречивых тенденций. С одной стороны, в условиях проводимых социальных, экономических и политических

реформ, а также мероприятий, направленных на противодействие криминалитету, наблюдается относительная стабилизация оперативной обстановки. Однако с другой стороны, в настоящее время появились новые угрозы для нормального функционирования государственных институтов. Главной из них является обострение внешнеполитической обстановки с учётом интересов российского государства. В первую очередь здесь можно вести речь о высоком уровне активности международных экстремистских и террористических организаций, а также появление в непосредственной географической близости от российских границ новых «горячих точек» с вооружёнными конфликтами.

При этом хотелось бы отметить, что в связи с перечисленными угрозами, особое внимание специалистов привлекает ситуация, складывающаяся в Северо-Кавказском федеральном округе. Во-первых, в относительно недавнем прошлом именно на территории его субъектов наблюдались одиозные криминогенные процессы, не имеющие аналогов в других регионах Российской Федерации (беспрецедентная криминальная активность с наиболее опасными проявлениями преступности в сферах терроризма и экстремизма, преступлений против личности, деяний, направленных на подрыв государственного строя, незаконного оборота оружия и ряда других). Во-вторых, именно этот регион обладает наибольшей потенциальной уязвимостью для реализации существующих в настоящее время криминальных и политических угроз, что требует разработки и дополнительного изучения этих проблем.

В частности, такая неопределённость и неоднозначность сегодняшних реалий диктует необходимость постоянного мониторинга криминологической обстановки, оценки состояния преступности, анализа её детерминирующих факторов.

Первым показателем, на который традиционно обращается внимание специалистами при анализе криминологической обстановки, является уровень преступности, представляющий из себя индекс числа преступлений в зависимости от количества населения, проживающего на территории того или иного субъекта. Именно он «составляет основу для последующих вычислений и определений всех других количественных и качественных оценок» [6].

Уровень преступности в Северо-Кавказском федеральном округе является самым низким в России. По итогам 2018. он составил 712,4 преступлений на 100 тысяч населения, что почти в два раза меньше федерального значения (в среднем по стране аналогичный показатель на отметке 1355,9). При этом уровень преступности Северо-Кавказского федерального округа в 2,7 раз меньше, чем в Дальневосточном, в 2,4 раза чем в Сибирском, в 2,2 раза чем в Уральском, в 1,9 раз чем в Северо-Западном, в 1,8 раз чем в Приволжском и Южном, в 1,6 раз чем в Центральном.

На первый взгляд это может показаться парадоксальным, так как, по общепризнанному мнению специалистов именно Северо-Кавказский регион уже длительное время является наиболее проблемным в криминогенном плане [7]. И в это же время здесь отмечается феноменально низкий коэффициент преступности.

Комментируя указанное положение дел, прежде всего хотелось бы обратить внимание на такую проблему, как латентная составляющая преступности, которая применительно к Северо-Кавказскому федеральному округу имеет ярко выраженную региональную специфику. Результаты опроса экспертов в качестве одной из причин указывают на особое влияние национальных обычаев и традиций народов Северного Кавказа. В данном случае немаловажной является роль того, что здесь чаще, чем в других регионах отдаётся предпочтение самостоятельному решению проблем в том числе и уголовно-правового характера, без вмешательства органов охраны правопорядка, особенно внутри кланов. Вполне естественно, что такие деяния не регистрируются и в уголовную статистику не попадают.

Следующим обстоятельством, обусловливающим официально низкий уровень преступности в Северо-Кавказском федеральном округе, является значительная «деформация» структурных характеристик преступности. Так, например, здесь отмечается низкий удельный вес преступлений против собственности, в первую очередь краж чужого имущества, которые традиционно как раз и формируют основной количественный массив регистрируемых уголовно-наказуемых деяний. В это же время, на территории субъектов, входящих в Северо-Кавказский федеральный округ, регистрируется относительно большое количество преступлений, которые для других регионов России в их значительном количестве не характерны (незаконный оборот оружия и наркотиков, террористическая и экстремистская преступность и ряд других). Более подробно этот вопрос будет рассмотрен при анализе структуры преступности региона.

Кроме перечисленных факторов, следует учитывать и объективные обстоятельства. Основным из них является тот факт, что именно в субъектах Северо-Кавказского региона наблюдается наиболее высокий естественный прирост населения в стране, что определённым образом влияет на соотношение числа преступлений и количества граждан, проживающих на определённой территории. В свою очередь, именно из этих двух составляющих и складывается уровень преступности для определённой местности.

Характеризуя анализируемый показатель по отдельно взятым субъектам Северо-Кавказского федерального округа, нельзя не отметить, что чем больше выражены региональные особенности криминологической составляющей детерминирующего комплекса в том или ином административно-территориальном образовании, тем ниже там уровень преступности, что в очередной раз подтверждает приведённые выше выводы.

Так, самый низкий уровень преступности отмечается в Чеченской Республике. В 2018 г. он составил 231,7 преступлений на 100 тысяч человек, что почти в 6 раз ниже среднероссийского. Аналогичные показатели по Республике Ингушетия находятся на отметках 339,1 или в 4 раза меньше федерального, по Республике Дагестан – 483,3 (разница в 2,8 раз), по Кабардино-Балкарской Республике – 764,6 (разница в 1,8 раз), по Карачаево-Черкесской Республике – 872 (разница в 1,6 раз). Наиболее высокий уровень преступности в регионе имеют Республика Северная Осетия – Алания и Ставропольский край, где абсолютные показатели соответственно находятся на отметках в 1153,4 и 1026,6, разница же с федеральным значением не выглядит значительной (1,2–1,3 раза). Здесь же обратим внимание на то, что эти два субъекта Северо-Кавказского федерального округа отличаются от остальных административно-территориальных образований как по специфике детерминантов преступности, так и по её количественно-качественным характеристикам. При этом отличительной особенностью Ставропольского края является то, что он значительным образом отличается от Северо-Кавказских республик по этническому признаку, состоянию экономического развития, больше тяготея по своим социальным, политическим и экономическим характеристикам к другим регионам России. Основная специфика Республики Северная Осетия – Алания в сравнении с другими субъектами Северо-Кавказского федерального округа – это религиозная составляющая. Преобладающее вероисповедание здесь христианское, а не мусульманское, что сказывается на влиянии обычаев и традиций кавказских народов на преступность. Кроме того, указанный фактор можно рассматривать даже как антикриминогенный с учётом, например, повышенного риска возможной радикальной исламизации, который присущ иным административно-территориальным образованиям.

Следующий момент, на который хотелось бы обратить внимание, это особенности структуры преступности в субъектах Северо-Кавказского федерального округа. Как уже отмечалось, она здесь довольно специфична и сильно отличается от других регионов Российской Федерации.

Своего рода криминологической аксиомой в целом является тот факт, что основное количество зарегистрированных преступлений – это посягательства на собственность, среди которых, в свою очередь на первом месте кражи чужого имущества. Следует отметить, что это не российская специфика. Имущественная преступность в целом и кражи чужого имущества в частности являются наиболее распространёнными уголовно-наказуемыми деяниями в других странах мира, предопределяя динамику всей преступности [9].

В то же время ярко выраженной региональной особенностью преступности Северо-Кавказского федерального округа является то, что эта криминологическая закономерность в ряде его субъектов чрезвычайно сильно отличается от общей картины.

В настоящее время в среднем по России порядка 40% от всех зарегистрированных преступлений, занимают деяния, предусмотренные ст. 158 УК РФ. В это же время в ряде субъектов Северо-Кавказского федерального округа рассматриваемый показатель значительно ниже. Так, в Чеченской Республике в 2018 году удельный вес краж составил 17,8%, в Республике Ингушетия 19,3%, в Республике Северная Осетия – Алания 19,9%, в Карачаево-Черкесской Республике 20,4%. Как видно, в перечисленных субъектах доля краж в общем массиве зарегистрированных преступлений приблизительно в 2 раза меньше, чем в других регионах Российской Федерации. Ещё более специфична ситуация в Республике Дагестан, где аналогичный индикатор составил 13,5%, а это почти в 3 раза меньше федерального уровня. Несколько выше он в Кабардино-Балкарской Республике (26,3% или минус 11,7% к общероссийскому). И лишь в Ставропольском крае структурный показатель незначительно отличается от общего, составляя 36,2%.

В связи с тем, что по общему правилу кражи чужого имущества в целом являются определяющими в тенденциях преступности с точки зрения её количественных характеристик, можно говорить о ярко выраженной региональной специфике Северо-Кавказского региона не только имущественной, но и всей преступности.

Основной причиной такой ситуации является преобладание на территории Северо-Кавказского федерального округа специфических детерминантов преступности, коренным образом отличающихся от общероссийских закономерностей. В свою очередь, это приводит к тому, что преступления против собственности здесь «замещаются» другими, в том числе и более общественно опасными уголовно-наказуемыми деяниями.

Как уже отмечалось, при характеристике структуры преступности, немаловажную роль здесь играют традиции и обычаи кавказских народов, фактор латентности и ряд других. Определённое значение здесь имеет и виктимологический аспект, когда потерпевшие не обращаются в правоохранительные органы по поводу совершённых в отношении них преступных посягательств.

Схожая ситуация складывается и с таким видом преступлений против собственности, как грабёж. При общероссийском удельном весе преступлений, предусмотренных ст. 161 УК РФ в 2,5%, аналогичный показатель по Северо-Кавказскому федеральному округу в среднем почти в 2 раза меньше. При этом не наблюдается значимых отличий по разбоям – их удельный вес здесь близок к федеральному значению.

Несколько иная ситуация складывается с таким видом имущественных посягательств как мошенничество. Во всех субъектах Северо-Кавказского федерального округа, за исключением Чеченской Республики, удельный вес преступлений, предусмотренных статьями 159–159.6 УК РФ выше, чем в среднем по России. Наиболее высокий он в Ставропольском крае (15,5% против

10,8% на федеральном уровне). Опережающие темпы развития по другим субъектам региона вряд ли можно считать значительными.

Рассмотренные нами формы хищений являются наиболее распространёнными посягательствами, отнесёнными уголовным законодательствам к преступлениям в сфере экономики (раздел VIII УК РФ). Вместе с тем, в уголовной статистике выделяют совокупность преступлений, объединённых криминологически значимым признаком, определяемые как преступления экономической направленности.

Характеризуя данную группу преступности, следует отметить, что во всех субъектах Северо-Кавказского федерального округа удельный вес рассматриваемых посягательств значительно выше, чем в среднем по России.

По результатам 2018 года наивысшим он является в Чеченской Республике, составляя 18,6%, что в 3,4 раз больше федерального значения (5,5%). В Республике Дагестан он достигает 14,3%, в Республике Ингушетия и Чеченской Республике порядка 12%, в Кабардино-Балкарской Республике и Республике Северная Осетия Алания около 10–11%, в Ставропольском крае 7%.

Такое положение дел, безусловно, является негативным фактором, так как криминализация экономической сферы жизнедеятельности общества сама по себе очень опасна, а в больших масштабах может представлять и угрозу государственности. Но при этом заметим, что она и относительно закономерна. Северо-Кавказский регион уже длительное время, практически с момента распада Советского Союза, привлекает к себе пристальное внимание федерального центра, в том числе и с точки зрения экономического обустройства, в связи с чем на его территории реализуется ряд комплексных целевых программ. Вполне естественно, что развитие экономики является притягательной для криминалитета, а также «питательной средой» для различных форм злоупотреблений и хищений.

С проблемой криминализации экономики тесно связана коррупционная составляющая. То, что проблема коррупции на Северном Кавказе стоит особо остро и беспрецедентно, является своего рода аксиомой. На это неоднократно обращалось внимание в том числе и высшими должностными лицами Российской Федерации [11].

Важно отметить, что и экономическая, и особенно коррупционная преступность являются высоколатентными. По пессимистическим оценкам специалистов, в официальную статистику попадет всего лишь 2–5% экономических преступлений [1, 10].

Однако значимость этой проблемы для Северо-Кавказского федерального округа видна даже в официально отображаемых статистических показателях. Так, по результатам 2018 года в среднем по России удельный вес посягательств коррупционной направленности в общей структуре преступности довольно незначительный и составляет 1,5%. При этом во всех Северо-Кавказских республиках он выше, а в некоторых их них – многократно выше. Так, в Чеченской Республике он составляет 9,4%, в Республике Дагестан 4,8%, в Карачаево-Черкесской Республике 4,2%, в Кабардино-Балкарской Республике 3,9%, в Республике Северная Осетия – Алания 2,8%, в Республике Ингушетия 2,2%. И только в Ставропольском крае он соответствует общероссийскому уровню (1,6%).

Следующей проблемой, вносящей солидный вклад в криминальную напряжённость региона, является незаконный оборот наркотиков. Актуальность данного направления деятельности повышается в связи с тем, что, являясь самостоятельными преступлениями, так называемый «наркобизнес» выступает ещё причинами и условиями совершения других преступлений, в том числе тяжких и особо тяжких их видов.

Региональная специфика проблемы незаконного оборота наркотиков применительно к Северо-Кавказскому федеральному округу более чем очевидна. Если в среднем по России удельный вес этих преступлений составляет порядка 10%, то во всех рассматриваемых административно-территориальных единицах Юга России, он выше федерального значения в среднем в 1,5–2 раза. В частности, по Чеченской Республике он достигает 21,5%, по Республике Ингушетия 19,5%, в Республике Северная Осетия – Алания 19,1%, в Республике Дагестан 16,1%, в Кабардино-Балкарской Республике 15,8%, в Карачаево-Черкесской Республике 15,2%, в Ставропольском крае 10,9%. Кроме того, в ряде субъектов Северо-Кавказского федерального округа периодически фиксируются значительные, многократные увеличения преступлений, совершённых в состоянии наркотического опьянения. Так, например, в 2018 году в Республике Ингушетия удельный вес этих деяний превысил федеральный уровень почти в 6 раз, а в Карачаево-Черкесской Республике почти в 4 раза.

Вряд ли нуждается в дополнительных комментариях значимость проблемы незаконного оборота оружия на территории Северо-Кавказского региона. Статистические показатели, характеризующие эту группу преступности, говорят сами за себя. По результатам 2018 года, доля правонарушений уголовно-правового характера, относящихся к обороту оружия, в среднем по России составила 1,4%. В это же время по Республике Дагестан она достигла отметки в 15,6% (превышение в 11 раз), по Республике Ингушетия 13,9% (превышение в 10 раз), по Чеченской Республике 8,6% (превышение в 6 раз), по Республике Северная Осетия – Алания 5,2% (превышение почти в 4 раза), по Кабардино-Балкарской Республике (превышение в 3 раза), по Карачаево-Черкесской Республике 3,8% (превышение в 2,7 раз).

При этом вполне естественным является то, что в субъектах региона совершается и гораздо большее количество преступлений, совершённых с применением оружия. Если в среднем по России доля таких посягательств в общей структуре

преступности не превышает 0,3%, то для большинства субъектов Северо-Кавказского региона он приближается к 1% или даже выше. «Рекорд» 2018 года достигнут по Республике Ингушетия, в которой в относительно-структурном индикаторе рассматриваемой группы преступности составило значение 2,8%, что более чем в 9 раз больше стандартного федерального показателя.

Не будет преувеличением сказать, что наиболее одиозный вид преступности, который включает в себя посягательства террористического характера, в масштабах всей страны, это проблема Северо-Кавказского федерального округа. Для этого достаточно посмотреть всего на два показателя, которые говорят сами за себя. В 2018 году в России зарегистрировано 1679 преступлений с окраской «терроризм», из которых 50% или 840 эпизодов совершены на территории Северо-Кавказского федерального округа. В свою очередь, основным «эпицентром» террористической активности уже длительное время является Республика Дагестан – на этот субъект приходится 53% рассматриваемой категории преступности от общего регионального показателя. Кроме того, если в целом по России доля преступлений террористического характера крайне незначительна (0,08%), то в ряде субъектов Северо-Кавказского федерального округа данный показатель входит в число так называемых «индексных», когда он превышает 1%. В этот список попадают Чеченская Республика (4,2%), Республика Ингушетия (3,3%), Республика Дагестан (3%), Кабардино-Балкарская Республика (1,4%), Карачаево-Черкесская Республика (1,1%).

При этом считаем важным отметить, что террористическая преступность в Северо-Кавказском федеральном округе имеет потенциальную угрозу к дальнейшему обострению. Несмотря на проводимые контртеррористические мероприятия коалициями различных стран мира, в том числе с участием Российской Федерации, деятельность международных террористических и экстремистских организаций продолжает оставаться достаточно высокой. Наибольшую угрозу здесь представляет запрещённая в России организация Исламское Государство, которая имеет «ячейки» во многих странах мира, периодически совершает в них террористические акты, и имеет геополитические амбиции и на Россию, причём в первую очередь именно на субъекты Северо-Кавказского федерального округа [4]. В свою очередь, они имеют ряд уязвимостей для проникновения одиозных экстремистских организаций на их территорию и ведения здесь диверсионно-подрывной деятельности.

Достаточно интересной также представляется ситуация с таким видом преступлений, как организация незаконного вооружённого формирования или участие в нём (ст. 208 УК РФ). В 2018 г. в целом по России зарегистрировано 526 таких деяний, из которых 426 совершены на территории Северо-Кавказского федерального округа, что составляет 81% от суммарного общероссийского количества. Их подавляющее большинство совершается в Республике Дагестан (71%) и Чеченской Республике (22%). Кроме того, в указанных субъектах преступления, предусмотренные ст. 208 УК РФ входят в число «индексных», их удельный вес в структуре всей преступности здесь составляет 2,0 и 2,8% соответственно, в то время как на общероссийском уровне он находится на отметке всего в 0,02%.

Исследование структурных элементов криминологической обстановки в Северо-Кавказском федеральном округе показывает, что преступность здесь в определённой степени носит антигосударственный характер. Наиболее наглядно это просматривается на примере фактов посягательств на жизнь и здоровье сотрудников правоохранительных органов. Так, из 99 преступлений, предусмотренных ст. 317 УК РФ, зарегистрированных в 2018 г. в целом по России, половина (49 эпизодов) совершены в субъектах Северо-Кавказского федерального округа. «Лидером» здесь является Республика Дагестан, где преступления, предусмотренные ст. 317 УК РФ, составляют 40,8%. По Чеченской Республике аналогичный показатель территориальной локализации составляет 28,6%, по Ставропольскому краю 12,2%, по Республике Ингушетия 10,2%.

Естественно, что проанализированные индикаторы состояния преступности не являются исчерпывающими, они отображают наиболее выраженную специфику криминологической обстановки в Северо-Кавказском федеральном округе, отличающей её от таковой в других российских регионах. Далее следовало бы обратить внимание на криминогенные особенности причинного комплекса Юга России.

Общеизвестным является тот факт, что основой детерминации криминальных процессов является экономическая составляющая.

В данном случае хотелось бы обратить внимание на то, что все субъекты Северо-Кавказского федерального округа уже длительное время относятся к экономически депрессивным. В частности, их бюджеты являются дотационными, а по ряду субъектов высоко дотационными.

Прежде всего следует отметить, что в административно-территориальных образованиях региона уровень безработицы значительно выше, чем в среднем по России. В частности, по данным Федеральной службы государственной статистики, соответствующий федеральный показатель в 2018 году составил 4,8%. В это же время по Республике Ингушетия он находится на отметке 26,6% (превышение в 5,5 раз), по Чеченской Республике 13,7% (превышение в 2,9 раз), по Карачаево-Черкесской Республике 12,1% (превышение в 2,5 раз), по Республике Дагестан 11,6% (превышение в 2,4 раза), по Республике Северная Осетия – Алания и Кабардино-Балкарской Республике 10,5% (превышение в 2,2 раза). И только в Ставропольском крае уровень безработицы приблизительно соответствует среднероссийскому уровню, составляя 5%.

Повышенная значимость экономических детерминантов преступности для Северо-Кавказского региона очень хорошо демонстрируется показателями преступности лиц без постоянного источника дохода. То, что подавляющее большинство преступников подпадают под настоящую категорию, факт хорошо известный. Например, в 2018 г. удельный вес таких лиц составил 64,6%. Однако в Северо-Кавказском федеральном округе он превышает стандартный показатель. Так, по Карачаево-Черкесской Республике и Республике Северная Осетия – Алания удельный вес превышает общероссийский на 19%, по Республике Дагестан на 18%, по Чеченской Республике на 17%, по Кабардино-Балкарской Республике и Республике Ингушетия на 12%, по Ставропольскому краю на 8%. Из этого можно сделать вывод, что в Северо-Кавказском федеральном округе социально-экономическая детерминация криминальных явлений и процессов проявляет себя более остро в сравнении с другими регионами России.

Криминогенная роль экономического фактора в воздействии на преступность хорошо изучена и не требует доказательств. Однако важно отметить, что в Северо-Кавказском федеральном округе она имеет ярко выраженную специфику. Во-первых, как уже отмечалось, в регионе, вопреки общероссийской тенденции, наблюдается превышение естественного роста населения, что более активно порождает «молодёжную» проблему, а именно её занятость и социальную адаптацию. Во-вторых, если в других субъектах Российской Федерации криминогенное влияние отсутствия занятости населения реализуется в основном в совершении так называемых «общеуголовных» преступлений, преимущественно имущественных, не представляющих большой общественной опасности, то на Северном Кавказе, с учётом специфики других симптомокомплексов, воздействующих на криминальную ситуацию, она расширяется до преступлений террористического характера и экстремистской направленности. Молодые люди, не находя перспектив в социально полезной деятельности, нередко становятся участниками бандформирований, в том числе экстремистского толка.

В данном случае считаем нужным обозначить основные позиции, по которым Северо-Кавказский федеральный округ попадает в зону повышенного криминального риска с точки зрения причин и условий «одиозной преступности».

1. Многонациональный состав региона, что увеличивает вероятность возникновения межнациональных, межконфессиональных и межэтнических конфликтов. Сюда же включаются повышенные возможности для целенаправленного стравливания различных социальных групп по указанным признакам деструктивными силами, заинтересованными в дестабилизации политической ситуации. Специалистами давно отмечено, что со стороны экстремистских организаций при этом основная ставка делается именно на Северо-Кавказский регион [8].

2. Религиозная составляющая. Наибольшую опасность здесь представляет искажение традиционных норм ислама, их переход на экстремистский уровень в направлении радикализации и раскол мусульманского населения [12].

3. Приграничный статус региона, способствующий повышенному влиянию внешних сил, включая международные террористические и экстремистские организации. Здесь же учитывается и географическая близость Северо-Кавказского федерального округа к странам с крайне нестабильной политической обстановкой и «горячим точкам» (проблемы Украины, Сирии и т.п.).

4. Проблема миграции, в том числе криминальной, которая достаточно хорошо изучена, в том числе применительно к Югу России и вряд ли нуждается в дополнительных комментариях [2, 3].

5. Внутриполитические территориальные споры, например, между Чеченской Республикой и Республикой Ингушетия, к настоящему времени локализованные, но полностью не решённые проблемы осетино-ингушских отношений, и ряд других.

Исторический опыт показывает, что в 90-е гг. XX в., на фоне событий, последовавших за распадом СССР, перечисленные факторы в своей совокупности явились мощными «детонаторами», которые, не будет преувеличением сказать «взорвали» Северный Кавказ, а криминальная ситуация здесь фактически вышла за рамки преступности как таковой, перейдя в разряд ярко выраженной внутриполитической проблемы, создав угрозу дальнейшего распада государства.

При этом важно отметить, что даже после относительной стабилизации обстановки в регионе с локализацией основных проявлений политического кризиса, здесь периодически проявляли себя одиозные криминальные процессы, последствия которых наблюдаются до сих пор, и повторение которых в обозримой перспективе не исключается. Наиболее характерными примерами здесь являются вторжение исламистов в Дагестан с целью создания на территории Северного Кавказа халифата при поддержке международных террористических организаций в 1999 г. нападения боевиков на Назрань и Нальчик в 2004 и 2005 гг., состояние, близкое к гражданской войне в Республике Ингушетия в 2008–2011 гг., беспрецедентный рост террористической активности в Кабардино-Балкарской Республике в 2010–2011 гг., серии очень жестоких террористических актов на протяжении всего постсоветского периода.

Современная история изобилует примерами, когда деятельность дестабилизирующих сил опиралась на межрелигиозные и межнациональные разногласия внутри государств, приводя к очень серьёзным последствиям вплоть до их распада. Характерным здесь является пример бывшей Югославии и создание криминального государства Косово [5].

В настоящее Северный Кавказ является очень притягательным регионом для деструктивных элементов, заинтересованных в изменении ми-

рового геополитического пространства. На наш взгляд, его потенциальную конфликтогенную ёмкость вполне можно сравнивать с теми странами, которые за очень короткие сроки превратились из стабильных и процветающих в фактически утратившие свою государственность. Наиболее характерными примерами здесь являются Ливия и Сирия, где в ходе так называемой «арабской весны» международные террористические формирования использовали потенциальные внутренние противоречия, во многом схожие с теми, которые имеют место на Северном Кавказе, основным проявлением чего стало установление контроля над частями этих стран представителями радикальных экстремистских организаций.

Литература

1. Аслаханов А. А. Проблемы борьбы с преступностью в сфере экономики (криминологический и уголовно-правовой аспекты): автореф. дис. … докт. юрид. наук. М., 1997. 28 с.

2. Бышевский Ю. Ю. Миграция как криминологическая проблема и её специфика на Северном Кавказе: дис. … канд. юрид. наук. Ставрополь, 2005. 259 с.

3. Вьюнов Ю. И. Влияние миграционных процессов на преступность в Южном федеральном округе: дис. … канд. юрид. наук. М., 2001. 173 с.

4. Кадыров пообещал защитить Россию и Путина от «Исламского государства» URL: https://lenta.ru/news/2014/09/03/terrorists/ (Дата обращения: 11.09.2019).

5. Клеймёнов И. М. Сравнительная криминология: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. 349 с.

6. Кондратюк Л. В., Овчинский, В. С. Криминологическое измерение / под ред. К. К. Горяинова. М.: Норма, 2008. 119 с.

7. Криминология XX век / под ред. В. Н. Бурлакова, В. П. Сальникова. СПб: Издательство «Юридический центр Пресс», 2000. 554 с.

8. Лесников Г. Ю. Уголовная политика современной России (методологические, правовые и организационные основы): дис. … докт. юрид. наук. М., 2005. 118 с.

9. Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М.: Издательство НОРМА, 1997. 497 с.

10. Пинкевич Т. В. Криминологическая характеристика экономической преступности в России. Монография. Ставрополь: Ставрополь-сервисшкола, 2001. 139 с.

11. Послание Президента Российской Федерации Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. 13 ноября 2009 г.

12. Федоренко С. А. О некоторых этнопсихологических особенностях преступности в Северо-Кавказском регионе // Актуальные проблемы современного уголовного права и криминологии: сборник научных трудов. Ставрополь: АГРУС, 2012. С. 155–171.

References

1. Aslakhanov A. A. Problemy bor'by s prestupnost'yu v sfere ekonomiki (kriminologicheskii i ugolovno-pravovoi aspekty) *(Problems of fighting crime in the economy (criminological and criminal-legal aspects):* abstract of thesis. Moscow, 1997. 28 p. (In Russian).

2. Byshevskii Yu. Yu. Migratsiya kak kriminologicheskaya problema i ee spetsifika na Severnom Kavkaze *(Migration as a criminological problem and its specificity in the North Caucasus):* thesis. Stavropol', 2005. 259 s. (In Russian).

3. V'yunov Yu. I. Vliyanie migratsionnykh protsessov na prestupnost' v Yuzhnom federal'nom okruge *(Influence of migration processes on crime in the Southern Federal district):* thesis. Moscow, 2001. 173 s. (In Russian).

4. Kadyrov poobeshchal zashchitit' Rossiyu i Putina ot "Islamskogo gosudarstva" *(Kadyrov promised to protect Russia and Putin from the "Islamic state")* URL: https://lenta.ru/news/2014/09/03/terrorists/ (Accessed: 11.09.2019). (In Russian).

5. Kleimenov I. M. Sravnitel'naya kriminologiya *(Comparative criminology):* monograph. Moscow: Norma: INFRA-M, 2012. 349 s. (In Russian).

6. Kondratyuk L. V., Ovchinskii V. S. Kriminologicheskoe izmerenie *(Criminological measurement)* / ed by K. K. Goryainov. Moscow: Norma, 2008. 119 s. (In Russian).

7. Kriminologiya XX vek *(Criminology of the twentieth century)* / ed by V. N. Burlakov, V. P. Sal'nikov. St. Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press, 2000. 554 p. (In Russian).

8. Lesnikov G. Yu. Ugolovnaya politika sovremennoi Rossii (metodologicheskie, pravovye i organizatsionnye osnovy) *(Criminal policy of modern Russia (methodological, legal and organizational bases):* abstract. Moscow, 2005. 118 s. (In Russian).

9. Luneev V. V. Prestupnost' KhKh veka. Mirovye, regional'nye i rossiiskie tendentsii *(Crime of the twentieth century. Global, regional and Russian trends).* Moscow: Izdatel'stvo NORMA, 1997. 497 s. (In Russian).

10. Pinkevich T. V. Kriminologicheskaya kharakteristika ekonomicheskoi prestupnosti v Rossii *(Criminological characteristics of economic crime in Russia).* Monografiya. Stavropol': Stavropol'-servisshkola, 2001. 139 s. (In Russian).

11. Poslanie Prezidenta Rossiiskoi Federatsii Dmitriya Medvedeva Federal'nomu Sobraniyu Rossiiskoi Federatsii *(Message of the President of the Russian Federation Dmitry Medvedev to the Federal Assembly of the Russian Federation)* // Rossiiskaya gazeta. 2009. November 13. (In Russian).

12. Fedorenko S. A. O nekotorykh etnopsikhologicheskikh osobennostyakh prestupnosti v Severo-Kavkazskom regione *(On some ethnopsychological features of crime in the North-Caucasus region)* // Aktual'nye problemy sovremennogo ugolovnogo prava i kriminologii: sbornik nauchnykh trudov. Stavropol': AGRUS, 2012. P. 155–171. (In Russian).

Сведения об авторах

Волков Александр Александрович – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры правовой культуры и защиты прав человека юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / volkoffss@yandex.ru

Бышевский Юрий Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Института Дружбы народов Кавказа (Ставрополь) / stavropol-atis@ya.ru

Information about the authors

Alexander Volkov – Doctor of psychology, Professor, Professor of the Department of legal culture and human rights protection, Institute of Law, the North-Caucasus Federal University (Stavropol) / volkoffss@yandex.ru

Yuriy Byshevsky – PhD in Law, Associate Professor, Chair of Criminal Law and Criminology, Faculty of law, Institute of Friendship of Caucasian People (Stavropol) / stavropol-atis@ya.ru

УДК 341.217

А. Н. Захарин, К. В. Колесникова

ИНТЕГРАЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РАЦИОНАЛЬНОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ И ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЕАЭС: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ[1]

Данная статья посвящена анализу состояния интеграции и обоснованию общих подходов к правовому регулированию рационального природопользования и охраны окружающей среды в законодательстве ЕАЭС. Необходимость расширения интеграционных процессов на постсоветском пространстве привела к появлению нескольких межгосударственных объединений, запуску проектов многостороннего интеграционного сотрудничества. До настоящего времени в рамках единого правового пространства Союза экологические проблемы не находятся в числе приоритетных, основное внимание уделяется совместному развитию экономики. В свою очередь современные направления развития и способы преодоления ключевых препятствий для создания системы нормативно-правовых актов, регламентирующих охрану окружающей среды и рациональное природопользование, определяется состоянием интеграции действующего законодательства ЕАЭС как основания взаимодействия предпринимателей, государств и их объединений по различным аспектам охраны окружающей среды и природопользования. Исследование положений действующего Договора о создании ЕАЭС и других документов Союза, посвященных регулированию рационального природопользования и охраны окружающей среды, свидетельствует о фрагментарном подходе в части закрепления правовых норм экологической направленности. Поэтому в развитии интеграционных процессов в неоднородных сферах общественных отношений, включая экологическую, повышается значимость правовых принципов как средств, помогающих выявлению наиболее продуктивного правового регламентирования и способствующих обеспечению прав и законных интересов всех участников рассматриваемых отношений.

Установление в законодательстве ЕАЭС общих подходов к правовому регулированию охраны окружающей среды и рационального природопользования, различных аспектов экологического управления будет способствовать унификации национального законодательства, применению идентичных правовых механизмов воздействия на экологические отношения в государствах – членах Союза. В конечном итоге позволит создать условия для развития этой сферы общественных отношений в границах целостного правового поля ЕАЭС.

Ключевые слова: интеграция правового регулирования, законодательство ЕАЭС, рациональное природопользование, охрана окружающей среды.

Andrey Zakharin, Kira Kolesnikova

INTEGRATION OF LEGAL REGULATION OF RATIONAL USE OF NATURAL RESOURCES AND ENVIRONMENTAL PROTECTION IN THE EAEU LEGISLATION: CURRENT STATE OF THINGS AND PROSPECTS

The article is devoted to the analysis of the current state of integration and justification of general approaches to the legal regulation of rational use of natural resources and environmental protection in the EAEU legislation. The need to expand integration processes in the post-Soviet areas has led to the formation of several interstate unions and launch of multilateral integration cooperation projects. Until the present time within the common legal framework of the Union, environmental problems have not been placed among the priorities; the main attention is given to the joint development of the economy. However, the assessment of modern development trends and justification of the ways to overcome key obstacles for creation of the system of normative legal acts regulating environmental protection and rational use of natural resources is determined by the current state of integration of the acting EAEU legislation as the foundation for the interaction of entrepreneurs, countries and their unions on various aspects of environmental protection and use of natural resources. The study of the provisions of the current Treaty on the Establishment of the EAEU and other documents of the Union, dedicated to the regulation of rational use of natural resources and environmental protection, points at a piecemeal approach in the part of consolidation of legal norms concerning environmental issues. Therefore, in the development of integration processes in heterogeneous spheres of public relations, including environmental one, we observe the increase of importance of legal principles as the means helping to reveal the most effective legal regulation and contributing to ensuring the rights and legitimate interests of all participants of the considered relations.

[1] Статья выполнена в рамках проекта «Правовые проблемы формирования единого эколого-безопасного пространства государств-членов Евразийского Экономического Союза» (№ 20-511-00015), осуществляемого при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований.

The establishment in the EAEU legislation of common approaches to the legal regulation of environmental protection and rational use of natural resources, as well as various aspects of environmental management will contribute to the unification of national legislation, the application of identical legal mechanisms of impact on environmental relations in the member states of the Union. As a result, it will create conditions for the development of this area of public relations within the boundaries of the common EAEU legal framework.

Key words: integration of legal regulation, EAEU legislation, rational use of natural resources, environmental protection.

Современные реалии правового обеспечения природоресурсных и природоохранных отношений в Российской Федерации, как и во всяком ином государстве, зависят от наличия и эффективности механизмов предотвращения опасностей и рисков, относящихся к состоянию окружающей среды и последствиям ее воздействия на его граждан. Необходимым фактором, поддерживающим уровень экологической безопасности государства, признается непротиворечивое правовое регулирование рационального природопользования и охраны окружающей среды, базирующееся на принятии и исполнении оптимального (актов) экологического законодательства с опорой на прогрессивный национальный и международный опыт. Что требует гармонизации как национального законодательства, так и положений, и требований международных договоров и конвенций.

В текущей ситуации под влиянием интеграционных и глобализационных процессов, ускорения цифровизации экономики и других сфер общественной жизни, стремительного внедрения технологий вопросы нормативного обеспечения экологической безопасности обращают на себя особое внимание, так как проблема защищенности окружающей среды от негативного антропогенного воздействия и проявляющиеся тенденции ухудшения ее состояния находятся в числе глобальных проблем человечества, переносятся на уровень межгосударственных объединений и могут быть устранены за счет принятия актов надгосударственного уровня [14]. Ученые и эксперты фиксируют значительную совокупность проблем в сфере эксплуатации различных ресурсов и охраны окружающей среды, которые характерны для России и других государств Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз). Обращают внимание на целесообразность объединения усилий, направленных на определение правовых способов их преодоления [1].

Состояние всей окружающей среды и различных ее компонентов под влиянием хозяйственной деятельности, рост количества отходов производства и потребления делает необходимым обеспечение решений, способствующих социально-экономическому развитию стран-участниц ЕАЭС, коллективными правовыми мерами и программами природоресурсного и природоохранного содержания. Из-за отсутствия границ у биосферы нашей планеты загрязнение окружающей среды, воздействие промышленной эксплуатации природных ресурсов имеют трансграничный характер. В этих условиях для повышения качества и эффективности правового регулирования всей совокупности экологических отношений требуется выработка общих межгосударственных подходов. Это наиболее важно для законодательства Евразийской организации в контексте обеспечения экологической безопасности государств-членов и преодоления вызовов, стоящих перед системой охраны окружающей среды.

Значение правовых средств разрешения проблем природопользования и охраны окружающей среды наднационального уровня усиливает нарушение связей и отношений, которые действовали и устойчиво развивались между государствами-членами СССР, наличие противоречий во взаимоотношениях суверенных государств, образованных на постсоветском пространстве. Нарастание экологических проблем на территориях стран бывшего СССР, различный уровень развития национального экологического законодательства государств-членов Союза исследование состояния и поиск путей развития интеграции правового регулирования рационального природопользования и охраны окружающей среды, становится актуальной задачей [13].

Стремление стран-участниц ЕАЭС осуществлять совместное развитие экономики определило их переход на новый, более глубокий уровень интеграции, опосредуемый заключением Договора о создании Евразийского экономического союза (далее – Договор), подписанного 29 мая 2014 г. [15, л.141]. Закрепление в нем стратегических целей евразийской интеграции, правового статуса ЕАЭС как международной организации, основ права Союза, системы его органов и их компетенции создает возможности для создания общего евразийского экономического пространства и проведения скоординированной или согласованной политики стран-участниц ЕАЭС как одного из основных принципов функционирования Союза.

В Договоре правовое регулирование экологических отношений представлено отдельными нормами. Так, статья 29 предусматривает право государств-членов применять во взаимной торговле товарами ограничения, способствующие охране окружающей среды, животных и растений. Статья 52 указывает на принятие в целях обеспечения безопасности окружающей среды, сохранения численности животных и разнообразия растительных организмов, повышения уровня энергоэффективности и экономии потребления природных ресурсов технических регламентов Союза. Согласно ст. 53 указывает, что определение принципов и подходов к гармонизации законодательства стран-участниц о государственном контроле (надзоре) над выполнением правил технических регламентов ЕАЭС должно осуществляться международным договором в рамках Союза [2].

Содержание приведенных норм является основой для наращивания усилий, направленных на развитие сотрудничества государств-членов в рамках такого наднационального образования как ЕАЭС, выполнения ими конкретных договоренностей по внедрению в хозяйственную деятельность общих процедур технического регулирования. Положения ст. 53 Договора нашли развитие в разработке и принятии общих отраслевых технических регламентов. Согласно данным Отчета о выполнении научно-исследовательской работы «Исследование предпосылок и механизмов создания, анализ текущего состояния и перспектив развития Трансатлантического торгово-инвестиционного и Транстихоокеанского торгового партнерств, в условиях формирования новой глобальной архитектуры экономических связей и новых вызовов и задач для евразийской экономической интеграции» в было разработано и введено в действие около тридцати пяти таких технических регламентов для товаров из различных сфер технического регулирования. Кроме того, разрабатываются новые проекты технических регламентов, к примеру, «О безопасности химической продукции», «О требованиях к удобрениям», «О безопасности алкогольной продукции» и другие, а также изменения к существующим) [9].

В ряде разделов Договора определены стратегии развития отраслевых направлений евразийской интеграции в сфере технического регулирования, аграрной политики, реализации совокупности санитарных, ветеринарно-санитарных и карантинных фитосанитарных мер. Гарантиями санитарно-эпидемиологического благополучия населения, ветеринарно-санитарной, карантинной фитосанитарной безопасности на территории ЕАЭС являются совместные разработка, принятие и реализация странами-участницами международно-правовых договоров и актов ЕЭК, направленных на осуществление совокупности санитарных, ветеринарно-санитарных и карантинных фитосанитарных мер, проведение скоординированной политики в сфере применения перечисленных мер (пп. 2, 3 ст. 56 Договора). Для реализации, согласованной (скоординированной) агропромышленной политики ЕЭК, согласно пункту 7 статьи 95 Договора, содействует организации консультаций и ведению переговоров по гармонизации аграрного законодательства стран-участниц, включая меры поддержки сельского хозяйства со стороны государства. В их числе, указанные в п. 25 Приложения № 29 к Договору, платежи по программам охраны окружающей среды.

Отдельным блоком норм закреплены положения о координации деятельности и формирования единых и общих рынков в области электроэнергетики, газа, нефти и нефтепродуктов, основных направлений совместной транспортной деятельности. Пошаговое образование общих рынков энергетических ресурсов согласно положениям раздела XX Договора происходит на основании международно-правовым договорам, заключение которых предусмотрено ст. 81, 83 и 84 Договора. При этом обеспечивается учет требований энергетической безопасности и надлежащее соответствие между собой требований, содержащихся в законодательстве стран-участниц ЕАЭС о функционировании технологической и коммерческой инфраструктуры общих рынков энергетических ресурсов. Среди целей скоординированной (согласованной) транспортной политики ЕАЭС, содействующих развитию экономической интеграции, постепенному формированию единого транспортного пространства, названо и сокращение негативного влияния эксплуатации транспорта на состояние окружающей среды и здоровье человека (ст. 86 Договора).

Как правило регулирование в указанных сферах относится к сферам значительной компетенции ЕАЭС, тогда как экология и безопасность как фактор эффективного экономического сотрудничества составляют сферу значительной компетенции государств-членов.

Значимая роль в структуре источников права ЕАЭС отводится решениям и распоряжениям Евразийской экономической комиссии, в именно, документам, которые опосредуют координацию деятельности Союза с другими интеграционными объединениями и международными организациями. Одним из таких является распоряжение Евразийской экономической комиссии от 30 июня 2017 г. №71 «О целесообразности имплементации и использования в рамках Евразийского экономического союза наилучших практик Организации экономического сотрудничества и развития», содержащее предложения Коллегии ЕЭК в области выбора способов унификации содержания «экологического» и «углеродного» регулирования в странах-участницах. При их формулировании принимаются во внимание состояние функционирования общих рынков энергетических ресурсов ЕАЭС, потенциал для внедрения рекомендаций и наилучших практик ОЭСР, результатом которого должны стать рост энергоэффективности, энергобезопасности и уменьшение энергоемкости экономик стран-участниц, передача экологически безвредных технологий, расширение рынка вторичных отходов, поощрение инноваций, появление, отвечающих требованиям экологической безопасности, рабочих мест [11].

Определенные правила и нормы юридического сопровождения экологических отношений нашли закрепление в документах, которыми утверждены приоритетные технологические платформы («Технологии добычи и переработки твердых полезных ископаемых», «Технологии экологического развития», «Рациональное и эффективное водопользование»). Эти инструменты призваны способствовать активизации взаимодействия государств, научного и предпринимательского сообществ в целях сосредоточения требуемых средств в самых значимых сферах научно-технологического развития ЕАЭС. Такое взаимодействие становится возможным благодаря интеграции национального законодательства государств-членов ЕАЭС [8].

Анализ норм регионального законодательства ЕАЭС в сфере рационального природопользования и охраны окружающей среды позволяет говорить о нахождении наднационального правового регулирования экологических отношений в стадии первичного зарождения. На данный момент времени разработка и принятие нормативно-правовых актов на уровне ЕАЭС, наделение органов межгосударственного объединения полномочиями в сфере регулирования природопользования и охраны окружающей среды не находятся в числе приоритетных направлений его деятельности. Т. В. Ефимцева объясняет это в первую очередь направленностью данного межгосударственного объединения на взаимное экономическое развитие.

Тем не менее, создание ЕАЭС преследовало, помимо укрепления торговых связей, и другие цели. В числе многих проблем и безопасное состояние окружающей среды. Задача сохранения природы в государствах-членах ЕАЭС, во многом обладающей уникальностью и неповторимостью, является основной задачей в любой из стран. Юристами стран-участниц ЕАЭС неоспоримым признается факт о необходимости выработки единых мер по обеспечению экологической безопасности на всем пространстве Союза. Полноценное преодоление проблем в сфере защиты окружающей среды потребует приведения в соответствие и гармонизации правовой основы регулирования природопользования и охраны природы в странах ЕАЭС [12, л. 54].

Для стран-участниц ЕАЭС, включая и Россию, наличие общих вызовов в комплексной сфере охраны окружающей среды, потребность в обеспечении должного состояния экологической безопасности и рационального использования природных ресурсов выводит на новый уровень проблему интеграции правового регулирования экологических отношений. Новые вызовы в этой сфере связаны с потребностью более полного соответствия правового обеспечения универсальных тенденций, которые характеризуют основополагающие сферы мирового развития [6, с. 376]. К вызовам, которые стоят перед государствами-членами ЕАЭС и отражают состояние проблем в области охраны окружающей среды и природопользования на уровне Союза, относится потребность в правовом обеспечении эффективного взаимодействия между государственными структурами по вопросам эксплуатации и охраны различных природных ресурсов, экологического управления, гармонизации норм национального и международного водного, земельного и лесного законодательства.

К приоритетным направлениям развития инициатив и программ ЕАЭС, стран-участниц Союза относится сфера водопользования. Стратегическими документами национального уровня в области водных отношений прямо или косвенно провозглашается курс на развитие конкурентных преимуществ и сбалансирования экологического законодательства национального уровня с документами международно-правового характера для рационального использования водных объектов и поддержания состояния окружающей среды для следующих поколений. Необходимость разработки и осуществления мер, интегрированных в систему законодательства стран-участниц ЕАЭС, выражается в особенностях их географического положения, наличии общих границ большой протяженности. Наибольшая напряженность проблем водопользования в этом случае возникает в пределах бассейнов рек, протекающих по территориям сопредельных государств. Разница с европейскими странами, в которых проблемам охраны и распределения водных ресурсов уделяется существенное внимание, в том, что Россия и страны Ближнего Зарубежья только столкнулись с необходимостью идентификации и разрешения данных вызовов [10, с. 4].

Приведенные выше примеры угроз состоянию окружающей среды не определяют весь круг противоречий, по которым государствам-членам ЕАЭС предстоит выработать общие подходы к гармонизации правового регулирования природопользования и охраны окружающей среды. Однако, их наличие является знаковым для исследования проблем нормативного сопровождения экологической безопасности охраны окружающей среды и рационального природопользования, требующих своего разрешения в скором время.

Практикующие юристы и исследователи сходятся во мнении о том, что гармонизация природоохранного и природоресурсного законодательства ЕАЭС, может быть достигнута только в результате создания общей правовой основы регулирования отношений по охране окружающей среды, природопользованию и экологической безопасности. Что, в свою очередь, будет содействовать повышению уровня защищенности природной идентичности и сохранению биологического разнообразия в государствах, которые присоединились или сотрудничают с ЕАЭС. Использование статуса и расширение направлений взаимодействия наднациональных органов и подразделений ЕАЭС в качестве перспективного инструмента охраны окружающей среды, механизма трансформации региональной структуры на межгосударственном уровне признается наиболее оправданным.

Обязательным и действенным фактором сохранения экологического равновесия может стать объединение задачи сохранения окружающей среды с экономическими и отраслевыми подходами (к примеру, в такого рода сферах хозяйственной деятельности, как энергетика, сельское хозяйство, транспорт). Благодаря этому эффект, оказываемый интеграцией, оказывается существенно выше, чем при осуществлении изолированной природоохранной политики. Совокупность принимаемых мер должна отражать весь спектр общемировых задач, включая гарантии продовольственной и энергетической безопасности. При более качественном регулировании возможно формирование предпосылок для осуществления этих изменения, устранения, имеющей место в настоящее время, инерции. Для перехода к

новой модели роста, создания условий для обеспечения экологической безопасности в широком смысле этого слова нужно нечто большее, чем лишь реформирование управления окружающей средой [7, с. 7].

Закрепление в Договоре только принципов скоординированной транспортной политики еще недостаточно для эффективного обеспечения защищенности окружающей среды. Важно в качестве основы правового регулирования всей сферы природопользования и охраны окружающей среды сформулировать принципы, содержание которых еще предстоит определить в науке экологического права [13, с. 51]. Т. В. Ефимцева в контексте анализа проблем энергетической и экологической политик Евразийского экономического союза, отмечает их неразрывную связь с охраной окружающей среды. Перед интеграционным объединением, стоит проблема осуществления общей политики государств – членов ЕАЭС в сфере энергетики и экологии, разработки энергетической стратегии в введение наднациональных органов Союза [3].

Евразийский экономический союз представляет собой развивающееся объединение региональной интеграции и по этой причине различные сферы межгосударственного права оказываются на этапе своего становления. Поэтому в развитии интеграционных процессов в неоднородных сферах общественных отношений, включая экологическую, повышается роль основополагающих принципов права в качестве инструмента, который способствует определению самого эффективного регулирования и реализации прав и интересов любых участников данных правоотношений. Так, К. В. Колесникова, Р. В. Нутрихин, для унификации положений международного законодательства, способствующей общности и развитию правового регулирования природоресурсных отношений, считают возможным сферу действия принципа резидентства сделать более обширной, не ограничивать ее лишь вопросами таможенного регулирования [4, с. 130].

Вместе с тем, в настоящее время фиксации принципов охраны окружающей среды как отдельной сферы деятельности ЕАЭС не имеется как на доктринальном уровне, так и на уровне нормативно-правовых актов. По этой причине Договор не содержит раздела, предусматривающего регламентацию экологических отношений [3].

В пользу наднационального регулирования отношений в сфере природопользования и охраны окружающей среды свидетельствует и невозможность обеспечения правового режима использования и охраны компонентов окружающей среды актами отдельных государств-членов Союза. Это объясняется в первую очередь тем, что границы государств региона разделяют большинство самых востребованных природных ресурсов и их нерациональное использование каким-либо из этих государств будет способствовать возникновению урона для других стран.

Выходом из этой ситуации может являться закрепление правовых основ согласованной политики и направлений сотрудничества стран-членов в многостороннем соглашении в сфере охраны окружающей среды и природопользования в рамках ЕАЭС. Его принятие в дальнейшем обеспечит интеграцию взаимодействия всех его участников в евразийском регионе и предупреждению негативного воздействия на состояние окружающей среды [3, с. 174]. Принятие единого нормативного правового акта ЕАЭС будет являться ориентиром для совершенствования, обеспечит потребность в унификации и гармонизации национального законодательства стран-участниц ЕАЭС [8, с. 145].

Указанная позиция находит поддержку и у представителей белорусской эколого-правовой школы, которые характеризуют систематизацию законодательства в области природопользования и охраны окружающей среды с учетом его комплексности. Наличие в законодательстве разноуровневых нормативно-правовых актов, в том числе международных, делает возможным приведение всего их комплекса в логичную систему. Благодаря чему регулирование экологических отношений приобретает более четкий характер [5, с. 58].

Таким образом, в ситуации усиления межгосударственных интеграционных связей и возникновения новых вызовов евразийской экономической интеграции в рамках ЕАЭС принятие международно-правового акта даст возможность сформировать основы непротиворечивого регулирования отношений в сфере природопользования и охраны окружающей среды под воздействием норм права ЕАЭС.

Проведенный анализ состояния и проблем интеграции правового регулирования рационального природопользования и охраны окружающей среды в законодательстве ЕАЭС позволяют сделать вывод об нахождении этого процесса в стадии разработки нормативно-правовых актов в отдельных областях сотрудничества и отсутствии единого подхода к гармонизации наднационального правового регулирования экологических отношений в ЕАЭС.

Усиление интеграции правового регулирования в сфере охраны окружающей среды и рационального природопользования возможно на основе внедрения на наднациональном уровне единообразной системы принципов, закреплённых национальном законодательстве стран-участниц ЕАЭС. В связи с этим особую важность имеет актуализация положений Договора о ЕАЭС и других актов права Союза, в части закрепления в них базовых положений правового регулирования рационального природопользования и охраны окружающей среды с последующим обеспечением их единообразного применения.

Интеграция правового регулирования рационального природопользования и охраны окружающей среды в законодательстве ЕАЭС позволит эффективно использовать преимущества единого экономического пространства, будет выгодна как странам-участницам, так и природопользователям. Для них применение единообразных правил регулирования обеспечит издержек, предоставление системы мер налогового и экономического стимулирования. Что отражает одну из целей создания и деятельности ЕАЭС в качестве объединения экономической интеграции.

Литература

1. Галиновская Е. А., Оторова Б. К., Пономарев М. В. Обзор Международной научно-практической конференции «Унификация и гармонизация экологического законодательства в рамках правового пространства ЕАЭС» // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 6. С. 108–112.
2. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 15.03.2018) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (Дата обращения: 20.07.2020).
3. Ефимцева Т. В. Некоторые подходы к решению вопросов энергетики и экологии в законодательстве интеграционных объединений (на примере Европейского союза и Евразийского экономического союза) // Les russica. 2019. № 8. С. 164–178.
4. Колесникова К. В., Нутрихин Р. В. О гармонизации законодательства Евразийского экономического союза в сфере природопользования // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 2. С. 129–134.
5. Макарова Т. И., Кузьмич И. П., Лизгаро В. Е., Шахрай И. С. Новый закон Республики Беларусь «О нормативных правовых актах и его влияние на систематизацию экологического, природоресурсного и аграрного законодательства» // Аграрное и земельное право. 2019. № 10. С. 57–65.
6. Мастушкин М. Ю. Проблемы трансформации административно-правового и экономического механизмов охраны окружающей среды в условиях дальнейшей интеграции России в международные экономические отношения // Государственное управление Российской Федерации: вызовы и перспективы: сборник материалов 15-й Международной конференции. М.: «КДУ», «Университетская книга», 2018. С. 376–382.
7. Моргунов Б. А., Багин А. М., Козельцев М. Л., Терентьев А. А. Проблемы экологической безопасности России в свете концепции «зеленого» роста // Экология человека. 2017. № 4. С. 3–11.
8. Навасардова Э. С., Захарин А. Н. Сравнительный анализ законодательства государств-членов ЕАЭС в области органического сельского хозяйства // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 2. С. 141–146.
9. Отчет о выполнении научно-исследовательской работы «Исследование предпосылок и механизмов создания, анализ текущего состояния и перспектив развития Трансатлантического торгово-инвестиционного и Транстихоокеанского торгового партнерств, в условиях формирования новой глобальной архитектуры экономических связей и новых вызовов и задач для евразийской экономической интеграции» URL: http://eec.eaeunion.org/ru/NIR/Lists/List/Attachments/154/Отчет%20по%20НИР%20ТТП%20и%20ТТИП%201-й%20и%202-й%20этапы%20(к%20№%20140).pdf (Дата обращения: 20.07.2020).
10. Переладова Л. В. Оценка минимального летнего стока бассейна реки Тобол для решения проблем водопользования и водопотребления // Институциональное партнерство в целях устойчивого трансграничного водопользования: Россия и Казахстан: сборник тезисов Международной научно-практической конференции. Под ред. Е. А. Зарова. Ханты-Мансийск: Ред.-изд. отд. ЮГУ, 2018. С. 4–5.
11. Распоряжение Евразийской экономической комиссии от 30 июня 2017 г. № 71 «О целесообразности имплементации и использования в рамках Евразийского экономического союза наилучших практик Организации экономического сотрудничества и развития URL: http://docs.cntd.ru/document/556098626 (Дата обращения: 20.07.2020).
12. Рзабай А. И. Региональное экологическое сотрудничество Республика Казахстан и его влияние на развитие экологического законодательства // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей XXVI Международной научно-практической конференции. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2020. С. 51–56.
13. Хотько О.А. Теоретические основы формирования правовой стратегии обеспечения экологической безопасности транспортной деятельности // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. 2019. № 1. С. 48 – 53.
14. Шахрай И. С. Проблемы правового регулирования экологического контроля в свете обновления законодательства Республики Беларусь о контрольной (надзорной) деятельности // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага універсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 4. Правазнаўства. 2018. № 1. С. 59–67.
15. Шилова Е. В. Роль Таможенного союза в рамках Евразийского экономического союза на современном этапе интеграции // Проблемы и перспективы развития экономики и менеджмента в России и за рубежом: материалы Седьмой международной научно-практической конференции 17–18 апреля 2015 г. / Рубцовский индустриальный институт. Рубцовск: 2015. С. 137–142.

References

1. Galinovskaja E. A., Otorova B. K., Ponomarev M. V. Obzor Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Unifikacija i garmonizacija jekologicheskogo zakonodatel'stva v ramkah pravovogo prostranstva EAJeS» *(Review of the International scientific and practical conference "Unification and harmonization of environmental legislation within the legal space of the EAEU")* // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedenija. 2017. No. 6. P. 108–112. (In Russian).
2. Dogovor o Evrazijskom jekonomicheskom sojuze (Podpisan v g. Astane 29.05.2014) (red. ot 15.03.2018) *(Agreement on the Eurasian economic Union (Signed in Astana on 29.05.2014) (edited on 15.03.2018))* // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. URL: http://www.pravo.gov.ru (Accessed: 20.07.2020). (In Russian).
3. Efimceva T. V. Nekotorye podhody k resheniju voprosov jenergetiki i jekologii v zakonodatel'stve integracionnyh ob#edinenij (na primere Evropejskogo sojuza i Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza) *(Some approaches to solving energy and environmental issues in the legislation of integration associations (for example, the European Union and the Eurasian economic Union))* // Les russica. 2019. No. 8. P. 164–178. (In Russian).
4. Kolesnikova K. V., Nutrihin R. V. O garmonizacii zakonodatel'stva Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza v sfere prirodopol'zovanija *(On harmonization of legislation of the Eurasian economic Union in the field of environmental management)* // Gumanitarnye i juridicheskie issledovanija. 2019. No. 2. P. 129–134. (In Russian).

5. Makarova T. I., Kuz'mich I. P., Lizgaro V. E., Shahraj I. S. Novyj zakon Respubliki Belarus' «O normativnyh pravovyh aktah i ego vlijanie na sistematizaciju jekologicheskogo, prirodoresursnogo i agrarnogo zakonodatel'stva» *(New law of the Republic of Belarus "On normative legal acts and its impact on the systematization of environmental, natural resource and agricultural legislation")* // Agrarnoe i zemel'noe pravo. 2019. No. 10. P. 57–65. (In Russian).

6. Mastushkin M. Ju. Problemy transformacii administrativno-pravovogo i jekonomicheskogo mehanizmov ohrany okruzhajushhej sredy v uslovijah dal'nejshej integracii Rossii v mezhdunarodnye jekonomicheskie otnoshenija *(Problems of transformation of administrative-legal and economic mechanisms of environmental protection in the conditions of further integration of Russia into international economic relations)* // Gosudarstvennoe upravlenie Rossijskoj Federacii: vyzovy i perspektivy: sbornik materialov 15-j Mezhdunarodnoj konferencii. Moscow: «KDU», «Universitetskaja kniga», 2018. P. 376–382. (In Russian).

7. Morgunov B. A., Bagin A. M., Kozel'cev M. L., Terent'ev A. A. Problemy jekologicheskoj bezopasnosti Rossii v svete koncepcii «zelenogo» rosta *(Problems of environmental security in Russia in the light of the concept of "green" growth)* // Jekologija cheloveka. 2017. No. 4. P. 3–11. (In Russian).

8. Navasardova Je. S., Zaharin A. N. Sravnitel'nyj analiz zakonodatel'stva gosudarstv-chlenov EAJeS v oblasti organicheskogo sel'skogo hozjajstva *(Comparative analysis of the legislation of the EEU member States in the field of organic agriculture)* // Gumanitarnye i juridicheskie issledovanija. 2019. No. 2. P. 141–146. (In Russian).

9. Otchet o vypolnenii nauchno-issledovatel'skoj raboty «Issledovanie predposylok i mehanizmov sozdanija, analiz tekushhego sostojanija i perspektiv razvitija Transatlanticheskogo torgovo-investicionnogo i Transtihookeanskogo torgovogo partnerstv, v uslovijah formirovanija novoj global'noj arhitektury jekonomicheskih svjazej i novyh vyzovov i zadach dlja evrazijskoj jekonomicheskoj integracii» *(A report on the implementation of scientific-research work "Study of preconditions and mechanisms for the creation, current state analysis and prospects of the Transatlantic trade and investment and TRANS-Pacific trade partnerships, in the formation of a new global architecture of economic relations and the new challenges and tasks for the Eurasian economic integration")* URL: http://eec.eaeunion.org/ru/NIR/Lists/List/Attachments/154/Otchet%20po%20NIR%20TTP%20i%20TTIP%201-j%20i%202-j%20jetapy%20(k%20№%20140).pdf (Accessed: 20.07.2020). (In Russian).

10. Pereladova L. V. Ocenka minimal'nogo letnego stoka bassejna reki Tobol dlja reshenija problem vodopol'zovanija i vodopotreblenija *(Assessment of the minimum summer flow of the Tobol river basin to solve water use and water consumption problems)* // Institucional'noe partnerstvo v celjah ustojchivogo transgranichnogo vodopol'zovanija: Rossija i Kazahstan: sbornik tezisov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii / ed by E. A. Zarov. Hanty-Mansijsk: JuSU publ., 2018. P. 4–5. (In Russian).

11. Rasporjazhenie Evrazijskoj jekonomicheskoj komissii ot 30 ijunja 2017 g. № 71 «O celesoobraznosti implementacii i ispol'zovanija v ramkah Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza nailuchshih praktik Organizacii jekonomicheskogo sotrudnichestva i razvitija *(Order of the Eurasian economic Commission of June 30, 2017 No. 71 "On the feasibility of implementing and using the best practices of the Organization for economic cooperation and development within the framework of the Eurasian economic Union)* URL: http://docs.cntd.ru/document/556098626 (Accessed: 20.07.2020). (In Russian).

12. Rzabaj A. I. Regional'noe jekologicheskoe sotrudnichestvo Respublika Kazahstan i ego vlijanie na razvitie jekologicheskogo zakonodatel'stva *(Regional environmental cooperation the Republic of Kazakhstan and its impact on the development of environmental legislation)* // Sovremennaja jurisprudencija: aktual'nye voprosy, dostizhenija i innovacii: sbornik statej XXVI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Penza: Nauka i Prosveshhenie, 2020. P.51 – 56. (In Russian).

13. Hot'ko O. A. Teoreticheskie osnovy formirovanija pravovoj strategii obespechenija jekologicheskoj bezopasnosti transportnoj dejatel'nosti *(Theoretical bases of forming a legal strategy for ensuring environmental safety of transport activities)* // Nauchnyj vestnik Volgogradskogo filiala RANHiGS. 2019. No. 1. P. 48–53. (In Russian).

14. Shahraj I. S. Problemy pravovogo regulirovanija jekologicheskogo kontrolja v svete obnovlenija zakonodatel'stva Respubliki Belarus' o kontrol'noj (nadzornoj) dejatel'nosti *(Problems of legal regulation of environmental control in the light of updating the legislation of the Republic of Belarus on control (Supervisory) activities)* // Vesnik Grodzenskaga dzjarzhaŭnaga universitjeta imja Janki Kupaly. Part 4. Pravaznaŭstva. 2018. No. 1. P. 59–67. (In Russian).

15. Shilova E. V. Rol' Tamozhennogo sojuza v ramkah Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza na sovremennom jetape integracii *(The role of the Customs Union in the framework of the Eurasian economic Union at the current stage of integration)* // Problemy i perspektivy razvitija jekonomiki i menedzhmenta v Rossii i za rubezhom: materialy Sed'moj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii 17–18 aprelja 2015 g. Rubcovsk: Rubcovsk industrial institute, 2015. P. 137–142. (In Russian).

Сведения об авторах

Захарин Андрей Николаевич – кандидат философских наук, доцент кафедры экологического, земельного и трудового права юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / colobichin@yandex.ru

Колесникова Кира Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического, земельного и трудового права юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / mail.kira@yandex.ru

Information about the authors

Zakharin Andrey – PhD in Philosophy, Associate Professor, Chair of Environmental, Land and Labour Law, Institute of Law, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / colobichin@yandex.ru

Kolesnikova Kira – PhD in Law, Associate Professor, Chair of Environmental, Land and Labor Law, Institute of Law, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / mail.kira@yandex.ru

УДК 34

М. Е. Каледин

КРИМИНАЛИЗАЦИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО КАК СЛЕДСТВИЕ МНОГОФАКТОРНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ – СИМБИОЗА МИКРО- И МАКРО- СРЕД

Личность несовершеннолетнего преступника всегда была объектом пристального внимания со стороны криминалистов, психологов, педагогов, представителей уголовно-правовой науки. Что является предопределяющим фактором в контексте её формирования и становления – совокупность наследственных факторов или влияние социума? Либо же личность ювенального преступника есть результат многофакторной детерминации – взаимодействия биологического и социального? В рамках настоящего исследования автор предпринял попытку анализа и систематизации различных доктринальных концепций и взглядов на этот счёт, сформировал субъективное мнение.

Автором предлагается классификация причин и условий, способствующих криминализации личности несовершенного преступника. При этом, он останавливается на самых релевантных, по его мнению, детерминантах преступности, к которым отнесены - семья, выступающая в качестве предопределяющего звена микросреды. В рамках настоящего исследования также раскрываются разновидности неблагополучной семьи, приводятся концепции учёных по данному вопросу, данные официальной статистики относительно разводов на территории России.

Автор подробно останавливается на виктимизации как возможной детерминанте преступности, приводит позиции отечественных и зарубежных исследователей по данному вопросу, делает вывод о существовании прямой причинно-следственной связи между совершенным фактом виктимизации в отношении несовершеннолетнего и его последующим делинквентным поведением.

Следующей значимой детерминантой, по мнению автору, являются психофизиологические патологии, в исследовании подробно рассматриваются психогенно обусловленные пограничные состояния в контексте возможных благоприятных условий для последующей криминализации несовершеннолетнего.

Вместе с тем, автор рассуждает о парадоксальности детерминант преступности в контексте предопределения последующего поведения потенциального преступника, делает вывод о том, что личность человека, в данном случае, является основным механизмом, предопределяющим выбор индивидуума.

Изучение личности несовершеннолетнего преступника имеет колоссальное значение в контексте осуществления профилактических мероприятий в целях последующей минимизации ювенальной преступности, в связи с чем, автор, на основании анализа действующего законодательства, предлагает конкретные пути совершенствования действующих норм права.

Ключевые слова: ювенальная юстиция, преступность, виктимизация, криминализация, неблагополучная семья, психофизическая неполноценность.

Maksim Kaledin

CRIMINALIZATION OF ADOLESCENTS AS A RESULT OF MULTI-FACTOR DETERMINATION – A SYMBIOSIS OF MICRO- AND MACRO- ENVIRONMENTS

The identity of a minor criminal has always been the object of close attention from criminologists, psychologists, teachers and representatives of criminal law science. What is the determining factor in the context of its formation and formation-a set of inherited factors or the influence of society? Or is the identity of a juvenile delinquent the result of a multi-factorial determination – the interaction of biological and social? In the framework of this research, the author has attempted to analyze and systematize various doctrinal concepts and views on this subject, and formed a subjective opinion.

The author offers a classification of causes and conditions that contribute to the criminalization of the personality of an imperfect criminal. At the same time, he dwells on the most relevant, in his opinion, determinants of crime, which include the family, which acts as a determinant of the microenvironment. This study also reveals the types of dysfunctional families, provides scientific concepts on this issue, and official statistics on divorce in Russia.

The author dwells in detail on victimization as a possible determinant of crime, cites the positions of domestic and foreign researchers on this issue, and concludes that there is a direct causal relationship between the fact of victimization committed against a minor and his subsequent delinquent behavior.

The next significant determinant, according to the author, is psychophysiological pathologies. The study examines in detail psychogenically determined border states in the context of possible favorable conditions for the subsequent criminalization of a minor.

At the same time, the author discusses the paradoxical nature of the determinants of crime in the context of determining the subsequent behavior of a potential criminal, and concludes that the human personality, in this case, is the main mechanism that determines the choice of an individual.

The study of the identity of a minor criminal is of great importance in the context of preventive measures for the

subsequent minimization of juvenile delinquency, in this regard, the author, with the reference to the analysis of current legislation, offers specific ways to improve the existing legal norms.

Key words: juvenile justice, delinquency, victimization, criminalization, disadvantaged family, mental disability.

Современные реалии обусловливают острую необходимость изучения личности несовершеннолетнего преступника – всех циклов её формирования и становления.

За подрастающим поколением – будущее современного общества и государства – качество, уровень и безопасность бытия.

Что предопределяет поведенческий фактор индивидуума - наследственная предрасположенность или комплекс социально-бытовых установок?!

Более полувека назад исследователь В. М. Полынин писал: «категории – наследственность и изменчивость есть неотъемлемые свойства всех живых существ, необходимые атрибуты самой жизни. Это именно они – две противоположные «медали» одной и той же сущности: консервативное начало – это наследственность – статика; прогрессивное – изменчивость – динамика – обеспечивают как преемственность живых форм в бесконечной чреде поколений, так и их эволюционные преобразования на протяжении космических времен истории Земли» [1, с. 319].

Полагаем, личность несовершеннолетнего преступника – есть симбиоз эндогенных и экзогенных факторов, в связи с чем, было бы неверно рассматривать исследуемый феномен исключительно с позиции биологического или социального. В данном случае, усматривается дуализм явлений – сложное и многогранное диалектическое взаимодействие различных элементов, обусловливающих конкретный поведенческий механизм.

В рамках настоящего исследования автор предпринял попытку подробного выделения элементов многофакторной детерминации, создающих, по его мнению, предпосылки для последующей криминализации несовершеннолетнего; также предлагает пути совершенствования законодательства как способ предупреждения и профилактики преступности несовершеннолетних.

Так, автор выделяет следующие индивидуальные и коллективные факторы, к коим относит:

– **Эмоциональные**. Например, гиперактивность как патологическое явление;

– **Физиологические:**

1) низкий уровень когнитивного развития, обусловленный недоношенностью, сложностями при родоразрешении либо плохой наследственностью;

2) психолого-психиатрическая дефектность личности;

3) другое;

– **Семейные:**

1) деструктивное воспитание – элементы физического и (или) психологического воздействия;

2) виктимизация подростка;

3) развод;

4) родительская психопатология;

5) подростковое «родительство» и искаженная структура семьи (например, сценарий «перевернутых ролей», когда ребёнок возлагает на себя функцию «родителя»);

6) низкий уровень материальной обеспеченности в семье.

– **Коллективные факторы:** школьные и общественные факторы:

1) сложности с адаптацией и идентификацией личной принадлежности к определенной группе;

2) низкий уровень успеваемости;

3) асоциальное соседство;

4) дезорганизованные районы с высоким уровнем криминогенности;

5) виктимизация подростка;

6) высокая концентрация делинквентных групп сверстников;

7) возможность доступа к запрещенным веществам и оружию;

8) контакты с девиантными подростками и (или) взрослыми;

9) состояние неприятия и отвержения со стороны сверстников и (или) взрослых («изгой», «белая ворона»).

Таким образом, указанные индивидуальные и коллективные факторы предопределяют и обусловливают поведенческий тип несовершеннолетнего подростка в контексте его возможной криминализации.

В рамках настоящего исследования, автор предлагает остановиться на ключевых (релевантных) факторах, которые, как правило, являются предопределяющими для подростка в контексте вариации его поведения и выбора.

Семья

Семья является для подростка целым миром и вселенной, именно из нее черпаются все значимые категории: добра и зла, допустимого и недопустимого, одобряемого и порицаемого [7].

Так, отечественный учёный Г. И. Чечель отмечает: «в семье ребёнок получает свои первые представления о хорошем и дурном. И с багажом жизненных установок и правил, полученных в семье, он выходит в жизнь» [21, с. 41].

Семья – базовое место, где у ребенка закладываются своего рода нравственные «ограничители».

Рассуждая о роли семьи в контексте детерминанты поведения подростка, считаем целесообразным остановиться на категории «неблагополучных», «трудных» семей. Исследуемые категории являются своеобразными социальными средами, характеризуются латентностью и сильными само регулятивными началами.

В доктрине выделяются различные виды неблагополучных семей: 1) конфликтная семья; 2) аморальная семья; 3) педагогически несосто-

ятельная семья; 4) антисоциальная семья [17, с. 15–25].

По определению – неблагополучная семья – место с некоей червоточиной, различными дефектами педагогического процесса.

В современном социуме нередко встречаются и семьи, с так называемой, иллюзией нормальности, то есть, где на первый взгляд – идиллия и благополучие, однако существует некий подтекст, который может выражаться различным образом. Например, в чрезмерной жесткости и диктатуре в воспитательном процессе, «преломлении» инициатив подростка и др. Такой педагогический «брак» также имеет неблагоприятные последствия.

И. С. Кон полагает, что нет ни одного социального или психологического аспекта поведения юношей и девушек, который не зависел бы от их семейных условий в настоящем или прошлом [16].

Следовательно, одним из факторов, способствующих формированию отрицательной направленности подростка, является «неблагополучная» семья.

В научной литературе также выделяют разновидность неблагополучной семьи - «неполная» семья.

«Неполная» семья, по мнению исследователя Е. С. Жигарева, автоматически является, в большинстве случаев, причиной перехода ребенка на преступный путь [9, с. 381].

Вместе с тем, следует отметить, что распад семьи не является обязательным предопределяющим фактором становления несовершеннолетнего на преступный путь. Определяющее и решающее значение имеет темперамент подростка – волевой элемент, нравственный стержень.

Необходимо отметить, что в последнее десятилетие в России наметилась негативная тенденция к разводам – статистика расторжения браков вплоть до 2018 года остается неизменной и составляет в среднем около 610 000 тысяч ежегодно. Общее количество зарегистрированных браков ежегодно около 1 000 000, то есть, распадаются примерно каждые 6 из 10 семей [19].

Вместе с тем, ни одни статистические данные не могут отражать в полной мере всех социальных реалий, так как коэффициент фактически распавшихся семей в условиях официально не расторгнутого брака – велик.

Рассуждая о категории – «полной» семьи, целесообразно отметить, что она не является мерилом и гарантом правомерного поведения несовершеннолетнего – в исследуемом вопросе многое действительно относительно.

Дискутируя о микросреде подростка, нельзя обойти стороной вопрос педагогической безграмотности и ограниченности значительной части родителей. Умаление значения «здоровой» педагогики, преувеличение личных воспитательных возможностей, необоснованная самонадеянность характерны многим взрослым.

Большинство соотечественников воспитывает несовершеннолетних в духе педагогики советского общества, несмотря на то, что многие устои устарели и изжили себя.

Так, учёный Г. М. Миньковский отмечал, что необходимо «воспитание воспитателей» – дифференцированного педагогического всеобуча родителей, оказание им помощи в создании надлежащих условий для правильного развития детей [11, с. 444].

В условиях российской действительности, также как и в ряде государств постсоветского пространства, существует феномен «культуры насилия», который выражается в навязывании взрослыми «одностороннего» мышления, в установлении неоправданного количества запретов. Вместе с тем, подростки (и не только) живут по принципу – «запретный плод сладок». Как следствие – масса запретов и установок не способствует пресечению и предотвращению нежелательного поведения, а, наоборот, способствует выработке у подростков защитного барьера, сопутствующими элементами которого являются ложь, лицемерие, негативизм [8, с. 352].

Следовательно, если в семье отсутствует признание, понимание и принятие, то подросток ищет их извне.

Таким образом, разумное предоставление выбора и непредвзятое мышление родителей, минимизация императивных начал – существенно уменьшает потребность подростка в выражении сопротивления, т.е. проявлении негативизма.

Следующий, не менее важный элемент многофакторной детерминации, – образовательное учреждение, которое по праву является вторым этапом в развитии и становлении личности, формировании концепции взглядов и интересов (конструктивных и (или) деструктивных).

Рассуждая о роли образовательных учреждений, нельзя не отметить, что данный сектор также характеризуется немалой педагогической некомпетентностью. Закон педагогики гласит: «нет плохих учеников, есть плохие учителя».

Как известно, в России процветает «карательная» педагогика, навязанная административно-командной системой. В условиях процветания рыночной экономики и постоянного роста цен, отмечается регресс заинтересованности в образовательном процессе у самого педагогического состава, отсутствие должного уровня профессионализма и любви к профессии.

Как следствие, ученики «считывают» эмоциональный настрой, вследствие чего, логичным исходом является потеря интереса и мотивации к образованию.

В существующей действительности, одна из важных задач государственной политики – повышение роли учителя, его профессиональной ответственности, пополнения педагогического состава молодежью, способной новаторски работать в условиях демократизации школы, её самоуправления. Однако, дискутируя о месте и роли учителя, необходимо помнить и об условиях, в которых осуществляется учебная деятельность. В настоящее время, учитель отошел на

второй «план», а на первый вышел «учебник», окруженный многочисленными «циркулярами». Творческое начало учителей вроде бы поощряется, однако присутствуют определенные оговорки и подтекст. И пока сложившаяся ситуация не изменится, положение учителя-новатора останется шатким.

Неправильно и (или) неэффективно организованный образовательный процесс является немаловажным фактором возможной последующей криминализации подростка. По мере совершенствования образовательной системы наравне с дополнительным школьным образованием, бесплатными секциями, кружками – минимизируется возможность криминализации несовершеннолетней личности в условиях создания и поддержания конструктивного эмоционального и материального микроклиматов.

Что касается взаимосвязи и взаимодействия микро и макро сред, то обязанность родителей заключается во всемерном повышении авторитета школы и учителя в глазах ребенка, воспитании детей в духе уважения и любви к труду и учебе, подготовке их к общественно полезной деятельности, приучении к порядку и дисциплине.

Вместе с тем, было бы ошибочным гиперболизировать и унифицировать роль семьи и взрослых в контексте предопределения поведения подростка. Школа есть константа и главная сила в формировании высоких нравственных качеств и навыков общественно полезной деятельности подростков. И там, где ослабевает положительное воздействие школы на духовный мир и поведение тинэйджеров, закономерно возрастает влияние на них бытового окружения и возможных отрицательных явлений в семье.

Следующий элемент многофакторной детерминации, который автор считает целесообразным раскрыть – виктимизация подростков.

Дефиниция – victimization в переводе с английского языка обозначает приобретение статуса жертвы, потерпевшего в результате воздействий и влияний как внешних, так и внутренних.

Вероятность виктимизации существует в двух ипостасях одновременно – как элемент микро- и макросреды. В рамках настоящего исследования мы рассмотрим подробнее первый вариант.

Многие исследователи, как российские, так и зарубежные, отмечают, что виктимизация в возрасте до восемнадцати лет способствует формированию жестокости и является предпосылкой последующей делинквентности подростка [23, с. 36, 635–647].

В США проводилось исследование, посвященное изучению взаимосвязи между установленным фактом насилия в отношении несовершеннолетнего и последующим фактом совершения противоправного деяния самим несовершеннолетним. Было установлено, что факты насилия оказывают разрушительное воздействие на несовершеннолетних – способствуют формированию стресса, психологической дисфункции, вызывают негативные поведенческие последствия [24, с. 22, 94–103].

Исследование показало, что несовершеннолетние лица, которые подвергались жестокому обращению в семье, впоследствии, более чем в четыре раза чаще подвергались аресту во взрослом возрасте [25, с. 22, 1581–1602].

Результаты исследования диагностировали корреляцию между совершением физического насилия в отношении несовершеннолетнего и последующим повышением уровня агрессии и негативизма у таких лиц [18].

Важно отметить, что российская доктрина придерживается аналогичной позиции – о росте преступности вследствие виктимизации, о существующей тенденции перехода статуса – жертвы или виктимы в статус преступника.

Российские исследователи аналогичным образом дифференцируют несовершеннолетних жертв на «активных» и «пассивных». Модель поведения первых обусловлена «игрой» в провокаторов, абьюзеров, инициаторов [22].

Вторая категория – это, как правило, лица с подавленной волей и низкой самооценкой, их функционал – роль исполнителя [3].

Обе категории потенциально опасны и требуют комплексного подхода.

Дискутируя о насилии внутри семьи, т.е., когда несовершеннолетний «напитывается» актами жестокости из микросреды, а впоследствии воспроизводит аналогичные действия, можно говорить о психологической категории семейного «сценария».

Ситуация семейного «сценария» – это порицание конкретной модели поведения, например, насилия в различных формах его проявления и последующее неосознанное «проигрывание» (повторение) аналогичного поведения (ранее порицаемого этим же лицом).

Таким образом, подросток или взрослый, как правило, неосознанно воспроизводит привычный и знакомый ему семейный «сценарий», который транслировался ему в течение долгого времени.

Вместе с тем, необходимо отметить, что существуют исключения, т.е., когда подросток (чаще взрослый) самостоятельно или при помощи психотерапии производит комплексный анализ предшествующих условий воспитания и сознательно меняет ранее транслированные установки и навязанные взрослыми правила «игры».

В такой ситуации, факт виктимизации в детском или подростковом возрасте теряет ключевое значение в контексте предопределения последующего поведения несовершеннолетнего и становится данностью, никак не влияющей и не предопределяющей поведенческие акты.

Таким образом, автор приходит к выводу, что виктимизация – это конечный результат симбиоза эндогенных и экзогенных факторов, сосуществующих между собой по закону диалектики и предопределяющих, в конечном итоге, поведенческий акт человека.

Следующий элемент многофакторной детерминации, который тесно связан с виктимизацией, – психофизиологическая дефектность личности.

Как известно, существует большой перечень психологических и психиатрических аномалий, при наличии которых можно говорить о наличии у субъекта уголовного правоотношения состояния ограниченной (уменьшенной) вменяемости или полной невменяемости.

К таковым патологиям отнесены – психофизический инфантилизм, под которым принято понимать состояние психической или психофизической незрелости [5]. Как правило, при такой патологии клиническая картина выглядит следующим образом: физическое и психическое состояние организма несовершеннолетнего соответствует не паспортному, а младшему возрасту. Физические движения отличаются активностью, но одновременно и характеризуются отсутствием выработанных навыков. Определяющим мотивом деятельности таких подростков является сиюминутное исполнение всех прихотей, действия подчинены игровому компоненту, характерна быстрая утомляемость, снижение умственных способностей, невозможность концентрации внимания, несамостоятельность, эмоциональная лабильность, подражание, отсутствие самоконтроля и самоанализа, поверхностность суждений.

Подростковые неврозы

Невротические нарушения у детей и подростков, как правило, протекают с нарушениями поведения. Одни – становятся робкими, вялыми, застенчивыми; другие – замкнутыми и озлобленными; третьи – двигательно расторможенными, упрямыми и несговорчивыми.

Клиническая картина выглядит следующим образом: беспокойство, тревожность, капризность. Такие подростки испытывают страх одиночества, замыкаются в себе, становятся «изгоями». При корректном педагогическом подходе страхи обычно быстро проходят. В противном случае, они могут стойко зафиксироваться и вызывать вторичные изменения личности с присоединением психопатоподобных форм поведения.

Следовательно, вторичные нарушения поведения при педагогической запущенности, связанной со «школьным неврозом» и неправильным педагогическим подходом к подросткам-невротикам вследствие непонимания истинных причин их отставания в учебе и неправильного поведения, могут вылиться в тяжелую патологию личности и вести к стойкому нарушению адаптации [20].

Пубертатная шизофрения

Среди асоциальных проявлений и прочих трудностей поведения у больных шизофрений доминируют побеги из дома, воровство, лживость, нарушения сексуального цикла, иногда с характером извращения и другое [13].

Шизоидные расстройства могут проявляться различно: расстройства настроения (например, по типу дисфории (угнетения); раздражительность, озлобленность, тоскливость, неустойчивость, излишняя доверчивость и повышенная внушаемость.

Некоторые психиатры отмечают такие черты, как замкнутость, скрытность, молчаливость, упрямство, робость, стеснительность, истерические проявления. Отмечают, что на разных этапах, помимо основных психопатоподобных расстройств, наблюдались неврозоподобные проявления, аффективные колебания, патологическое фантазирование и другие психотические симптомы. Клиническая картина характеризуется динамикой, интеллект формально остается не сниженным, однако обнаруживаются некоторые шизофренические нарушения мышления [2, с. 54–65].

Таким образом, отметим, что личность каждого – уникальна и реакция на внешние раздражители – строго индивидуальна, в связи с чем, невозможно охарактеризовать конкретное расстройство психики с геометрической точностью, так как границы характеристики носят достаточно относительный и даже «размытый» характер, иногда несколько нарушений сосуществуют одновременно.

Также у подростков часто встречаются психогенно обусловленные пограничные состояния, к которым отнесены:

реакция отказа – состояние, которое возникает при столкновении несовершеннолетнего с препятствиями, трудностями, которые выбивают его из «колеи». Классический вариант проявления указанной реакции – отказ от учебы или выполнения обязанностей. Фактически, в «корне» поведения лежит защитная реакция, т.е. посредством демонстративного отказа подросток ограждает себя от возможного стресса и разочарований. При неверном педагогическом подходе, такая реакция может трансформироваться в реакцию протеста, которая усугубляет состояние конфликта;

реакция протеста характеризуется негативизмом, внешним выражением протестующей реакции личности на персональную трудную ситуацию. Возможные причины возникновения – психотравмирующие ситуации, как-то: развод, грубое отношение, выраженное в применении физических наказаний, конфликты между родителями, злоупотребление алкоголем и прочее. Реакция протеста может быть, как психологической, так и патологической. Причём, при длительности психотравмирующей ситуации и при наличии комплекса условий, психологическая реакция протеста может трансформироваться в патологическую. Клиническая картина различна: от реакций пассивного протеста с преимущественно соматовегетативными проявлениями (рвота, энурез, анорексия) до попыток суицида и реакций активного протеста с агрессивным поведением и разрушительными действиями, распространяющимися за пределы определенной микрогруппы;

реакция имитации выражается в подражании лицу, которое для подростка – авторитет. Однако часто этим самым авторитетом становится асоциальный «герой». Источники: СМИ, контент просторов информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», который может и «успешно» оказывает, как правило, масштабное отрицательное влияние на психику подростков;

реакция отрицательной имитации – модель поведения, прямо противоположная модели, на-

вязываемой микро- и (или) макро- средой несовершеннолетнего;

реакция компенсации – проявляется в восполнении неудач, пробелов в одной области подчёркнутым успехом в другой. Как правило, компенсация носит противоправный характер;

реакция гиперкомпенсации – целенаправленное стремление к успеху в наиболее трудной для себя сфере деятельности: присущая скромность может побудить подростка к отчаянному или вызывающему поступку и др.;

реакция эмансипации – стремление сбежать от удушающей гиперопеки со стороны взрослых, стремление к самостоятельности и самоутверждению. Может быть выражена в отрицании общепринятой системы ценностей, различных вариациях девиантного поведения и т.д. и т.п.;

реакция группирования – ситуация, при которой подростки консолидируются по критерию общности интереса, взглядов и пр. [12].

Необходимо отметить, что негативные состояния немотивированного упрямства, раздражительности, агрессивности встречаются уже у маленьких детей в период одного из первых возрастных кризисов (около 2–3-х лет), так называемый, кризис негативизма или сепарации [14, с. 288].

На языке психиатров описанные состояния обозначаются как психопатоподобные состояния у несовершеннолетних или патологические реакции пубертатного возраста. Причиной их являются не какие-либо конкретные психотравмирующие ситуации, а трудности приспособления к новым социально-психологическим требованиям, предъявляемым подростку жизнью; а также временные нарушения внутреннего и внешнего психологического равновесия, обусловленные личностной и биологической дисгармонией, свойственной большому количеству подростков в пубертатном возрасте.

Под влиянием этих причин, на фоне личностных сдвигов могут возникать патохарактерологические реакции с трудностями социальной адаптации, нередко и с асоциальным поведением.

Нередко патохарактерологические проявления тесно переплетаются с невротическими расстройствами: колебаниями настроения, повышенной утомляемостью, нарушениями сна, головными болями, ипохондрическими переживаниями, что с несомненностью говорит о болезненной природе данного состояния, а не просто о социально-педагогической запущенности.

Как и другие формы патохарактерологических реакций, психопатоподобные состояния у подростков вполне обратимы, но в тоже время, при определенных условиях (неблагоприятная среда, церебральная недостаточность и др.), они могут фиксироваться и стать началом патохарактерологического развития.

Следует отметить, что патохарактерологических реакций – множество, в настоящем исследовании на обозрение представлены основные. В специальной литературе имеются описания гиперкомпенсации при физических дефектах с переживанием собственной недостаточности «эпилептоидных реактивных состояний» и некоторых других видов патологических личностных реакций [10, с.180].

Таким образом, лица, страдающие подобными формами патологии, могут встать на преступный путь, так как клиническая картина, наравне с ранее описанной симптоматикой, свидетельствует о наличии элементов поведенческой жестокости, атрофии личной и социальной ответственности. Такие лица нуждаются в комплексном лечении с применением инструмента социальной реабилитации.

Устранить или, по крайней мере, минимизировать подобные невротические и патохарактерологические проявления возможно с учётом типологических особенностей ребёнка, возрастного периода, микро социального климата.

Автор исследования, по итогам изучения научной литературы и законодательства, регулирующего особенности привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности, пришел к выводу о наличии некоторых пробелов, в связи с чем, предлагает внесение следующих изменений.

1. В соответствии с ч. 1 ст. 21 УК РФ полная невменяемость исключает наступление уголовной ответственности, в то время как ограниченная вменяемость таковых последствий не влечет. То есть, в условиях неполного осознания и понимания фактического характера и общественной опасности действий и (или) бездействий и неполной способности ими руководить, лицо подлежит уголовной ответственности с назначением ему наказания практически на общих началах.

При этом во 2 части нормы указано, что такое психическое расстройство учитывается судом при назначении наказания, а также может являться основанием к назначению принудительных мер медицинского характера.

Такая категория, даже с учётом сохранения определённого элемента осознанности, является по определению больной (медицинский критерий), и нуждается в получении своевременной и квалифицированной медицинской помощи.

Поэтому является очевидным, что лица, страдающие психическим расстройством, в случае неоказания им своевременной и качественной помощи, впоследствии могут приобрести стойкое патологическое состояние с характерным признаком полной невменяемости. Временные психические расстройства, как правило, не уходят самостоятельно в ремиссию, а требуют контроля и внимания.

В связи с чем, автор предлагает внесение изменений в действующую редакцию статьи посредством дополнительного указания на необходимость применения обязательной программы медицинской реабилитации к исследуемой категории лиц.

2. В статье 421 УПК РФ указано, что при наличии данных, свидетельствующих об отставании в психическом развитии, не связанном с психи-

ческим расстройством, устанавливается также, мог ли несовершеннолетний в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими (ч. 2).

Из буквального толкования действующей редакции статьи следует, что для выяснения обстоятельств: «понимал ли несовершеннолетний характер своих действий» и «был ли способен руководить своими действиями», необходимо «наличие данных, свидетельствующих об отставании в психическом развитии».

Вместе с тем, где должны быть отражены эти данные, кем должен быть удостоверен данный факт, остается неурегулированным в рамках правового поля, и как следствие, на практике.

Как известно, в психиатрии существует перечень заболеваний, протекающих латентно.

То есть подросток может выглядеть здоровым с нормальным уровнем психофизического развития, однако это не соответствует действительному положению вещей [15, с. 52–60].

Либо некоторые отклонения от психической нормы могут восприниматься взрослыми как негативные черты характера подростка, либо возрастные кризисы.

Например, в психиатрии имеется разновидность заболевания, так называемая, латентная шизофрения – форма шизофрении, протекающая с «лёгкими патологическими расстройствами», с отсутствием психотической симптоматики [4].

Так, Герман Роршах обозначал термином «латентная шизофрения» внешне адекватно функционирующих лиц, которые на его тесты отвечали так же, как больные шизофренией [6, с. 512].

В этой связи, полагаем необходимым внести изменения в действующую редакцию статьи 421 и указать на необходимость проведения медицинского освидетельствования в отношении всех несовершеннолетних, совершивших преступление (я) вне зависимости от наличия информации об отставании в психическом развитии.

Изменение нормы будет способствовать более объективному и всестороннему анализу психофизического состояния подростка и позволит своевременно принять меры медицинской и социальной реабилитации.

3. Автор также предлагает создание специализированных бесплатных курсов, нацеленных на психолого-педагогическую коррекцию таких лиц, которая будет включать проработку внутренних личностных противоречий, детских травм, закомплексованности и прочих негативных явлений. Указанные курсы могут проводится на базе психиатрических больниц (клиник), а в качестве преподавателей (коучеров) могли бы выступать студенты-практиканты старших курсов.

Таким образом, коучинг подобного рода будет способствовать реальной, а не номинальной ресоциализации лиц, страдающих патологиями.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что личность ювенального преступника, изучение и анализ её природы является важным в контексте способа профилактики преступности несовершеннолетних.

Принимая во внимание изменчивость общественных отношений, законодателю следует на постоянной основе совершенствовать правовые нормы, в частности, регламентирующие особенности уголовной ответственности несовершеннолетних.

Синхронизация динамики общественных отношений с грамотным правовым регулированием есть эффективное условие превенции ювенальной преступности.

Литература

1. Полынин В. М. Мама, папа и Я. М.: Советская Россия, 1969. 319 с.

2. Меринов А. В., Шустов Д. И., Лукашук А. В., Шитов Е. А. Детская и подростковая психиатрия. URL: https://www.rzgmu.ru/images/files/9/3726.pdf (Дата обращения: 01.06.2020).

3. Андронникова О. О. Психофизиологические факторы возникновения виктимности поведения подростков: автореф. дис. …канд. пед. наук. 2005. 25 с.

4. Блейхер В. М., Крук И. В. Шизофрения латентная. Толковый словарь психиатрических терминов URL: http://pedlib.ru/Books/4/0363/4_0363-1.shtml (Дата обращения: 01.06.2020).

5. Буторин Г. Г., Долгова В. И. Невропатия и психический инфантилизм как преимущественные расстройства в детском возрасте URL:cyberleninka.ru. (Дата обращения: 01.06.2020).

6. Вид. В. Д. Психотерапия шизофрении URL: https://www.piter.com/product/psihoterapiya-shizofrenii-3-e-izd (Дата обращения: 01.06.2020).

7. Ганнушкин Петр. «В душе психопата. Путешествие в мир без жалости, совести и чувств» URL: https://mybook.ru/author/petr-gannushkin/v-dushe-psihopata- puteshestvie-v-mir-bez-zhalosti/read/. (Дата обращения: 01.06.2020).

8. Грей Джон. Дети – с небес. Уроки воспитания. Как развивать в ребёнке дух сотрудничества, отзывчивость и уверенность в себе. М.: ООО Книжное издательство «София», 2019. 352 с.

9. Жигарев Е. С., Петухов В. И. Философия криминологии. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2006. 381 с.

10. Жигинас Н. В., Семке В. Я. Психическое здоровье студентов: монография. Томск: издательство ТГПУ, 2009. 180 с.

11. Игошев К. Е., Миньковский Г. М. Семья. Дети. Школа. М.: юридическая литература, 1989. 444 с.

12. Личко А. Е. Шизофрения у подростков. URL:www.drlev.ru/book/lichko3.pdf. (Дата обращения: 01.06.2020).

13. Петрановская Л. В. Тайная опора: привязанность в жизни ребенка/ Людмила Петрановская. М.: АСТ, 2019. 288 с.

14. Рассказова Е. И. Латентные личностные профили при психических заболеваниях: анализ реструктурированных клинических шкал URL: http:/doi.org/10.31363/2313-7053-2019-1-52-60. (Дата обращения: 01.06.2020).

15. Реуцкая И. Е. Психологические особенности родителей и несовершеннолетних из неблагополучных семей // Прикладные и экспериментальные исследования. 2011. № 3. С. 85-94.

16. Русанова А. А. Семья как ценность и институт социального самоопределения студенческой молодежи // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 4 (12). С.15–25.
17. Сарафанова Л. В. Процесс виктимизации подростков и педагогические возможности его предупреждения URL: https://cyberleninka.ru/article/n/protsess-viktimizatsii-podrostkov-i pedagogicheskie-vozmozhnosti-ego-preduprezhdeniya/viewer. (Дата обращения: 01.06.2020).
18. Статистика браков и разводов по данным Росстат URL: https://rosinfostat.ru/braki-razvodi/. (Дата обращения: 01.06.2020).
19. Циркина С. Ю. Справочник по психологии и психиатрии детского и подросткового возраста под редакцией 2-е изд., переработанное и дополненное. URL: https:// books. Google.ru/ books?id=NgjxgRGncUsC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false. (Дата обращения: 01.06.2020).
20. Чечель Г. И. Заметки юриста по поводу… (О прошлом и почти о настоящем): Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2004. 80 с.
21. Шалагин А. Е. Криминальная виктимология: понятие, содержание, профилактика // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 1 (27). URL: Интернет-ресурс: https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalnaya-viktimologiya-ponyatie-soderzhanie-profilaktika/viewer. (Дата обращения: 01.06.2020).
22. Aceves, M. J., & Cookston, J. T. Violent victimization, aggression, and parent adolescent relations: Quality parenting as a buffer for violently victimized youth // Journal Youth Adolescence. 2006. No. 36. P.635–647.
23. Anderson J.F., Dyson L., Grandison T. African Americans, violence, disabilities, and public policy: A call for a workable approach to alleviating the pains of inner city life // The Western Journal of Black Studies. 1998. No. 22. P.94–103.
24. Cuevas C.A., Finkelhor D., Turner H.A., & Ormrod R.K. Juvenile delinquency and victimization: A theoretical typology // Journal of Interpersonal Violence. 2007. No.22. P.1581–1602 URL: https://doi.org/10.1177/0886260507306498 (Дата обращения: 01.06.2020).

References

1. Polynin V. M. Mama, papa i Ya *(Mother, father and me)*. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1969. 319 p. (In Russian).
2. Merinov A. V., SHustov D. I., Lukashuk A. V., SHitov E. A. Detskaya i podrostkovaya psihiatriya *(Child and adolescent psychiatry)* URL: https://www.rzgmu.ru/images/files/9/3726.pdf (Accessed: 01.06.2020). (In Russian).
3. Andronnikova O. O. Psihofiziologicheskie faktory vozniknoveniya viktimnosti povedeniya podrostkov *(Psychophysiological factors in the emergence of the victimization of adolescent behavior):* abstract of thesis, 2005. 25 p. (In Russian).
4. Blejher V. M., Kruk I. V. Shizofreniya latentnaya. Tolkovyj slovar' psihiatricheskih terminov: *(Latent Schizophrenia. Explanatory dictionary of psychiatric terms)* URL: http://pedlib.ru/Books/4/0363/4_0363-1.shtml (Accessed: 01.06.2020). (In Russian).
5. Butorin G. G., Dolgova V. I. Nevropatiya i psihicheskij infantilizm kak preimushchestvennye rasstrojstva v detskom vozraste *(Neuropathy and mental infantilism as primary disorders in childhood)*. URL:cyberleninka.ru. (Accessed: 01.06.2020). (In Russian).
6. Vid. V. D. Psihoterapiya shizofrenii. *(Psychotherapy of schizophrenia)* URL: https://www.piter.com/product/psihoterapiya-shizofrenii-3-e-izd (Accessed: 01.06.2020). (In Russian).
7. Gannushkin Petr. «V dushe psihopata. Puteshestvie v mir bez zhalosti, sovesti i chuvstv» *(In the soul of a psychopath. A journey into the world without pity, conscience, or feelings)* URL: https://mybook.ru/author/petr-gannushkin/v-dushe-psihopata- puteshestvie-v-mir-bez-zhalosti/read/. (Accessed: 01.06.2020). (In Russian).
8. Grej Dzhon. Deti – s nebes. Uroki vospitaniya. Kak razvivat' v rebyonke duh sotrudnichestva, otzyvchivost' i uverennost' v sebe/perev. s angl. *(Children are from heaven. Parenting lessons. How to develop a child's spirit of cooperation, responsiveness and self-confidence)* M.: OOO Knizhnoe izdatel'stvo «Sofiya», 2019. 352 s. (In Russian).
9. Zhigarev E. S., Petuhov V. I. Filosofiya kriminologii *(The philosophy of criminology)*. Moscow: OLMA-PRESS, 2006. 381 p. (In Russian).
10. Zhiginas N. V., Semke V. Ya. Psihicheskoe zdorov'e studentov *(Mental health of students: monograph)*. Tomsk: TSPU publ., 2009. 180 p. (In Russian).
11. Igoshev K. E., Min'kovskij G. M. Sem'ya. Deti. Shkola. *(Family. Children. School)*. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1989. 444 p. (In Russian).
12. Lichko A. E. SHizofreniya u podrostkov *(Schizophrenia in adolescents)*. URL:www.drlev.ru/book/lichko3.pdf. (Accessed: 01.06.2020). (In Russian).
13. Petranovskaya L. V. Tajnaya opora: privyazannost' v zhizni rebenka *(Secret support: affection in a child's life)*. Moscow: AST, 2019. 288 p. (In Russian).
14. Rasskazova E. I. Latentnye lichnostnye profili pri psihicheskih zabolevaniyah: analiz restrukturirovannyh klinicheskih shkal. Obozrenie psihiatrii i medicinskoj psihologii imeni V. M. Bekhtereva *(Latent personality profiles in mental illness: an analysis of restructured clinical scales)*. URL: http:/doi.org/10.31363/2313-7053-2019-1-52-60. (Accessed: 01.06.2020). (In Russian).
15. Reuckaya I. E. Psihologicheskie osobennosti roditelej i nesovershennoletnih iz neblagopoluchnyh semej *(Psychological characteristics of parents and minors from dysfunctional families)* // Prikladnye i eksperimental'nye issledovaniya. 2011. No. 3. P. 85–94. (In Russian).
16. Rusanova A. A. Sem'ya kak cennost' i institut social'nogo samoopredeleniya studencheskoj molodezhi *(Family as a value and institution of social self-determination of students)* // Sovremennye issledovaniya social'nyh problem (elektronnyj nauchnyj zhurnal). 2012. No. 4 (12). P. 15–25. URL: www.sisp.nkras.ru. (Accessed: 01.06.2020). (In Russian).
17. Sarafanova L. V. Process viktimizacii podrostkov i pedagogicheskie vozmozhnosti ego preduprezhdeniya *(The process of victimization of adolescents and pedagogical possibilities of its prevention)* // Vestnik TGU. 2012. No. 3 (107). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/protsess-viktimizatsii-podrostkov-i pedagogicheskie-vozmozhnosti-ego-preduprezhdeniya/viewer. (Accessed: 01.06.2020). (In Russian).

18. Statistika brakov i razvodov po dannym Rosstat *(Statistics of marriages and divorces according to Rosstat)* URL: https://rosinfostat.ru/braki-razvodi/ (Accessed: 01.06.2020). (In Russian).
19. Cirkina S. Yu. Spravochnik po psihologii i psihiatrii detskogo i podrostkovogo vozrasta pod redakciej *(Handbook of psychology and psychiatry of children and adolescents)* URL: https:// books. Google.ru/ books?id=NgjxgRGncUsC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false. (Accessed: 01.06.2020). (In Russian).
20. Chechel' G. I. Zametki yurista po povodu… (O proshlom i pochti o nastoyashchem) *(Lawyer's notes on... (about the past and almost the present))*: Stavropol': Serviceshkola, 2004. 80 p. (In Russian).
21. Shalagin A. E. Kriminal'naya viktimologiya: ponyatie, soderzhanie, profilaktika *(Criminal victimology: concept, content, prevention)* URL: Internet-resurs: https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalnaya-viktimologiya-ponyatie-soderzhanie-profilaktika/viewer. (Accessed: 01.06.2020). (In Russian).
22. Aceves M. J., & Cookston, J. T. Violent victimization, aggression, and parent adolescent relations: Quality parenting as a buffer for violently victimized youth // Journal Youth Adolescence. 2006. No. 36. P.635–647.
23. Anderson J. F., Dyson L., Grandison T. African Americans, violence, disabilities, and public policy: A call for a workable approach to alleviating the pains of inner city life // The Western Journal of Black Studies. 1998. No. 22. P.94–103.
24. Cuevas C. A., Finkelhor D., Turner H. A., & Ormrod R. K. Juvenile delinquency and victimization: A theoretical typology // Journal of Interpersonal Violence. 2007. No.22. P.1581–1602. URL: https://doi.org/10.1177/0886260507306498 (Accessed: 01.06.2020).

Информация об авторе

Каледин Максим Евгеньевич – аспирант кафедры уголовного права и процесса юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / zamnianc@mail.ru

Information about the author

Kaledin Maksim – post-graduate student, Chair of Criminal Law and Procedure, Institute of Law, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / zamnianc@mail.ru

УДК 349.42

А. Ю. Мохов

ПРИНЦИП ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ В АГРАРНОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются особенности содержания, нормативной регламентации и практического закрепления принципа обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации, как основополагающего начала, определяющего направленность и сущность современного аграрно-правового регулирования. На необходимость закрепления данного принципа и уточнение его содержания указывает принятие в январе 2020 г. новой Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации, согласно которой состояние продовольственной безопасности рассматривается теперь не только с экономической, но и с социальной точки зрения – через улучшение условий фактического доступа граждан к качественным продуктам питания, повышение уровня жизни в сельской местности. Принятые в июле 2020 г. на всенародном голосовании поправки в главу 3 Конституции Российской Федерации, провозглашающие дополнительные социальные обязательства государства, также требуют их осмысления и отражения, в том числе, и в рамках аграрного законодательства. Влияние целей и принципов устойчивого развития сельских территорий в актах ООН, имплементированных в отечественную правовую систему посредством принятия специальной Концепции, обуславливает потребность учёта экологических требований при осуществлении сельскохозяйственной деятельности, взаимосвязи экологической и продовольственной безопасности. Сделан вывод о различии принципов обеспечения продовольственной безопасности страны и участия государства в обеспечении глобальной и региональной продовольственной безопасности. Законодательная реализация принципа в аграрно-правовых актах заключается в корректировке уже существующих и принятии новых мер регулирования и поддержки сельского хозяйства, сообразно с основными приоритетами, обозначенными новой Доктриной продовольственной безопасности – обеспечение населения качественными продуктами питания, достижение самообеспеченности национального рынка продовольствия за счёт отечественного производства, а также расширение экспорта сельхозпродукции. В контексте общего процесса модернизации АПК и управленческих процессов высказываются конкретные меры по совершенствованию поддержки субъектов малого сельскохозяйственного предпринимательства, а также по использованию современных информационных технологий в сельском хозяйстве, их правовой регламентации.

Ключевые слова: принципы права, комплексная отрасль права, аграрное право, продовольственная безопасность, право на питание, продовольственное обеспечение, сельскохозяйственное предпринимательство.

Artem Mokhov

PRINCIPLE OF ENSURING FOOD SECURITY OF THE COUNTRY IN THE AGRICULTURAL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article discusses the features of the content, normative regulation and practical consolidation of the principle of ensuring food security of the Russian Federation, as a fundamental principle that determines the focus and essence of modern agrarian and legal regulation. The need to consolidate this principle and clarify its content is indicated by the adoption in January 2020 of the new Doctrine of Food Security of the Russian Federation, according to which the state of food security is now considered not only from an economic, but also from a social point of view - by improving the conditions of citizens' actual access to quality food, improving living standards in rural areas. The amendments to Chapter 3 of the Constitution of the Russian Federation adopted in July 2020 at a popular vote, proclaiming additional social obligations of the state, also require their reflection and reflection, including in the framework of agricultural legislation. The influence of the goals and principles of sustainable development of rural territories in UN acts implemented in the domestic legal system through the adoption of a special Concept, necessitates the consideration of environmental requirements in agricultural activities, the relationship of environmental and food security. The conclusion is made about the difference between the principles of ensuring food security of the country and the participation of the state in ensuring global and regional food security. The legislative implementation of the principle in agricultural legal acts consists in updating existing and adopting new regulatory and support measures for agriculture, in accordance with the main priorities outlined in the new Doctrine of Food Security – providing the population with high-quality food products, achieving self-sufficiency of the national food market through domestic production, as well as expanding agricultural exports. In the context of the general process of modernization of the agro-industrial complex and management processes, specific measures are expressed to improve support for small agricultural enterprises, as well as to use modern information technologies in agriculture and their legal regulation.

Key words: principles of law, comprehensive branch of law, agrarian law, food security, right to food, food security, agricultural business.

Для любой отрасли права характерно наличие основополагающих идей, определяющих содержание и особенности правового регулирования, влияющих на разработку и исполнение соответствующих нормативных актов. Принципы, положенные в основу той или иной отрасли права, не только отражают общее содержание правового регулирования (т.н. «общеправовые» или «обшесоциальные» принципы (законность, гуманность, справедливость, ответственность и т.д.), но и определяют единое применение законов, в целях соблюдения прав и законных интересов субъектов правоотношений, баланса частных и публичных интересов, выражают особенности содержания конкретной отрасли. Согласимся с авторами, отмечающими, что «принципы права позволяют полноценно реализовать замысел законодателя, побуждая правоприменителя действовать не только в соответствии с буквой закона, но и в соответствии с его духом» [17, с. 9]. С точки зрения юридической техники существование и закрепление принципов отрасли права означает, что любая отраслевая норма должна быть принята в соответствии с этими принципами и во их исполнение.

На наш взгляд, особую важность приобретает формирование системы принципов комплексных отраслей права. Включая в свой предмет группы отношений из других отраслей, существенно различающихся между собой в методе и специфике субъектного состава, комплексная отрасль права (вне зависимости от наличия базового кодифицированного акта) устанавливает специфику своего регулирования, и установленные принципы прямо подтверждают эту специфику, «обосновывая» сам факт наличия самостоятельной отрасли. Как отмечает Н. Г. Александров: «Отрасль права образует только такая совокупность юридических норм, которая кроме особого метода и формы правового регулирования характеризуется также специфическими общими, принципиальными положениями для данной совокупности норм» [5, с. 118]. Именно принципы позволяют установить системные связи между нормами, изначально имевшими разную отраслевую принадлежность, сформировать базовые положения отраслевого регулирования – общую часть новой отрасли права [21, с. 60].

Интересным также представляется мнение А. Я. Рыженкова, указывающего на идеологическую составляющую отраслевого содержания, его социально-политическую значимость: «Для каждой отрасли характерно наличие определенной сферы общественной жизни, достаточно обширной, обладающей ярко выраженной качественной спецификой и социальной значимостью» [16, с. 149]. Значимость аграрной сферы в нашей стране трудно переоценить. Огромные площади возделываемых земель, длительный (не только в абсолютном количестве, но и в сравнении с историческим опытом большинства крупнейших стран мира) этап существования аграрного общества, повлиявшего не только на особенности культуры и традиций россиян, но и на эволюцию государственно-правового регулирования – «естественные» факторы, обуславливающие большое влияние сельскохозяйственных отношений на состояние страны в целом. Практически все коренные преобразования Российского государства (реформы, революции, смены политического строя) были так или иначе связаны с земельным и аграрным вопросами, жизнью сельских жителей и продовольственным обеспечением горожан. Таким образом, согласимся с авторами, отмечающими историческую преемственность основных приоритетов в реализации мер аграрной и продовольственной политики [5].

Не является исключением и аграрное право, важнейшей задачей которого на современном этапе развития российского государства становится обеспечение наиболее удобных и выгодных условий для развития отечественных сельскохозяйственных товаропроизводителей, становления и нормального функционирования полноценной национальной системы производства, переработки и сбыта продовольственного сырья и продуктов питания. Вопрос о содержании и главной цели аграрного законодательства является традиционным не только в экономической, но и в правовой науке. Теоретики по-разному рассматривают необходимость регулирования отношений в сельском хозяйстве. Наиболее полной и соответствующей текущей социально-экономической ситуации, уровню развития производственной и потребительской сфер народного хозяйства нам представляется позиция М.И. Козыря, который указывает, что коренной целью правовых преобразований в аграрном праве нашей страны на современном этапе является «коренное преобразование экономических аграрных отношений в деревне, ускорение её социального развития» [10, с. 5].

В связи с упразднением исключительно административного подхода в регулировании аграрной сферы экономики, распространением рыночных начал, провозглашением многообразия форм собственности на землю неизбежно увеличивается социальное неравенство сельского населения – что, несомненно, предопределяет обязанность государства компенсировать это неравенство путём предоставления финансовых и организационных гарантий. Рисковый характер сельскохозяйственного предпринимательства, обусловленный целым рядом климатических и агротехнических условий, многие из которых не зависят в полной мере от хозяйствующего субъекта, также выступает условием, требующим дополнительных компенсационных механизмов со стороны органов власти. Большое значение имеют и приоритеты национальной экономики, обусловленные не только обеспечением внутреннего потребления, занятости населения, но и надлежащей реализацией экспортной политики, выполнением международных обязательств. В целом, на сегодняшний день аграрно-правовое регулирование во всё большей степени становится связан-

ным не только с социальной сферой общества, но и с потребностями рыночной экономики. Так же и наоборот – устойчивость «аграрной структуры» народного хозяйства страны связывается с наличием достаточно уровня жизни населения, доступа граждан к основным производственным мощностям и возможностям участия в сельскохозяйственном производстве [24].

Кроме того, процессы глобализации и включения в российское законодательство положений международно-правовых актов обуславливают необходимость достижения целей устойчивого развития сельских территорий, что получает своё развитие в правовом регулировании целого ряда отраслей отечественного права – в том числе, и аграрного. Особенно важно это для Российской Федерации, где, как справедливо отмечают социологи, «в нашей стране в силу запаздывания инновационного оснащения аграрного сектора экономики и других причин социального характера, доля сельского населения остается остаточно высокой в сравнении с международными тенденциями, происходящими в развитых странах» [8, с. 186]. На уровне Организации Объединённых Наций разработаны базовые понятия и цели в области устойчивого развития сельских территорий, выработаны основные принципы достижения состояния «устойчивости» сельского хозяйства, на которых должны быть основаны действия и меры национальных правительств [23]. В самом общем виде эти принципы заключаются в учёте социальных, экологических и экономических факторов при осуществлении агропродовольственной политики каждого отдельно взятого государства. Необходимо отметить, что на основе документов ООН в Российской Федерации также разработана Концепция устойчивого развития сельских территорий [14], в которой – с учётом отечественной специфики – подробно раскрываются цели и показатели в рамках достижения устойчивого развития (например, развитие сельскохозяйственной кооперации).

Уровень развития агропромышленного комплекса страны, сетей распределения продовольственных товаров, социального обеспечения и общей покупательской способности граждан оказывают прямое влияние на состояние продовольственной безопасности страны. Продовольственная безопасность – это не только экономическая категория, не только необходимое условие для нормального функционирования системы национальной безопасности, но и обеспечения базового права каждого на питание.

Право на питание может рассматриваться и как базовое естественное право (обусловленное естественными потребностями человека), и как составляющая базового социального права – права на достойные условия жизни. Российская Федерация, провозглашаемая, согласно ст. 7 Конституции 1993 г., социальным государством, принимает на себя обязанности по обеспечению условий достойной жизни каждого человека, его свободного и полноценного развития. На это прямо указывает и новая Доктрина продовольственной безопасности РФ [13], согласно которой «продовольственная безопасность» рассматривается на сегодняшний день как «состояние социально-экономического развития страны». Влияние состояния продовольственной безопасности на состояние аграрного законодательства является на сегодняшний день преобладающим, поскольку обозначенные Доктриной приоритеты и показатели безопасности находятся в прямой зависимости от состояния и направленности всего сельскохозяйственного сектора страны.

Отметим, что в науке аграрного права связь сельскохозяйственного производства и потребления с продовольственной безопасностью традиционно рассматривается в качестве самостоятельного отраслевого принципа правового регулирования. Особо стоит отметить работы представителей науки аграрного права Украины – к примеру, В. М. Ермоленко указывает на принцип «обеспечения потребностей населения и промышленности безопасным и качественным сельскохозяйственным сырьём» [1, с. 56], по сути, раскрывая основные признаки понятия продовольственной безопасности. О.О. Погребной, в свою очередь, не перечисляя конкретные принципы регулирования аграрных правоотношений, отмечает, что направленностью аграрного права является, прежде всего «решение важнейшей общественной проблемы – продовольственной» [2, с. 20]. Б. А. Воронин обращает внимание на принцип «обеспечения юридическими средствами права российских граждан на полноценные, качественные и экологические безопасные продукты питания» [6, с. 6]. Как представляется, в условиях нового нормативного регулирования отношений в сфере продовольственной безопасности данный принцип должен быть уточнён и дополнен социальным содержанием, связью с устойчивым развитием сельских территорий как стратегической целью не только АПК, но и всего социально-экономического развития Российской Федерации.

При этом необходимо, на наш взгляд, производить разделение двух категорий: «обеспечение продовольственной безопасности страны» и «участие государства в обеспечении международной, региональной (коллективной) продовольственной безопасности». Так, в Уставе ООН указывается на обязательства международного сотрудничества в разрешении глобальных проблем, в том числе, и социального характера (п. 4 ст. 1 документа [22]). Уставом также регламентирована необходимость всемерной взаимной поддержки государств-участников во всех действиях, предпринимаемых Организацией (п. 5 ст. 2 документа). Активное участие ООН в преодолении негативных последствий локальных гуманитарных и продовольственных катастроф указывает на реальное выполнение принципов из Устава ООН, в том числе, и путём оказания прямой продовольственной помощи нуждающимся государствам. Российская Федерация активно участвует в решении гуманитарных проблем,

в том числе и путём предоставления продовольственной помощи. С точки зрения региональной (в некоторых источниках – «коллективной») продовольственной безопасности необходимо отметить участие Российской Федерации в большом количестве межгосударственных объединений, в рамках которых осуществляются меры по расширению экспорта сельхозпродукции, единое экономическое пространство, унифицированные требования к качеству и безопасности пищевой продукции. В качестве наиболее яркого примера можно выделить деятельность Евразийского экономического союза, на уровне которого принята отдельная Концепция коллективной продовольственной безопасности [11].

Исходя из этого, представляется необходимым обозначать «обеспечение продовольственной безопасности» как комплекс, мероприятий несомненно, тесно связанных с народным хозяйством, однако, выходящих за пределы административного регулирования экономической сферы. По аналогии с экологической безопасностью, обеспечение которой, по мнению учёных, требует не только собственно правовых инструментов, но также и применение «организационно-управленческих, материально-технических средств, средств научно-методологического характера, который будут обеспечивать в совокупности слаженную реализацию всей системы» [20, с. 226], обеспечение продовольственной безопасности также должно сопровождаться реализацией самых разнообразных управленческих средств и механизмов, главной целью которых должно являться обеспечение права каждого на достаточное и доступное качественное питание.

Право на питание является в современной конституционной действительности одним из важнейших личных прав личности. Обусловленное базовыми потребностями человека, в трактовке современного международного права обеспечение права на питание включает в себя не только предотвращение голода и достижение достаточной для здоровой и активной жизни нормы потребления пищевых продуктов: «Право на достаточное питание реализуется в том случае, когда каждый человек - мужчина, женщина и ребенок – отдельно или совместно с другими в любое время имеет физические и экономические возможности для доступа к достаточному питанию или располагает средствами его получения» [15, с. 78].

Таким образом, обеспечение продовольственной безопасности страны приобретает на сегодняшний день характер полноценного принципа законодательства Российской Федерации. Критерии продовольственной безопасности, изложенные в новой Доктрине (обеспечение продовольственной независимости с одновременным увеличением экспортного потенциала сельскохозяйственной отрасли) свидетельствуют о необходимости увеличения производимой на территории страны сельхозпродукции. Исходя из этого, следует говорить о необходимости интенсификации сельскохозяйственного производства, с одновременным соблюдением всех экологических требований, рационального использования земель сельскохозяйственного назначения, а также мер поддержки товаропроизводителей (в том числе, и личных подсобных хозяйств), обеспечения продовольствием наиболее нуждающихся слоёв населения.

Обеспечение продовольственной безопасности страны становится, тем самым, самостоятельным принципом отечественного аграрного права, определяющим содержание современной государственной агропродовольственной политики. Отраслевые принципы права должны иметь реальные гарантии для своего «отображения» в конкретных организационно-правовых средствах, обосновывая своё содержание и решающее значение при отраслевом и институциональном регулировании. Для того, чтобы принцип «не оставался благим пожеланием и лозунгом, требуется достаточно полно, верно и всесторонне отражать при помощи принципов существующую действительность, основные тенденции и закономерности общественного развития» [12, с. 97]. Требования продовольственной безопасности прямо связаны с управленческой деятельностью не только в области сельского хозяйства, но и социального обеспечения (механизмы внутренней продовольственной помощи), пространственного развития, региональной и глобальной интеграции агропромышленной системы и т.д.

Принцип обеспечения продовольственной безопасности страны должен распространяться на все элементы предмета аграрного права Российской Федерации. В частности, реализация принципа свободы аграрного предпринимательства, который рассматривается в науке в качестве одной из важнейших основ правового регулирования сельскохозяйственных отношений в обстановке рыночной экономики [18, с. 2] связывается с развитием и государственной поддержкой форм сельскохозяйственного предпринимательства, наиболее «приближенных» к конкретной территории, организационно и финансово удобных для самих жителей сельских территорий. Например, в связи с недостаточной популярностью на сегодняшний день различных форм сельскохозяйственной кооперации (в частности, наблюдается значительное снижение количества как зарегистрированных, так и фактически действующих сельскохозяйственных кооперативов; на практике реализуется поддержка не всех форм сельхозкооперативов, предусмотренных соответствующим законодательством [7, с. 64]).

Представляется возможным более активное развитие «мелких» форм сельского бизнеса: крестьянских (фермерских) хозяйств, поддержку и законодательную регламентацию форм семейного предпринимательства [19, с. 9]. Механизмы стимулирования (прежде всего, финансового) могут сыграть важную роль в непосредственном обеспечении продовольственной безопасности на территории муниципальных образований.

Например, считаем допустимым предоставлять дополнительные льготы по уплате земельного налога, арендной платы за землю для тех хозяйств, которые оказывают содействие в обеспечении продуктами питания местных образовательных и социальных учреждений, участвуют в социальных программах по продовольственной помощи одиноким пожилым гражданам, семьям из «групп риска» – что особенно важно в условиях преодоления негативных последствий пандемии COVID-19, защиты лиц, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. В рамках стимулирования сельскохозяйственных кооперативов представляется допустимым повысить адресность мер поддержки – прежде всего, путём развития института грантов и конкурсов для хозяйствующих субъектов.

Достижение основных критериев продовольственной безопасности неразрывно связано и с учётом главных глобальных «трендов» мирового сообщества. Так, например, особое внимание в условиях глобального процесса повсеместной цифровизации абсолютно всех сфер человеческой жизни всё большую актуальность приобретает вопрос о надлежащем информационном обеспечении государственного управления в области продовольственной безопасности. Процессы повсеместного внедрения информационных технологий в административную деятельность уже давно не являются «данью моде», превратившись в объективную потребность, предпосылку для адекватности и эффективности социально-экономической политики.

Например, при помощи автоматизированных систем осуществляется мониторинг состояния земель сельскохозяйственного назначения – как основы для АПК страны; осуществляется сверка данных о землепользователях и правообладателях земельных участков. Интересно отметить использование данных аэрофотосъёмки, квадрокоптеров – как источников непосредственной и актуальной информации о качестве использования земли [4]. В контексте продовольственной безопасности процесс информирования обязательно должен быть двусторонним, поскольку и граждане – как «конечные потребители» социальных услуг – вправе получать необходимые и достоверные сведения о качестве и количестве продуктов питания. Кроме того, использование информационных систем в отношениях государства и личности способствует сокращению бюрократических барьеров, уменьшает количество коррупциогенных факторов.

В целом, можно отметить, что принцип обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации является одним из важных условий для устойчивого социально-экономического развития не только для производителей сельхозпродукции, но и для граждан как конечных потребителей. Представляется, что в дальнейшем, в свете возможной кодификации аграрного законодательства Российской Федерации, обеспечение национальной продовольственной безопасности должно быть положено «в основу» такого кодифицированного акта, определяя сущность и направленность норм по поддержке и развитию национального агропромышленного комплекса. В свете принятых на всенародном голосовании 1 июля 2020 года поправок в Конституцию Российской Федерации [9], особо подчёркивающих и раскрывающих социальную ответственность государства, реформирование законодательства о поддержке нуждающихся социальных групп (в том числе, и путём оказания мер продовольственной помощи), реформирование аграрного законодательства является основой, при помощи которой возможно достигнуть состояния устойчивого развития сельского хозяйства и сельской жизни, как необходимого условия для обеспечения безусловного права каждого на питание.

Литература

1. Аграрное право Украины: учебник / под ред. В. М. Ермоленко. Киев: Юринком Интер, 2010. 606 с.

2. Аграрное право Украины: учебник / под ред. О. О. Погребного. Киев: Истина, 2007. 448 с.

3. Александров Н. Г. О месте трудового и колхозного права в системе советского социалистического права // Советское государство и право. 1958. № 6. С. 117–123.

4. Анисимов А. П. О развитии цифровых технологий в сельском хозяйстве Российской Федерации: правовой аспект // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия: Юриспруденция. 2019. № 2. С. 80–84.

5. Власов В. А. Историко-правовой аспект генезиса, формирования и развития категории «продовольственная безопасность» на мировом уровне // История государства и права. 2020. № 1. С. 59–65.

6. Воронин Б. А. Принципы современного аграрного права // Аграрное и земельное право. 2006. № 3. С. 4–11.

7. Воронин Б. А., Кот Е. М., Воронина Я. В., Фатеева Н. Б., Маланичева А. В. Сельскохозяйственная потребительская кооперация в современной России: состояние, проблемы // Аграрный вестник Урала. 2017. № 4. С. 62–68.

8. Журавлёва Л. А., Зарубина Е. В., Емельянова С. И., Петрова И. И., Синько В. Н. Аграрная социология как отрасль социологического знания // Образование и право. 2020. № 1. С. 183–187.

9. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 3.07.2020).

10. Козырь М. И. Аграрное право – специализированная комплексная отрасль в структуре права Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2008. № 5. С. 4–28.

11. Концепция коллективной продовольственной безопасности Евразийского экономического союза (Проект) URL: https://docs.eaeunion.org/pd/ru-ru/0123907/pd_28062019_att.pdf (Дата обращения: 3.07.2020).

12. Марченко М. Н. Общая теория государства и права. Академический курс в трёх томах. Том второй. М.: ИНФРА-М, Норма, 2016. 880 с.

13. Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 21.01.2020 №20 // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 3.07.2020).

14. Об утверждении Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 02.02.2015 № 151-р (ред. от 13.01.2017) // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 3.07.2020).

15. Подборка замечаний общего характера и общих рекомендаций, принятых договорными органами по правам человека // Организация Объединённых Наций. Международные договоры по правам человека. Том I. 340 с. URL: https://www2.ohchr.org/english/bodies/icm-mc/docs/8th/hri.gen.1.rev9_ru.pdf (Дата обращения: 3.07.2020).

16. Рыженков А.Я. О критериях и признаках самостоятельности отрасли права (на примере семейного права) // Актуальные проблемы частного и публичного права: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции (г. Волгоград, 25 октября 2019 г.). Волгоград: ВА МВД, 2020. С. 148–153.

17. Рыженков А.Я. Принципы земельного права: монография. М.: Юрлитинформ, 2017. 384 с.

18. Савченко А.И. О системе принципов аграрного права // Проблемы законности. 2011. №116. С. 139–146.

19. Семейный бизнес в правовом пространстве России: монография / под ред. И. В. Ершовой, А. Н. Лёвушкина. М.: Проспект, 2020. 624 с.

20. Сухова Е. А. Развитие правового обеспечения экологической безопасности в России и странах Европейского союза: сравнительно-правовой анализ // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. №5. С. 221–226.

21. Тонков Е. Е., Синенко В. С. Комплексные отрасли права: плодотворная идея или отказ от формальной определённости в правовой науке // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: «Право». 2016. №2. С. 53–75.

22. Устав Организации Объединенных Наций (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) (с изм. и доп. от 20.12.1971) // Действующее международное право. Т. 1. М.: Московский независимый институт международного права, 1996. С. 7–33.

23. Устойчивое производство продовольствия и ведение сельского хозяйства // Официальный Интернет-сайт Сельскохозяйственной и продовольственной организации ООН. Режим доступа: http://www.fao.org/sustainability/en/ (Дата обращения: 3.07.2020).

24. Шагайда Н. И. Аграрная структура как фактор устойчивости сельского хозяйства // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. №5. С. 23–33.

References

1. Agrarnoe pravo Ukrainy *(Agricultural Law of the Ukraine)* / ed by V. M. Ermolenko. Kiev: Jurinkom Inter, 2010. 606 p. (In Russian).

2. Agrarnoe pravo Ukrainy: uchebnik *(Agricultural Law of the Ukraine)* / ed by O.O. Pogrebnogo. Kiev: Istina, 2007. 448 p.

3. Aleksandrov N. G. O meste trudovogo i kolhoznogo prava v sisteme sovetskogo socialisticheskogo prava *(On the place of labor and collective farm law in the system of Soviet socialist law)* // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1958. No. 6. P. 117–123. (In Russian).

4. Anisimov A. P. O razvitii cifrovyh tehnologij v sel'skom hozjajstve Rossijskoj Federacii: pravovoj aspect *(On the development of digital technologies in agriculture of the Russian Federation: legal aspect)* // Nauchnyj vestnik Volgogradskogo filiala RANHiGS. Serija: Jurisprudencija. 2019. No. 2. P. 80–84. (In Russian).

5. Vlasov V. A. Istoriko-pravovoj aspekt genezisa, formirovanija i razvitija kategorii «prodovol'stvennaja bezopasnost'» na mirovom urovne *(The historical and legal aspect of the genesis, formation and development of the food security category at the global level)* // Istorija gosudarstva i prava. 2020. No, 1. P. 59–65. (In Russian).

6. Voronin B. A. Principy sovremennogo agrarnogo prava *(The principles of modern agricultural law)* // Agrarnoe i zemel'noe pravo. 2006. No. 3. P. 4–11. (In Russian).

7. Voronin B. A., Kot E. M., Voronina Ja. V., Fateeva N. B., Malanicheva A. V. Sel'skohozjajstvennaja potrebitel'skaja kooperacija v sovremennoj Rossii: sostojanie, problem *(Agricultural consumer cooperation in modern Russia: state, problems)* // Agrarnyj vestnik Urala. 2017. No. 4. P. 62–68. (In Russian).

8. Zhuravljova L. A., Zarubina E. V., Emel'janova S. I., Petrova I. I., Sin'ko V. N. Agrarnaja sociologija kak otrasl' sociologicheskogo znanija *(Agrarian sociology as a branch of sociological knowledge)* // Obrazovanie i pravo. 2020. No. 1. P. 183–187. (In Russian).

9. Zakon RF o popravke k Konstitucii RF ot 14.03.2020 № 1-FKZ «O sovershenstvovanii regulirovanija otdel'nyh voprosov organizacii i funkcionirovanija publichnoj vlasti» *(On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public authorities)* // Konsul'tantPljus (Accessed: 3.07.2020). (In Russian).

10. Kozyr' M. I. Agrarnoe pravo – specializirovannaja kompleksnaja otrasl' v strukture prava Rossijskoj Federacii *(Agrarian law is a specialized integrated industry in the structure of the law of the Russian Federation)* // Agrarnoe i zemel'noe pravo. 2008. No 5. P. 4–28. (In Russian).

11. Koncepcija kollektivnoj prodovol'stvennoj bezopasnosti Evrazijskogo jekonomicheskogo sojuza (Proekt) *(The concept of collective food security of the Eurasian Economic Union (Draft)* URL: https://docs.eaeunion.org/pd/ru-ru/0123907/pd_28062019_att.pdf (Accessed: 3.07.2020). (In Russian).

12. Marchenko M. N. Obshhaja teorija gosudarstva i prava. Akademicheskij kurs v trjoh tomah. Tom vtoroj. *(General theory of state and law. Academic course in three volumes. Volume Two)* Moscow: INFRA-M, Norma, 2016. 880 p. (In Russian).

13. Ob utverzhdenii Doktriny prodovol'stvennoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii: ukaz Prezidenta RF ot 21.01.2020 № 20 *(On the approval of the Food Security Doctrine of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of January 21, 2020 No. 20)* // Konsul'tantPljus (Accessed: 3.07.2020). (In Russian).

14. Ob utverzhdenii Strategii ustojchivogo razvitija sel'skih territorij Rossijskoj Federacii do 2030 goda: rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 02.02.2015 № 151-r (red. ot 13.01.2017) *(On approval of the Russian Federation Strategies for sustainable development in rural areas by 2030: Resolution of the RF Government dated 02/02/2015 number 151-p (amended on 01.13.2017)* // Konsul'tantPljus (Accessed: 3.07.2020). (In Russian).

15. Podborka zamechanij obshhego haraktera i obshhih rekomendacij, prinjatyh dogovornymi organami po pravam cheloveka *(Compilation of general comments and general recommendations adopted by the human rights treaty bodies)* // Organizacija Ob'edinjonnyh Nacij. Mezhdunarodnye dogovory po pravam cheloveka. Vol. I. 340 p. URL: https://www2.ohchr.org/english/bodies/icm-mc/docs/8th/hri.gen.1.rev9_ru.pdf (Accessed: 3.07.2020). (In Russian).

16. Ryzhenkov A. Y. O kriterijah i priznakah samostojatel'nosti otrasli prava (na primere semejnogo prava) *(On the criteria and signs of independence of the branch of law (by the example of family law)* // Aktual'nye problemy chastnogo i publichnogo prava: sbornik nauchnyh trudov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (g. Volgograd, 25 oktjabrja 2019 g.). Volgograd: VA MVD, 2020. P. 148–153. (In Russian).

17. Ryzhenkov A. Ja. Principy zemel'nogo prava: monografija *(Principles of Land Law)*. Moscow: Jurlitinform, 2017. 384 p. (In Russian).

18. Savchenko A. I. O sisteme principov agrarnogo prava *(On the system of principles of agricultural law)* // Problemy zakonnosti. 2011. No 116. P. 139–146. (In Russian).

19. Semejnyj biznes v pravovom prostranstve Rossii: monografija *(Family business in the legal space of Russia)* / ed by I. V. Ershova, A. N. Ljovushkin. Moscow: Prospekt, 2020. 624 p. (In Russian).

20. Suhova E. A. Razvitie pravovogo obespechenija jekologicheskoj bezopasnosti v Rossii i stranah Evropejskogo sojuza: sravnitel'no-pravovoj analiz *(The development of legal support for environmental safety in Russia and the European Union: a comparative legal analysis)* // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj juridicheskoj akademii. 2019. No 5. P. 221–226. (In Russian).

21. Tonkov E. E., Sinenko V. S. Kompleksnye otrasli prava: plodotvornaja ideja ili otkaz ot formal'noj opredeljonnosti v pravovoj nauke *(Complex branches of law: a fruitful idea or rejection of formal certainty in legal science)* // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: «Pravo». 2016. No 2. P. 53–75. (In Russian).

22. Ustav Organizacii Ob'edinennyh Nacij (Prinjat v g. San-Francisko 26.06.1945) (s izm. i dop. ot 20.12.1971) *(Charter of the United Nations)* // Dejstvujushhee mezhdunarodnoe pravo. Vol. 1. Moscow: Moscow Independent Institute of International Law, 1996. P. 7–33. (In Russian).

23. Ustojchivoe proizvodstvo prodovol'stvija i vedenie sel'skogo hozjajstva *(Sustainable Food and Agriculture)* // Oficial'nyj Internet-sajt Sel'skohozjajstvennoj i prodovol'stvennoj organizacii OON. URL: http://www.fao.org/sustainability/en/ (Accessed: 3.07.2020). (In Russian).

24. Shagajda N. I. Agrarnaja struktura kak faktor ustojchivosti sel'skogo hozjajstva *(Agrarian structure as a factor of agricultural sustainability)* // Srednerusskij vestnik obshhestvennyh nauk. 2017. No 5. P. 23–33. (In Russian).

Информация об авторе

Мохов Артем Юрьевич – ассистент кафедры конституционного и административного права Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Волгоград) / aumohov@mail.ru

Information about the author

Mokhov Artem – Assistant, Department of Constitutional and Administrative Law, Volgograd Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Volgograd) / aumohov@mail.ru

УДК 342.95

А. Ю. Соколов, О. А. Лакаев

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ УЧЁНЫХ ЗВАНИЙ В ФРГ[1]

Актуальность данной статьи связана с её теоретической и практической значимостью. Теоретическое значение исследования правового регулирования учёных званий в ФРГ обусловлено тем, что модернизация высшего образования является одним из приоритетов государственной политики, однако современная российская модель присвоения учёных званий и их учёта в алгоритме карьерного роста преподавателя не обеспечивает необходимых стимулов для научного и творческого развития профессорско-преподавательского состава образовательных организаций высшего образования, что диктует обращение к зарубежному опыту нормативно-правового регулирования присвоения учёных званий в целях поиска новых теоретических конструкций их присвоения и учёта или оптимизации имеющихся. Практическое значение анализа правового регулирования учёных званий в ФРГ определяется тем, что от тщательной научной проработки данного вопроса зависит дальнейшее развитие российского законодательства об образовании и науке, поскольку оптимизация подхода к присвоению учёных званий, обусловленная необходимостью обеспечения поступательного развития образования и науки, может способствовать внедрению последующих нормативных нововведений в указанное законодательство. В данной статье выявлено децентрализованное состояние законодательного регулирования высшего образования с определением на федеральном уровне общих принципов регламентации образовательных правоотношений в системе высшего образования и детальным их регулированием в законодательстве федеральных земель, где установление учёных (академических) званий зависит от усмотрения законодателя и заложен алгоритм развития карьеры преподавателя на основе поэтапного замещения должностей в вузе и выполнении необходимых квалификационных требований для их замещения. Научная новизна статьи заключается в том, что на основе проведённого анализа законодательства ФРГ и её федеральных земель о государственной службе, оплате труда и высшем образовании выделены и подробно охарактеризованы научные звания, их взаимосвязь с должностями профессорско-преподавательского состава, особенности их присвоения и сохранения после прекращения трудовых отношений с вузом, сформированы представления о них, сформулированы выводы об их вторичности по отношению к соответствующим должностям и отсутствии специальных квалификационных требований для их получения, что может способствовать дальнейшим исследованиям в данной сфере.

Ключевые слова: правовое регулирование, учёные звания, законодательство федеральных земель, аттестация научных кадров, профессорско-преподавательский состав.

Alexandr Sokolov, Oleg Lakaev

LEGAL REGULATION OF ACADEMIC TITLES IN GERMANY

The relevance of the article is related to its theoretical and practical significance. The theoretical significance of the study of the legal regulation of academic titles in Germany is due to the fact that the modernization of higher education is one of the priorities of state policy, but the modern Russian model of awarding academic titles and their accounting in the algorithm of career growth of teachers does not provide the necessary incentives for the scientific and creative development of the teaching staff of higher education institutions, what dictates the appeal to foreign experience in the legal regulation of awarding academic titles in order to find new theoretical structures for their assignment and accounting or optimization of existing ones. The practical value of the analysis of legal regulation of academic titles in Germany is because of the rigorous scientific study of this question depends on the further development of the Russian legislation on education and science as optimization of approach to the award of academic titles, due to the need to ensure progressive development of education and science, can contribute to the implementation of further regulatory innovation in the legislation. This paper identified the decentralized state of legal regulation of higher education with the definition at the Federal level, the General principles of regulation of educational relations in higher education and detailed regulation in the legislation of the Federal States, where the establishment of scientific (academic) ranks depends on the discretion of the legislator and embedded algorithm development career teacher through the gradual replacement of positions in the University and fulfilling the necessary qualification requirements for their replacement. The scientific novelty of the article lies in the fact that based on the analysis of the legislation of Germany and its Federal territories on public service, remuneration and higher education, scientific titles, their relationship with the

[1] Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации № 730000Ф.99.1.БВ16АА02001 на тему «Реализация современных механизмов оценки научной квалификации в сфере присвоения ученых званий на основе использования российского и международного опыта в условиях трансформации нормативной правовой основы государственной научной аттестации».

positions of the teaching staff, the features of their assignment and preservation after the termination of employment relations with the University, ideas about them are formed, conclusions are drawn about their secondary status in relation to the corresponding positions and the absence of special qualification requirements for obtaining them, this can contribute to further research in this area.

Key words: legal regulation, academic titles, legislation of Federal lands, certification of scientific personnel, teaching staff.

Необходимость поэтапной модернизации правоотношений в системе высшего образования неизбежно влечёт обращение к зарубежному опыту в целях поиска вариантов повышения эффективности отечественной организации высшего образования. Это актуально и для системы аттестации научных кадров, включая основания и процедуры присвоения учёных званий. Одной из наиболее развитых моделей организации высшего образования и академической науки на европейском континенте является германская, что в историческом ракурсе подтверждается всемирной известностью немецких учёных и их достижений, в связи с чем целесообразно рассмотреть вопрос о правовом регулировании учёных званий в ФРГ.

Принципиальное положение, из которого нужно исходить при анализе германской системы аттестации научных кадров, состоит в том, что в федеральном законодательстве учёные звания не предусмотрены. Одновременно следует учитывать и децентрализацию законодательного регулирования высшего образования. На федеральном уровне действует лишь рамочное законодательство, содержащее общие принципы регламентации образовательных правоотношений в системе высшего образования. Детальное их регулирование содержится в законодательстве федеральных земель, где установление учёных (академических) званий зависит от усмотрения законодателя. Развитие карьеры преподавателя строится на поэтапном замещении должностей профессорско-преподавательского состава и выполнении необходимых квалификационных требований для их замещения. Присвоение учёного звания «профессор» и иных званий, предусмотренных законодательством федеральных земель, в развитии карьеры преподавателя фактически роли не играет. Отсутствует и единство терминологии: сам термин «учёное звание» может обозначаться по-разному (der akademische Titel; die akademische Würde; die akademische Bezeichnung), хотя речь идёт об одном и том же.

По Закону земли Нижняя Саксония о высшей школе [13] учёное звание (der akademische Titel) «профессор» (Professor) присваивается после начала осуществления обязанностей по должности «профессор». Любой, кто замещал эту должность в течение неограниченного периода времени, сохраняет указанное звание после прекращения трудовых отношений с вузом. Для замещающих должность «младший профессор» (Juniorprofessor) учёное звание «профессор» актуально только в период нахождения в трудовых отношениях с вузом (§§ 27, 30). Аналогичные правила содержатся в законодательстве и ряда других федеральных земель. В отдельных землях имеется и более детальное регулирование данного вопроса. В частности, по Закону земли Берлин о высшей школе [8] для сохранения учёного звания (die akademische Bezeichnung) «профессор» после прекращения трудовых отношений требуется замещение должности профессора по меньшей мере в течение пяти лет (§ 103). Законодатель земли Бранденбург усложняет правило о пятилетнем сроке замещения должности профессора указанием на необходимость согласования с компетентным государственным органом данной федеральной земли, в ведении которого находится вуз, вопроса о сохранении учёного звания (die akademische Bezeichnung) «профессор» (§ 48 Закона земли Бранденбург о высшей школе [2]).

Содержание указанных и иных законов федеральных показывает, что специальных квалификационных требований для присвоения учёного звания «профессор» не предусматривается. Оно автоматически присваивается при замещении соответствующих должностей профессорско-преподавательского состава. В качестве исключения можно назвать лишь Закон земли Гамбург о высшей школе [10], согласно которому вуз вправе присвоить учёное звание (die akademische Bezeichnung) «профессор» лицам, которые отличились выдающимися достижениями, соответствующими статусу профессора, и в целом успешно преподавали в вузе в течение как минимум трёх лет (§ 17).

Можно говорить о фактической неразделимости профессорских должностей и званий в ФРГ. В § 52 Закона земли Рейнланд-Пфальц о высшей школе [11] прямо указано, что должностное обозначение лица в качестве профессора одновременно означает наличие у него одноимённого учёного звания (die akademische Bezeichnung). В связи с этим целесообразно рассмотреть правовое регулирование учёных званий в контексте замещения соответствующих должностей.

Согласно § 42 Рамочного закона ФРГ о высшей школе [12] штатный преподавательский и творческий персонал высшего учебного заведения состоит из его преподавателей (профессоров, младших профессоров), научных и творческих работников, а также преподавательского состава, предназначенного для решения особых задач. Преподаватели самостоятельно выполняют соответствующие обязанности в области науки и искусства, исследований, преподавательской деятельности и дополнительного образования по своим предметам после оформления служебных отношений с работодателем. Существенное отличие преподавателей государственных вузов в Германии от их коллег в России состоит в том, что они состоят на государственной службе и на

них распространяет действие Закон ФРГ о государственных служащих [4], а социальные гарантии в виде фиксированной базовой ставки оплаты труда установлены в Законе ФРГ об оплате труда [5]. При этом они делятся на группы W 1, W 2, W 3. Группа W 1 предусмотрена для младших профессоров, а W 2 и W 3 для профессоров и университетских профессоров (Universitätsprofessor – устаревшая должность, которая не замещается вновь поступающим на службу персоналом после 2002 года в связи с реформой высшего образования). Базовый месячный оклад для младших профессоров установлен в размере 4 898,68 евро, а для профессоров и университетских профессоров в зависимости от ступени (Stufe 1, 2, 3) варьируется в размере от 6 085,88 до 7 756,53 евро (п. 3 Приложения IV к Закону ФРГ об оплате труда).

От того, к какой группе оплаты труда принадлежит профессор, может зависеть его академическое звание. В соответствии со ст. 12 Закона земли Бавария о правоотношениях между преподавателями, а также другим научным и творческим персоналом и вузами [9] профессора университетов и высших школ искусств, принадлежащие к группе оплаты труда W 3, имеют право носить звание «ординарий» (Ordinarius), а к группе оплаты труда W 2 – «экстраординарий» (Extraordinarius), однако различия этих званий и их значение законодатель земли Бавария не раскрывает.

Федеральный законодатель разделяет требования по замещению должностей профессоров и младших профессоров. В дополнение к общим требованиям трудового законодательства к замещению должностей профессоров выделяются дополнительные требования: наличие оконченного высшего образования, профессиональной пригодности, особой квалификации для осуществления научной деятельности, которая обычно подтверждается качеством защищённой докторской диссертации или специальными способностями к творческой деятельности. Кроме того, в зависимости от требований к должности необходимы дополнительные научные или творческие достижения, а также особые достижения в применении или развитии научных знаний и методов в многолетней профессиональной практике. Информация о вакансиях на должности профессоров подлежит официальному опубликованию, в том числе на международном уровне. Законодательством федеральных земель могут быть предусмотрены исключения из указанного правила, особенно если на должность профессора претендует младший профессор. Поскольку при замещении должности профессора вступают в государственно-служебные отношения, они могут быть назначены на временную или пожизненную должности государственной службы; законом может быть предусмотрен испытательный срок. В частности, Законом земли Мекленбург – Передняя Померания о высшей школе [6] установлен двухгодичный испытательный срок (§ 61).

От того, является ли должность профессора пожизненной или временной, может зависеть сохранение учёного звания после прекращения трудовых правоотношений. Согласно ст. 12 Закона земли Бавария о правоотношениях между преподавателями, а также другим научным и творческим персоналом и вузами профессора, занимающие должность пожизненно, вправе после прекращения трудовых отношений с вузом в связи с выходом на пенсию использовать обозначение «профессор» в качестве академического звания (die akademische Würde). В случае прекращения полномочий по другим причинам использование этого обозначения требует одобрения руководства вуза, в котором может быть отказано, если его использование нецелесообразно, в частности, с учётом продолжительности работы в должности профессора или причин прекращения полномочий. Сенат вуза может запретить использование академического звания «профессор», если лицо этого не достойно.

Временное замещение должности профессора регламентируется законодательством федеральных земель. Согласно § 28 Закона земли Нижняя Саксония о высшей школе профессора могут замещать данную должность на временной основе при первом назначении; для решения временных задач в области науки и искусства, исследований и преподавательской деятельности, а также предоставления услуг; при привлечении выдающихся учёных или специалистов-практиков; в случае полного или преимущественного покрытия расходов на осуществление преподавательской деятельности за счёт средств третьих лиц, а также в связи с замещением руководящей должности в научном учреждении, что предполагает работу по совместительству. Трудоустройство на временную должность профессора производится на срок не более пяти лет. При этом допускается его продление на аналогичный срок. По ст. 12 Закона земли Бавария о правоотношениях между преподавателями, а также другим научным и творческим персоналом и вузами указанный срок не может быть менее шести лет.

В свою очередь, для замещения должностей младших профессоров в дополнение к общим требованиям трудового законодательства устанавливаются такие требования, как наличие оконченного высшего образования, профессиональной пригодности, особых способностей к научной работе, что обычно подтверждается исключительным качеством докторской диссертации. Если до или после получения докторской степени лицом осуществлялась деятельность в качестве научного работника, общий срок осуществления такой деятельности не должен превышать шести лет, а в области медицины – девяти лет [12, §47]. Порядок замещения должностей младших профессоров определяется законами федеральных земель. В соответствии с § 30 Закона земли Нижняя Саксония о высшей школе младшие профессора назначаются президиумом вуза по предложению совета факультета совета, которое формируется отборочной комиссией факультета с учётом заключений внешних экспертов. Экс-

пертное заключение может быть признано недействительным, если в отборочную комиссию вошли менее трёх внешних экспертов.

Для младших профессоров предусматриваются двухэтапные трудовые отношения, которые не должны превышать в общей сложности шесть лет. Продление на второй этап может иметь место, если младший профессор зарекомендовал себя как преподаватель университета; в противном случае трудовые отношения могут быть продлены до одного года. Распределение шестилетнего срока устанавливается в законодательстве федеральных земель. В Законе земли Нижняя Саксония о высшей школе младший профессор замещает должность в течение трёх лет. По предложению совета факультета президиум вуза вправе продлить трудовые отношения с младшим профессором ещё на три года, если оценка его преподавательской деятельности и внешняя оценка достижений в области исследований или искусства дают для этого основания [13, §30].

Необходимо отметить, что должности младших профессоров были учреждены в связи с реформой высшего образования в 2002 г. путём внесения дополнений в Рамочный закон о высшей школе. Цель этого нововведения состояла в омоложении преподавательского состава университетов путём предоставления возможности временного сроком на шесть лет замещения должностей младших профессоров без прохождения процедуры так называемой хабилитации (Habilitation). Введению данного положения предшествовал длительный период критики действовавших до 2002 года правил. Общие возражения, периодически выдвигаемые против процедур хабилитации, сводились к перечислению таких недостатков системы высшего образования, как отложение начала научно-преподавательской карьеры из-за необходимости предоставить более значимый академический квалификационный документ; зависимость молодых исследователей от возрастных профессоров. Критиками хабилитации отмечалось, что защиты докторской диссертации недостаточно, чтобы получить статус преподавателя. После этого в любом случае требовалось дополнительное повышение квалификации, своего рода элитный отбор, учитывающий как научные достижения молодого учёного, так и его персональную пригодность для академической карьеры. В числе аргументов против процедур хабилитации высказывалось также то, что её нет в США. В условиях критического восприятия в Германии континентальной модели высшего образования по сравнению с американской это было существенным аргументом [1].

Тем не менее, хабилитация по-прежнему играет ключевую роль в системе научной аттестации кадров, позволяя замещать должность профессора только после прохождения соответствующих процедур. Несмотря на то, что Рамочный закон ФРГ о высшей школе не содержит понятия «хабилитация», она предусмотрена в законодательстве всех федеральных земель. От прохождения хабилитации может зависеть присвоение учёных званий. Например, в Законе земли Бремен о высшей школе [3] установлена двухуровневая система учёных званий, первым из которых выступает «приват-доцент» (Privatdozent). Такое звание вправе получить только хабилитированное лицо, получившее лицензию на осуществление образовательной деятельности (§ 66). Впоследствии после проведения научных исследований и осуществления преподавательской деятельности в течение не менее пяти лет ректор вуза вправе присвоить лицу учёное звание «профессор» (§ 17).

В законодательстве федеральных земель помимо должностей профессоров и младших профессоров предусматриваются и иные должности профессорско-преподавательского состава, включая должности доцентов вуза (Hochschuldozent). В частности, такие должности могут замещаться в соответствии с § 11 Закона земли Северный Рейн – Вестфалия о высшей школе [7]. Их правовой статус определяется теми же правилами, что и для профессоров. В то же время им присваивается учёное звание (die akademische Bezeichnung) «лектор» (Lecturer).

В § 132 Закона ФРГ о государственных служащих установлен предельный возраст замещения должностей профессорско-преподавательского состава (75 лет). Выход на пенсию профессора в связи с достижением возрастного ограничения осуществляется в конце семестра или триместра, в котором достигается предельный возраст. Но это не означает последующую невозможность привлечения вышедшего на пенсию профессора к осуществлению преподавательской и исследовательской деятельности. Согласно § 61 Закона земли Мекленбург – Передняя Померания по предложению кафедры руководство вуза вправе привлекать профессоров из своего вуза, которые вышли на пенсию из-за достижения предельного возраста замещения должности, присваивая им звание «старший профессор» (Seniorprofessor), если они выполняют исследовательские задачи, финансируемые сторонними фондами. Оплачиваемые трудовые отношения со старшим профессором могут быть установлены только в том случае, если вознаграждение финансируется из средств третьих лиц. Использование средств и служебных мест, финансируемых из бюджета федеральной земли Мекленбург – Передняя Померания, исключается.

Подводя итог рассмотрения вопросов правового регулирования учёных званий в ФРГ, можно отметить, что децентрализация законодательства о высшем образовании и наличие у законодательных органов федеральных земель широких полномочий и значительной степени усмотрения при осуществлении правовой регламентации учёных званий обусловливают неоднородность правового статуса преподавателей вузов. Существуют разнообразные подходы к терминологии, обозначающей учёные звания, их виды, требования к их сохранению после прекращения трудовых отношений преподавателя с вузом. Тем не менее, общей особенностью учёных званий в землях ФРГ

является вторичность по отношению к соответствующим должностям и отсутствие специальных квалификационных требований для их получения. Сложившийся в ФРГ подход к присвоению учёных званий для российских условий неприменим ввиду иного распределения полномочий между Российской Федерацией и её субъектами в сфере образования. Вместе с тем связанность учёного звания с должностью в вузе в комплексе с высокими требованиями к её замещению заслуживают анализа и обсуждения в российской научной среде.

Литература / References

1. Официальный сайт Гейдельбергского университета URL: https://www.uni-heidelberg.de/presse/ruca/ruca99_3/meinungen.html (дата обращения: 27.05.2020).

Ofitsial'nyi sait Geidel'bergskogo universiteta *(Official website of the University of Heidelberg)* URL: https://www.uni-heidelberg.de/presse/ruca/ruca99_3/meinungen.html (Accessed: 27.05.2020). (In Russian).

2. Brandenburgisches Hochschulgesetz (BbgHG) vom 28. April 2014, das zuletzt geändert durch Artikel 2 des Gesetzes vom 5. Juni 2019 // GVBl. I/2014. Nr. 18; I/2019. Nr. 20. S. 3.

3. Bremisches Hochschulgesetz in der Fassung vom 9. Mai 2007, mehrfach geändert und § 23c eingefügt durch Artikel 1 des Gesetzes vom 5. März 2019 // Brem. GBl. 2007. Nr. 31. S. 339; 2019. Nr. 16. S. 71.

4. Bundesbeamtengesetz vom 5. Februar 2009, das zuletzt durch Artikel 11 des Gesetzes vom 20. November 2019 geändert worden ist // BGBl. 2009. I S. 160; 2019. I S. 1626.

5. Bundesbesoldungsgesetz vom 23. Mai 1975, das zuletzt durch Artikel 2 des Gesetzes vom 9. Dezember 2019 geändert worden ist // BGBl. 1975. I S. 1173; 2019. I S. 2053.

6. Gesetz über die Hochschulen des Landes Mecklenburg-Vorpommern in der Fassung der Bekanntmachung vom 25. Januar 2011, das zuletzt geändert durch Artikel 1 des Gesetzes vom 26. November 2019 // GVBl. Mecklenburg-Vorpommern 2011. Nr. 3. S. 18; 2019. Nr. 24. S. 705.

7. Gesetz über die Hochschulen des Landes Nordrhein-Westfalen vom 16. September 2014, das zuletzt geändert und § 82a eingefügt durch Artikel 10 des Gesetzes vom 14. April 2020 // GV. NRW. 2014. S. 547; 2020. S. 218b.

8. Gesetz über die Hochschulen im Land Berlin (BerlHG) in der Fassung vom 26. Juli 2011, das zuletzt geändert durch Artikel 3 des Gesetzes vom 17. Dezember 2019 // GVBl. 2011. S. 378; 2019. S. 795.

9. Gesetz über die Rechtsverhältnisse der Hochschullehrer und Hochschullehrerinnen sowie des weiteren wissenschaftlichen und künstlerischen Personals an den Hochschule (BayHSchPG) vom 23. Mai 2006, das zuletzt durch § 1 Abs. 62 der Verordnung vom 26. März 2019 geändert worden ist // GVBl. 2006. S. 230; GVBl. S. 98.

10. Hamburgisches Hochschulgesetz (HmbHG) vom 18. Juli 2001, das zuletzt geändert durch Gesetz vom 24. Januar 2020 // HmbGVBl. 2001. Nr. 26. S. 171; 2020. Nr. 6. S. 93.

11. Hochschulgesetz Rheinland-Pfalz (HochSchG) in der Fassung der Bekanntmachung vom 19. November 2010, das zuletzt geändert durch Artikel 4 des Gesetzes vom 18. Juni 2019 // GVBl. Rheinland-Pfalz 2010. Nr. 21. S. 463; 2019. Nr. 9. S. 101.

12. Hochschulrahmengesetz vom 26. Januar 1976, das zuletzt durch Artikel 1 des Gesetzes vom 15. November 2019 geändert worden ist // BGBl. 1976. I S. 185; 2019. I S. 1622.

13. Niedersächsisches Hochschulgesetz (NHG) in der Fassung vom 26. Februar 2007, geändert durch Gesetz vom 11. September 2019 // Nds. GVBl. 2007. Nr. 5. S. 69; 2019. Nr. 16. S. 261.

Сведения об авторах

Соколов Александр Юрьевич – доктор юридических наук, профессор кафедры административного и муниципального права Саратовской государственной юридической академии (Саратов) / aysockolov@mail.ru

Лакаев Олег Анатольевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и муниципального права Саратовской государственной юридической академии (Саратов) / olegoleg81@mail.ru

Information about the authors

Sokolov Alexandr – Doctor of law, Professor, Chair of Administrative and Municipal Law, Saratov State Law Academy (Saratov) / aysockolov@mail.ru

Lakaev Oleg – PhD in Law, Associate Professor, Chair of Administrative and Municipal Law, Saratov State Law Academy (Saratov) / olegoleg81@mail.ru

УДК 341.1

В. С. Хижняк

«ЗЕЛЕНАЯ ДИПЛОМАТИЯ» КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СФЕРЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Глобализационные процессы являются объективным явлением современного мира. Начав с экономических отношений, глобализационные процессы охватили и другие сферы общественной жизни, в том числе и отношения по защите окружающей среды. Для того, чтобы минимизировать свои риски в этих условиях, государства должны грамотно выстраивать свою международно-правовую политику в международных отношениях. Поэтому необходим поиск новых подходов к участию государств в подобных отношениях и новые средства реализации их международно-правовой политики. Таким образом, процессы глобализации вызывают в международных отношениях возникновение новых явлений, к которым относится и экологическая или «зеленая дипломатия».

Актуальность рассмотрения проблем осуществления «зеленой дипломатии» проистекает из того, что в настоящее время, она начинает все более активно использоваться государствами как средство реализации их международно-правовой политики в экологической сфере. В тоже время, в юридической литературе нет единого мнения относительно содержания данного понятия и его сущности. Кроме того, нет и единого мнения относительно самого термина. Чаще всего используется термин «зеленая дипломатия», реже – «экологическая дипломатия».

Новизной данной работы является то, что в ней анализируется сущность данного явления, его особенностей в международно-правовой политике различных государств, соотношению с другими взаимосвязанными понятиями.

Для исследования указанных аспектов реализации «зеленой дипломатии» был использован сравнительно-правовой метод, методы анализа и синтеза.

В результате проведенного исследования были сформулированы такие понятия как международно-правовая политика в экологической сфере, экологическая или «зеленая дипломатия». Анализируется содержание, основы и практика осуществления «зеленой дипломатии» государствами различных регионов. Автором выявлены субъекты, участвующие в реализации «зеленой дипломатии» и дано обоснование ее взаимосвязи с международно-правовой политикой и процессами глобализации и глобальной регионализации.

Ключевые слова: глобализация, международно-правовая политика, «зеленая дипломатия», «мягкая сила», национальные интересы, интернациональные интересы.

Veronika Khizhnyak

“GREEN DIPLOMACY” AS A MEANS OF IMPLEMENTING INTERNATIONAL LEGAL POLICY IN THE ENVIRONMENTAL SPHERE IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

Globalization processes are an objective phenomenon of the modern world. Starting with economic relations, globalization processes have embraced other areas of public life, including relations to protect the environment. In order to minimize their risks in these conditions, states must competently build their international legal policy in international relations. Therefore, it is necessary to search for new approaches to the participation of states in such relations and new means of implementing their international legal policy. Thus, the processes of globalization in international relations cause the emergence of new phenomena, which include environmental or “green diplomacy”.

The urgency of considering the problems of implementing “green diplomacy” stems from the fact that at present, it is beginning to be increasingly used by states as a means of implementing their international legal policies in the environmental sphere. At the same time, in the legal literature there is no consensus on the content of this concept and its essence. In addition, there is no consensus on the term itself. The term “green diplomacy” is most commonly used, less commonly, “environmental diplomacy”.

The novelty of this work is that it analyzes the essence of this phenomenon, its features in the international legal policy of various states, the relationship with other related concepts.

To study these aspects of the implementation of “green diplomacy” the comparative legal method, methods of analysis and synthesis were used.

Because of the study, such concepts as international legal policy in the environmental sphere, environmental or “green diplomacy” were formulated. The content, fundamentals and practice of implementing “green diplomacy” by states of different regions are analyzed. The author identifies the subjects involved in the implementation of “green diplomacy” and substantiates its relationship with international legal policy and the processes of globalization and global regionalization.

Key words: globalization, international legal policy, green diplomacy, soft power, national interests, international interests.

Единство экосистемы делает экологические проблемы одного государства проблемами его соседей, а иногда и всего международного сообщества. Окружающая среда носит всеобъемлющий характер и ее состояние в целом зависит от состояния отдельных ее сегментов. Как отмечают К. Я. Кондратьев и К. С. Демирчан, одной из основных экологических проблем современности является «замкнутость глобальных биогеохимических круговоротов» [6, с. 1002]. В ходе процессов глобализации связи между государствами становятся прочнее и появляются новые средства быстрой передачи информации. Этот процесс выражается в установлении более прочных и тесных экономических, политических и культурных связей между государствами, создании и применении новых средств, быстрого обмена информацией и идеями, что может способствовать и более эффективному решению экологических проблем. В тоже время, сама глобализация ставит перед международным сообществом проблему формирования единой международно-правовой политики в экологической сфере, так, как только последовательная реализации подобной политики в международных отношениях будет способствовать их решению.

На наш взгляд, под международно-правовой политикой в экологической сфере следует понимать деятельность государства, направленную на защиту: экологических прав человека, экологического многообразия, окружающей среды от загрязнений, применение мер снижающих возможность нанесения необратимого или длительного вреда экологии, укрепление суверенитета, реализацию на международном уровне национальных интересов государств в экологической сфере, мирового порядка, основанного на соблюдении основных принципов международного права, обеспечение совместимости национальной и международной правовых систем, реформирование сложившейся системы международных отношений, с целью защиты экологических прав человека, окружающей среды и устойчивого экологического развития. Своя международно-правовая политика может быть, как у государств, так и международных организаций. Ее результатом должно быть, как принятие международных документов в области охраны окружающей среды и соблюдения конституционных экологических прав человека, так и осуществление мер неправового характера (проведение, конференций, спонсирование научных исследований и т.д.). Действие принимаемых, норм и проведение различных мероприятий в этой сфере должно охватывать наибольшее количество государств, так, как только в этом случае они будут наиболее эффективным. Таким образом вовлечение большого количества субъектов в реализацию международно-правовой политики в области охраны окружающей среды, так же можно считать одним из глобализационных процессов.

Именно процессы глобализации и формирования международно-правовой политики в экологической сфере дали возможность возникнуть такому явлению как экологическая или «зеленая дипломатия». Под этими терминами понимают дипломатические отношения, предметом которых является защита окружающей среды. Экологическая или зеленая дипломатия является инструментом (средством) реализации соответствующей международно-правовой политики. Этот вид политики дает государствам возможность находить баланс между своими национальными и интернациональными интересами в экологической сфере в условиях глобализации. Как отмечают А. А. Алимов и А. И. Шестаков, само ее возникновение связано с необходимостью предотвратить глобальную экологическую катастрофу, что требует широкомасштабных мероприятий на общесистемном уровне [1, с. 98]. Поэтому данный вид дипломатии наибольшим образом связан с происходящими процессами глобализации.

В юридической литературе существует несколько определений понятия «зеленая дипломатия». Например, Т. В. Колпакова, предлагает понимать под ней «деятельность, осуществляемую субъектами международных отношений посредством переговоров и других мирных способов для регулирования международных отношений по охране окружающей среды» [7, с. 69]. Р. А. Исмаилов указывает, что «зеленая дипломатия» – «мягкая сила» при использовании экологических проблем [2].

В китайской юридической науке используется термин «экологическая дипломатия». Как отмечает Дин Цзиньгуан, под ней следует понимать различного рода деятельность (переговоры, консультации), осуществляемые субъектами международного права для решения экологических проблем [3, 17].

А. А. Алимов и А. И. Шестаков считают, что «зеленая дипломатия» – деятельность по решению глобальных экологических проблем, а ее субъектами являются не только государства, но и международные организации, в том числе и неправительственные [1, с. 99].

Понятие «зеленая дипломатия» связано с понятием «мягкая сила» в международных отношениях. Единого мнения относительно последнего из этих двух понятий в науке так же не существует. Однако в целом под «мягкой силой» можно понимать совокупность мер воздействия на субъекты международного права, основанных на логике, убеждении, взаимном уважении и взаимной выгоде. По мнению Президента Путина «мягкая сила» – «комплекс инструментов и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия, а за счет информационных и других рычагов воздействия» [9]. Таким образом, как «мягкая сила», так и «зеленая дипломатия» основаны, в первую очередь, на убеждении. В силу этого, именно мягкая сила является основой «зеленой дипломатии».

Экологическая или «зеленая дипломатия» активно используется: Японией, Китаем, Южной Кореей, США, Евросоюзом. При этом значение, ко-

торое государства вкладывают в это понятие не всегда одинаково, также, как и интенсивность ее использования. Южная Корея активно реализует «экологическую дипломатию». Для Южной Кореи это сотрудничество в обмене «зелеными технологиями», их распространение для предотвращения глобальной экологической катастрофы. В этих вопросах она сотрудничает с США, Китаем, Россией, Японией и другими странами.

На развитие международного сотрудничества в области внедрения «зеленых технологий», всеобъемлющей защиты окружающей среды, направлена и международно-правовая политика Тайваня, что предопределяет использование этим государством и «зеленой дипломатии».

Южная Корея и Тайвань стараются поддерживать в своей «зеленой дипломатии» баланс между национальными и интернациональными интересами.

«Зеленой олимпиадой» объявил Китай олимпиаду в Пекине в 2008 г. Хотя, следует согласиться с мнением, что экологическая обстановка в Китае весьма сложная и данный шаг – пиар-акция, не отражающая действительность [1, с. 98]. По мнению Дин Цзиньгуаня, в контексте китайской международно-правовой политики в данной сфере осуществление экологической дипломатии скорее направлено на реализацию национальных интересов, чем на достижение интернациональных [3, с. 84–85].

Япония является одним из государств, использующих «зеленую дипломатию» для поддержания необходимого баланса окружающей среды как в своем регионе, так и на глобальном уровне. Однако, после аварии на Фокусиме, это государство старается заменить ядерную энергию иными видами. Поскольку использование здесь зеленых технологий в большом объеме слишком дорого, это государство расширяет количество своих ТЭЦ, работающих на угле [10]. При этом древесину Япония закупает в странах Латинской Америки. Нельзя сказать, что такие меры положительно скажутся на экологии в глобальном смысле, однако, можно надеяться на то, что это временная, вынужденная мера, в использовании которой не будет необходимости по мере дальнейшего развития «зеленых технологий».

В США «зеленая дипломатия» используется обеими основными партиями для давления на общественное мнение и достижение своих интересов. Как отмечают А. Е. Фоминых и Г. О. Ярыгин, в этой стране энвайронментализм превратился из маргинального общественного движения в политическую платформу [11, с. 111]. Из внутренней политики этого государства, он перешел в международно-правовую. «Новая публичная дипломатия» США так же имеет в своей основе «мягкую силу» – диалог с зарубежной аудиторией [14, с. 18]. Экологическая тематика один из наиболее простых способов наладить такой диалог, так как она близка любому государству и любому человеку. Разговоры о благе каждого, о безопасной для жизни окружающей среде, о сохранении ее для следующих поколений – прекрасное орудие манипуляции общественным мнением, в том числе и на глобальном уровне. Это же и средство достижения национальных интересов под ширмой международного сотрудничества. Таким образом, США, как и Китай используют «зеленую дипломатию» в большей степени для достижения своих национальных интересов, чем для всеобщего блага.

Следует отметить, что в Российской внешней политике «зеленая дипломатия» еще не заняла такого места как в указанных государствах. Как отмечает глава Российского экологического общества Рашид Исмаилов, основной проблемой в использовании Россией зеленой дипломатии является политизированность данного вопроса. Как пример, он приводит ситуацию с «Северным потоком-2» [2]. На наш взгляд, Россия не имеет четкой стратегии в данном вопросе из-за опасения ухудшения экономических отношений с некоторыми государствами, например, с Китаем и Японией, по-разному использующих свою зеленую дипломатию.

Исследователи выделяют следующие проблемы, препятствующие реализации «зеленой дипломатии» на глобальном уровне: бюрократизация механизма зеленой дипломатии, отсутствие у развивающихся стран средств на ее реализацию, рост населения и бедности в этих странах, фокусирование на отдельных аспектах в ущерб решению всей их совокупности, международные конфликты из-за ресурсов [11, с. 116].

Как отмечают А. Е. Фоминых и Г. О. Ярыгин, использование экологической тематики во внешней политике США и других государств имеет долгосрочные перспективы. США в этой сфере являются одним из лидеров и их опыт может быть полезен для России. В тоже время, «зеленая дипломатия» этого государства не мешает ему оставаться крупнейшим в мире источником выбросов углекислого газа в атмосферу [11, с. 117].

В научной литературе появился такой термин, как «уровень экологической эффективности государства» (Environmental Performance Index, EPI). Под ним понимают: состояние окружающей среды и качество национальной политики в экологической сфере, уровень здоровья населения, развития сельского хозяйства, сохранность лесов, использование возобновляемых источников энергии и т. д. [15, p. 114]. Максимум здесь 100 баллов. По данным на 2018 год первое место у Швейцарии, второе у Франции. Китай занимает 120-ю позицию, Россия – 52-ю, а США – 27-ю [14].

Уровень экологической эффективности государства влияет на его авторитет в международных отношениях. Авторитет государства в международных отношениях – это тот фактор, который позволяет государствам наиболее полно реализовывать свои национальные интересы на международной арене. Субъекты международных отношений склонны больше прислушиваться к авторитетному, уважаемому мнению, особенно, если оно основано на логике и объективных фактах. «Зеленая дипломатия» и «мягкая сила» – те

инструменты, грамотное применение которых в международно-правовой политике позволяет и поднять авторитет государства и реализовать свои национальные интересы. Таким образом, место в рейтинге, указанном выше, способствует решению многих внешнеполитических проблем для государства, а также эффективности его дипломатии и международно-правовой политики в целом, активно участвовать в процессах глобализации и оказывать на них влияние.

В тоже время, все это создает и поле для различных спекуляций. Ведь иногда лучший способ повысить свой рейтинг – придумать проблему, чтобы стать лидером в ее решении. Этим можно объяснить и шумиху вокруг глобального потепления, появление Греты Тунберг на Генеральной Ассамблее ООН и тому подобные явления.

Следует признать, что многие экологические проблемы не являются надуманными, но, при условии их глубокого изучения вероятность их научного решения очень возможна. Глобальное же потепление относиться к нерешаемым современной наукой проблемам, так же как нерешаемой является и проблема возникновения ледниковых периодов. Потепление и похолодание являются объективными природными процессами, которые не всегда требуют человеческого вмешательства. Человеческая деятельность может быть направлена на сокращения возможного вреда от них, но не на их полное предотвращение, тем более что их взаимосвязь с человеческой деятельностью наукой не доказана [16].

«Зеленая дипломатия» может способствовать и развитию инвестиций в «зеленые сектора экономики», что опять же является и одним из факторов дальнейшего развития процессов глобализации. Так, в июле 2019 года руководство регионального отделения Российского Экологического Общества в городе Ульяновск провело встречу с руководителем китайской компании «JINHUI» мистером Чай Хой. «Темой переговоров стало производство и реализация биоразлагаемой продукции, в том числе биоразлагаемых пакетов, на территории России. По итогам встречи обозначены перспективы по внедрению наилучших доступных технологий на территории Российской Федерации в рамках национального проекта «Экология» [4].

Таким образом, под «зеленой дипломатией», на наш взгляд, следует понимать: совокупность действий государственных и международных органов в сфере охраны окружающей среды, выражающейся через дипломатические методы (переговоры и консультации) и основанную на концепции «мягкой силы», то есть привлечения других субъектов к взаимовыгодному сотрудничеству путем демонстрации этих выгод и с использованием своего авторитета в международных отношениях. Поскольку практика показывает, что задействованность при ее реализации граждан и институтов гражданского общества является эффективной, а также, исходя из непосредственной заинтересованности последних в решении экологических проблем, можно признать, что субъектами, участвующими в реализации «зеленой дипломатии» являются и физические и юридические лица.

Так же следует отметить, что указанные лица могут быть и субъектами формирования и реализации международно-правовой политики, поскольку современное законодательство демократических государств допускает их к решению вопросов государственного управления и к информации о нем. Кроме того, международные неправительственные организации, как юридические лица, а так же в силу сферы своей деятельности обладают непосредственной возможностью собирать информацию в экологической сфере и, на основе ее анализа предлагать международному сообществу или отдельным государствам варианты решения экологических проблем. Субъектный состав говорит о том, что в «зеленой дипломатии» сочетаются как признаки государственной, так и народной дипломатии.

Правовой основой для развития «зеленой дипломатии» на универсальном уровне являются: Устав ООН 1945 г., Декларации о принципах международного права ООН 1970 г., Стокгольмская декларация 1972 г., Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию 1992 г. и Всемирная Хартия природы 1982 г. и др. Особо хотелось бы выделить проект Международного пакта по окружающей среде и развитию 1995 г., в котором одним из принципов международного сотрудничества в экологической сфере назван принцип обеспечения и соблюдения конституционных экологических прав человека.

Субъектами «зеленой дипломатии» являются сами государства, их органы, должностные лица, а также межправительственные и межведомственные международные организации. В тоже время, особенностью «зеленой дипломатии» является вовлеченность в нее различных институтов гражданского общества, например, неправительственных организаций и самих граждан. Количество экологически-ориентированных неправительственных организаций особенно выросло в государствах Евросоюза, что стало возможным, так как сама эта международная организация охотно спонсирует их появление. В настоящее время в этом регионе их насчитывается около 2000, хотя, например, в 2005 г. их было 1341 [12]. Такой рост НПО экологической направленности и их финансирование за счет международной организации, конечно, свидетельствует о том важном месте, которое решение экологических проблем занимает как в правовой политике Евросоюза, так и в соответствующей политике ее членов. Однако, опять же возникает вопрос о целесообразности наличия такого числа неправительственных организаций в одной сфере, даже если территория их действия не одно государство, а все страны Европейского Союза и, даже, если в сфере деятельности каждой из них находится только одна экологическая проблема (например, только охрана конкретного вида флоры или фауны).

Представляется, что такой их рост, все же не оправдан указанными факторами, так как неправительственной организации международного характера для своей деятельности достаточно иметь свои представительства в государствах, входящих в регион, а ориентация на отдельные аспекты экологической проблемы не дает полной картины происходящего и не способствует решению этих проблем в глобальном масштабе.

Подобное увеличение неправительственных организаций в экологической сфере в европейском регионе, скорее призвано решить иные политические проблемы. В тоже время, в России наблюдается совершенно иная ситуация. Деятельность иностранных и международных НПО часто ограничивается как деятельность иностранных агентов, а российские некоммерческие организации большого влияния на решение советующих вопросов не имеют. Тут можно согласиться с З. Э. Кантемировой, что деятельность российских НПО, осложнена тем, что само государство еще не привыкло рассматривать институты гражданского общества как полноправных партнеров и взаимодействовать с ними [5, с. 36].

Следует отметить, влияние на реализацию «зеленой дипломатии» и такого явления как глобальная регионализация. Под ним обычно понимают процессы, которые рассматриваются как «регионализация международных отношений на глобальном уровне» [8]. При этом мир делиться на самодостаточные сегменты, встраиваемые в глобальную иерархию. Основной отличительной чертой глобальной регионализации является то, что, участвуя в глобализационных процессах, регионы мира сохраняют и свою самобытность, свои особенности. Данное явление может находить свои проявления в любой сфере международных отношений, в том числе, и в экологической. Рассматривая реализацию «зеленой дипломатии» разными государствами, мы выявили, что в каждом регионе есть особенности ее осуществления общие для всех или для большинства стран, входящих в него. Так, например, для Европейского региона, характерным является участие в экологических отношениях большого числа неправительственных организаций. А, для большинства государств Восточной Азии (исключая Китай) – соблюдения баланса национальных и интернациональных интересов при осуществлении своей «зеленой дипломатии».

Таким образом, в современном мире под влиянием процессов глобализации и необходимости решения международных экологических проблем сформировалась международно-правовая политика в сфере охраны окружающей среды, целями которой являются: всеобъемлющая охрана окружающей среды, животного и растительного мира, создание каталога экологических прав человека в международном праве и их универсального стандарта, создание эффективного международно-правового механизма регулирования вопросов связанных с возмещением ущерба, причиненного окружающей среде и рационального природопользования и свободного обмена современными технологиями производства, не наносящими ущерба окружающей среде.

Так же возникло и развивается такое явление, как экологическая или зеленая дипломатия, особенностью которой является то, что субъектами, участвующими в ее формировании и реализации, являются не только субъекты международного права, но и физические и юридические лица. В тоже время можно отметить, что развитие «зеленой дипломатии» не только создает условия для эффективной реализации международно-правовой политики в экологической сфере, но и расширению глобализационных процессов.

Основными проблемами реализации данного вида дипломатии являются политизированность процессов решения экологических проблем, бюрократизация, направленность на решение одной проблемы в ущерб другим, недостаточность финансирования экологических программ в ряде стран (часто по объективным причинам). Для Российской Федерации важным является создание своей экологической «зеленой» дипломатии с четкими целями и задачами. К сожалению, эти цели не нашли своего отражения в таких документах как: «Концепция внешней политики Российской Федерации» 2016 г., «Экологическая доктрина России» и «Климатическая доктрина России».

Поэтому необходимо разработать и принять концепцию экологической дипломатии Российской Федерации, опираясь на позитивный зарубежный опыт. Наличие такой концепции может стать основой для активного участия как в реализации «зеленой дипломатии», так и в глобализационных процессах в экологической сфере.

Литература

1. Алимов А. А., Шестаков А. И. Экологическая дипломатия в XXI веке. // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2017. №2. С. 97–101.

2. Восканян Елена. «Рашид Исмаилов: «Россия недостаточно использует мягкую силу «зеленой дипломатии»» // Эковестник. 28 мая 2019 г. URL: http://ekovestnik.ru/article/377701/ (Дата обращения: 15.05.2020).

3. Дин Цзиньгуан. Гоцзи хуаньцзин вайцзяо = Международная экологическая дипломатия. Бэйцзин: Чжунго шэхуэй кэсюе чубаньшэ, 2007.

4. «Зеленая» дипломатия как эффективная платформа для «зеленого инвестирования» // Официальный сайт Российского экологического общества. URL: http://ecosociety.ru/bez-rubriki/zelenaya-diplomatiya-kak-effektivnaya-platforma-dlya-zelenogo-investirovaniya/ (Дата обращения:15.05.2020).

5. Кантемирова З. Э. Деятельность неправительственных организаций по защите прав детей в Российской Федерации // Вестник московского городского педагогического университета. Серия: юридические науки. 2009. №1. С.34–40.

6. Кондратьев К. Я., Демирчян К. С. Климат земли и «Протокол Киото» // Вестник Российской Академии Наук. 2001. №11. С. 1002–1009

7. Колпакова Т. В. Китайская «экологическая дипломатия» и формирование международного механизма охраны окружающей среды // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2010. № 123. С. 68–73.

8. Леонова О. Г. Глобальная регионализация как феномен развития глобального мира. Журнальный клуб «Интелрос», 2013. № 1. URL: http://www.intelros.ru (Дата обращения: 15.05.2020).

9. Путин В. В. Россия и меняющийся мир. Московские новости. 27.02.2012. URL: http://www.mn.ru/politics/78738 (Дата обращения: 15.05.2020).

10. Сергей Савчук Япония предала цивилизованный мир, взявшись за черные технологии. РИА Новости. URL: https://ria.ru/20180929/1529590896.html (Дата обращения: 15.05.2020).

11. Фоминых А. Е., Ярыгин Г. О. Экологизация публичной дипломатии в США. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия. 6. 2016. Вып. 1 С. 110–120.

12. A környezetvédelmi politikák végrehajtásának felülvizsgálata 2019.URL: https://ec.europa.eu/environment/eir/pdf/report_hu_hu.pdf topline (Accessed: 15.05.2020).

13. Environmental Performance Index. 2018 EPI. Country Rankings. URL: https://epi.envirocenter.yale.edu/epi-topline (Accessed: 15.05.2020).

14. Melissen J. The New Public Diplomacy: Between Theory and Practice // The New Public Diplomacy: Soft Power in the Information Age (Studies in Diplomacy and International Relations) / eds Jan Melissen, Donna Lee and Paul Sharp Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007. 221 p. URL: http://culturaldiplomacy.org/academy/pdf/research/books/soft_power/The_New_Public_Diplomacy.pdf (Accessed: 20.02.2020).

15. Nation Branding: Concepts, Issues, Practice / ed. by Keith Dinnie. Oxford: Elsevier, 2008. 264 p. URL:// http://www.culturaldiplomacy.org/academy/pdf/research/books/nation_branding/Nation_Branding_-_Concepts,_Issues,_Practice_-_Keith_Dinnie.pdf (Accessed: 15.05.2020).

16. The Intergovernmental Panel on Climate Change. UN URL: https://www.ipcc.ch (Accessed: 15.05.2020)

References

1. Alimov A. A., Shestakov A. I. Jekologicheskaja diplomatija v XXI veke. *(Environmental diplomacy in the 21st century)*. // Obshhestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana). 2017. No. 2. P. 97 – 101. (In Russian).

2. Voskanjan Elena. «Rashid Ismailov: «Rossija nedostatochno ispol'zuet mjagkuju silu «zelenoj diplomatii»». *("Russia is not using the soft power of "green diplomacy "to full extent")* // Jekovestnik. URL: http://ekovestnik.ru/article/377701/ (Accessed: 15.05.2020). (In Russian).

3. Din Tszin'guan. Gotszi khuan'tszin vaitszyao = Mezhdunarodnaya ekologicheskaya diplomatiya *(International ecological diplomacy)*. Beitszin: Chzhungo shekhuei kesyue chuban'she, 2007. (In Russian).

4. «Zelenaja» diplomatija kak jeffektivnaja platforma dlja «zelenogo investirovanija» *(Green diplomacy as an effective platform for green investment)* //Oficial'nyj sajt Rossijskogo jekologicheskogo obshhestva. URL: http://ecosociety.ru/bez-rubriki/zelenaya-diplomatiya-kak-effektivnaya-platforma-dlya-zelenogo-investirovaniya/ (Accessed: 15.05.2020) (In Russian).

5. Kantemirova Z. Je. Dejatel'nost' nepravitel'stvennyh organizacij po zashhite prav detej v Rossijskoj Federacii *(Activities of non-governmental organizations for the protection of children's rights in the Russian Federation)* // Vestnik moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Serija: juridicheskie nauki. 2009. No. 1. P.34–40. (In Russian).

6. Kondrat'ev K. Ja., Demirchjan K. S. Klimat zemli i «Protokol Kioto» Earth *(Climate and Kyoto Protocol)* // Vestnik Rossijskoj Akademii Nauk. 2001. No. 11. P. 1002–1009. (In Russian).

7. Kolpakova T. V. Kitajskaja «jekologicheskaja diplomatija» i formirovanie mezhdunarodnogo mehanizma ohrany okruzhajushhej sredy *(Chinese "environmental diplomacy" and the formation of an international environmental mechanism)*. // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. 2010. No. 123. P. 68 – 73. (In Russian).

8. Leonova O. G. Global'naja regionalizacija kak fenomen razvitija global'nogo mira. *(Global regionalization as a phenomenon of global peace development).* Zhurnal'nyj klub «Intelros». 2013. No. 1. URL: http://www.intelros.ru (Accessed: 15.05.2020). (In Russian).

9. Putin V. V. Rossija i menjajushhijsja mir. *(Russia and the changing world)*. Moskovskie novosti. 27.02.2012. URL: http://www.mn.ru/politics/78738 (Accessed: 15.05.2020). (In Russian).

10. Sergej Savchuk Japonija predala civilizovannyj mir, vzjavshis' za chernye tehnologii. *(Japan betrayed the civilized world by tackling black technology)*. RIA Novosti. URL: https://ria.ru/20180929/1529590896.html (Accessed: 15.05.2020). (In Russian).

11. Fominyh A. E., Jarygin G. O. Jekologizacija publichnoj diplomatii v SShA. *(The greening of public diplomacy in the United States)* // Vestnik SPbGU. 2016. Seria. 6. Issue. 1 P. 110 – 120. (In Russian).

12. A környezetvédelmi politikák végrehajtásának felülvizsgálata 2019. *(Review of the implementation of environmental policies in 2019)*. URL: https://ec.europa.eu/environment/eir/pdf/report_hu_hu.pdf topline (Accessed: 15.05.2020). (In Russian).

13. Environmental Performance Index. 2018 EPI. Country Rankings. URL: https://epi.envirocenter.yale.edu/epi-topline (Accessed: 15.05.2020). (In Russian).

14. Melissen J. The New Public Diplomacy: Between Theory and Practice // The New Public Diplomacy: Soft Power in the Information Age *(Studies in Diplomacy and International Relations)* / ed by Jan Melissen, Donna Lee and Paul Sharp Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007. 221 p. URL:// http://culturaldiplomacy.org/academy/pdf/research/books/soft_power/The_New_Public_Diplomacy.pdf (Accessed: 15.05.2020).

15. Nation Branding: Concepts, Issues, Practice / ed. by Keith Dinnie. Oxford: Elsevier, 2008. 264 p. URL:// http://www.culturaldiplomacy.org/academy/pdf/research/books/nation_branding/Nation_Branding_-_Concepts,_Issues,_Practice_-_Keith_Dinnie.pdf (Accessed: 15.05.2020).
16. The Intergovernmental Panel on Climate Change. UN URL: https://www.ipcc.ch (Accessed: 15.05.2020).

Сведения об авторе

Хижняк Вероника Сергеевна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного права Саратовской государственной юридической академии (Саратов) / veronika_h@mail.ru

Information about the author

Khizhnyak Veronika – Doctor of Law, Professor, Chair of Constitutional Law, Saratov State Law Academy (Saratov) / veronika_h@mail.ru

УДК 811.161.1

Е. Н. Зубкова

РАЗВИТИЕ СЕМАНТИКИ ЗАИМСТВОВАННОЙ НОМИНАЦИИ «ФЕНИКС» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАРЕЙ И ТЕКСТОВ)[1]

В статье проанализированы особенности развития в русской языковой картине мира семантики, заимствованной из греческого языка лексемы феникс со значением «мифологическая птица».

Цель настоящей статьи – выявить основные направления изменения указанного прямого значения номинации феникс, входящей в лексико-семантическую группу «Фантастические птицы», и показать специфику, в том числе национальную, смысловых приращений лексемы в соответствующих контекстах бытования, относящихся к середине XVIII – началу XXI вв.

Актуальным является произведенный в рамках исследования компонентный и контекстный анализ экспликации компонентов семного состава рассматриваемой лексемы феникс в русской лингвокультуре. Принципиально новым в работе представляется анализ изменений семантической структуры относящихся к лексико-семантической группе «Фантастические птицы» заимствованных номинаций, значения которых приобретают национальную специфику в русском языке.

В статье сделан вывод о том, что в русской лингвокультуре исходное значение номинации феникс «мифологическая птица», продолжающее оказывать влияние на семантическую структуру прямого и переносных значений данного слова, трансформировалось в значение «фантастическая птица», которое постепенно утрачивает связь с мифологией. Автором отмечено, что для этого прямого значения характерно как сохранение проявлений мифологического антропоцентризма, так и их утрата.

На основе контекстов бытования лексемы феникс, полученных с помощью метода сплошной выборки при работе с Национальным корпусом русского языка, автором установлено, что в русском языке для исследуемой номинации характерно развитие окказиональных семантических компонентов в структуре своего значения, связанных с гендерной принадлежностью птицы, ее качественной и функциональной характеристикой, описанием внешности и способностей.

Материалы исследования получены в ходе работы с русскими словарями разных типов (энциклопедическими, мифологическими, этнолингвистическими, этимологическими, историческими, толковыми, словарями иностранных слов) и Национальным корпусом русского языка и относятся к хронологическому срезу середины XVIII – начала XXI вв.

Ключевые слова: семантика, лексическое значение, семантические компоненты, лексико-семантическая группа, фантастические птицы, лексема феникс.

Elena Zubkova

SEMANTICS DEVELOPMENT OF THE BORROWED NOMINATION PHOENIX IN THE RUSSIAN LANGUAGE (BASED ON DICTIONARES AND TEXTS)

The article analyzes particular qualities of the lexical semantics development of phoenix nomination borrowed from the Greek language with the direct meaning “fantastic bird” in the Russian linguistic picture of the world.

The purpose of this article is to study the main change directions of the direct meaning of the phoenix nomination included in the lexico-semantic group “Fantastic Birds”, and to show the specifics, including national, of semantic increments of the lexeme in the corresponding contexts of being related to the XVIII–XXI centuries.

The study offers relevant componenti and contextual analysis of the seme component expressions of the considered lexeme phoenix in the Russian linguistic culture. The author provides a fundamentally new analysis of the semantic structure changes of borrowed nominations related to the lexico-semantic group “fantastic birds” in the Russian language.

The article concludes that the initial meaning of phoenix nomination “mythological bird” which continues to influence the semantic structure of the direct and figurative word meanings was transformed into the meaning “fantastic bird”, which gradually loses its connection with mythology in the Russian linguoculture. The author notes that the direct

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-31-70001.

meaning is characterized by both the keeping of the mythological anthropocentrism manifestations and their loss.

Based on the contexts of existence of lexeme phoenix which were obtained using the sampling method through the National Corpus of the Russian language, the author specifies that the development of occasional semantic components in the structure of its meaning are connected with the gender of the bird, its qualitative and functional characteristics, description of appearance and abilities in the Russian language.

The research materials were obtained during the work with different types of Russian dictionaries (encyclopedic, mythological, ethnolinguistic, etymological, historical, explanatory ones, dictionaries of foreign words) and the National Corpus of the Russian language.

Key words: semantics, lexical meaning, semantic components, lexico-semantic group, fantastic birds, lexeme phoenix.

Сам факт именования некого предмета действительности, как подчеркивает С.М. Толстая, является отражением специфической картины мира. При этом признак, лежащий в основе номинации, может быть и несущественным, и случайным, и нереальным [27, с. 195]. В языках мира представлены, например, наименования реально не существующих предметов, но имеющих место в языковом сознании в виде определенной мифологии.

Такие не существующие в действительности фантастические образы создаются «путем переработки, комбинирования и переосмысления элементов существующих образов либо мыслительных образов, включающих чувственно-наглядные и рационально-логические компоненты» [20, с. 18]. По мнению А. Н. Афанасьева, изначально люди осознавали тождество поэтических образов и явлений природы, но с течением времени такие, в том числе мифические, представления, отделились от своей стихийной основы и стали восприниматься как существующие реально, трансформировавшись в номинации мифологических, а позже фантастических предметов и сущностей [2, с. 17]. Иногда номинации, относящиеся к данной семантической сфере, заимствуются из других языков.

Под заимствованием, вслед за Л. П. Крысиным, будем понимать «процесс перемещения различных элементов из одного языка в другой», т.е. единиц фонетического, морфологического, синтаксического, лексического и семантического уровней [9, с. 24]. Такое слово будет считаться освоенным, если оно приспособилось фонетико-графически и морфологически к системе заимствующего языка, адаптировалось семантически в ней, и как следствие стало способным свободно употребляться наравне с другими словарными единицами данного языка.

Важно отметить, что семантика лексем, в том числе заимствованных, не является статичной. «Изменение одного из компонентов лексического значения отражается в соотносительных изменениях других, а, следовательно, и в изменении всего целого – лексического значения» [17, с. 108]. Подобные перераспределения компонентов значений в слове и изменения в их соотношении подтверждают структурность организации значения слова.

Данная статья ставит своей целью проанализировать развитие и изменение семантики заимствованной номинации ***феникс***, относящейся к лексико-семантической группе «Фантастические птицы[1]», в русском языке.

Материалы исследования, охватывающие середину XVIII – начало XXI вв., получены в ходе работы с дефинициями, извлеченными из русских словарей разного типа (энциклопедических, мифологических, этнолингвистических, этимологических, исторических, толковых словарей и словарей иностранных слов), и данными Основного подкорпуса Национального корпуса русского языка[2] (цитирование опирается на материалы НКРЯ).

Ведущими в работе являются следующие методы исследования: общенаучные теоретические методы (метод наблюдения, описания, обобщения), метод анализа словарных дефиниций и метод компонентного анализа значения слова при работе с лексикографическими источниками, метод сплошной выборки при работе с НКРЯ для отбора материала исследования, метод контекстного анализа смыслов лексемы при работе с контекстами бытования лексем.

В ходе исследования было обнаружено, что в русской языковой картине мира семантика заимствованной лексемы ***феникс*** претерпела ряд изменений, связанных с сужением мифологического компонента в структуре значения ‘фантастическая птица’, расширением семной структуры данного значения и процессом образования омонимов.

Для исследования языковой семантической структуры номинации ***феникс*** мы обратились к русским лексикографическим изданиям разных типов. В отечественных энциклопедических (4), мифологических (2), исторических (6), толковых словарях (2) и словарях иностранных слов (6) для лексемы было найдено 20 дефиниций [28, с. 459], [4, с. 154], [15, с. 4930], [3, с. 274], [14, с. 1026], [13, с. 556], [10, с. 72], [22, с. 1102–1103], [25, с. 386], [12, с. 1357–1358], [6, с. 703], [26, с. 548], [24,

[1] Прим.: Под фантастическими птицами, с опорой на материалы «Словаря современного русского литературного языка (Большого академического словаря)» (далее – БАС) [24, с. 1250–1251] и этнолингвистического словаря «Славянские древности» под редакцией Н. И. Толстого [21, с. 345], мы будем понимать группу животных персонажей, являющихся плодом фантазии народной культуры и не существующих в действительности, которые отличаются способностью летать и неспособностью ползать.

[2] Прим.: Далее – НКРЯ.

с. 1306–1307], [23], [18, с. 694], [11, с. 181], [8, с. 539], [5, с. 425], [7, с. 513–514], [19, с. 463]. Указанные словари отмечают изменения фонетико-графической формы исследуемого слова, как в заголовочных блоках словарных статей, так и в текстах самих дефиниций. Помимо установившейся формы ***феникс*** представлены следующие варианты оформления лексемы: фойник [14, с. 1026], [13, с. 556] – ***фїниѯъ*** [Тарабрин, 1915, с. 72] – ***финикс*** [10, с. 72] – ***финик*** [12, с. 1357–1358] – ***фоуникс*** [12, с. 1357–1358] – ***фуникс*** [12, с. 1357–1358] – ***фюникс*** [12, с. 1357–1358].

На основе материалов, представленных в НКРЯ, установлено, что номинация ***феникс*** является частотной и освоенной: она встретилась в 368 документах, при этом всегда употреблялась без кавычек (если это не переносное употребление наименования с добавлением дополнительных семантических компонентов к его значению) и пояснений [16]. Этот факт, вместе с установлением единственно возможной фонетико-графической формы, свидетельствует о вхождении деэкзотизированного заимствованного слова в активный словарный запас русского языка. Отметим, что на основе содержащегося в НКРЯ материала нам удалось выявить как подтверждение представленной в словарях языковой семантической структуры значения ‘фантастическая птица’ лексемы ***феникс***, так и некоторую ее трансформацию, о чем будет сказано ниже.

Указанные выше словари отмечают, что заимствование ***феникс*** имеет греческое происхождению [28, с. 459], [14, с. 1026], [18, с. 694], [11, с. 181], [8, с. 539], [5, с. 425], [19, с. 463], [12, с. 1357–1358], [24, с. 1306–1307], [23], при этом оно могло прийти в русский язык не напрямую, а через посредство латинского, немецкого или французского языков [7, с. 513–514], [26, с. 548].

Первую фиксацию номинации ***феникс*** русскими лексикографическими изданиями БАС относит к началу XVIII в. («Дерево сем. пальм. – Поликарпов, Лекс. 1704: финикъ и фи́никс; Нордстет, Слов. 1782» [24, с. 1306–1307]). В «Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневского приводятся примеры употребление исследуемого слова, относящиеся к XIV–XVI вв. [12, с. 1357–1358].

В словарях отмечается, что номинация имеет ряд омонимов: ***феникс***[2] – ‘финиковая пальма’ [24, с. 1306–1307], [10, с. 72], [3, с. 274]; ***феникс***[3] – ‘название созвездия’ [28, с. 459] [4, с. 154], [3, с. 274], [8, с. 539], [7, с. 513–514], [25, с. 386], [26, с. 548]; ***феникс***[4] – ‘отец Европы’ [4, с. 154]; ***феникс***[5] – ‘сын Аминтора’ [4, с. 154]; ***феникс***[6] – ‘сын Агенора’ [14, с. 1026], [13, с. 556]; ***феникс***[7] – ‘группа островов в Полинезии’ [4, с. 154], [15, с. 4930], [3, с. 274]. В НКРЯ мы нашли только иллюстрацию омонима ***феникс***[3] со значением ‘название созвездия’: «*Следует подогнать звездолет к Альфе Ориона с тыла, со стороны, противоположной* ***созвездию Феникса****…* [В. Конецкий. На околонаучной параболе (Путешествие в Академгородок). Повесть (1978)]» [16].

В указанных выше энциклопедических, мифологических и некоторых исторических словарях описываются связанные с лексемой ***феникс*** в значении ‘мифологическая птица’ античные и восточные солярные и календарные мифы, сюжетную основу которых составляет идея вечного возрождения [28, с. 459], [4, с. 154], [15, с. 4930], [14, с. 1026], [13, с. 556], [6, с. 703]. Согласно им, солнечная птица ***феникс***, похожая на орла, сгорала сама (или ее отец) или сжигалась жрецами (или ее отец) через определенное количество лет, а затем воскресала вновь из своего пепла (отцовского пепла или семени). В связи с этим она посвящалась умирающим и воскресающим богам. Дерево (вероятно, финиковая пальма, название которой, полагаем, позже и трансформировалось в название мифологической птицы), на котором сидел ***феникс***, было местом записи царских юбилеев.

С опорой на данные русских энциклопедических, мифологических, некоторых исторических словарей, мы выявили компоненты значения лексемы ***феникс*** в значении ‘мифологическая птица’. Наиболее полная структура данного значения содержит следующие семантические компоненты: ‘прототип’, ‘обозначение индивидуального объекта’, ‘гендер (маскулинность)’, ‘семья’, ‘социальная характеристика’, ‘качественная характеристика’, ‘количественная характеристика’, ‘внешность’, ‘функции’, ‘способности’, ‘продолжительность жизни’, ‘локализация’, ‘оценка’, ‘связь с божествами’, ‘использование образа’, ‘место поклонения’, ‘символ’. Отметим, что в примерах из документов XIV–XIX вв., представленных в тех же словарях, в структуре этого же значения номинации ***феникс*** мы выделили еще два семантических компонента ‘золотое сияние вокруг головы’ и ‘праведная’, не отмеченные в словарных толкованиях [12, с. 1357–1358], [24, с. 1306–1307].

В русской лингвокультуре номинация ***феникс***, прежде всего, имеет значение ‘особая фантастическая птица, отличная по своим характеристикам от мифологического ***феникса***’[1]. В данном значении толкование номинации опирается на описание способностей и функций птицы с указанием ее локализации. С утратой древнегреческих и восточных мифов о птице ***феникс*** часть сем перестала акцентуализироваться в структуре значения исследуемой лексемы. Семантические компоненты ‘качественная характеристика’, ‘внешность’, ‘функции’, ‘способности’, ‘продолжительность жизни’, ‘локализация’, ‘оценка’, ‘символ’ сохранились, но в разной степени подверглись трансформации в зависимости от сохранности связи с древнегреческими и восточными мифами (при этом сема ‘количественная характеристика’ осталась неизменной).

Проиллюстрируем языковые семантические компоненты (т.е. зафиксированные в словарях разных типов и подтвержденные в материалах

[1] Прим.: Об омонимии, характерной для номинации феникс, было сказано выше. Переносные употребления лексемы не рассматриваются в данной статье.

НКРЯ) в структуре значения ‘фантастическая птица’ номинации ***феникс*** [16]:

1. ‘качественная характеристика’: *мифическая* (т.е. сказочная), *баснословная, легендарная, сказочная*. Значения прилагательных данной группы представляют собой развитие семантического компонента ‘мифологическая’ или прямо восходят к представленным в словарях мифам: *«Так совершается чудо: подобно **мифической птице Феникс**, сгорающей и снова рождающейся из пепла, уран-238 превращается в новое вещество*, <…>. [Н. Синев. Быстрые реакторы – вот завтрашний день атомной энергетики // «Техника – молодежи», 1976]»; *«Давно ли, как **баснословный феникс**, он возродился из пылающего своего праха?!* [М. Ю. Лермонтов. Панорама Москвы (1834)]»; *«Согласно Пифагору, Демокриту и многим другим умам древнего Запада и Востока космос периодически погибает в огне мирового пожара и, словно **легендарная птица Феникс**, возрождается из пепла в точности таким же, каким и был.* [В. Скурлатов. Круг времени // «Техника – молодежи», 1977]»; *«В Древнем Египте родилась **сказка о бессмертном Фениксе**.* [В. А. Мезенцев. Чудеса: Популярная энциклопедия. Том 2. Книга 3 (1991)]»;

2. ‘способности’: *возрождающаяся из пепла*. Значение адъективного словосочетания, относящегося к данной группе, прямо восходит к описанным в словарях мифам: *«Сія привилегія дана **фениксу, которая птица будучи сожжена солнцемъ, паки отъ своего пеплу заражда-ется***. [С. С. Волчков. Придворной человѣкъ [перевод книги Грациана с французского] (1742)]».

3. ‘функции’: *сжигаемая людьми / птица-жертва.* Значения относящихся к данной группе адъективного словосочетания и существительного, выполняющего атрибутивную функцию, прямо восходят к описанным в словарях мифам: *«Теперь же ему стало известно, что в мире существует птица **Феникс**. Когда ей исполняется пятьсот лет, она летит в кедры ливанские и извещает о своем появлении священнослужителей города Гелиополя, затем **опускается на жертвенник**, украшенный плющом, и тогда огонь пожирает ее. Однако уже наутро **в жертвенном пепле** появляется червь, превращающийся спустя некоторое время в птенца, а из него вырастает впоследствии ширококрылая птица* <…>. [А. П. Ладинский. Последний путь Владимира Мономаха (1960)]».

4. локализация: *восточная*. Значение прилагательного данной группы прямо восходит к описанным в словарях мифам: *«И они привели меня в священную рощу Солнца, а там росли два дерева, видом как кипарис, но высотою до небес, и меж ними гнездо птицы **феникс**, которая смерти не знает, а раз в тысячу лет улетает отсюда **в Аравию**, там складывает себе костер из благовоний и входит в огонь старой, а выходит юной.* [М. Л. Гаспаров. Занимательная Греция (1998)]».

Проиллюстрируем выделенные нами на основе материалов НКРЯ узуальные семантические компоненты (т.е. выводимые из словарных дефиниций, но не отмеченные в них и, судя по частотности употребления, известные носителям русского языка) в структуре значения ‘фантастическая птица’ номинации ***феникс*** [16]:

1. ‘качественная характеристика’: *редкая, фантастическая, птица-долгожитель, бессмертная*. Значения относящихся к данной группе прилагательных и существительного, выполняющего атрибутивную функцию, являются вариациями семантических компонентов ‘единичность’, ‘мифологическая’, ‘возрождающаяся’ или прямо восходят к описанным в словарях мифам: *«Славныхъ число невелико, понеже **феникъ на свѣтѣ, только одинъ бываетъ**;* <…>. *[С. С. Волчков. Придворной человѣкъ* [перевод книги Грациана с французского] (1742)]»; *«Лучше мечтать о сени феникса, **хотя бы феникс и не существовал в мире**.* [И. А. Бунин. Смерть пророка (1911)]»; *«В Древнем Египте родилась сказка о бессмертном **Фениксе. Живет эта птица пятьсот лет**.* [В. А. Мезенцев. Чудеса: Популярная энциклопедия. Том 2. Книга 3 (1991)]»; *«В Древнем Египте родилась сказка **о бессмертном Фениксе**.* [В. А. Мезенцев. Чудеса: Популярная энциклопедия. Том 2. Книга 3 (1991)]».

2. ‘характеристика внешности’: *златоперая, блестящая, ослепительная, огненная.* Значения прилагательных данной группы являются вариациями семантических компонентов ‘связанная с огнем’, ‘положительная эстетическая оценка’: *«Но есть личины и нечудесные, как, например, «Жар-Птица». Теперь ему кажется, что на **Златопером Фениксе** летит он в мир славянской души, а мы видим Бальмонта верхом на деревянном петушке в стиле Билибина.* [А. Белый. Бальмонт (1904–1908)]»; *«В опухлые эти щеки бил из окна яркий светоч отходящего дня; а само солнце, что **блестящая феникс-птица**,* <…>, *прощально свой золотой простирало хвост, благословляя приход отдохновительного сна*. [А. Белый. Серебряный голубь (1909)]»; *«**Ослепительный феникс** нередко таится в убогом курятник*. [М. Успенский. Там, где нас нет (1995)]»; *«**Феникс** смертию своею другого рождает феникса, умирая, возрождается. Когда чувствует приближение смерти, созидает себе гнездо из цветов и благовонных ветвей и посреди их возлегает. **Обращает очи к палящему солнцу и, махая крыльями, воспаляется от лучей, сгорает и в пепел обращается.** Потом выходит червь, и становится фениксом, и восстает из пепла.* [Ф. И. Буслаев. Русские духовные стихи (1861)]».

3. ‘прочие характеристики’: *птица-символ, аналог жар-птицы*. Значения относящихся к данной группе существительного, выполняющего атрибутивную функцию, и номинативного словосочетания, являются вариациями семантических компонентов ‘символ’, ‘связь с огнем’: *«На исходе XX века, который оказался для России донельзя сумятным, истребительно свирепым и губительным, поневоле возникает в воображении*

символическая птица Феникс**, раз за разом уничтожаемая и вновь возрождающаяся из пепла.* [Выдюжим! (2000) // «Жизнь национальностей», 2000.06.23]»; *«В разных странах **феникс был известен под разными именами**. В Аравии его называли «анка», в Персии – «симург», в Индии – «гаруда». Некоторое сходство с фениксом имеет и скандинавский мифологический ворон Йель. Ну и, конечно же, **«наша» Жар-Птица. [Птица Феникс // «Пятое измерение», 2003]».

Проиллюстрируем выделенные нами на основе материалов НКРЯ, не отмеченные словарями и характерные, как правило. для одного автора окказиональные (авторские, индивидуально ассоциативные) семантические компоненты в структуре значения ‘фантастическая птица’ номинации ***феникс*** [16]:

1. ‘гендер’: *мать всех птиц / первая, главная птица, птица с женским лицом, птица-женщина.* Значения относящихся к данной группе прилагательных, номинативных словосочетаний и существительных, выполняющих атрибутивную функцию, являются следствием русификации семантического компонента ‘гендер’, который, преимущественно, характеризуется как ‘феминный’ для данной категории фантастических персонажей в русской лингвокультуре: *««Голубиной книга» **Феникс-птица** – «**всем птицам мати**»*. [Птица Феникс // «Пятое измерение», 2003; источник – НКРЯ]; *«Гобилъ напротивъ того споритъ, что оное слово не Могольское**, и думаетъ, что Чингисъ есть пустой голосъ нѣкоторой неизвѣстной **птицы главной**, какою древность **Феникса почитала***. [О народѣ и имени Татарскомъ, также о древнихъ Могольцахъ и ихъ языкѣ // Ежемѣсячныя сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащія. Генварь – Іюнь, 1755 года, 1755]»; *«На том камне **Феникс – Птица с ликом девы** – Песни распевает, Перья распускает, Море покрывает, Кто те песни слышит, Все позабывае.* [Е. Ф. Книпович. Об Александре Блоке (1922)]»; *«Есть же и **птица феникс, которая не имеет ни супруга, ни детей***. [Е. Водолазкин. Лавр (2012)]».

2. ‘качественная характеристика’: *птица счастья, неукротимая, процветающая, освобожденная.* Значения прилагательных и номинативных словосочетаний данной группы являются вариациями семантических компонентов ‘возрождающаяся’, ‘восточная’ или не вполне ясными авторскими ассоциациями: *«Садко на корабле привозит **птицу счастья Феникс** в свой город Новгород,* <…>. [Л. Вертинская. Синяя птица любви (2004)]»; *«Но само явление возникает то тут, то там, как **неукротимый Феникс** из пепла.* [А. Яковлев. Омут памяти. Т.1 (2001)]»; *«Праведник яко **феникс процветет** и яко кедр иже в Ливане умножится» невольно повторял каждый из нас,* <…>. [священник М. Зернов. Историческое путешествие // Журнал Московской Патриархии, № 08, 1945]»; *«Гуд превращался в гул, а там и в могучий рев, оранжево-темное пятно появлялось посредине страницы, оно вдруг взрывалось пламенем, и огромный горящий лист с фырчащим шумом **освобожденного феникса** улетал в трубу к звездам.* [В. В. Набоков. Другие берега (1954)]»;

3. ‘функциональная характеристика’: ***сжигаемая молнией***. Значение адъективного словосочетания данной группы является вариацией семантического компонента ‘сжигаемая в огне’: *«Есть птица **Феникс**, раз в сто лет **молния сжигает ее гнездо**. И сам Феникс тут сгорает. Но в том пепле возродится, и опернатеет, и обновится. И восстанет в новой, небывалой красоте*. [Б. В. Шергин. Слово о Москве (1930–1960)]».

4. ‘способности’: *поющая только в огне.* Значение адъективного словосочетания данной группы является вариацией семантического компонента ‘возрождающаяся’: *«Вы ж восстанете – пепла чище! **Птица-Феникс я, только в огне пою!*** [Л. Иванова. Искренне ваша грешница (2000)]».

5. ‘внешность’: *птица с перьями пяти цветов.* Значение номинативного словосочетания данной группы является вариацией семантического компонента ‘связанная согнем’: *«Птица, которую можно назвать **Фениксомъ**.* <…>. *Она первая; т.е., главная по ихъ описанію изъ всѣхъ птицъ, у ней шея долгая, хвостъ долгой и плоской, носъ или назвать ротъ петушей; **перья пяти цвѣтовъ зеленыя, красныя, желтыя, бѣлыя, черныя**;* <…>. [А. Л. Леонтьев [перевод отчета Ту Ли-чэня с маньчжурского]. Путешествие китайского посланника к калмыцкому Аюке-хану (1762)]».

6. ‘характеристика по отношению к какому-либо предмету’: *библейская.* Значение относительного прилагательного данной группы является вариацией семантического компонента ‘восточная’: *«**Животный мир Библии** составляют верблюд,* <…>, ***феникс***… [А. С. Уваров. Русская символика (1864–1874)]».

Итак, представленные в НКРЯ контексты употребления номинации ***феникс*** позволяют сделать вывод, что для носителя языка при характеристике данной фантастической птицы наиболее важными являются следующие семантические компоненты: ‘гендер’, ‘качественная характеристика’, ‘внешность’, ‘функциональная характеристика’, ‘способности’, ‘локализация’, ‘оценка (этическая и эстетическая)’, ‘связь с другими фантастическими животными’. На основе полученных материалов можно прийти к заключению, что общее значение лексемы ***феникс*** изменялось следующим образом: ‘мифологическая солнечная птица’ – ‘фантастическая птица’. В целом наблюдается сужение мифологического компонента в структуре значения ‘фантастическая птица’.

Проанализировав дефиниции, представленные в русских словарях разных типов, и контексты бытования лексемы ***феникс*** со значением ‘фантастическая птица’, мы пришли к выводу, что в структуре данного значения все еще сохраняются некоторые семантические компоненты более раннего значения ‘мифологическая птица’, которые стали базой для образования переносных употреблений исследуемого слова, исследование которых не входило в задачи данной статьи.

Контексты бытования лексемы ***феникс*** в значении ‘фантастическая птица’ позволяют прийти к выводу о постепенном разрыве ее связи с мифологией, характерной чертой которой является яркое проявление антропоцентризма. Это подтверждается сокращением возможности использования выделенных Ю. Д. Апресяном пяти систем из «сферы человека»[1] до двух: физическое восприятие (птица воспринимается зрением или слухом) и физические действия и деятельность (птица выступает субъектом или объектом действия).

Закрепившееся в русском языке как основное прямое значение слова ‘фантастическая птица’ приобрело национальную специфику, что ярче всего выразилось в изменении гендерной характеристики ***феникса*** в сторону феминизации, что характерно для других лексем, входящих в лексико-семантическую группу «Фантастические птицы».

Литература

1. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. №1. С. 37–67.

2. Афанасьев А. Н. Славянская мифология. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2008. 1520 с.

3. Большая Советская энциклопедия: в 30 томах / гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. Т. 27. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1977. 624 с.

4. Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания. В 22 т. / под ред. С. Н. Южакова. Т. 19. СПб.: Книгоиздательское т-во «Просвещение», 1905. 794 с.

5. Бурдон И. Ф. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке, с означением их корней / Сост. по лучшим источникам Бурдон и Михельсон. 11-е изд. М.: А. Я. Панафидина, 1907. 476 с.

6. Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь (с внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений). М.: Типография Вильде, 1898. 1120 с.

7. Ефремов Е. Новый полный словарь иностранных слов, вошедших в русский язык: с указанием происхождения их, ударений, отраслей знания и с расширенной энциклопедической частью / составил по русским и иностранным источникам Е. Ефремов / под ред. проф. И. А. Бодуэна-де-Куртене. Изд. 2-е. М.: Т-во А. А. Левенсон, 1912. 605 с.

8. Карманный словарь иностранных слов / сост. Н. Я. Гавкин. 4-е изд. Киев, Харьков: Ф. А. Иогансон, 1894. 600 с.

9. Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 888 с.

10. Лицевой букварь Кариона Истомина / под ред. И. М. Тарабрина. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1916. 83 с.

11. Мартыновский, Ковалевский Новейший полный словотолкователь и объяснитель 150000 иностранных слов. Ч. 1. М.: Издание Е. В. Манухиной, 1886. 274 с.

12. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам / Труд И. И. Срезневского. Т. 3. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1912. 1684 с.

13. Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: Советская Энциклопедия, 1990. 672 с.

14. Мифы народов мира. Энциклопедия / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1980. 1147 с.

15. Настольный энциклопедический словарь: В 8 т. (116 вып.). Т. 8 (Вып. 99-116). М.: Изд. тов. А. Гарбель и К°; Изд. тов. А. Гранатъ и К°, 1901. С. 4555-5358.

16. Национальный корпус русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru (Дата обращения: 01.02.2020).

17. Новиков Л. А. Семантика русского языка: Учеб. пособие. М.: Высш. школа,1982. 272 с.

18. Объяснительный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней: Сост. по словарям: Гейзе, Рейфа и др. / А. Д. Михельсон. 9-е изд. М.: «Русская тип» А. О. Лютецкого, 1883. 752 с.

19. Опыт словаря русского языка сравнительно с языками индо-европейскими: В 4 отделах: для учащихся в гимназиях и прогимназиях ведомства Министерства Народного просвещения / составил М. М. Изюмов. СПб.: Издание книгопродавца Н. А. Шигина: типография (бывшая) А. М. Котомина, 1880. 599 с.

20. Питина С. А. Концепты мифологического мышления как составляющая концептосферы национальной картины мира. Челябинск: Челяб. гос. ун-т., 2002. 191 с.

21. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5-ти томах / Под общей ред. Н. И. Толстого. Т. 4. М.: «Международные отношения», 2009. 656 с.

22. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный: В 6 тт. Ч. 6. СПб.: При Императорской Академии Наук, 1822. 1478 с.

23. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 4. 797 с. URL: http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp (Дата обращения: 01.02.2020).

24. Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти т. (Большой академический словарь, БАС) / Академия Наук СССР, 17. Институт русского языка. Т. 16. М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1964. 1612 с.

25. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии наук: Т. 4. В 4 тт. СПб.: Типография при Императорской Академии наук, 1847. 488 с.

26. Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля. 2-е издание, исправленное и значительно умноженное по рукописям автора. Т. 4. СПб.-М.: издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1882. 712 с.

27. Толстая С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: «Индрик», 2008. 528 с. (Традиционная духовная культура славян. Современные исследования).

28. Энциклопедический словарь / Издатели: Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон / Под ред. К. К. Арсеньева, Ф. Ф. Петрушевского. Т. 35. СПб.: Типография Акц. Общ. Брокгауз–Ефрон, 1902. 482 с.

[1] Прим.: [1, с. 42-43].

References

1. Apresjan Ju. D. Obraz cheloveka po dannym jazyka: popytka sistemnogo opisanija *(The image of a person according to the language: an attempt of the system description)* // Voprosy jazykoznanija. 1995. No. 1. P. 37–67. (In Russian).
2. Afanas'ev, A. N. Slavjanskaja mifologija *(The Slavic mythology)*. Moscow: Jeksmo; St. Petersburg: Midgard, 2008. 1520 p. (In Russian).
3. Bol'shaya Sovetskaya entsiklopediya: in 30 vol. *(The Great Soviet Encyclopedia)* / ed by AM. Prokhorov. Vol. 27. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1977. 624 p. (In Russian).
4. Bol'shaya entsiklopediya. Slovar' obshchedostupnykh svedenii po vsem otraslyam znaniya *(The Great Encyclopedia. The dictionary of popular information in all branches of knowledge).* In 22 v. Vol. 19. / ed by S.N. Yuzhakov. St. Petersburg: Knigoizdatel'skoe t-vo «Prosveshchenie», 1905. 794 p. (In Russian).
5. Burdon I. F. Polnyi slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v upotreblenie v russkom yazyke, s oznacheniem ikh kornei *(The complete dictionary of foreign words).* 11th ed. Moscow: A.Ya. Panafidina, 1907. 476 p. (In Russian).
6. D'yachenko G. Polnyi tserkovno-slavyanskii slovar' (s vneseniem v nego vazhneishikh drevnerusskikh slov i vyrazhenii) *(The complete Church Slavonic dictionary).* Moscow: Tipografiya Vil'de, 1898. 1120 p. (In Russian).
7. Efremov E. Novyi polnyi slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v russkii yazyk: s ukazaniem proiskhozhdeniya ikh, udarenii, otraslei znaniya i s rasshirennoi entsiklopedicheskoi chast'yu *(The new complete dictionary of foreign words)* / sostavil po russkim i inostrannym istochnikam E. Efremov / ed by I. A. Boduena-de-Kurtene. Ed. 2nd. Moscow: A.A. Levenson printing office, 1912. 605 p. (In Russian).
8. Karmannyj slovar' inostrannyh slov *(The pocket dictionary of foreign words)* / compiler N. Ja. Gavkin. 4th ed. Kiev, Har'kov: F.A. loganson, 1894. 600 p. (In Russian).
9. Krysin L. P. Russkoe slovo, svoe i chuzhoe *(A Russian word, one's own and another's):* Issledovanija po sovremennomu jazyku i sociolingvistike. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. 888 p. (In Russian).
10. Licevoj bukvar' Kariona Istomina *(The facial primer by Karion Istomin)* / ed by I. M. Tarabrina. Moscow: Lissnera and D. Sobko printing office, 1916. 83 p. (In Russian).
11. Martynovskii, Kovalevskii Noveishii polnyi slovotolkovatel' i ob»yasnitel' 150000 inostrannykh slov *(The latest complete word interpreter and explanator of 150,000 foreign words).* Part 1. Moscow: Izdanie E. V. Manukhinoi, 1886. 274 p. (In Russian).
12. Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam *(Materials for the dictionary of the Old Russian language on written monuments)* / Trud I. I. Sreznevskogo. Vol. 3. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi Akademii Nauk, 1912. 1684 p. (In Russian).
13. Mifologicheskii slovar' *(The mythological dictionary)* / ed by E. M. Meletinskii. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1990. 672 p. (In Russian).
14. Mify narodov mira. Entsiklopediya *(Myths of the peoples of the world. Encyclopedia)* / ed by S. A. Tokarev. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1980. 1147 p. (In Russian).
15. Nastol'nyj jenciklopedicheskij slovar' *(The desktop encyclopedic dictionary):* In 8 vol. (116 iss.). Vol. 8 (Iss. 99-116). Moscow: A. Garbel' and K°, 1901. P. 4555–5358. (In Russian).
16. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka *(The National Corpus of the Russian language)* URL: http://www.ruscorpora.ru (Accessed: 01.02.2020). (In Russian).
17. Novikov L. A. Semantika russkogo jazyka *(Semantics of the Russian language).* Moscow: Vysshay shkola,1982. 272 p. (In Russian).
18. Ob»yasnitel'nyi slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v upotreblenie v russkii yazyk, s ob»yasneniem ikh kornei: Sost. po slovaryam: Geize, Reifa i dr. *(The explanatory dictionary of foreign words)* / A. D. Mikhel'son. 9th ed. Moscow: A. O. Lyutetskii pronting house, 1883. 752 p. (In Russian).
19. Opyt slovarja russkogo jazyka sravnitel'no s jazykami indo-evropejskimi *(The experience of the Russian language dictionary is compared with the Indo-European languages):* In 4 divisions: dlja uchashhihsja v gimnazijah i progimnazijah vedomstva Ministerstva Narodnogo prosveshhenija. St. Petersburg: Izdanie knigoprodavca N.A. Shigina: tipografija (byvshaja) A.M. Kotomina, 1880. 599 p. (In Russian).
20. Pitina S. A. Koncepty mifologicheskogo myshlenija kak sostavljajushhaja konceptosfery nacional'noj kartiny mira *(The mythological thinking concepts as a component of the conceptosphere of the national picture of the world).* Cheljabinsk: Cheljabinsk state university publ., 2002. 191 p. (In Russian).
21. Slavyanskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar' *(The Slavic antiquities: The ethnolinguistic dictionary):* In 5 volumes / ed by N.I. Tolstoy. Vol. 4. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2009. 656 p. (In Russian).
22. Slovar' Akademii Rossiiskoi, po azbuchnomu poryadku raspolozhennyi *(The dictionary of the Russian Academy)*: In 6 vol. Part 6. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1822. 1478 p. (In Russian).
23. Slovar' russkogo jazyka *(The Russian language dictionary):* In 4 vol. URL: http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp. (Accessed: 01.02.2020). (In Russian).
24. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka *(The dictionary of the modern Russian literary language)*: In 17 v. Vol. 16. (Bol'shoi akademicheskii slovar', BAS). M.-L.: SA of USSR, 1965. 1612 p. (In Russian).
25. Slovar' tserkovno-slavyanskogo i russkogo yazyka, sostavlennyi vtorym otdeleniem Imperatorskoi Akademii nauk *(The dictionary of the Church Slavonic and the Russian language):* In 4 vol. SPb.: Tipografiya pri Imperatorskoi Akademii nauk, 1847. Vol. 4. 488 p. (In Russian).
26. Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka V. I. Dalya *(The explanatory dictionary of the living Great Russian language).* St. Petersburg- Moscow, 1882. Vol. 4. 712 p. (In Russian).
27. Tolstaja S. M. Prostranstvo slova. Leksicheskaja semantika v obshheslavjanskoj perspektive *(The space of a word. Lexical semantics in the general Slavic perspective).* Moscow: Indrik, 2008. 528 p. (In Russian).
28. Jenciklopedicheskij slovar' *(The encyclopedic dictionary)* / ed by K.K. Arsen'eva, F.F. Petrushevskogo. Vol. 35. St. Petersburg: Printing house Brockhaus-Efron, 1902. 482 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Зубкова Елена Николаевна – аспирант кафедры русского языка гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / helen_zubkova@mail.ru

Information about the author

Zubkova Elena – postgraduate student, Chair of Russian, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / helen_zubkova@mail.ru

УДК 81-11

Э. В. Пиванова

ВТОРИЧНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИСХОДНОГО ТЕКСТА КАК ИНДИВИДУАЛЬНАЯ КОГНИТИВНАЯ МАТРИЦА В ПЕРЕВОДЕ

В статье обсуждается специфика вербализации, детерминированной прототекстами рефлексии в свете современных представлений о когнитивных механизмах рационализации, восприятия и вторичной репрезентации информации, рефлективного самоконтроля. Рассматриваются особенности установок профессионального сознания переводчика, обосновывается важность аккумулирования и переосмысления полученного речевого опыта, рефлексии в отношении лингвистического статуса текста перевода в принимающей культуре. Отмечается, что текст перевода вторичен как по отношению к оригиналу, так и к ранее выполненным переводам этого же переводчика: накапливая опыт пережитых проблемных ситуаций принятия переводческих решений, он обретает готовые формулы, которыми пользуется в сходных текстовых ситуациях с той или иной степенью автоматизма (что не всегда положительно сказывается на результате). Подчеркивается роль индивидуальной когнитивной организации переводчика, его памяти, профессионального опыта и экстралингвистических условий в принятии переводческих решений и эффективности постпереводческого редактирования. Затрагивается вопрос нормативных требований к переводу как вторично репрезентированному тексту и его неизбежных языковых отличий от первично репрезентированного текста в силу активизации механизмов межъязыковой интерференции и трансференции, а также компетентности переводчика, способного принимать обоснованные профессиональные решения, подкрепленные рациональной оценкой меры допустимого нарушения автономности текста оригинала.

Ключевые слова: перевод, вторичная номинация, вторичная языковая личность переводчика, лингвистический статус текста перевода, переводческая рефлексия, когнитивные аспекты перевода.

Elina Pivanova

SECONDARY REPRESENTATION OF THE SOURCE TEXT AS AN INDIVIDUAL COGNITIVE TRANSLATION MATRIX

This item dwells on the specific verbalization of reflection determined by proto texts in view of advanced ideas regarding the cognitive mechanisms of rationalization, perception and data secondary representation, as well as reflexive self-control. There is also a view presented on the specifics of the translator's professional awareness along with a certain focus on the importance of accumulating and rethinking the accumulated speech experience and reflection concerning the linguistic status of the target text in the host culture. It is noted that the translation text is secondary both to the original and to the previously performed translations implemented by the same translator: through accumulating the experience of making translation decisions, it acquires ready-made formulas he or she uses in similar text situations with a certain degree of automatism (which does not always have a positive effect on the result). Besides, there is a stress offered on the role of the translator's individual cognitive arrangement, memory and professional experience as well as the role of extra-linguistic factors in terms of affecting translation decisions and ensuring the effectiveness of post-translation editing. Finally, the point of formal requirements for the translation, seen as a secondarily represented text, and its inevitable linguistic differences from the primary represented text due to the activation of inter-language interference and transference mechanisms, as well as the competence of an interpreter, who is able to make informed professional decisions based on a rational assessment measure of the valid violation of the original text autonomy are touched upon.

Key words: translation, secondary nomination, secondary linguistic personality of the translator, linguistic status of the target text, translator's reflection, cognitive aspects of translation.

Широкий спектр возможных взаимоотношений между первичными и вторичными текстами остается одним из актуальных вопросов лингвистики и филологии. Правильность и гармоничность передачи текста на другом языке, возможность смыслового варьирования, непротиворечивость трактовок и мера присутствия в тексте «следов» языковой личности переводчика увлекают ученых и рядовых читателей. Проблематика собственно вторичной номинации (репрезентации) в языке занимает особое место в поле исследовательских интересов. Вторичная репрезентация трактуется как языковое представление известного концептуального содержания в косвенной форме, за счет использования вторичных языковых средств [2, с. 79]. Это может быть совершено на том же языке, на котором написан первичный текст (например, краткая аннотация статьи, на-

учный обзор, реферат, учебный текст, составленный на основе первичного научного текста), либо быть переводным вариантом, также с различной степенью компрессии либо другой трансформации, исходного текста. Число таких переводных вторичных текстов – новостных, рекламных, научно-популярных, развлекательных, – ежедневно публикуемых в сети Интернет, растет, и прогрессия определяется числом языков, на которые их переводит многочисленная армия переводчиков. В результате оказывается, что ежедневное текстовое окружение рядового пользователя Интернет-контента все в большем проценте состоит из неаутентичных текстов, несущих признаки межъязыковой интерференции и речевой деформации. К сожалению, постпереводческому редактированию в современном мире уделяется мало внимания. Границы языковой нормы в этих условиях теряют четкость, а подрастающее поколение получает все меньше шансов усвоить стандарт родного языка.

В новых условиях еще большую остроту приобретает давно озвученный вопрос о сущности перевода («Что же такое перевод – неказистая изнанка роскошного ковра (Сервантес М.), утопия (Ортега-и-Гассет) или, напротив, упорные поиски верного слова, доходящие до границ непереводимого?» [1, с. 46]), его роли в реализации межкультурных и межгосударственных задач («Перевод – в известном смысле самый совершенный вид языкового посредничества» [3, с. 13]), его влиянии на состояние рабочих языков и языковые личности участников дву- и полиязычной коммуникации.

Текст перевода – несмотря на то, что теория непереводимости не теряет актуальности – практический факт, результат «ежедневно совершаемой работы, никогда не прерываемой, ибо в ней всегда есть потребность, даже если заранее известны возможные неудачи» [1, с. 46]. Вторичная репрезентированность информации – основной критерий, позволяющий говорить об «особом лингвистическом статусе языка переводов в принимающей культуре, обусловленном рядом объективных причин лингвистического характера» [6, с. 2]. В процессе семиозиса знака естественного языка в нем происходит динамическая компрессия лингвистической и экстралингвистической информации, из чего складывается его эмерджентное содержание, с которым знак входит в лингвокультурную среду. Когнитивные теории значения основаны на способности языкового знака «активировать на различных уровнях осознаваемости всю информацию, все концептуальное содержание, связанное с ним в сознании коммуниканта» [7, с. 655]. Порождение смысла в ответ на восприятие языкового знака переводчиком в большинстве случаев идет по пути выбора одного из множества вариантов, и этот выбор также может быть отрефлексирован в большей или меньшей степени, зачастую интуитивен и нередко базируется на личных предпочтениях, истоки которых, как представляется, также уходят в подсознательное; объяснить самим себе и окружающим выбор той или иной языковой единицы мы можем такими явными обстоятельствами, как языковое окружение (соответствие стилю, вопросы лексической сочетаемости, стремление избежать тавтологии и иных признаков негармоничного текстопостроения) или прагматикой речевого акта.

В этой связи для нас особенно интересным представляется проанализировать этапы формирования вторичной языковой личности у начинающих переводчиков, обучающихся по программе специалитета «Перевод и переводоведение». Практика показывает, что в большинстве своем студенты-переводчики младшего курса работают по принципу «нет перевода – есть перевод», т.е. сам факт перевыражения текста (причем не как целостного единства, а как простой последовательности языковых знаков) средствами другого языка уже дает им право считать задачу выполненной: «Я перевел(а)». На этом этапе важным фактором формирования вторичной языковой личности переводчика становится осознание потребности не довольствоваться первым всплывшим в памяти словом при вербализации смысла исходного текста, а стараться увидеть широкую карту возможностей принимающего языка (и это еще при том условии, что смысл исходного текста понят верно, и осталось только грамотно его репрезентировать на другом языке).

Безальтернативность обыденного сознания должна постепенно вытесняться формируемыми установками и предпосылками профессионального сознания, не удовлетворяющегося сиюминутными рецептивными стимулами, но аккумулирующего и переосмысливающего обретенный опыт. «Самостоятельность, своеобразие позиции познающего субъекта» [11, с. 131] – основа для «человеческого измерения» познания; осознавая границы допустимого варьирования, оно всегда находит нишу для индивидуальной трактовки, привнесения личных смыслов и предпочтений (ибо в любой деятельности человек, хотя и в разной степени, стремится выразить себя): хороший ремесленник всегда поэт. Вторичность текста перевода и вторичность языковой личности переводчика-профессионала, тем не менее, не препятствуют «автономности [этой] личности» [9, с. 101], в частности, способности принимать обоснованные профессиональные решения, подкрепленные рациональной оценкой меры допустимого нарушения автономности текста оригинала.

Формирование языковой личности переводчика в юном возрасте, закономерно характеризующемся недостаточным опытом в самых разных предметных сферах и ограниченностью активного запаса языковых паттернов, структур, наполнения культурно- и профессионально значимых концептов, идиоматики и реалий, а также слабым наполнением индивидуальных когнитивных переводческих матриц, преимущественно происходит в условиях выбора наиболее доступной модели – дословного перевода. На данном этапе, как показывает практика, студенты обычно не замечают недостатков такой переводческой стратегии, они вполне довольны результатом и всерьез задумы-

ваются, когда слышат вопрос, сказал бы так носитель русского языка (кто-то из членов их семьи, например, или ведущий новостного канала и т.д.). Оказывается (!), что так по-русски не говорят. Это одно из первых «открытий», которое, по нашим ежегодным наблюдениям, совершает совсем юный переводчик. Второе «открытие» состоит в том, что выраженный на одном языке смысл можно передать не дословно и не единственным вариантом, хотя бы немного отклонившимся от дословного в сторону нормированной речи на принимающем языке, – а несколькими вариантами, в большей из меньшей степени удачными, но при этом потребовавшими «отключиться» от формы выражения исходного языка (за вычетом случаев ее семантической нагруженности).

Преодоление когнитивного «блока» для перехода на более высокий профессиональный уровень должно состоять в том, чтобы *отвести взгляд от текста*, обратиться внутренним взором к сути излагаемого и лишь после этого представить, каким образом выразил бы это носитель языка. По собственному признанию начинающих переводчиков, этот операциональный паттерн формируется довольно сложно, требует времени, усилий и многократного повторения. Наградой же служит осознанное: *«при дословном переводе данное предложение вообще не имеет смысла... такое предложение вряд ли можно услышать из уст носителя русского языка»* (из рассуждений студентов 2 курса в ходе выполнения перевода).

Вторичная языковая личность переводчика не может быть эффективной без рефлективного самоконтроля и способности к учету требований языковой и внеязыковой реальности. Формирование языковой личности переводчика-профессионала подразумевает «рационализацию, осуществляемую посредством представления проблемной ситуации извне, моделирование ее в целом и идеальном плане, опредмечивание собственной позиции в результате такого моделирования, проектирование различных вариантов движения в рамках модели проблемной ситуации» [11, с. 45]. Подобной позиции придерживается и В. С. Модестов, автор пособия по художественному переводу: «В художественном переводе, в отличие от оригинального творчества, значительно большую роль играют рациональные, осмысленные приемы, которые совершенствуются в процессе переводческой практики» [5, с. 18].

Сказанное справедливо для перевода текстов любых функциональных стилей и жанров. Осмысленные приемы, о которых было упомянуто, мы можем трактовать как переводческие преобразования (трансформации), широкая номенклатура, сущность и предназначение которых составляют особую компетенцию переводчика-профессионала. Их плодотворное и перспективное освоение – третье «открытие», которое совершает начинающий переводчик, поскольку профессиональный подход к переводу подразумевает осознанный и мотивированный выбор между словарным эквивалентом (возможно, из нескольких вариантов), вариантным соответствием и переводческим преобразованием (возможно, из нескольких вариантов), и этот выбор должен подтверждаться аргументами лингвистического (с учетом специфики исходного и переводящего языков) и экстралингвистического (с учетом специфики исходной и принимающей культур) планов. Когда переводчик говорит себе *«я перевожу это так потому, что...»,* он сделал свой выбор на основе комплексного анализа, который проходил одновременно по нескольким проблемным векторам, на каждом направлении возникали и отбрасывались как неудовлетворительные различные варианты, и в итоге все линии размышления удалось свести в 1 точке – найденному слову перевода.

Теоретические переводческие дисциплины способствуют усвоению операциональных шаблонов, связанных с регулярным осуществлением лексико-грамматических переводческих преобразований (преимущественно на уровне слова, словосочетания, реже – предложения), поскольку на данном этапе начинающий переводчик уже видит в них насущную потребность: *Было совершено смысловое преобразование, вместо оборота с “чернилами и ручкой” было использовано словосочетание “переносить на бумагу”, которое привычно для русскоязычных читателей...;*

...так как в русском есть устойчивое словосочетание “прибыть к финишу”, я заменила “she finished second” на “она прибыла к финишу второй”;

...оборот “second to” – прибегаю к приему модуляции и пишу “уступив”

я также меняю “of France” на “француза”, потому что это соответствует узусу русского языка;

“event” становится “гонкой”, чтобы читателю было понятно, о каком именно событии идет речь”. Исходное отсутствие когнитивных паттернов, обеспечивающих комментирование собственных переводческих решений, создает определенные трудности на данном этапе: начинающие переводчики испытывают трудности в том, чтобы отрефлексировать момент принятия решения, выразить его мотивы; для осуществления такой мыслительной деятельности в идеале требуется также свободно оперировать лингвистической терминологией во всем ее богатстве и разнообразии, разбираться в теоретических вопросах прикладной лингвистики. Однако регулярное повторение этой процедуры формирует привычку задумываться о правильности собственных переводческих решений, необходимости преобразований при переводе, их грамотном обосновании; студенты начинают свободнее пользоваться релевантными понятиями:

Достаточно сложным мне показался оборот “unpromising nautical terrain of landlocked Derbyshire”. Понятно, что говорится о Дербишире как о территории, которая неинтересна и бесполезна для тех, кто увлекается парусным спортом, так как не имеет выхода к морю. Я постаралась сжать всю заложенную в этом обороте информацию и перевела как “такая “сухопутная” местность, как Дербишир”, и дала поясняющую сноску;

В границах осознанной проблемной ситуации когнитивные механизмы демонстрируют более высокую степень зрелости: *...в первом предложении я применила трансформацию добавления: "As with many" стало "Как и бывает со многими", потому что этот оборот привычен русскоязычному читателю. Кроме того, я заменила "the signs" на "задатки", так как если перевести это слово как "знаки" (закрепленный в словаре эквивалент), будет не ясно, о каких же знаках идет речь. Очевидно, что автор статьи хотел сказать о внутреннем потенциале девушки, обусловленном наследственностью. В таких случаях мы, носители русского языка, говорим "задатки".*

По мере того как формируются навыки перевода на уровне слова и предложения, масштаб критического взгляда претерпевает изменения, появляется способность к реализации переводческих преобразований на уровне двух предложений: *из "to sail round the world" сделала причастный оборот и частично объединила со следующим предложением: "совершив одиночное кругосветное плавание за 94 дня* (А. Семенихина, 3 курс); и осознавать особенности построения более крупных фрагментов текста, сверхфразовых единств, текста как целого:

Прежде чем начать перевод, я просматриваю текст. Раскладка текста, наличие заголовка и лида указывают, что передо мной статья, а заголовок "Around the World In 94 Days" дает понять, что в тексте будет достаточно много эмотивной информации. Начинаю с заголовка: здесь присутствует явная отсылка к произведению Жюля Верна, поэтому при переводе я сохраняю аллюзию и меняю лишь количество дней <...> Перехожу к переводу лида. Он выделен курсивом, как того требуют правила написания статей. Эту особенность я тоже сохраняю. < ...> Наличие имен собственных заставило меня прочитать в Интернете статьи на эту же тему, чтобы не исказить когнитивную информацию при наличии прецедента... Название самой гонки оставила без перевода, однако посчитала нужным написать сноску с подробной информацией и транскрипцией названия (А. Семенихина, 3 курс).

Значимым этапом формирования индивидуальной когнитивной матрицы в переводе становится умение принять решение в отношении слова или выражения исходя из общей стилистической принадлежности и окраски оригинала: *...перевод "в возрасте 24 лет" показался мне слишком тяжелым для достаточно легкого стиля написания статьи* (А. Семенихина, 3 курс); *...Я допустила слова "вау, вроде", которые являются более низкими по стилю, чем обычный текст для журнала, но мне показалось, это будет уместно, так как я могу передать некую расслабленность автора, который просто хотел поделиться своим опытом* (Е. Кучинская, 3 курс).

И далее – студенты действительно начинают моделировать проблемную ситуацию (т.е. создание текста перевода) в целом и идеальном плане, проектируют различные варианты движения в рамках модели проблемной ситуации: *Для начала я решила прочитать весь текст, чтобы понять, к какому стилю он принадлежит, и как его следует при этом переводить.... При переводе я должна сохранить все черты данного стиля* (К. Шмойлова, 3 курс). В качестве яркого примера тщательно продуманного и прочувствованного предпереводческого анализа приводим следующий фрагмент:

Текст крайне художественный. Первое впечатление, возникшее у меня: писатель потрясен. В нем смешаны разные чувства: горечь от прошедшей войны, потерь, нищеты, и в то же время ослепительное счастье, шок, скрытый за словесными переливами, играющими с образами прошлого и образами абстрактностей. Текст переполнен образами, но главными для меня оказались образы родных лугов, залитых солнцем, птиц, воспевающих начало новой жизни, детей, который повезло встретить на рассвете своей жизни закат кошмарной эпохи. Читать этот текст – это как плыть по ручью, чувствовать мелкие порожки и ни на секунду не останавливаться. Писатель дал волю потоку мыслей, чувств, принесенных им в день окончания фашизма, и читателю остается только следовать за ним. Главная мысль текста – это свидетельство начала нового мира и вместе с тем как бы немой вопрос: "Каким будет этот новый мир, если у него такое прошлое?" Текст наполнен надеждой с осадком печали. Перевод обещает быть непростым (Е. Кучинская, 3 курс).

Здесь ставится вопрос еще более сложного порядка: адекватность вторичной репрезентации информации эмоционального характера. Очевидно, что для столь глубокого погружения в текст оригинала переводчику нужно обладать достаточным опытом прочитанного, пережитого и осмысленного, но в то же время не подменить в переводе авторские эмоции собственными, перевод должен оставаться переводом.

Специфика вторичной текстовой репрезентации, ее неизменной востребованности и продуктивности, должна рассматриваться, как нам представляется, в связи с основными законами развития мышления и языка, предполагающих постепенное накопление знаний и преобразование их в новое знание. Диалектические постулаты не отменяют, однако, и ставшего общим местом в современных нейролингвистических концепциях [см., напр.: 10] положения о стремлении мозга к экономии ресурсов и усилий.

Процесс вторичной номинации в когнитивном аспекте может быть представлен с учетом недавно оформившихся в науке представлений о функционировании зеркальных нейронов – систем, которые включаются, когда вы наблюдаете за тем, что делают другие. Они считаются основой возникновения человеческого языка и коммуникаций, потому что это основа имитации, способность строить модель сознания или психического состояния «Другого» [10, с. 54–55]. «Сохранение

в процессе перевода инвариантности исходного текста при наличии его потенциальной вариативности входит в сферу деятельности переводчика, который в процессе работы над текстом становится – наряду с автором – активным субъектом переводческой коммуникации, в отличие от реципиента: рефлективный смысл в поле последнего переводчик должен прогнозировать» [8, с. 54]. В этом ракурсе аксиоматичная уникальность переводческой деятельности видится как способность и необходимость одновременно восстанавливать модель сознания автора первичного текста и модель сознания потенциального (или реального) рецептора текста перевода. Этими же психофизиологическими механизмами, вероятно, опосредуются очевидные заимствования из языка исходного текста, ибо они подразумевают имитацию, экономию креативных усилий.

Здесь же необходимо отметить, что онтологически присущее человеческому сознанию стремление к разного рода уподоблениям, работе «по образцу, по шаблону» в случае с такой узкоспецифичной деятельностью, как межъязыковой перевод, у начинающих переводчиков может быть в значительной степени ограничено в силу недостатка опыта собственно перевода, а также слабой начитанности и общей эрудированности. С другой стороны, знакомство с большим количеством текстов не обеспечивает их полного запоминания и размещения в арсенале языковых решений, аккумулированных языковой личностью переводчика. Человеческую память нельзя отнести к оптимально запоминающим устройствам, поскольку объем ее ограничен, а механизм «не работает» без понимания: «...в запоминающей системе записывается не материал нашего опыта, а смысл этого материала. Люди стараются не столько запомнить, сколько понять» [4, с. 414].

Понимание того, каким образом языковые средства прочитанных текстов работают на выражение в них значений и коннотаций – всегда индивидуально, и именно накопление в памяти таких фрагментов индивидуализированного языкового и мыслительного опыта формирует тезаурус переводчика, осуществляющего вторичную репрезентацию текста. Еще раз подчеркнем, что в ежедневной работе переводчик обращается к опыту осмысленного, а не прочитанного как такового.

Переводной текст отличается от оригинального «более частым использованием структур, аналогичных структурам ИЯ; обилием искусственно созданных единиц, отображающих формальные признаки иноязычных единиц» [6, с. 9]. Такие разноуровневые заимствования вполне оправданы, поскольку в ряде случаев не представляется возможным нивелировать неконгруэнтность лингвокультурологических параметров языков, участвующих в межъязыковом контакте – в чем и состоит объективное обоснование для предоставления языку перевода особого статуса [там же: с. 10].

Межъязыковая интерференция и трансференция объясняются тем, что переводчик находится под языковым гипнозом подлинника; здесь также следует принимать во внимание и «гипноз» предыдущего опыта переводчика, единожды оказавшееся удачным соответствие используется с той или иной степенью автоматизма в подобных текстовых ситуациях, хотя в новом контекстуальном окружении старое решение может оказаться менее удачным. В результате язык переводных текстов зачастую оказывается заметно однообразным и клишированным (особенно при переводе с родного на иностранный), что объясняется временными ограничениями, отсутствием стратегической задачи завершать работу над текстом постпереводческим саморедактированием и общей установкой на то, что переводной текст все равно не будет восприниматься как оригинальный: правило «языковая палитра перевода не столь богата, как в оригинальном тексте».

Важно отметить, что идею о том, что текст перевода может восприниматься как 100%-ное воспроизведение подлинника, полностью реализующее его коммуникативно-прагматические, структурные и содержательные особенности, следует, по всей видимости, признать утопией. Установлено [напр.: 6], что переводной текст воспринимается как специалистами, так и неспециалистами как вторичный, отличающийся от непереводных текстов. Приступая к переводу, мы представляем его идеальный образ как 100%-ное воспроизведение подлинника, однако по ходу работы оказываются неизбежными потери, уступки, оговорки. От профессионального разочарования переводчика-перфекциониста могут спасти лишь удачные переводческие решения, говорящие о его компетентности.

Текст перевода вторичен как по отношению к оригиналу, так и к ранее выполненным переводам этого же переводчика: накапливая опыт пережитых проблемных ситуаций принятия переводческих решений, он обретает готовые формулы, которыми пользуется в сходных текстовых ситуациях с той или иной степенью автоматизма (что не всегда положительно сказывается на результате). Этот процесс хотя и несколько упрощает задачу, требует постоянного самоконтроля и рационализации со стороны переводчика, выработки особой привычки к непредвзятому постпереводческому анализу и саморедактированию. В этой связи представляется важной детальная разработка типологии языковых особенностей переводных текстов в их сравнении с оригинальными, а также обоснование и систематизация перечня возможных случаев обоснованного отступления от оригинала, что помогло бы начинающим переводчикам сориентироваться в мере допустимой профессиональной свободы.

Таким образом, тезаурус и отработанные операциональные механизмы перевода формируют индивидуальную лингвокогнитивную матрицу переводчика, которая позволяет осуществлять вторичную репрезентацию новой информации в режиме экономии когнитивных усилий, поскольку осуществляется с опорой как на первичный текст, так и предшествующий персональный переводческий опыт.

Литература

1. Ажеж К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки. М.: Едиториал УРСС, 2003. 304 с.
2. Болдырев Н. Н. Вторичная репрезентация как особый тип представления знаний в языке // Филологические науки. 2001. № 5. С. 79–86.
3. Латышев Л.К., Семенов А.Л. Перевод: Теория, практика и методика преподавания. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 192 с.
4. Лингдсей П., Норман Д. Переработка информации у человека. М.: Мир, 1974. 552 с.
5. Модестов В. С. Художественный перевод: история, теория, практика. М.: Издательство Литературного института им. А.М. Горького, 2006. 463 с.
6. Палагина О. И. Сопоставительный анализ лингвистических характеристик языка переводов (на материалах английского и русского языков): автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.02.20. М., 2008. 17 с.
7. Пшенкина Т. Г. Особенности вербального представления ментального содержания в переводческом посредническом процессе // Язык и ментальность: сборник статей. СПб.: СПбГУ, 2010. С 654–660.
8. Серебрякова С. В. Потенциал разновременных переводов как возможных интерпретаций текста оригинала: в поисках инварианта перевода // Метапоэтика: Сб. ст. научно-метод. семинара «Textus»: В 2-х ч. Ставрополь: Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2010. Вып. 2. Ч. 1. С.49–59.
9. Серебрякова С. В., Серебряков А. А. К проблеме формирования языковой личности лингвиста-переводчика // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Педагогика и психология». 2012. Вып. 3(103). С. 96–102.
10. Черниговская Т. В. Свобода воли и нейроэтика // Почему наш мир таков, каков он есть. Природа. Человек. Общество: [сборник] / сост. А. Алексеенко. М.: АСТ: CORPUS, 2015. С. 40–59.
11. Швырев В. С. Рациональность как ценность культуры. Традиция и современность. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 176 с.

References

1. Azhezh K. Chelovek govoryashchiy: Vklad lingvistiki v gumanitarnyye nauki *(The man who speaks: Contribution of linguistics to the Humanities).* Moscow: Editorial URSS, 2003. 304 p.
2. Boldyrev N. N. Vtorichnaya reprezentatsiya kak osobyy tip predstavleniya znaniy v yazyke *(Secondary representation as a special type of knowledge representation in the language)* // Filologicheskiye nauki. 2001. No. 5. P. 79–86. (In Russian)
3. Latyshev L. K., Semenov A. L. Perevod: Teoriya. praktika i metodika prepodavaniya *(Translation: Theory, practice and teaching methods).* Moscow: Akademiya publ.. 2008. 192 .
4. Lingdsey P., Norman D. Pererabotka informatsii u cheloveka *(Information processing in humans).* Moscow: Mir publ., 1974, 552 p.
5. Modestov V. S. Khudozhestvennyy perevod: istoriya. teoriya. praktika *(Literary translation: history, theory and practice).* Moscow: Izdatelstvo Literaturnogo instituta im. A.M. Gorkogo. 2006. 463 p.
6. Palagina O. I. Sopostavitelnyy analiz lingvisticheskikh kharakteristik yazyka perevodov (na materialakh angliyskogo i russkogo yazykov) *(Comparative analysis of linguistic characteristics of the translation language (based on the materials of English and Russian languages):* abstract of thesis. Moscow, 2008. 17 p.
7. Pshenkina T. G. Osobennosti verbalnogo predstavleniya mentalnogo soderzhaniya v perevodcheskom posrednicheskom protsesse *(Features of mental content' verbal representation in the translation mediation process)* // Yazyk i mentalnost: sbornik statey. St.Petersburg: SPbSU publ, 2010. P. 654–660.
8. Serebryakova S. V. Potentsial raznovremennykh perevodov kak vozmozhnykh interpretatsij teksta originala: v poiskakh invarianta perevoda *(Potential of multi-time translations as possible interpretations of the original text: in search of translation invariant)* // Metapoehtika: Sb. st. nauchno-metod. seminara «Textus»: In 2 Vols. Issue. 2. Part. 1. Stavropol: SSU publ., 2010. P.49–59.
9. Serebryakova S. V., Serebryakov A. A. K probleme formirovaniya yazykovoy lichnosti lingvista-perevodchika *(On the problem of forming the linguistic personality of a linguist-translator)* // Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pedagogika i psikhologiya». 2012. Issue. 3(103). P.96–102.
10. Chernigovskaya T. V. Svoboda voli i neyroetika *(Will freedom and neuroethics)* // Pochemu nash mir takov. kakov on est. Priroda. Chelovek. Obshchestvo. Moscow: AST: CORPUS publ., 2015. P. 40–59. (In Russian)
11. Shvyrev V. S. Ratsionalnost kak tsennost kultury. Traditsiya i sovremennost *(Rationality as a value of culture. Tradition and modernity).* Moscow: Progress-Traditsiya publ., 2003. 176 p.

Сведения об авторе

Пиванова Элина Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / epivanova@ncfu.ru

Information about the author

Pivanova Elina – PhD in philology, Associate Professor, Department for Translation Studies, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / epivanova@ncfu.ru

УДК 81.25 : 347.78.034

С. В. Серебрякова, П. П. Банман

ЛИНГВОЭКСПЕРТНЫЙ АНАЛИЗ ПЕРЕВОДА МЕМУАРНО-АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО ТЕКСТА

В статье рассматриваются подходы к определению специфики лингвистической экспертизы переводного текста, целью которой помимо оценки качества перевода являются установление переводческого заказа и вероятных прагматически обусловленных причин расхождений с исходным текстом. В работе описан имеющийся в распоряжении переводчика инструментарий для проведения экспертизы перевода. Наиболее разработанной и востребованной является практика выявления ошибок посредством сопоставления оригинала и переводного текста. В качестве материала для исследования послужил англоязычный мемуарно-автобиографический текст Х. Э. Верольме (1930), повествующей о жизни в концентрационных лагерях, перевод которого на немецкий язык выполнен М. Пресслер (1940–2019). Выявлены ошибки при передаче когнитивной и эмоциональной информации, которые относятся к доминантам перевода мемуарно-автобиографических текстов авторов, переживших Холокост. Опущению либо прагматической адаптации подвергаются единицы, несущие когнитивную информацию: антропонимы, названия концентрационных лагерей, название организации, стилистически окрашенные лексические единицы. Установлено, что данные отступления от оригинала обусловлены учетом фактора адресата, т.е. немецкоязычного реципиента, и имеют под собой прагматические причины. Показано, что выполненный перевод соответствует действующему в Германии Европейскому стандарту EN15038:2006, согласно которому перевод должен соответствовать рекомендациям клиента, относящимся к полученному заказу на перевод. Таким клиентом в нашем случае является издательство, которое указало, что редактор сотрудничал с автором, и текст был сокращен для немецкоязычного читателя, хотя автор оригинала не подтверждает своего участия в процессе перевода.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза перевода, мемуарно-автобиографический текст, переводческая ошибка, прагматическая адаптация при передаче когнитивной и эмоциональной информации, фактор адресата, переводческий заказ.

Svetlana Serebriakova, Polina Banman

LINGUO-EXPERT ANALYSIS OF MEMOIR-AUTOBIOGRAPHIC TEXT TRANSLATION

The article discusses approaches to determine peculiarities of linguistic examination of the target text, the purpose of which, in addition to assessing the quality of a translation, is to establish a translation task and to reveal probable pragmatically determined reasons for discrepancies with the source text. The article describes the tools available to the translator to conduct translation expertise. The most developed and demanded is the practice of detecting mistakes by comparing the source text and the target text. The material of the study is the English-language memoir-autobiographical text of H.E. Verolme (1930), which tells about life in the concentration camps. It was translated into German by M. Pressler (1940 – 2019). Mistakes were revealed in the transmission of cognitive and emotional information that relate to the dominants of the translation of memoir-autobiographical texts of Holocaust survivors. Units that carry cognitive information: anthroponyms, names of concentration camps, the name of the organization, stylistically colored lexical units are omitted or pragmatically adapted. It was revealed that these deviations from the source text are due to the recipient factor, i.e. German-speaking recipient, and have pragmatic reasons. It is shown that the translation complies with the European standard EN15038: 2006 in force in Germany, according to which the translation must comply with the client's recommendations regarding the received translation task. Such a client in our case is a publishing house, which indicated that the editor had collaborated with the author, and the text was shortened for the German-speaking reader, although the author of the original does not confirm her participation in the translation process.

Key words: linguistic expertise of translation, memoir-autobiographical text, translation mistake, pragmatic adaptation by the transmission of cognitive and emotional information, recipient factor, translation task.

На данный момент память о событиях, связанных со Второй мировой войной и Холокостом, является предметом ожесточенных дискуссий, многие европейские политики пытаются пересмотреть ее итоги, расставить иные акценты, приуменьшить значение Советского Союза в победе над национал-социалистической Германией. Многочисленные публикации в прессе, появившиеся по случаю юбилейных мероприятий освобождения концентрационного лагеря Аушвиц в январе 2020 г., это подтверждают. Данные факты, на наш взгляд, говорят о необходимости тщатель-

ного изучения различных источников, в том числе и мемуарно-автобиографических текстов, авторы которых являются непосредственными участниками исторических событий. Подобные тексты, как полагаем, могут помочь избежать пересмотра истории.

В качестве материала для данной статьи используется англоязычный мемуарно-автобиографический текст Х. Э. Верольме (1930), автора, пережившего Холокост, и его перевод на немецкий язык. Актуальность именно данного объекта изучения видится в том, что скоро в живых не останется очевидцев данных событий, поэтому пока есть возможность задать вопросы по тексту автору, их можно и нужно задавать. На первый план в нашем исследовании, целью которого является лингвистическая экспертиза перевода оригинального англоязычного текста на немецкий язык, выходит выявление ошибок, допущенных при воспроизведении доминант мемуарно-автобиографического текста, а также установление прагматических причин принятия отдельных переводческих решений. Знание критериев и инструментов для проведения лингвистической экспертизы перевода является необходимым как для профессиональных переводчиков и критиков перевода, так и для преподавателей переводческих дисциплин и студентов соответствующих специальностей. Принципиально важной является разработка инструментария для проведения экспертизы перевода, которая должна представлять собой сбалансированную систему между нормами языка и права. В свете проводимого нами исследования согласимся с мнением Т. А. Казаковой и А. В. Ачкасова, которые указывают на востребованность подобного вида экспертизы и для деятельности издательств [2, с. 325], поскольку многие мемуарно-автобиографические тексты авторов, переживших Холокост, остаются пока непереведенными на русский язык. В связи с этим видится необходимой разработка соответствующих рекомендаций по их переводу.

Лингвистическая экспертиза перевода, требующая «объективной оценки действий самого переводчика и выводов об обоснованности и последствиях принятых им решений» [2, с. 326–327], является новым видом в лингвистической экспертологии. В нашем исследовании мы будем трактовать лингвистическую экспертизу перевода в качестве специфического вида деятельности переводчика-эксперта, неотъемлемыми элементами которой являются: а) оценка качества перевода; б) определение прагматики переводческого заказа; в) определение информационного статуса расхождений; г) установление их вероятных причин. Укажем на отсутствие дефиниции данного переводческого термина как в «Толковом переводческом словаре» Л. Л. Нелюбина (2009) [4], так и в терминологическом словаре-справочнике «Основные понятия переводоведения (Отечественный опыт)» (2010) [5], что говорит о необходимости проведения дальнейших исследований для уточнения объема данного переводческого термина.

Обратимся к оценке качества перевода, основными инструментами которой, в зависимости от поставленных перед переводчиком задач, могут выступать: составление перечня ошибок и отклонений; выявление подходов к пониманию понятия «эквивалентность»; выполнение обратного перевода; установление степени соответствия частным указаниям заказчика и определение коммуникативного намерения переводчика и прагматики переводческого заказа. Наиболее разработанной и чаще всего применяемой является **практика выявления ошибок**. В исследованиях, посвященных классификации ошибок, обращались Н. К. Гарбовский [1], В. В. Сдобников [9], А. Б. Шевнин [12] и многие другие. Существующие классификации построены на разных основаниях: с точки зрения языка и логичности; по степени дезинформирующего воздействия; по степени мотивированности/ запланированности; по этапам перевода; по прагматической значимости; по причинам возникновения ошибок и др.

Научный интерес представляют труды немецких исследователей. Так, К. Норд указывает на отсутствие единых норм и правил для осуществления всех видов перевода, поэтому было бы неправильно использовать определение ошибки, распространенное при обучении иностранным языкам: отклонение от нормы и системы правил [18, с. 385]. Автор отдает предпочтение прагматическому подходу к определению ошибки: ошибочность того или иного выражения не является характеристикой его как такового, она приписывается ему реципиентом. В зависимости от применяемого стандарта один и тот же перевод может быть оценен как допустимый (akzeptabel), адекватный (adäquat) или правильный (korrekt), либо, наоборот, получит отрицательную оценку [там же]. Исходя из функционального понимания перевода, стандарт, по которому оценивается качество перевода, определяется поставленной перед переводчиком задачей, поэтому переводческой ошибкой будет считаться, в понимании К. Норд, именно невыполнение данных задач (невыполнение переводческого заказа). Исследователь далее отмечает, что любой перевод может быть оценен только с учетом конкретной, поставленной перед переводчиком целеустановки. На основании данного положения К. Норд предлагает следующую классификацию ошибок:

а) прагматические ошибки, возникающие в связи с недостаточным учетом прагматики текста перевода;

б) этнокультурные ошибки, возникающие в связи с принятием переводчиком функционально неадекватного решения в отношении использования адаптации текста к нормам языка перевода;

в) формальные ошибки, возникающие в результате недостаточного учета формальных критериев.

Каждый из приведенных пунктов снабжен более детальной классификацией, приводится также подробная систематизация языковых ошибок [18, с. 386].

Для осуществления лингвистической экспертизы перевода важным является также **определение понятия «эквивалентность»**, которое трактуется в переводоведении неоднозначно. В нашем случае целесообразно взять за основу классификацию видов эквивалентности В. Коллера, который выделяет денотативную, коннотативную, прагматическую, текстуально-нормативную и формально-эстетическую эквивалентность [17]. Остановимся ниже на ошибках, допущенных при достижении денотативной и коннотативной эквивалентности как доминантах перевода мемуарно-автобиографического текста, в то время как выявление ошибок при достижении текстуально-нормативной и формально-эстетической эквивалентности останется на периферии нашего внимания.

Выполнение обратного перевода как инструмент лингвистической экспертизы перевода особо поддерживается заказчиками, при этом в качестве доказательства правильности перевода выступает переводимость текста на исходный язык, «то есть полное совпадение с оригиналом в результате обратного перевода, выполненного независимым переводчиком» [2, с. 326]. Для нашего материала данная практика вряд ли применима.

Значимым можно считать **определение коммуникативного намерения** переводчика, объективную оценку его действий и анализ причин, обоснованности и последствий, принятых им решений, учет личности переводчика, его языкового, культурного и когнитивного опыта.

Материал нашего исследования представляет собой мемуарно-автобиографический текст, для которого характерны как информативность, так и экспрессивность повествования: когнитивная информация сопровождается экспрессивной оценкой описываемых событий. Данные особенности как доминанта перевода мемуарно-автобиографического текста должны быть сохранены в качестве инварианта плана содержания.

Важной в переводческом и экспертном плане является, несомненно, экстралингвистическая информация. Так, Хетти Эстер Верольме, урожд. Веркендам, родилась в 1930 г. в Бельгии. В 1931 г. ее семья переехала в Нидерланды, в Амстердам. В 1943 г. Х. Э. Верольме, а также ее родители и братья, были арестованы во время облавы. Сначала их поместили в концентрационный лагерь временного размещения Вестерборк, а затем перевезли в концентрационный лагерь Берген-Бельзен. В декабре 1944 г. из лагеря забрали отца, а потом и мать, Х. Э. Верольме осталась в лагере со своими двумя братьями. Несмотря на то, что семья была разлучена, они все остались живы и встретились после войны. 15 апреля 1945 г. Берген-Бельзен был освобожден британцами. Незадолго до этого (в феврале/марте 1945 г.) буквально в нескольких десятках метров от детского барака в лагере от тифа умерла Анна Франк, дневник которой является классическим примером литературы Холокоста.

Перевод на немецкий язык выполнен Мириам Пресслер (1940–2019), которая является известной немецкой писательницей и переводчицей, автором перевода более 300 книг с английского, голландского и иврита, среди них целый ряд книг, посвященных Шоа и Холокосту, в том числе и дневник Анны Франк.

Исходя из преобладания в мемуарно-автобиографическом тексте когнитивной и эмоциональной информации, а также с учетом того, что при проведении экспертизы необходимо разграничение «фактуальных сведений и субъективного мнения автора» [7, с. 345], рассмотрим ошибки именно при передаче данных видов информации и попытаемся установить причины, которые привели переводчика к принятию того или иного решения. При этом традиционно основное внимание будет уделено «любому отклонению от стереотипного соответствия, зафиксированного двуязычными словарями, грамматическими или стилистическими справочниками или сложившейся безусловной традицией» [2, с. 327].

Ошибки при передаче когнитивной (фактуальной) информации, к которой относятся объективные сведения, сообщения о событиях, явлениях, произошедших или происходящих в конкретных условиях места и времени. Спецификой данного вида информации является возможность ее проверки. В тексте немецкоязычного перевода обнаружены ошибки, связанные с денотативным содержанием, которые проявляются опущением информации или ее прагматической адаптацией (заменой). Наиболее ярким примером полного опущения когнитивной информации является для нас следующий пример:

From there (Westerbork) you were sent to different Cams in Germany – Sachsenhausen, Buchenwald, Ravensbrück, Dachau, Neuengamme, Mauthausen and Oranienburg. In Poland it was Auschwitz, Birkenau, Sobibor, Blechhammer, Gleiwitz and Monowitz [20, p. 31]. В немецкоязычном переводе данное предложение опущено полностью. Переводчица посчитала перечисление названий многочисленных лагерей шокирующим и, очевидно, неприемлемым для современного немецкого читателя, что недопустимо при полноценном переводе оригинала. Отметим, что такие опущения не единичны. Так, в примерах ниже при переводе опущены названия концлагерей – Треблинка и Заксенхаузен:

Herman's watch, which had never left my wrist since ***he was sent to Treblinka****, showed three o'clock [20, p. 57] – Hermans Uhr, die ich nicht vom Handgelenk genommen hatte,* ***seit er deportiert worden war****, zeigte drei Uhr* [21, S. 62].

We were relieved that ***he was not going to be sent away to Sachsenhausen*** [20, p. 64] – Wir waren erleichtert, ***dass er nicht weggeschickt würde*** [21, S. 70].

В результате таких переводческих решений не передана важная информационная составляющая исходного текста, при этом под информацией понимается информация как независимая данность, которая, согласно переводческим нормативам является инвариантом полноценного перевода. В данном случае замалчивается мас-

штаб трагедии, реципиент не узнаёт, в какие лагеря отправлялись заключенные и что они были многочисленны. Перевод, ориентированный на целевую немецкоязычную аудиторию, кроме информационных потерь утрачивает и эмоциональную составляющую оригинала. В подобных случаях имеет место так называемый «локализованный» или цензурированный перевод, хотя, как полагаем, названия концлагерей выполняют в исходном тексте текстоконституирующую и когерентную функции.

Исследовательского экспертного внимания заслуживает и следующий контекст:

I opened my eyes for a second or two and vaguely saw Sister Luba and ***Doktor Bimko*** *standing near my bed* [20, p. 222] – *Für einen Moment öffnete ich die Augen und sah Schwester Luba und* ***einen Arzt*** *neben meinem Bett stehen* [21, S. 241].

Здесь речь идет о докторе Аде Бимко. Фактологический материал подтверждает, что в лагере Берген-Бельзен работала Хадасса Бимко Розензафт (1912–1997) [22]. Однако переводчик в немецкоязычном тексте опускает ее имя и даже меняет пол. Вероятно, подобный подход может быть связан со статьями 1 и 2 Основного закона Германии, которые постулируют неприкосновенность достоинства человека [13]. Аналогичное требование находим на сайте российско-германского проекта по оцифровке германских документов в архивах Российской Федерации: «Сведения, касающиеся частной жизни конкретных физических лиц, их личных отношений и имущества, не подлежат использованию либо могут быть использованы исключительно в обезличенном виде» [6]. На вопрос о том, можно ли упоминать имена и использовать в своей биографии фотографии, сделанные другими лицами, один из адвокатов сайта «Немецкие адвокаты: горячая линия» рекомендует перепроверять, не являются ли описываемые ситуации неприемлемыми для упоминаемого лица. В зависимости от того, насколько известным является то или иное лицо и насколько велик интерес общественности к данной информации, «пространство для маневра» может варьироваться. Иными словами, дать конкретный прогноз о том, какое упоминание может быть «чистым» в правовом плане, а какое нет, вряд ли представляется возможным. При более глубоком рассмотрении это означает, что необходимо изучать возможность использования каждого имени отдельно. Безусловно, просто упоминание имени не является юридически значимым, главное внимание уделяется тому, в каком контексте данное имя используется [19].

Наиболее интересным примером манипулирования когнитивной информацией являются контексты, в которых речь идет о деятельности «Красного Креста» во время Второй мировой войны. Подобные пассажи переведены на немецкий язык с использованием переводческих приемов опущения и замены с генерализацией значения. В исходном тексте Х. Э. Верольме вспоминает о том, как в лагерь Берген-Бельзен приезжала инспекция «Красного Креста». На протяжении пяти страниц автор регулярно упоминает название этой организации (в 12 предложениях), в переводе же название организации использовано всего единожды. Например, в следующих предложениях:

The Red Cross people *were talking to Sister Luba and the other sisters…* ***One of the Red Cross people*** *could speak German. Frau Stania also stood near the Red Cross people… Then* ***the Red Cross people*** *came over to the table to speak to the children…* [20, p. 204], которым в переводе соответствуют следующие: ***Die Gäste der Delegation*** *unterhielten sich mit Schwester Luba und den anderen Schwestern…* ***Einer der Männer dieser Abordnung*** *sprach Deutsch. Frau Stana stand* ***daneben*** *… Dann kamen* ***die Leute*** *zum Tisch, um sich mit den Kindern zu unterhalten* [21, S. 221].

В ряде приведенных выше предложений считаем использование переводчиком таких приемов, как опущения/замены, частично оправданным по стилистическим причинам: в оригинале имеют место повторы, которые, однако, нельзя считать случайными: автор и стремилась многократно усилить впечатление, связанное с ожиданиями узников помощи от этой авторитетной организации. Однако в некоторых случаях данное переводческое решение (опущение) приводит к искажению исходной когнитивной информации:

What a show the SS put on, with the help of all of us, to deceive ***the Red Cross*** [20, p. 206] – *Aber was für ein Theater die SS mit unser aller Hilfe aufgezogen hatte!* [21, S. 223]. *The visit from* ***the Red Cross*** *aroused a wild longing to be free* [20, p. 206] – *Der Besuch der* ***Delegation*** *hatte eine wilde Sehnsucht nach Freiheit in mir geweckt* [21, S. 223].

Полагаем, данное решение переводчика (редактора/ издательства) связано с нежеланием подвергать однозначному сомнению репутацию «Красного Креста»: (без)действие «Красного Креста» во время войны вызвало множество острых дискуссий и негативных оценок в обществе. Инспекция представителей данной организации не привела к каким-либо позитивным изменениям в жизни заключенных в лагере, вспоминает Х. Э. Верольме. Сходная ситуация наблюдалась и в других лагерях.

Отметим, однако, что при описании событий уже после освобождения лагеря Берген-Бельзен, название данной организации, приведенное в оригинале, повсеместно сохраняется в немецком переводе:

Soldiers with ***Red Cross*** *bands on their arms came into the dormitory…* [20, p. 243] – *Soldaten mit Rotkreuzbinden an den Armen kamen in den Schlafraum…* [21, S. 265]. *With him came a few people from* ***the Red Cross*** [20, p. 235] – *Er wurde von einigen Leuten vom* ***Roten Kreuz*** *begleitet* [21, S. 256].

Ошибки при передаче эмоциональной информации также обусловлены прагматически, в основном фактором адресата. Отклонения от оригинала связаны, в первую очередь, с передачей стилистических особенностей оригинала в сторону смягчения / эвфемизации / нейтрализации, элиминации авторской, в основном, нега-

тивной оценки в переводе. Можно согласиться с мнением Е. Р. Россинской и Е. И. Галяшиной, которые указывают на невозможность проверить то или иное эмоционально-оценочное суждение автора [7], однако с точки зрения перевода при экспертном анализе мемуарно-автобиографического текста считаем, что нет необходимости проверять утверждение, содержащее оценку, на соответствие действительности. Принципиальным, однако, является сохранение характера и вектора авторской оценки: если она отрицательная, то шкала не должна быть сдвинута в нейтральную сторону, что мы наблюдаем, например, при переводе стилистически окрашенного слова *bastards*. Приведем несколько примеров, демонстрирующих опущение стилистические окрашенного слова и стилистическую нейтрализацию:

If my grandmother Hetty and Grandpa Zadok had found these people ***instead of those bastards who had betrayed them****, they may still have been alive* [20, p. 274] – *Wenn meine Großmutter Hetty und mein Großvater Zadok solche Menschen gefunden hätten, dann waren sie vielleicht noch am Leben* [21, S. 299].

'Did the ***bastards*** *come to take you away?'* [20, p. 28] – *„Sind diese* ***Kerle*** *gekommen, um Sie abzuholen?“* [21, S. 29].

Ярким примером использования опущения с потерей стилистической окраски является следующий текстовый фрагмент. Приказ старосты барака освободить шкаф, в котором семья хранила свои вещи, вызвал у Хетти волну ненависти:

This German ***bitch****, I thought, she was a refugee in Holland. While here, because she could speak the language, she had powers to humiliate the Dutch people who had given her shelter* [20, p. 53].

Данный контекст полностью элиминирован в переводе, что недопустимо в плане обеспечения эквивалентности. Далее, рассказывая о сложившейся ситуации своему брату, она использует то же самое грубое ругательство *barrack* ***bitch***, эквивалентом которого в тексте перевода является также грубое *Barracken****schlampe***, опущение уже не используется.

Интерес в лингвоэкспертном плане вызывают не сами по себе переводческие решения, которые мы считаем неправомерными, а те причины, по которым они были приняты переводчиком. Здесь речь не идет ни о непонимании сути переводческой деятельности, ни о недостаточных знаниях языка или недостаточном когнитивном опыте переводчика [1, с. 375], поскольку трудности при переводе указанных выше лексических единиц просто не могут возникнуть: речь идет о единицах, имеющих зафиксированные словарные соответствия. В процессе лингвоэкспертного анализа был выявлен целый ряд подобных ошибок, что дает основание утверждать, что это не случайные решения, а целенаправленные, обусловленные экстралингвистическими факторами. В переводоведении существуют классификации переводческих ошибок с опорой на принцип их мотивированности/немотивированности, запланированности/незапланированности. Под «мотивированными» понимаются изменения содержания оригинала переводчиком «в соответствии со способностями читателей или особенными требованиями (политическими требованиями)» [11, с. 31–32]. «Немотивированные» ошибки совершаются из-за недостаточного уровня знаний. В рассматриваемом переводе автобиографического текста с английского языка на немецкий считаем выявленные нами ошибки мотивированными и запланированными. Более того, придерживаясь тезиса, что «как правило, большинство трансформаций совершаются переводчиком сознательно, в результате постижения смыслов полей, отражающих индивидуальное видение текста всеми субъектами переводческой коммуникации» [3, с. 145], можно говорить о намеренной коммуникативно-прагматической установке переводчика и редактора/ издательства, отраженного в заказе/договоре на перевод оригинала именно для немецкоязычного реципиента.

Используемый нами в качестве материала для лингвоэкспертного анализа перевод на немецкий язык опубликован издательством «Weltbild» (2009) по лицензии издательства «Beltz Verlag» (2005). Выявив указанные расхождения оригинала и перевода, мы обратились в издательство «Beltz Verlag», однако они ответили лишь, что в свое время редактор тесно сотрудничал с автором и текст был обработан и сокращен для немецкого читателя («Der Lektor dieses Buches war in ständigem Kontakt mit Hetty Verolme und hat seinerzeit mit ihr zusammen den Text für die deutsche Ausgabe bearbeitet und gekürzt» – письмо от 19.09.2019). Вопросы о причинах принятия тех или иных переводческих решений остались, таким образом, без ответа, так же как и просьба о возможности связаться с редактором. Однако полагаем, что это именно позиция издательства, поскольку данные решения в полной мере соответствуют принятому в 2006 г. и действующему в Германии Европейскому стандарту EN15038:2006 Services to the population – Translation services – Service requirements (Услуги населению. Услуги переводческие. Требования к услугам). Согласно данному стандарту, «переводчик обязан перевести смысл текста с исходного языка на язык перевода таким образом, чтобы переведенный текст соответствовал правилам языка перевода и рекомендациям клиента, относящимся к полученному заказу на перевод» [14]. В Стандарте перечислены пункты, на которые переводчик должен обратить внимание в процессе посреднической деятельности, к основным относятся терминология, грамматика, лексика, стиль, специфические особенности и целевая группа. Именно учет целевой группы перевода (target group) обусловил, по нашему мнению, отклонения и ошибочные преобразования, выявленные в процессе сопоставительного анализа текстов оригинала и перевода. Внесенные в перевод анализируемого переводного текста изменения объясняются необходимостью «адаптировать» текст для целевого немецкоязычного реципиента. В данном случае из выделенных В. В. Сдобниковым стратегий

перевода имеет место стратегия переадресации, предполагающая сохранение коммуникативной интенции автора, но уже адаптированной к другому типу адресата [8], что можно считать проявлением когнитивного диссонанса в оценке описываемых событий [10, с. 139] автором оригинала и переводчиком.

Причиной прагматической адаптации послужил, таким образом, «фактор адресата», желание не травмировать лишний раз немецкоязычного читателя, уставшего от постоянной «активации» чувства коллективной вины. О подобном нежелании напоминать об этом пишет в своей мемуарно-автобиографической книге «Жизнь продолжается» Р. Клюгер, которая также является автором, пережившим Холокост: «Подумайте только: в Аушвице в результате отравления газом для дезинсекции ушло из жизни столько-то и столько-то человек (я не хочу сейчас еще раз напоминать вам о том, сколько точно человек это было, потому что я знаю, вам это не понравится, и вы потеряете интерес, если вдруг услышите здесь эти цифры)» (перевод наш) [16, с. 140].

Важным фактором является и то, кто осуществляет оценку перевода. Полагая, что это может быть и автор текста, мы обратились к Х. Э. Верольме в фейсбуке с вопросом о ее мнении о переводе, указав при этом на имеющиеся расхождения. Ответ был следующим: *Я прочитала все слова, которые привели вас в замешательство. Нет, я не была вовлечена в процесс перевода, но я думаю,* ***что они подошли близко... Для немецкого читателя она [переводчица] сделала все возможное и поняла большую часть истории, чтобы изобразить то, что произошло*** (перевод и выделение наши) (I have read all the words which you find confussing. No I was not involved with the translation but I think that they came close. … For the German reader she has done her best and got most of the story to portray what happened – 11.11.2019). Таким образом, выявленные нами в процессе линвоэкспертного анализа ошибки автор таковыми не считает, проявляя «высокую толерантность к диссонансу» [10, с. 142], возникшему в процессе лингвоэкспертной оценки перевода, которую можно осуществлять с разных позиций.

Коротко результаты исследования могут быть представлены в следующей таблице.

Таблица 1

Ошибки и их причины при переводе англоязычного мемуарно-автобиографического текста автора, пережившего Холокост, на немецкий язык

	Тип текста	Виды информации	Характеристика	Средства (например)	Вид эквивалентности	Ошибки	Причины появления ошибок
Мемуарно-автобиографический текст	информативный	когнитивная	точность	топонимы, антропонимы, названия организаций, числовые данные	денотативная	опущение, генерализация, замена	ориентация на немецкоязычного реципиента
	экспрессивный	эмоциональная	регистр языка	стилистически окрашенная лексика	коннотативная	опущение, стилистическая нейтрализация	ориентация на немецкоязычного реципиента, позиция редакции

Проведенное исследование доказывает, что лингвистический анализ перевода является сложной процедурой. В задачи специалиста, осуществляющего подобную экспертизу, входит не только выявление ошибок, но и необходимость установления сути переводческого заказа, а также причин, которые привели к использованию тех или иных преобразований. Лингвистический анализ перевода должен проводиться по нескольким аспектам, основными в числе которых являются анализ формальной и содержательно-смысловой стороны речевого произведения, а также выявление позиции и «проявления» переводчика. Наш анализ позволил выявить ошибки при достижении как денотативной, так и коннотативной эквивалентности. Нарушение денотативной эквивалентности было отмечено, прежде всего, при передаче ряда имен собственных, числовой информации. Коннотативная эквивалентность не была обеспечена в случаях, когда автор оригинала крайне негативно отзывается о немцах, используя, в том числе, и обсценную лексику, которая переводилась на немецкий язык с использованием стилистической нейтрализации. Полагаем, что данный перевод в целом демонстрирует приоритетную важность достижения прагматической эквивалентности: об этом свидетельствует использование опущений, замен и стилистической нейтрализации.

В процессе исследования экспертизе был подвергнут также семантический уровень мемуарно-автобиографического текста автора, пережившего Холокост. Основной чертой данного уровня является оппозиция «мы – они». Как по-

казал анализ, в тексте перевода степень данного архетипического противопоставления несколько уменьшена, что еще раз подтверждает валидность указанной причины прагматической адаптации в переводе – учет фактора немецкого адресата перевода, который, возможно, знает об этом (количество подобных произведений исчисляется сотнями), но больше не готов испытывать чувство вины за то, чего он не совершал. Перевод контекстов, рассмотренных выше, можно обозначить локализацией в понимании Б. Эсселинка: «придание программному продукту приемлемых качеств для целевого языка (страны/региона), где он будет использоваться и продаваться» [15].

Возникают правомерные, на наш взгляд, вопросы о важности соблюдения профессиональных стандартов и профессиональной этики: имеет ли переводчик вообще право вносить подобные изменения в текст, и необходимы ли в подобных случаях в тексте перевода какие-либо комментарии. С одной стороны, в анализируемом тексте нет примечаний и комментариев со стороны издательства, т.к. среднестатистический реципиент, безусловно, не будет сравнивать оригинал с переводом. С другой стороны, проведенный анализ вызывает чувство, что тебя ввели в заблуждение.

Подводя итог, отметим актуальность проведенного исследования, акцентирующего важность изучения текста глазами носителя другого языка и другой культуры, что имеет несомненную лингводидактическую ценность. Кроме того, важным представляется и дальнейшая тематизация роли переводчика: кто он – «сито», «двойной агент», «посредник», «мостик» или «сводник», который путем «адаптации» пытается заполучить немецкоязычного читателя, стремится не вызывать лишний раз неприятные чувства и эмоции и обеспечить некую дистанцированность реципиента от национал-социалистического прошлого Германии. Аксиоматично, что реципиенты оригинала и перевода обладают разной культурной памятью, поэтому становится возможной и допустимой замена фоновых знаний или элиминация национально-культурной специфики. Однако в случае перевода мемуарно-автобиографических текстов авторов, переживших Холокост, речь идет о всеобщей исторической памяти, манипуляции которой видятся неоправданными и недопустимыми. Рассматриваемый текст, несомненно, включен в общеисторический контекст, а умалчивание ведет к пересмотру реальных событий и фактов. Задача переводчика не только «перевести», но и передать средствами другого языка историю, зафиксированную в исходной языковой картине мира.

В заключение отметим, что мемуарно-автобиографические тексты, сохраняя память, дают возможность конструировать прошлое, и то, каким образом оно будет сохранено, зависит в том числе и от переводчиков многоязычной литературы Холокоста.

Литература

1. Гарбовский Н. К. Теория перевода. М.: Юрайт, 2020. 387 с.
2. Казакова Т. А., Ачкасов А. В. Инструменты лингвистической экспертизы перевода // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 7(85). Ч. 2. С. 325–328.
3. Кушнина Л. В., Аликина Е. В. Гармония в системе оценки качества устного перевода // Вестник Тюм. гос. ун-та. 2010. №1. С. 141–147.
4. Нелюбин Л. Л. Толковый переводческий словарь. М.: Флинта: Наука, 2009. 320 с.
5. Основные понятия переводоведения (Отечественный опыт). Терминологический словарь-справочник. М.: ИНИОН РАН, 2010. 260 с.
6. Пользовательское соглашение об использовании документов, размещенных на сайте germandocsinrussia.org. URL: https://wwii.germandocsinrussia.org/ru/nodes/1-fond-500 (Дата обращения: 19.12.2019).
7. Россинская Е. Р., Галяшина Е. И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. М.: Проспект, 2010. 464 с.
8. Сдобников В. В. Коммуникативная ситуация как фактор определения стратегии перевода // Вестник НГЛУ. 2011. Вып.14. С. 114–123.
9. Сдобников В. В. Оценка качества перевода (коммуникативно-функциональный подход). М.: Флинта: Наука, 2015. 112 с.
10. Серебрякова С. В. Когнитивный диссонанс как интерпретационная рамка межличностных отношений персонажей // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 1 (54). С. 137–143.
11. Цзюньли Г., Чжунлянь Х. Система классификации переводческих ошибок // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2016. №3. С. 26–41.
12. Шевнин А. Б. Эрратология. Екатеринбург: Изд-во Урал. гуманит. ун-та, 2003. 216 с.
13. Das Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland. URL: https://www.1000dokumente.de/?c=dokument_de&dokument=0014_gru&object=translation&l=ru) (Дата обращения: 19.12.2019).
14. EN15038:2006 Services to the population – Translation services – Service requirements. URL: http://docs.cntd.ru/document/1200114773 (Дата обращения: 19.12.2019).
15. Esselink B. A Practical Guide to Localization. Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2000. 88p.
16. Klüger R. weiter leben: Eine Jugend. Göttingen: Wallstein Verlag Göttingen, 1992. 284 S.
17. Koller W. Einführung in die Übersetzungswissenschaft. Wiebelsheim: Quelle & Meyer, 2004. 343 S.
18. Nord C. Transparenz der Korrektur. // Handbuch Translation. Tübingen: Stauffenberg Verlag GmbH. S. 384–387.
19. Verfassen eines Buches – Dürfen Namen und Bilder von Personen mit ins Buch? URL: https://www.deutsche-anwaltshotline.de/rechtsberatung/103979-verfassen-eines-buches---duerfen-namen-und-bilder-von-personen-mit-ins-buch (Дата обращения: 19.03.2020).
20. Verolme H. E. The Children's House of Belsen. Fremantle: FREMANTLE ARTS CENTRE PRESS, 2000. 311 p.

21. Verolme H. E. Wir Kinder von Bergen-Belsen. Augsburg: Weltbild, 2009. 340 S.
22. War Crimes Trials. Vol. II The Belsen Trial. 'The Trial of Josef Kramer and Forty Four Others'. URL: http://www.bergenbelsen.co.uk/pages/Trial/Trial/TrialProsecutionCase/Trial_011_Bimko.html (Дата обращения: 19.12.2019).

References

1. Garbovskii N. K. Teoriya perevoda *(Theory of translation)*. Moscow: IYurait publ., 2020. 387 p.
2. Kazakova T. A., Achkasov A. V. Instrumenty lingvisticheskoi ekspertizy perevoda *(Tools of linguistic expertise of translation)* // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2018. No. 7(85). Part. 2. P. 325–328.
3. Kushnina L. V., Alikina E. V. Garmoniya v sisteme otsenki kachestva ustnogo perevoda *(Harmony in the system of interpretation quality assessment)* // Vestnik Tyum. gos. un-ta. 2010. No. 1. P. 141–147. (In Russian)
4. Nelyubin L. L. Tolkovyi perevodcheskii slovar' *(Explanatory translation dictionary)*. Moscow: Flinta: Nauka publ., 2009. 320 p. (In Russian)
5. Osnovnye ponyatiya perevodovedeniya (Otechestvennyi opyt). Terminologicheskii slovar'-spravochnik *(Fundamental notions used in the theory of translation. National experience. Dictionary of terms)*. Moscow: INION RAN publ., 2010. 260 p. (In Russian)
6. Pol'zovatel'skoe soglashenie ob ispol'zovanii dokumentov, razmeshchennykh na saite germandocsinrussia.org *(User agreement for the use of documents posted on germandocsinrussia.org)*. URL: https://wwii.germandocsinrussia.org/ru/nodes/1-fond-500 (Accessed: 19.12.2019). (In Russian)
7. Rossinskaya E. R., Galyashina E. I. Nastol'naya kniga sud'i: sudebnaya ekspertiza *(Handbook of a judge. A forensic examination)*. Moscow: Prospekt publ., 2010. 464 p.
8. Sdobnikov V. V. Kommunikativnaya situatsiya kak faktor opredeleniya strategii perevoda *(Communicative situation as a factor in choosing a translation strategy)* // Vestnik NGLU. 2011. Issue. 14. P. 114–123. (In Russian)
9. Sdobnikov V. V. Otsenka kachestva perevoda (kommunikativno-funktsional'nyi podkhod) *(Translation quality assessment (communicative-functional approach))*. M.: Flinta: Nauka publ., 2015. 112 p.
10. Serebriakova S. V. Kognitivnyi dissonans kak interpretatsionnaya ramka mezhlichnostnykh otnoshenii personazhei *(Cognitive dissonance theory as interpretation framework for interpersonal relations of characters)* // Voprosy kognitivnoi lingvistiki. 2018. No. 1 (54). P. 137–143.
11. Jun-ling G., Zhong-lian H. Sistema klassifikatsii perevodcheskikh oshibok *(Study into classifications of translation mistakes)* // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 22. Teoriya perevoda. 2016. No. 3. P. 26–41.
12. Shevnin A. B. Erratologiya *(Erratology)*. Ekaterinburg, 2003. 216 p. (In Russian)
13. Das Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland. URL: https://www.1000dokumente.de/?c=dokument_de&dokument=0014_gru&object=translation&l=ru) (Accessed: 19.12.2019).
14. EN15038:2006 Services to the population – Translation services – Service requirements. URL: http://docs.cntd.ru/document/1200114773 (Accessed: 19.12.2019).
15. Esselink B. A Practical Guide to Localization. Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2000. 88p.
16. Klüger R. weiter leben: Eine Jugend. Göttingen: Wallstein Verlag Göttingen, 1992. 284 p.
17. Koller W. Einführung in die Übersetzungswissenschaft. Wiebelsheim: Quelle & Meyer, 2004. 343 p.
18. Nord C. Transparenz der Korrektur. // Handbuch Translation. Tübingen: Stauffenberg Verlag GmbH. P. 384–387.
19. Verfassen eines Buches – Dürfen Namen und Bilder von Personen mit ins Buch? URL: https://www.deutsche-anwaltshotline.de/rechtsberatung/103979-verfassen-eines-buches---duerfen-namen-und-bilder-von-personen-mit-ins-buch (Accessed: 19.03.2020).
20. Verolme H. E. The Children's House of Belsen. Fremantle: FREMANTLE ARTS CENTRE PRESS, 2000. 311 p.
21. Verolme H. E. Wir Kinder von Bergen-Belsen. Augsburg: Weltbild, 2009. 340 S.
22. War Crimes Trials. Vol. II The Belsen Trial. 'The Trial of Josef Kramer and Forty Four Others'. URL: http://www.bergenbelsen.co.uk/pages/Trial/Trial/TrialProsecutionCase/Trial_011_Bimko.html (Accessed: 19.12.2019).

Сведения об авторах

Серебрякова Светлана Васильевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики перевода гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / svetla.na@mail.ru

Банман Полина Павловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / banman.poly@yandex.ru

Information about the authors

Serebriakova Svetlana – Doctor of Philology, Professor, Head of chair of translation studies, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / svetla.na@mail.ru

Banman Polina – PhD in Philology, Associate professor, Department of translation studies, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / banman.poly@yandex.ru

УДК 81.42

М. В. Шатских

СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ АВТОРСКИХ ВИТАЛЬНЫХ МЕТАФОР В РОМАНЕ БОРИСА ПАСТЕРНАКА «ДОКТОР ЖИВАГО»

В статье исследуются особенности актуализации метафорического потенциала в произведении мирового значения в переводческой интерпретации. На основе указания на междисциплинарные связи наук гуманитарного направления, среди которых – лингвокультурология, когнитивная лингвистика, включая теорию метафоры; переводоведение, составляющих единое пространство исследований по теории языка, в работе выявляются критерии описания механизма актуализации метафоры в процессе инокультурной интерпретации. В анализируемом произведении метафора рассматривается в качестве авторской, в силу образности, окказиональности, характеризующей идиостиль писателя, представляющего определенные сложности в процессе инокультурной интерпретации. Установлено, что реализация авторской метафоры при переходе из ИЯ в ПЯ интерпретируется в три этапа – идентификация (выявление наличия самой метафоры), декодирование (вычленение элементов метафорического механизма, заключающихся в скрытом сравнении), материализация (собственно вербальное воплощение исходной метафоры в инокультурном образце). Данный процесс, осуществляемый инокультурным транслятором, призван обеспечить адекватное полнозначное восприятие инокультурным читателем заложенного в тексте замысла автором оригинального произведения. В работе исследуются витальные метафоры, органичные при живописном описании пейзажа, в том числе городского, а также различных природных явлений. Установлено, что, в силу частотности и специфической образности, метафоры в анализируемом тексте имеют статус дискурсообразующего маркера и позиционируются как авторские метафоры. В результате сравнительно-сопоставительного анализа двух вариантов инокультурной интерпретации романа выявляются причины разночтений исходного текста при анализе метафор, указывается на проблематичность интерпретации витальных метафор, репрезентирующих лингвокультурные концепты.

Ключевые слова: междисциплинарность, витальная метафора, идиостиль, инокультурная интерпретация, маркер дискурсообразования, идентификация, декодирование, материализация.

Marina Shatskih

SPECIFICITY OF IMPLEMENTATION OF AUTHOR VITAL METAPHORS IN DOCTOR ZHIVAGO BY BORIS PASTERNAK

The article explores the features of actualization of metaphorical potential in a work of world significance in a translation interpretation. Based on indications of interdisciplinary connections between the sciences of the humanities, among which are linguoculturology, cognitive linguistics, including the theory of metaphor; translation studies, which make up a single space of research on the theory of language, the work identifies criteria for describing the mechanism of actualization of metaphor in the process of foreign cultural interpretation. In the analyzed work, the metaphor is considered as an author's, by virtue of figurativeness, occasionality characterizing the idiocy of the writer, which presents certain difficulties in the process of foreign cultural interpretation. It has been established that the implementation of the author's metaphor during the translation from the source language to the target language is interpreted in three stages: identification (revealing the presence of the metaphor itself), decoding (isolating the elements of the metaphoric mechanism, consisting in hidden comparison), materialization (the actual verbal embodiment of the original metaphor in a foreign cultural pattern). This process, carried out by a foreign culture translator, is designed to provide an adequate full-valued perception by a foreign culture reader of the original work laid down in the text by the author. The work explores vital metaphors that are organic in the pictorial description of the landscape, including urban, as well as various natural phenomena. It is established that, due to the frequency and specific imagery, metaphors in the analyzed text have the status of a discourse-forming marker and are positioned as author's metaphors. As a result of a comparative analysis of two variants of the foreign cultural interpretation of the novel, the causes of discrepancies in the source text in the analysis of metaphors are revealed, the interpretation of vital metaphors representing linguocultural concepts is problematic.

Key words: interdisciplinarity, vital metaphor, idiostyle, foreign cultural interpretation, marker of discourse formation, identification, decoding, materialization.

Междисциплинарный характер современных исследований гуманитарного знания формируется в единстве близких теорий и концепций, позволяющих анализ конкретного объекта с привлечением соответствующих понятий и методов. Актуальность данной работы характеризуется в целом интересом к проблеме вариативности перевода художественных произведений, решение

которой сопряжено с исследованием отдельных вопросов, относящихся конкретных способов репрезентации, к примеру, авторских метафор, характеризующих идиостиль знакового писателя, интерпретируемый в контексте иной лингвокультуры.

Объект изучения – авторские метафоры в произведении Бориса Пастернака «Доктор Живаго». Предметом исследования являются способы их репрезентации в двух вариантах переводческих решений. Цель работы – выявить средства реализации различных видов метафор как одного из дискурсообразующих элементов идиостиля анализируемого романа в процессе инокультурной интерпретации, представленной двумя вариантами перевода. В связи с этим задачами в статье явились: определение понятия «метафора», характеристика ее видов; выявление частотных видов метафор; установление и описание механизма инокультурной интерпретации. Решение задач осуществлялось с помощью использования следующих методов: наблюдение и сплошная выборка; сравнительно-сопоставительный метод; контекстуальный метод; комментирование.

Материал исследования состоит из трех текстов: оригинального текста романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго» на русском языке; двух переводов романа, выполненных двумя группами переводчиков (М. Хэйуорд и М. Хэрари (1958), Р. Пивер и Л. Волохонская (2010), в которых равнозначно присутствуют по одному представителю русской и англоязычной лингвокультуры.

Научная новизна характеризуется подходом, впервые предпринятом в данной работе. В ней метафоры рассматриваются в качестве одного из доминантных маркеров идиостиля Бориса Пастернака в инокультурной интерпретации.

Теоретическая значимость исследования заключается в характеристике процесса перевода метафор как процесса инокультурной интерпретации, представленной в трехступенчатом механизме.

Практическая ценность работы состоит в возможности использования ее результатов в теоретических курсах и практических занятиях по переводу, а также лексикологии, стилистике, филологическому анализу и интерпретации художественного текста в процессе преподавания русского и английского языков.

Методологическую базу исследования составляют работы по общим и частным вопросам изучаемой проблемы, определяющие интегративный ракурс исследования в следующих направлениях: когнитивистике, лингвокультурологии, теории метафоры, теории перевода, герменевтике и проблемам текста (Аристотель, А. Н. Баранов, Г. И. Богин, В. Г. Гак, И. А. Кондакова, В. В. Красных, Дж. Лакофф и М. Джонсон, А. В. Федоров, Ю. В. Цинковская и мн. др.).

Метафора как феномен, в основе своей предполагающий образность при переносе значения, как известно, характеризуется спецификой познавательной деятельности субъекта речи, закладывающего в механизм скрытого сравнения новое и известное, что позволяет при наличии сходных признаков между ними использовать имеющееся в языке слово для обозначения нового понятия. Необходимо уточнить, что перенос значения в словесном знаке не всегда является образным, то есть не всегда способен порождать метафору. Как утверждалось еще в античности, оно возможно лишь при переносе «необычного имени или с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии» [2].

В современном гуманитарном знании метафора характеризуется «как эволюционный познавательный процесс, который объединяет мозг, разум и культуру в их творческом созидании языка» (Э. Мак Кормак) [7, с. 180]. Необходимо принять во внимание концепцию о метафорическом характере нашего мышления [8, 10]. Механизм образования метафоры актуализирует процесс мышления, который устанавливает аналогию между предметами, при котором информационное содержание из источника переходит в оболочку цели [11, с. 127]. В данном процессе выделяются три последовательных этапа: 1) подбор наиболее подходящего аналога; 2) переход информации или ее части из поля источника в поле цели; 3) появление побочных эффектов, являющихся прямым следствием подборки аналога [3, с. 186].

В контексте междисциплинарных связей гуманитарных наук при интерпретации метафор актуален лингвокультурный подход, позволяющий анализировать их как вербальные реализации кодов и эталонов культуры, выражающих архетипическое представление носителей языка об устройстве мира, то есть наивную картину мира. В формировании такой картины мира участвуют универсальные базовые культурные коды, специфически проявляемые в разных культурах, в том числе и при образовании метафор: антропоморфный (соматический), пространственный, временной, предметный, биоморфный, духовный [9, с. 5–6].

В современной лингвистике высказывается справедливое мнение о том, что любое знаменательное слово в языке может превратиться в метафору, поскольку «человеческое сознание способно опредмечивать любое качество» [5, с. 481]. На данной основе формируются индивидуально-авторские метафоры, далекие от привычных ассоциаций, представляющие собой загадку для реципиента-интерпретатора, требующей адекватной интерпретации не только в рамках собственной лингвокультуры, но и в процессе инокультурной интерпретации, сопряженной с толкованием процесса понимания.

Базовое условие понимания безотносительно к инокультурному контексту исследуется в традициях филологической герменевтики, объясняющей интерпретацию как деятельность. Исходным этапом интерпретации является понимание, которое, в свою очередь, немыслимо без рефлексии [4]. Инокультурная интерпретация метафор романа мирового значения связана с пониманием авторских смыслов, заложенных в них.

Предварительным условием анализа метафор явилось обращение к их классификации, представленных антропоцентричными и предметными видами, среди которых называются витальные, мортальные и интертекстуальные метафоры [13]. Антропоцентричная, иначе – витальная (от латинского слова «vita» – «жизнь») метафора, является самым распространённым художественным стилистическим средством. Под антропоцентричной метафорой, мы, вслед за Ю.В. Цинковской, понимаем метафору, образованную на базе сравнения неживого объекта с живым. С помощью придания какому-либо предмету, факту действительности, природному явлению свойств живого существа, автор объективирует реальность, сопровождая этап эксплицитно / имплицитного конструирования содержания яркой эмоциональной оценкой. В частности, нас интересует процесс интерпретации авторских метафор, как наиболее сложных языковых структур с точки зрения их семантической актуализации.

Анализ метафорического содержания, явленного в определенной структуре, представляется сложным процессом, в котором находит выражение переход от денотативного значения языковых единиц, данных в совокупности, к смыслу, актуализируемому в определенном фрагменте текста. Данный процесс сопровождается персонологическим фактором, формирующим как в целом идиостиль писателя, так и в частности отдельные маркеры, определяющие его дискурс, каковыми, на наш взгляд, наряду с реалиями, являются метафоры.

Метафоры Бориса Пастернака в романе «Доктор Живаго» суть образы (природы, явления, предмета, личности и т.д.), наполненные новым содержанием, реконструкция которого при восприятии инокультурным читателем будет зависеть от их адекватной интерпретации инокультурным переводчиком. У Б. Пастернака в произведении «Доктор Живаго» различные виды метафор тесно переплетены в текстовом пространстве романа.

Реализация авторской метафоры из ИЯ в ПЯ происходит посредством когнитивной объективации в три этапа: идентификация метафоры в качестве средства вербально выраженной субъективной оценки автора; декодирование метафоры посредством выявления когнитивной природы ее «скрытого сравнения» и декомпрессии ее образно-чувственного содержания; материализация метафоры как формы концептуализации представляемой действительности (вербальный вариант интерпретации, демонстрирующий какой читатель увидит описываемую ситуацию). Адекватная инокультурная интерпретация, согласно данному алгоритму, способна воссоздать средствами другой лингвокультуры замысел автора произведения, апеллируя к чувствам, эмоциям, жизненному опыту, фоновым знаниям, системе ценностей и социокультурных норм, воздействуя на иноязычного читателя, формируя у него конкретное мнение.

Обратимся к эмпирическому материалу с целью показать актуальность теоретических принципов при характеристике авторских метафор в романе «Доктор Живаго» Бориса Пастернака в инокультурной интерпретации.

Анализ выявленных авторских метафор Бориса Пастернака показал, что наиболее частотными в романе «Доктор Живаго» являются антропоцентричные (витальные) метафоры, анализ которых мы и представляем в данной работе. Под витальной метафорой понимается метафора, в которой «доминирует семантика жизни, объект оценивается как живой» [13, с. 155]. Пастернак использует их при поэтическом описании природных явлений, разных времён года, пейзажей – городских и придорожных и т.д. Семантический потенциал данных метафор способствует воссозданию картины трудной для истории страны эпохи, колоритно переданной во времени и месте действия в качестве важных композиционных параметров художественного дискурса, а также с привлечением вспомогательных элементов, характеризующих, к примеру, оттенки погоды и краски окружающей действительности. Рассмотрим выделенные нами авторские витальные метафоры и проанализируем их инокультурную интерпретацию двумя группами профессионалов. Объединенный когнитивный опыт переводчиков способствовал инокультурной актуализации авторских метафор Пастернака как ярких маркеров его индивидуального стиля, тем самым, адекватной передаче как отдельных фрагментов, так и целостного смысла литературного произведения.

Особое место в тексте Пастернака отводится средствам выразительности при описании пейзажей. Рассмотрим, каким образом предлагаемый нами алгоритм актуализируется в процессе соотнесения исходного текста и его инокультурной интерпретации.

Так, описывая дождь на похоронах матери Юры Живаго, Пастернак пишет: «Летевшее навстречу облако стало хлестать его по рукам и лицу мокрыми плетьми холодного ливня» [12, с. 9]. Метод наблюдения позволяет увидеть в данном фрагменте метафору. Таким образом, данный этап определяется как идентификация метафоры в контексте. Далее, отмечаем этап декодирования: в этом контексте облако сравнивается с человеком, в руках которого находятся плети. Они, в свою очередь, соотносятся с холодным ливнем. Этот образ человека с плетьми способствует обостренному восприятию читателем чувства горя мальчика по матери. В интерпретации Хэйуорда и Хэрари данная метафора транслируется следующим образом: “The wind <…> lashed his hands and face with cold gusts of rain” [15, p. 9] / («Ветер хлестал его руки и лицо холодными порывами дождя») (этап идентификации в инокультурной интерпретации). На следующем этапе – этапе декодирования констатируем сохранение витальной метафоры, при опущении предметной метафоры: сочетание «плети ливня» в первом переводе находит замену в нейтральном сочетании слов «порывы дождя», кроме того, меняется объект сравнения (вместо «облако» – «ветер»).

В итоге инокультурной интерпретации предстает видоизмененная метафора, актуальная на этапе материализации. Во втором варианте у Пивера и Волохонской используется буквальная интерпретация: “A cloud flying towards him began to lash his hands and face with the wet whips of a cold downpour” [14, p.14] / («Облако, летящее по направлению к нему, начало хлестать его руки и лицо мокрыми плетьми холодного ливня»). Здесь мы наблюдаем полное сохранение метафоры, а также объекта сравнения. Материализация во втором варианте инокультурной интерпретации аналогична исходному оригинальному контексту.

Рассмотрим следующую витальную метафору в описании природы: «заблудившийся в воздухе запах цветов» [12, с. 14]. Данный фрагмент в целом характеризует этап идентификации, в котором присутствует искомая метафора. Этап декодирования эксплицирует сравнение запаха цветов с заблудившимся человеком или животным. Рассмотрим, каким образом выражен этап материализации. У Хэйуорда и Хэрари этот образ сохраняется, но в виде сравнения: “fragrance as though having lost its way” [15, p. 22] / («аромат, будто потеряв дорогу»); у Пивера и Волохонской отмечаем полное сохранение метафоры: “The scent of flowers wandering in the air” [14, p. 18] / («Запах цветов, блуждающий в воздухе»).

Персонификация в романе Пастернака ярко выражена. Она указывает на одухотворенность всего сущего, связывая, к примеру, внешнее (природные объекты) и внутреннее (комната) пространство. Например, при дескрипции жилища героя романа автор использует такую витальную метафору: «Деревья заглядывали в комнату» (идентификация) [12, с. 29]. Этап декодирования актуализирует следующее явление: деревья сравниваются с человеком, которому интересно знать, как живет этот человек. На этапе материализации в обоих переводах метафора сохраняется: “The trees looked in” [15, p. 66] («Деревья смотрели внутрь»); “The trees peered into the room” [14, p. 32] («деревья заглядывали внутрь»).

Обратимся к другому контексту, в котором актуальна витальная метафора «заглядывания»: «Полосы света стали шнырять из комнаты в комнату, заглядывая под столы и диваны…» [12, с. 148]. Здесь полосы света сравниваются с грабителями, обыскивающими комнаты в поисках ценностей, либо с сыщиками в поисках чего-либо запрещенного. В интерпретации Хэйуорда и Хэрари: “Streaks of light probed from room to room and dived under the chairs and tables…” [15, p. 148] / («Полосы света прощупывали комнату за комнатой и ныряли под кресла и столы…»). В этом случае метафора заменена, хотя она по-прежнему остается витальной, так что образ грабителей / сыщиков теряется и заменяется образом человека, находящегося под водой (“dive” – «ныряли»). Интерпретация данного фрагмента Пивером и Волохонской выглядит так: “Streaks of light began to dart from room to room, peeking under the tables and sofas…” [14, p. 60] / («Полосы света начали метаться из комнаты в комнату, бросая взгляд под столы и диваны»). Здесь, как и в предыдущем случае, метафора заменяется другой витальной метафорой, поскольку образ грабителей / сыщиков сопрягается с образом загнанного зверя, который вынужден, как можно скорее, найти выход из положения.

Далее, витальная метафора используется в романе при описании вокзала: «…белугой ревели паровозы…» [12, с. 59]. Это необычный случай актуализации метафоры во фразеологическом обороте: «реветь белугой» значит «громко, безудержно плакать» [12, с. 430]. Поскольку данный фразеологизм используется исключительно по отношению к людям, то мы имеем дело с витальной метафорой, в которой паровозы сравниваются с громко плачущими людьми. В переводе Хэйуорда и Хэрари используется сравнение: “Locomotives <…> roared like sea lions” [15, p. 149] / («Локомотивы ревели, как морские львы»). Как видим, переводчики буквально восприняли фразеологизм «реветь белугой», что создает совершенно иной образ морского зверя. У Пивера и Волохонской мы видим другой вариант перевода: “…locomotives howled rendingly…” [14, p. 61] / («…локомотивы выли надрывно…»). Здесь витальная метафора сохраняется, при этом образ, аналогично предыдущей интерпретации, меняется на «звериный». На этапе декодирования происходит частичная замена фразеологической единицы. В первой интерпретации сема «звериный» выражена в объекте, который актуализирует действие «реветь» («выть») / «белуга» («морской лев»). Во втором случае акцентируется сема интенсификации действия – «выли надрывно». В целом частичное несовпадение процесса декодирования при интерпретации единицы перевода непринципиально сказывается на этапе материализации.

Описывая поездку Юрия Живаго с семьей в Варыкино, Пастернак пишет: «…они [тени] бежали вприпрыжку <…> вместе с тенью всего катящегося поезда» [12, с. 93]. Тени сравниваются с детьми, бегущими вприпрыжку. Метафора, характеризующая бегущие неживые предметы – один из излюбленных приемов автора. В первой интерпретации метафора претерпевает изменения: “They <…> accompanied the moving shadow of the train itself” [15, p. 248] / («Они сопровождали движущуюся тень самого поезда»). В ней витальность сохраняется, но оттенки меняются: в оригинале «бег вприпрыжку» вызывает ассоциации игривости, детской забавы, романтики путешествия, а в варианте Хэйуорда и Хэрари приобретает официально-деловой оттенок, отсутствующий в контексте. В варианте Пивера и Волохонской метафора полностью сохранена: “They <…> ran skipping <…> together with the shadow of the whole rolling train” [15, p. 94] / («Они <…> бежали вприпрыжку <…> вместе с тенью всего катящегося поезда»).

В следующем контексте витальная метафора представляет трудность в интерпретации, поскольку содержит лингвокультурный концепт

«метель»: «…кольца и воронки гнала и завивала метель» [12, с. 114]. Метель сравнивается с человеком, который подгоняет лошадь. В переводе Хэйуорда и Хэрари наблюдаем опущение метафоры: "…the snow swirled and eddied…" [15, p. 305] / («…снег крутился и клубился…»). В данном варианте передается образность пейзажа исходного текста при потере витального образа, а также семы интенсификации, что важно для восприятия метели как концепта в русской лингвокультуре [1], а также восприятия образа метели как отражения состояния главного героя [6]. У Пивера и Волохонской витальная метафора сохраняется вместе с образом: "…the rings and funnels, driven and whirled by the blizzard…" [14, p. 113] / («…кольца и воронки, гонимые и вращаемые метелью…»). На этапе материализации изменилась лишь синтаксическая структура предложения, в которой метафора выражена причастным оборотом.

В заключение, обобщим результаты исследования. Язык романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго» характеризуется высокой концентрацией художественных метафор, что обусловлено спецификой языковой личности автора. Всемирно известный роман оказал серьезное влияние на подход интерпретации как Макса Хэйуорда и Мани Хэрари, так и Ричарда Пивера, и Ларисы Волохонской. В частности, анализ эмпирического материала, включающего авторские метафоры Бориса Пастернака в переводческом аспекте, показали, что подход Макса Хэйуорда и Мани Хэрари делает текст романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго» понятнее для англоязычного читателя в ущерб оригиналу на русском языке. Будучи эффективной для перевода национально-культурных реалий, она оказывается неадекватной при интерпретации художественных метафор. Подход Ричарда Пивера и Ларисы Волохонской, напротив, делает исходный текст менее понятным для англоязычного читателя, но точнее передает оригинал, в связи с этим, представляется адекватной для интерпретации художественных метафор, но неудачной при переводе национально-культурных реалий. Проведенный анализ показал, что в процессе инокультурной интерпретации, независимо от лингвокультурной компетенции переводчиков, происходит несовпадение полученного результата на этапе материализации при переходе от ИЯ к ПЯ, поскольку на этапе декодирования в двух вариантах переводов возникают эффекты разночтения, исходящие от характера выбора в определенном контексте («здесь» и «сейчас») соответствующей единицы перевода. Особо проблематичными при инокультурной интерпретации оказываются витальные метафоры, содержащие лингвокультурные концепты.

Литература

1. Антипова Е. Н. Концепт «Метель» в русской языковой картине мира. Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 2009. С. 52 – 59.
2. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Минск: Литература, 1998. С. 1064–1112.
3. Баранов А. Н. Дескрипторная теория метафоры. М.: Языки славянской культуры, 2014. 632 с.
4. Богин Г. И. Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику. Тверь: ТГУ, 2001. 731 с.
5. Гак В. Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 768 с.
6. Исрапилова П. И. Образ метели как отражение душевного состояния главного героя романа Б. Пастернака «Доктор Живаго». Тамбов: Грамота, 2017. С. 28–30.
7. Колесов В. В. Философия русского слова. СПб.: ЮНА, 2002. 448 с.
8. Кондакова И. А. О традиции понимания метафоры как феномена мышления // Вестник Вятского государственного университета. 2016. № 1. С. 87–90.
9. Красных В. В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. 2001. Вып. 19. М.: Издательство Диалог-МГУ, 1999. С. 5–19.
10. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
11. Мартынова Ю. А. Метафора в современном политическом дискурсе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2008. Т. 8, №1. С. 125–129.
12. Пастернак Б. Л. Доктор Живаго. М.: Эксмо, 2010. 704 с.
12. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель, 2008. 828 с.
13. Цинковская Ю. В. Виды художественных метафор в современной русской прозе. Учёные записки ЗабГУ. 2010. №3 С.154–158.
14. Pasternak B. Doctor Zhivago. Translated from the Russian by Richard Pevear and Larissa Volokhonsky. New York: Vintage, 2010. 675 p.
15. Pasternak B. Doctor Zhivago. Translated from the Russian by Max Hayward and Manya Harari. New York: Pantheon Books, Inc., 1958. 592 p.

References

1. Antipova E. N. Koncept «Metel'» v russkoj yazykovoj kartine mira *(The "Blizzard" concept in the Russian language picture of the world)*. Chelyabinsk: CHelyabinsk state university pibl., 2009. P. 52–59. (In Russian).
2. Aristotel'. Etika. Politika. Ritorika. Poetika *(Ethics. Politics. Rhetoric. Poetics).* Minsk: Literatura, 1998. P. 1064–112. (In Russian).
3. Baranov A. N. Deskriptornaya teoriya metafory *(Descriptor Theory of Metaphor).* Moscow: YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2014. 632 p. (In Russian).
4. Bogin G. I. Obretenie sposobnosti ponimat': Vvedenie v filologicheskuyu germenevtiku *(Gaining the ability to understand: Introduction to philological hermeneutics)*. Tver': TSU publ., 2001. 731 p. (In Russian).

5. Gak V. G. YAzykovye preobrazovaniya *(Language transformations)*. Moscow: SHkola «YAzyki russkoj kul'tury», 1998. 768 p. (In Russian).
6. Israpilova P. I. Obraz meteli kak otrazhenie dushevnogo sostoyaniya glavnogo geroya romana B. Pasternaka «Doktor ZHivago» *(The image of a snowstorm as a reflection of the mental state of the protagonist of the novel B. Pasternak «Doctor Zhivago»)*. Tambov: Gramota, 2017. P. 28–30. (In Russian).
7. Kolesov V. V. Filosofiya russkogo slova *(Philosophy of the Russian word)*. St. Petersburg: YUNA, 2002. 448 p. (In Russian).
8. Kondakova I. A. O tradicii ponimaniya metafory kak fenomena myshleniya *(On the tradition of understanding metaphor as a phenomenon of thinking)* // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. No. 1. P. 87–90. (In Russian).
9. Krasnyh V. V. Kody i etalony kul'tury (priglashenie k razgovoru) *(Codes and cultural standards (invitation to talk)* // Yazyk, soznanie, kommunikaciya. 2001. Issue. 19. Moscow: : Dialog-MGU, 1999. P.5–19. (In Russian).
10. Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafory, kotorymi my zhivem *(The metaphors we live in)*. Moscow: Editorial URSS, 2004. 256 p. (In Russian).
11. Martynova Yu. A. Metafora v sovremennom politicheskom diskurse *(Metaphor in modern political discourse)* // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Series: Sociologiya. Politologiya. 2008. Vol. 8. No. 1. P. 125–129. (In Russian).
12. Pasternak B. L. Doktor Zhivago. Moscow: Eksmo, 2010. 704 p. (In Russian).
12. Fyodorov A. I. Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo yazyka *(Phraseological dictionary of the Russian literary language)*. Moscow: Astrel', 2008. 828 p. (In Russian).
13. Cinkovskaya Yu. V. Vidy hudozhestvennyh metafor v sovremennoj russkoj proze. Uchyonye zapiski ZabGU *(Types of artistic metaphors in modern Russian prose)*. 2010. No.3. P.154–158. (In Russian).
14. Pasternak B. Doctor Zhivago. Translated from the Russian by Richard Pevear and Larissa Volokhonsky. New York: Vintage, 2010. 675 p.
15. Pasternak B. Doctor Zhivago. Translated from the Russian by Max Hayward and Manya Harari. New York: Pantheon Books, Inc., 1958. 592 p.

Сведения об авторе

Шатских Марина Викторовна – соискатель кафедры французской филологии Кубанского государственного университета (Краснодар) / marineska.simf@gmail.com

Information about the author

Shatskih Marina – applicant, Chair of French Philology, Kuban State University (Krasnodar) / marineska.simf@gmail.com

ИСТОРИЯ КАК ПРИЗВАНИЕ…: К ЮБИЛЕЮ ПРОФЕССОРА С. И. МАЛОВИЧКО

16 октября 2020 г. исполнилось 60 лет Сергею Ивановичу Маловичко – доктору исторических наук, профессору, члену Правления Российского общества интеллектуальной истории. По складу ума, по своей ментальности он был обречен стать ученым. Для него занятие историей это интеллектуальное наслажденье. Диапазон его научных исследований довольно широк – методология истории, история истории, источниковедение историографии, интеллектуальная история, новая локальная история, историческая география. Его работы заслужили признание отечественных и зарубежных ученых, не раз отмечались в обзорах и рецензиях.

С. И. Маловичко родился в Одессе, там прошли его детские годы. Большое влияние на его мировоззрение, становление его личности, моральные и духовные качества оказали родители – мама Валентина Ивановна и отец Иван Иванович. Историческое образование С.И. Маловичко получил в Ставропольском государственном педагогическом институте (ныне Северо-Кавказский федеральный университет), где он в 1981–1986 гг. обучался на историческом факультете. Истфак 1980-х гг. Ставропольского пединститута был центром общественно-политической жизни города и края, готовил учителей истории, обществоведения и английского языка. Здесь преподавали доц. Е. А. Трегубов (декан факультета с 1978 до 1987 г.), профессора В. П. Невская, П. А. Шацкий, А. А. Аникеев, доценты Т. И. Беликов, Н. В. Василенко, М. П. Заикин, А. Н. Савельева, Н. Я. Бондаренко (зам. декана), Г. Н. Бондаренко, А. В. Найденко, И. А. Краснова, Е. В. Калинина, Т. А. Невская, З. В. Бочкарева, В. В. Степаненко и другие. В археологических экспедициях Института археологии АН СССР, под руководством известных археологов В.Г. Петренко, В.Б. Ковалевской, С.Н. Кореневского, в которых С.И. Маловичко принимал участие, проходило его формирование как исследователя древней истории. После окончания института он работал учителем истории и организатором внешкольной и внеклассной работы в средней школе №30 г. Ставрополя, преподавателем истории в Ставропольском сельскохозяйственном институте. В 1988 г. поступил на работу в родную альма-матер, первоначально старшим научным сотрудником х/д № 147 (проведение археологических исследований на могильнике Клин-Яр в окрестностях г. Кисловодска) кафедры истории СССР (досоветского периода), позже ассистентом этой же кафедры. Много сил и энергии С. И. Маловичко отдавал работе со студентами, читал лекции и вел практические занятия на подготовительном отделении института, семинары на первом курсе истфака по истории СССР периода феодализма и на четвертом курсе по историографии истории СССР, практические занятия по курсу вспомогательных исторических дисциплин у иностранных студентов истфака, руководил работой строительного отряда историков на строительстве нового учебного корпуса (ныне главный корпус СКФУ), был заместителем декана истфака по профориентационной и воспитательной работе.

С 1992 г. начинается петербургский период в жизни С. И. Маловичко. Он поступает в целевую аспирантуру на исторический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, на кафедру истории России, которую возглавлял известный специалист истории Древней Руси И. Я. Фроянов. Школа профессора И. Я. Фроянова, имеющая мировую известность, отличалась новизной подходов к рассмотрению характера общественного строя древнерусско-

го общества. В основе лежала, разработанная И. Я. Фрояновым, концепция доклассового общинного характера общественного строя древнерусского общества. Школа и сегодня объединяет ведущих историков России, занимающихся изучением проблем Древней Руси. Среди них друзья и коллеги С. И. Маловичко – доктора наук, профессора А. Ю. Дворниченко, Ю. В. Кривошеев, А. В. Петров, В. В. Пузанов, доцент Т. В. Беликова и другие.

Под руководством профессора И.Я. Фроянова С. И. Маловичко работал над кандидатской диссертацией «Отечественная историография XVIII – начала XX вв. о возникновении древнерусских городов». В декабре 1995 г. он успешно защитил работу в диссертационном совете Санкт-Петербургского университета по специальности 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования. Официальными оппонентами были доктора исторических наук, профессора А. Н. Кирпичников, И. В. Дубов. Предметом рассмотрения стали истоки возникновения и политические функции древнерусского города, а также созданные письменные и устные исторические памятники, в которых нашли отражение взгляды их авторов на историю древнерусских городов, цели и способы их достижения. В центре внимания С. И. Маловичко оказалось познавательное пространство в период, охватывающий время от первых древнерусских книжников, передавших нам информацию о городах, до начала XIX в. Это была малоизученная тема в историографии. С. И. Маловичко провел комплексный анализ проблем изучения истории древнерусского города через освещение историографической ситуации в отечественной исторической мысли XVIII века о разработке городских вопросов, определив свой взгляд на проблемы древнерусской урбанизации.

Впервые в отечественной историографии им был применен новый методологический прием, заключающийся в многослойности построения материала: средневековые отечественные и иностранные источники о древнерусском городе; анализ работы с ними историков XVIII в.; общественные исторические представления о городе; основные тенденции развития представлений по дискуссионным проблемам истории города в XIX–XX столетиях и формирование авторского взгляда на эти проблемы. В дальнейшем С. И. Маловичко продолжил рассмотрение данной проблемы, что нашло отражение в ряде его работ, в том числе монографии [5] и докторской диссертации, защищенной в 2002 г. в Ставропольском государственном университете (СГУ), куда он вернулся на работу после аспирантуры.

В 1995 г. С. И. Маловичко – старший преподаватель, позже доцент (с 1997 г.) новой кафедры, созданной в университете – историографии, источниковедения и специальных исторических дисциплин (зав. кафедрой – профессор Т. Е. Покотилова). В 1998 г. он получил ученое звание доцента по кафедре историографии и источниковедения. С. И. Маловичко читал лекции по «От-

ечественной историографии», «Актуальным проблемам отечественной историографии», курсы по выбору «История культуры региона», «Историография древнерусского города». Принимал активное участие в работе учебно-методического совета исторического факультета. В соавторстве с А. С. Ханом подготовил учебник «История России с древнейших времен» для поступающих в высшие учебные заведения (Ставрополь, 1998), с А. Б. Заморкиным уникальный в своем роде учебно-методический комплекс «Историография истории России с древнейших времен до 1917 г.: Слайд-лекции (Ставрополь, 1998).

В сентябре 1999 г. С. И. Маловичко поступил в докторантуру СГУ. В 2002 г. блестяще защитил докторскую диссертацию на тему «Возникновение и политическая жизнь древнерусского города в отечественной исторической мысли XVIII в.» по специальностям 07.00.02 – Отечественная история и 07.00.09 - Историография, источниковедение и методы исторического исследования. В 2002 г. был переведен на должность профессора, стал членом диссертационного совета по историческим наукам при СГУ.

Предметом пристального внимания историка в начале 2000-х гг. становятся проблемы интеллектуальной истории и новой локальной истории. При непосредственном участии С. И. Маловичко в 2001 г. на базе СГУ создается Ставропольское региональное отделение Российского общества интеллектуальной истории (Ставропольское отделение РОИИ), которое он возглавил. Это целое историографическое течение в России, возникшее по инициативе члена-корреспондента РАН, доктора исторических наук, профессора, Л. П. Репиной, организационно оформленное в научные центры по всей территории страны. Ставропольское отделение РОИИ – это не просто общественная организация, это научный центр, в котором трудятся ученые Ставрополья, работающие в проблемном поле интеллектуальной истории. У истоков его создания стояли доктор филологических наук, профессор Г. Н. Манаенко, близкий друг и единомышленник С. И. Маловичко; доктор исторических наук, профессор И. В. Крючков (с 2005 г. – председатель отделения); кандидат исторических наук, доцент Е. П. Тельменко и др. Ставропольское отделение РОИИ ежегодно проводит научные конференции, в том числе международные, посвященные междисциплинарным исследованиям в области интеллектуальной истории, в организации и проведении которых проявился организационный талант С. И. Маловичко [4, 7]. Периодическим изданием регионального отделения общества является «Ставропольский альманах общества интеллектуальной истории», в редколлегию которого входит профессор С.И. Маловичко, первые выпуски выходили с его вступительными редакторскими статьями [9–15].

По инициативе и активном участии С. И. Маловичко в 2002 г. в рамках межвузовской научно-образовательной программы «Локальная история: компаративные подходы и методы изучения»

Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета и Ставропольского государственного университета на базе последнего был создан Региональный научно-образовательный центр «Новая локальная история». Идею создания центра поддержал ректор СГУ профессор В. А. Шаповалов, благодаря этому в университете стала развивалась «новая локальная история» – одна из множества исследовательских практик изучения региональной истории. Целью ее, в отличие от социокультурных конструкций универсальной историографии, является осмысление локальных сообществ в качестве субъектов исторического процесса. Адекватный метод достижения этой цели предлагает феноменологическая источниковедческая парадигма гуманитарного знания, в частности метод компаративного источниковедения. [3]. Исследования в рамках локальной истории осуществляются с позиций полидисциплинарного подхода, методами, выработанными гуманитарными науками в конце XX – начале XXI в. (компаративного источниковедения, новой локальной истории, устной истории и др.) Концепция межвузовской научно-образовательной программы «Локальная история: компаративные подходы и методы изучения» и межвузовского научно-образовательного центра «Новая локальная история» были разработаны профессором С.И. Маловичко (возглавлял центр до 2005 г.) совместно с профессором РГГУ М. П. Мохначевой и профессором СГУ Т. А. Булыгиной (с 2005 г. – руководитель центра). Был создан и продолжает работать сайт центра (www.newlocalhistory.com).

В своих многочисленных работах С. И. Маловичко показал, что объектом новой локальной истории являются социальные аспекты различных проявлений бытия человека в его историческом развитии. Важной стороной исследования новой локальной истории является изучение «истории снизу» и полидисциплинарность. При этом изучение локального сообщества осуществляется через историю отдельных личностей, его составляющих, социальную роль индивидуума, стереотипы поведения в социокультурном, бытовом, природно-географическом и геополитическом контекстах обживаемого им пространства. Применительно к истории Северного Кавказа исследования осуществляются по нескольким направлениям, тесно связанным единством новой локальной истории: интеллектуальная история, городская и сельская история, история повседневности, сравнительное источниковедение локальной истории, устная история, новая биографическая история, история пограничных областей Северного Кавказа. Используемые подходы и методы соответствуют основным направлениям фундаментальных исследований РАН (методология и теория исторического процесса, человек в истории и история повседневности, этнокультурный облик народов, историко-культурное взаимодействие Евразии).

Уже стали традиционными Всероссийские интернет-конференции, которые впервые на базе Центра «Новая локальная история» организовал и провел с коллегами С. И. Маловичко: «Пограничные реки и культура берегов» (2004), «Город и село: теория и исследовательские практики» (2006), «Новая локальная история: город и село в виртуальном и интеллектуальном пространствах» (2007), «Новая локальная история: хронотоп сельской и городской истории» (2008), «Социальные практики и повседневная жизнь горожан и сельских жителей» (2010), «Предметное поле новой локальной истории – источниковедческая методология познания: опыт и перспективы взаимодействия» (2011) и др. На основе материалов проводимых Центром исследований и Интернет-конференций выпущено 4 выпуска сборника научных работ – «Новая локальная история» (Ставрополь, 2003–2009). Центр и сегодня успешно функционирует на базе Северо-Кавказского федерального университета.

В 2005 г. начинается московский период в жизни и научной деятельности профессора С. И. Маловичко. По приглашению ректора Российского государственного аграрного университета – МСХА имени К. А. Тимирязева он вместе с супругой – известным российским орнитологом, доктором биологических наук, профессором Л. В. Маловичко переезжает в Москву и возглавляет кафедру истории и культурологии (с 2006 по 2012 гг.). Круг его научных интересов расширяется, он занимается теоретическими разработками сельской истории. Продолжает курировать работу сайта межвузовского центра «Новая локальная история», в новом проекте которого участвуют Российский государственный аграрный университет – МСХА им. К. А. Тимирязева, Ставропольский государственный университет, Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета, Институт всеобщей истории РАН, Археографическая комиссия при историко-филологическом отделении РАН. Завершает работу по подготовке и редактированию учебного пособия для студентов исторических факультетов университетов и педагогических институтов «Отечественные историки: научная и педагогическая деятельность» (Ставрополь, 2006), над которым трудился со ставропольскими коллегами.

Из-под пера С. И. Маловичко выходит ряд учебных пособий, которые становятся настольным книгами и студентов исторических факультетов и ученых, занимающихся проблемами историографии и историей исторического знания. Среди них учебное пособие «История общественной мысли в России» (2012) в двух частях [1], курс лекций «Интеллектуальная история России» (2018) [6] и др. В 2015 г. в издательстве Высшей школы экономики вышло учебное пособие «Источниковедение», одним из авторов которого является профессор С. И. Маловичко [2]. В структуру учебного пособия положены основные функции источниковедения как дисциплины исторической науки, как метода исторического познания и как инструмента исторического исследования. Авторы пособия

показывают многоликость облика источниковедения в контексте теоретико-методологических парадигм, образовании и в практике исторического исследования.

Список опубликованных научных работ профессора С. И. Маловичко включает более двухсот пятидесяти названий. Среди них монографии, написанные лично и в соавторстве, статьи, посвящённые разным проблемам истории исторического знания, теории и методологии исторической науки. Благодаря своему таланту, трудолюбию, разносторонности интересов и исключительным человеческим качествам С.И. Маловичко пользуется заслуженным авторитетом в научных кругах России и за рубежом. Он является членом редакционной коллегии сайта «Новая локальная история» (www.newlocalhistory.com), членом редколлегий научного журнала «Диалог со временем» (Москва), журнала «Преподаватель XXI век» (Москва), научно-теоретического журнала «Гуманитарные и юридические исследования» (Ставрополь).

Профессор С. И. Маловичко плодотворно занимается педагогической деятельностью, воспитывает талантливую молодежь, сохраняя и приумножая традиции преемственности поколений в отечественной исторической науке. Уже много лет он преподает в Государственном гуманитарно-технологическом университете (г. Орехово-Зуево), в Российском государственном гуманитарном университете (г. Москва), в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» (г. Москва). В период 2013–2018 гг. в качестве приглашенного профессора читал лекции в рамках курса «Северный Кавказ в интеллектуальном пространстве России в XIX – начале XX века» студентам магистратуры Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета по направлению подготовки История, направленность (профиль) «Отечественная история» [8].

Исключительная сердечность и скромность – эти качества ученого притягивают к нему многих соратников и близких друзей. С многими С. И. Маловичко связывают годы дружбы, начиная еще со школьной скамьи, как с известным ставропольским археологом А. Б. Белинским, со студенческого периода – с М. М. Шульгой, З. В. Доде, Д. И. Состиным, В. А. Бабенко, М. Е. Колесниковой, периода работы в Ставропольском госуниверситете – с Т. А. Булыгиной, И. В. Крючковым, И. А. Коробкиной, Т. В. Пантюхиной, А. Н. Птицыным и др.

Для нас большая честь писать о друге, соратнике, коллеге, о человеке, работая с которым обогащаешься новыми идеями, перенимаешь опыт работы с историографическим материалом, размышляешь над теоретическими проблемами исторической науки. Многочисленные друзья, коллеги и ученики Сергея Ивановича Маловичко сердечно поздравляют его с юбилеем и желают крепкого здоровья, кавказского долголетия, бодрости духа, новых творческих успехов и достижений.

Колесникова М. Е., Крючков И. В.

Литература

1. История общественной мысли в России: учебное пособие / С. И. Маловичко, Е. В. Шумакова; Российский гос. аграрный ун-т - МСХА им. К. А. Тимирязева. М.: Изд-во РГАУ-МСХА, 2012. Ч. 1. 95 с.; Ч. 2 / С. И. Маловичко, О. Г. Некрасов. М.: Изд-во РГАУ-МСХА, 2012. 99 с.

2. Источниковедение: учеб. пособие / И. Н. Данилевский, Д. А. Добровольский, Р. Б. Казаков, С. И. Маловичко и др.; отв. Ред М. Ф. Румянцева. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2015. 685 с.

3. Концепция межвузовской научно-образовательной программы «Локальная история: компаративные подходы и методы изучения» // Межвузовский научно-образовательный центр «Новая локальная история» URL: http://www.newlocalhistory.com (Дата обращения: 05.09.20).

4. «Курорт» в дискурсивных практиках социогуманитарного знания. Материалы международной научной конференции (Пятигорск, 27–29 апреля 2007 г.). Пятигорск: ПГЛУ, 2007. 542 с.

5. Маловичко С. И. Отечественная историческая мысль XVIII века о возникновении и ранней социально-политической жизни древнерусского города (от киевского «Синопсиса» до «Нестора» А. Л. Шлецера). Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. 416 с.

6. Маловичко С. И. Интеллектуальная история России: курс лекций / С. И. Маловичко, А. А. Мухутдинов, С. И. Реснянский; МГУ имени М. В. Ломоносова. М.: БОС, 2018. 374 с.

7. Периодическая печать как источник интеллектуальной истории. Материалы международной научной конференции (г. Пятигорск, 28–30 апреля 2006 г.). Пятигорск: ПГЛУ, 2006. 399 с.

8. Северный Кавказ в интеллектуальном пространстве России в XIX – начале XX века: курс лекций / М. Е. Колесникова, С. И. Маловичко, А. В. Танцевова. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2018. 250 с.

9. Ставропольский альманах Общества интеллектуальной истории / Ставропольское отделение РОИИ. Вып. 1. Ставрополь: Изд-во ПГЛУ, 2001. 152 с.

10. Ставропольский альманах Общества интеллектуальной истории / Ставропольское отделение РОИИ. Вып. 2. Ставрополь: Изд-во ПГЛУ, 2002. 195 с.

11. Ставропольский альманах Общества интеллектуальной истории / Ставропольское отделение РОИИ. Вып. 3. Ставрополь: Изд-во ПГЛУ, 2003. 251 с.

12. Ставропольский альманах Общества интеллектуальной истории / Ставропольское отделение РОИИ. Вып. 4 (специальный). М.: Изд-во ИВИ РАН, 2003. 170 с.

13. Ставропольский альманах Общества интеллектуальной истории / Ставропольское отделение РОИИ. Вып. 5. Ставрополь: Изд-во ПГЛУ, 2004. 268 с.;

14. Ставропольский альманах Общества интеллектуальной истории / Ставропольское отделение РОИИ. Вып. 6 (специальный): материалы международного научного семинара «Свое» и «Чужое» в исследовательском поле «истории пограничных областей». Пятигорск, 16–18 апр. 2004 г. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2004. 326 с.
15. Ставропольский альманах Общества интеллектуальной истории / Ставропольское отделение РОИИ. Вып. 7. Ставрополь: Изд-во ПГЛУ, 2005. 336 с.

Сведения об авторах

Колесникова Марина Евгеньевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / kolesnikovam2017@mail.ru
Крючков Игорь Владимирович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / igory5@yandex.ru

Information about the authors

Kolesnikova Marina – Doctor of History, Professor, Head of Chair of Russian History, Humanities Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / kolesnikovam2017@mail.ru
Kryuchkov Igor – Doctor of History, Professor, Head of Chair of Foreign History, Political Science and International Relations, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / igory5@yandex.ru

Научное издание

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

2020. № 3

– Свободная цена –

Издается в авторской редакции

Технический редактор, компьютерная верстка Н. Неговора

Дизайн обложки С. Томицкая

Подписано к печати 22.09.2020
Дата выхода в свет 29.09.2020
Формат 60x84 1/8 Усл. п. л. 27,55 Уч.-изд. л. 26,83
Бумага офсетная Заказ 58 Тираж 500 экз.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355009, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2